

248.11
Проверено 1964 г.

проб.

МAY 2009

**ПРОВЕРЕНО
2000 г.**

СПбГУ

5448.2

1716

С176Г

СП6ГУ

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

№ 6.

ІЮНЬ

1899.

С.Л.Б.
Типографія Правительствующаго Сената.
1899.

СНБГУ

1716

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

№ 6.

ІЮНЬ

1899.

С. П. Б.

Типографія Правительствующаго Сената.

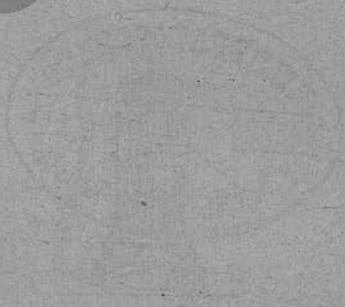
1899.

КРАСНОУФИМСКИЙ

УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ

1913

О Г Л А В Л Е Н І Е .

1. Высочайшій Манифестъ 14 іюня 1899 г.	1
2. Законодательство.	
А. Собраніе узаконеній и распоряженій правитель- ства	1
Б. Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго	12
3. Извлечение изъ Высочайшихъ приказовъ по гражданскому вѣдомству	14
4. Приказы по вѣдомству Министерства Юстиціи	35
5. Циркулярныя распоряженія Министра Юстиціи	44
6. Высочайше учрежденная Коммисія для пересмотра законо- положеній по судебной части. Журналь № 8 засѣданія 5 іюня 1899 г.	49
7. Четвертое Главное Общее Собраніе членовъ благотвори- тельнаго Общества судебного вѣдомства	67
8. Дубровинъ, Ѳ. П. О размѣрахъ допустимости аналогіи при примѣненіи уголовного закона (окончаніе)	1
9. Петровъ, Л. И. Происхожденіе обычнаго права	36
10. Соловьевъ, С. Шантажъ	67
11. Браве, Я. Ф. Препоручительная надпись на вексель	93
12. Яковлевъ, А. Г. Пьянство и преступность въ Швеціи	109
13. Хроника:	
I. По поводу циркуляра Управленія Межевою Частью о надзорѣ за занятіями землемѣровъ. С. Р.	133
II. Неявка частнаго обвинителя въ судъ и ея последствія. В. Волжина	137
III. По вопросу о подсудности уѣздному члену дѣлъ, предусмотрѣнныхъ 1059 ст. Улож. наказ. К. Золотова	141
IV. Еще къ вопросу объ условіяхъ для возникно- венія права на вознагражденіе по 683 ст. 1 ч. Х. т. К. Змирлова	143

П

V.	Порядокъ преслѣдованія за самовольную пастьбу въ казенныхъ дачахъ и желательное измѣненіе его. <i>Г. Просяниченко</i>	158
VI.	Межеваніе во Франціи и въ Австріи. <i>Р. Х.</i>	162
VII.	Надзоръ за слѣдственными дѣйствіями полицейскихъ чиновъ. <i>М. Лозина-Лозинскаго</i>	172
14.	Объ ограниченіяхъ въ отношеніи отчужденія однодворческихъ земель. <i>М. Шафира</i>	178
15.	Кассационная практика. Вопросы, разрѣшенные Общимъ Собраніемъ Кассационныхъ и съ участіемъ Перваго и Второго Департаментовъ Правительствующаго Сената въ 1898 году (окончаніе). Составилъ <i>Н. Н. Быстровъ</i> .	209
16.	Обзоръ иностраннаго законодательства Французскій законъ о водномъ правѣ 8 апрѣля 1898 г.—Постановленія датскаго законодательства, касающіяся причиненія насилій, нанесенія ударовъ и пораненій.	216
17.	Литературное обозрѣніе 1) К. Д. Анциферовъ, Сборникъ статей и замѣтокъ по уголовному праву и судопроизводству—С. 2) Библиографическіе матеріалы. Опись книгъ, брошюръ и статей библиотеки Сенатора Н. П. Смирнова.— <i>Е. Д—скаго</i> . 3) Сводъ узаконеній и распоряженій правительства по врачебной и санитарной части въ Имперіи.— <i>М. С. Маргуліеса</i> . 4) П. Мартыновъ, Городъ Сибирскъ за 250 лѣтъ его существованія.— <i>М.</i> 5) Сборникъ законовъ, распоряженій и свѣдѣній для руководства при размежеванія башкирскихъ дачъ. Составленъ <i>С. Д. Рудинимъ, С. А. Плавскимъ и Б. Н. Хавскимъ</i> .	231
18.	Библиографія. Указатель юридической литературы	261
19.	Извѣщеніе	298
20.	Объявленія	I—IV и I—XVI

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

О разрѣшеніи ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДА-
РЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ отъ бре-
мени Дочерью, нареченною Маріей, и объ именованіи Ново-
рожденной Великой Княжны Ея Императорскимъ Высо-
чествомъ. (№ 69, ст. 935).

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКИЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Въ 14-й день сего Іюня Любезнѣйшая Супруга Наша, Госу-
дарыня Императрица Александра Ѳеодоровна бла-
гополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ Дочери, на-
реченной Маріей.

Таковое Императорскаго Дома Нашего приращеніе
пріемля новымъ знаменованіемъ благодати Божіей, на Насъ и Импе-
рію Нашу изливаемой, возвѣщаемъ о семъ радостномъ событіи
вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ и вмѣстѣ съ ними возносимъ къ
Всевышнему горячія молитвы о благополучномъ возрастаніи и преуспѣя-
ніи Новорожденной.

Повелѣваемъ: писать и именовать, во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ
приличествуетъ, Любезнѣйшую Нашу Дочь, Великую Княжну
Жур. Мин. Юст. Іюнь 1899.

II

Марію Николаевну Ея Императорскимъ Высочествомъ.

Данъ въ Петергофѣ, Іюня въ день 14-й, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто девятое, Царствованія же Нашего въ пятое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

Въ Петергофѣ.

«НИКОЛАЙ».

14 іюня 1899 года.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

А. СОБРАНИЕ УЗАКОНЕНІЙ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1899. № 50, V, 4; № 51, V, 6; № 52, V, 7; № 53, V, 11; № 54, V, 13; № 55, V, 14; № 56, V, 18; № 57, V, 20; № 58, V, 21; № 59, V, 25; № 60, V, 26; № 61, V, 28.

І. Узакононенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

Т. І, ч. 2. Учр. Мин. № 57, ст. 809. Мн. Гос. Сов. О преобразованіи центральныхъ установленій Министерства Путей Сообщенія.

Т. II. Пол. Акмолинск., Семипалатинск., Семирѣченск., Уральск. и Тургайск. № 61, ст. 839. Мн. Гос. Сов. Обь опредѣленіи границъ уѣздовъ Уральской области (III, V).

Т. III. Уст. Служб. Прав. № 50, ст. 711. Мн. Гос. Сов. О кредитѣ для поземельнаго устройства горнозаводскаго населенія и государственныхъ крестьянъ на Уралѣ (V, п. 1). № 56, ст. 794. Мн. Гос. Сов. О производствѣ секретарямъ посольствъ и миссій подъемныхъ денегъ. № 57, ст. 809. Мн. Гос. Сов. О преобразованіи центральныхъ установленій Министерства Путей Сообщенія (мн. Гос. Сов. IV, V; шт., прим. 4).

Т. IV. Уст. Зем. Пов. № 51, ст. 730. Мн. Гос. Сов. Обь опредѣленіи количества тяжестей и количества обывательскихъ подводъ для перевозки ихъ при передвиженіи смѣнныхъ казачьихъ командъ. № 53, ст. 758. Мн. Гос. Сов. О замѣщѣ квартирнаго сбора въ губерніяхъ Царства Польскаго другими сборами (I, IV). № 56, ст. 792.

Мн. Гос. Сов. Обь учрежденіи въ Иркутской губерніи низшаго сельско-хозяйственнаго училища и обь утвержденіи штата названнаго училища (мн. Гос. Сов., IV, п. 2). № 59, ст. 821. Мн. Гос. Сов. Обь учрежденіи въ Кременецкомъ уѣздѣ Волинской губерніи Ледуховской низшей сельскохозяйственной школы 1 разряда (III). № 61, ст. 843. Мн. Гос. Сов. О порядкѣ и срокахъ заключенія смѣтъ земскихъ повинностей въ 14 губерніяхъ Европейской Россіи, въ коихъ не введены земскія учрежденія.

Т. V. Уст. Прям. Налог. № 53, ст. 758. Мн. Гос. Сов. О замѣнѣ квартирнаго сбора въ губерніяхъ Царства Польскаго другими сборами (II). № 56, ст. 795. Пол. Ком. Мин. Обь образованіи областныхъ по промысловому налогу присутствій въ городахъ Благовѣщенскѣ и Владивостоѣ.

Т. V. Уст. Пошлин. № 53, ст. 758. Мн. Гос. Сов. О замѣнѣ квартирнаго сбора въ губерніяхъ Царства Польскаго другими сборами (II, ст. 3, б).

Т. VII. Уст. Горн. № 53, ст. 757. Имен. ук. Обь утвержденіи положенія о предѣлахъ правъ Кабинета Его Императорскаго Величества на Нерчинскій округъ (пол., I). № 58, ст. 811. Мн. Гос. Сов. Обь отмѣнѣ статьи 561 Устава Горнаго, воспреещающей представленіе одному и тому же промышленнику двухъ площадей для развѣдки нефти ближе двухверстнаго между ними разстоянія.

Т. XI, ч. 2. Уст. Торг. № 53, ст. 759. Мн. Гос. Сов. О нѣкоторыхъ мѣрахъ къ упорядоченію торговли льномъ (I) ¹⁾.

Т. XII, ч. 1. Уст. Пут. Сообщ. № 57, ст. 809. Мн. Гос. Сов. О преобразованіи центральныхъ установленій Министерства Путей Сообщенія (мн. Гос. Сов., II, III, V).

Т. XIII. Уст. Врач. № 56, ст. 796. Пол. Ком. Мин. О передачѣ временно въ вѣдѣніе Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ (по Горному Департаменту) Липецкихъ, Старорусскихъ, Кеммерскихъ и Сергіевскихъ минеральныхъ водъ.

Т. XIV. Уст. Сод. подь Стр. № 50, ст. 712. Мн. Гос. Сов. Обь упраздненіи девяти мѣстныхъ командъ Московскаго военнаго округа и о распространеніи на Вологодскую губернію узаконеній обь устройствѣ управленій отдѣльными мѣстами заключенія гражданскаго вѣдомства и тюремной стражи (II).

¹⁾ См. ниже статьи къ Уст. Наказ.

Т. XV. Уст. Наказ. № 53, ст. 759. Мн. Гос. Сов. О нѣкоторыхъ мѣрахъ къ упорядоченію торговли льномъ (II).

Постановлено:

II. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, дополнить слѣдующимъ правиломъ:

„За продажу, приготовленіе или храненіе для продажи льна, содержащаго примѣси отбросовъ или иныхъ постороннихъ веществъ или же подмоченнаго для искусственнаго увеличенія вѣса волокна, виновные въ томъ торговцы подвергаются: аресту не свыше одного мѣсяца или денежному взысканію, въ размѣрѣ не свыше ста рублей“.

„За несоблюденіе прочихъ, установленныхъ отд. I правилъ, виновные въ томъ торговцы подвергаются денежному взысканію въ размѣрѣ не свыше ста рублей“¹⁾.

Т. XVI, ч. 1. Уст. Угол. Суд. № 56, ст. 791. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіи примѣчанія 2 къ статьѣ 1105 Уст. Угол. Суд. относительно замѣщенія предводителей дворянства въ особыхъ присутствіяхъ судебныхъ палатъ.

Постановлено:

Примѣчаніе 2 къ статьѣ 1105 Уст. Угол. Суд. (Свод. Зак., т. XVI ч. 1, изд. 1892 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

„Губернскій предводитель дворянства, когда онъ, по случаю исполненія прямыхъ своихъ служебныхъ обязанностей или по другимъ законнымъ причинамъ, не можетъ присутствовать въ засѣданіяхъ судебной палаты, замѣщается однимъ изъ мѣстныхъ уѣздныхъ предводителей дворянства, а въ губерніи Оренбургской, впредь до замѣщенія въ ней должностей уѣздныхъ предводителей дворянства,—предсѣдателями мѣстныхъ уѣздныхъ сѣздовъ, по принадлежности. Въ тѣхъ

¹⁾ Отд. I сего закона въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановлено:

1) Относительно обрабатываемаго въ продажу внутри Имперіи и за границу льна соблюдаются слѣдующія правила (ст. 2—5):

2) Ленъ не долженъ содержать примѣси отбросовъ или иныхъ постороннихъ веществъ и не долженъ быть подмоченъ для искусственнаго увеличенія его вѣса.

3) Связки (куклы, пудки) льна должны вѣсить не болѣе двадцати фунтовъ и состоять изъ волокна однородныхъ качества и обработки.

4) Связки льна составляются по длинѣ волокна безъ головокъ и обвязываются только однимъ крутцомъ, на первой ихъ трети, такъ чтобы концы волокна висѣли свободно по обѣ стороны крутка и чтобы самое волокно могло быть осмотрено безъ развязыванія связокъ.

5) Крутецъ, которымъ обвязывается связка, долженъ быть льняной.

губерніяхъ или уѣздахъ, въ коихъ не учреждено должностей губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, въ составъ особаго присутствія судебной палаты, вмѣсто губернскаго предводителя, приглашаются: въ губернскихъ городахъ—предсѣдатель мѣстной губернской земской управы, а въ уѣздныхъ—предсѣдатель мѣстной уѣздной земской управы. Въ городахъ С.-Петербургѣ и Москвѣ, вмѣсто городского головы, когда онъ, по случаю исполненія прямыхъ своихъ служебныхъ обязанностей или по другимъ законнымъ причинамъ, не можетъ присутствовать въ засѣданіяхъ судебной палаты, приглашается товарищъ городского головы“.

II. Узаконенія, не подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

По вѣдомству Министерства Юстиціи. № 61, ст. 842. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіяхъ въ штатѣ управленій отдѣльными мѣстами заключенія гражданскаго вѣдомства и тюремной стражи.

По вѣдомству Министерства Военнаго. № 50, ст. 712. Мн. Гос. Сов. Объ упраздненіи девяти мѣстныхъ командъ Московскаго военнаго округа и о распространеніи на Вологодскую губернію узаконеній объ устройствѣ управленій отдѣльными мѣстами заключенія гражданскаго вѣдомства и тюремной стражи (I, VI, VIII, IX). № 50, ст. 718. Пол. Воен. Сов. Объ утвержденіи дополнительныхъ правилъ по управленію Абастуманскими (Тифлисской губерніи) минеральными водами. № 50, ст. 720. Пол. Воен. Сов. О назначеніи разъѣздныхъ денегъ комендантскому адъютанту при управленіи Петро-Александровскаго воинскаго начальника. № 50, ст. 722. Выс. пов. О явѣ въ учебный 1899 года сборъ нижнихъ чиновъ запаса пѣхоты, пѣшей и крѣпостной артиллеріи. № 51, ст. 736. Пол. Воен. Сов. Объ измѣненіи примѣчанія къ ст. 118 Высочайше утвержденного, 3 іюня 1882 года, положенія о воинской повинности и военной службѣ казаковъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ. № 52, ст. 746. Пол. Воен. Сов. О бесплатномъ отпускѣ лекарьствъ воспитанницамъ училищъ солдатскихъ дочерей полковъ лейбъ-гвардіи. № 52, ст. 747. Пол. Воен. Сов. Объ учрежденіи при командующемъ войсками Финляндскаго военнаго округа должностей генерала и штабъ-офицера для особыхъ порученій. № 52, ст. 748. Пол. Воен. Сов. О присвоеніи атаманамъ отдѣловъ и ихъ помощникамъ въ Забайкальскомъ казачьемъ войскѣ фуражныхъ денегъ. № 52, ст. 749. Пол. Воен. Сов.

О сформированіи для вновь образованнаго въ Кавказскомъ военномъ округѣ корпуса управленія въ составѣ корпуснаго штаба и управленія начальника артиллеріи корпуса. № 52, ст. 750. Выс. пов. Объ установленіи особаго нагруднаго знака для чиновъ Императорской Военно-Медицинской Академіи, по случаю ея столѣтняго юбилея. № 52, ст. 751. Выс. пов. Объ установленіи формы обмундированія и снаряженія: а) резервныхъ артиллерійскихъ парковъ и особаго Кавказскаго горнаго резервнаго артиллерійскаго парка; б) Посыетской и Квантунской крѣпостной артиллеріи, и в) Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго артиллерійскаго дивизиона. № 52, ст. 752. Выс. пов. О присвоеніи по случаю столѣтняго юбилея Императорской Военно-Медицинской Академіи: а) вензелеваго изображенія Имени Императора Павла I на эполеты и погоны чинамъ Академіи, и б) пуговиць съ орлами къ мундирной одеждѣ—студентамъ Академіи. № 52, ст. 753. Выс. пов. О порядкѣ донесенія на Высочайшее Имя о всѣхъ несчастныхъ случаяхъ въ частяхъ войскъ, управленіяхъ и заведеніяхъ военнаго вѣдомства, когда эти случаи сопровождались нѣсколькими человѣческими жертвами. № 52, ст. 754. Выс. пов. О наименованіи „штабомъ фельдмаршала Гурко“ мѣстности у желѣзнодорожной станціи Яблонна, занятой казармами частей войскъ. № 54, ст. 769. Пол. Воен. Сов. Объ утвержденіи штата Михайловской артиллерійской академіи и Михайловскаго артиллерійскаго училища и временной табели денежнымъ суммамъ, потребнымъ на содержаніе этихъ заведеній. № 55, ст. 774. Пол. Воен. Сов. Объ измѣненіи временныхъ правилъ о приѣмѣ въ пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ. № 55, ст. 775. Пол. Воен. Сов. Объ утвержденіи временныхъ правилъ о приѣмѣ въ кадетскіе корпуса казеннокоштныхъ и своекоштныхъ интерновъ и о перечисленіи своекоштныхъ и приходящихъ кадетъ на казенное содержаніе. № 55, ст. 776. Пол. Воен. Сов. Объ увеличеніи денежнаго оклада на смужку для ментиковъ л.-гв. гусарскихъ полковъ. № 55, ст. 777. Пол. Воен. Сов. Объ усиленіи хора музыки 2 Туркестанской линейной бригады десятью музыкантскими учениками. № 55, ст. 778. Пол. Воен. Сов. Объ отпускѣ зимнихъ рубахъ и полушубковъ нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ желѣзнодорожныхъ баталіоновъ. № 55, ст. 779. Пол. Воен. Сов. Объ отпускѣ фуражныхъ денегъ штабъ-офицеру генеральнаго штаба, состоящему для порученій при управленіи 1 Туркестанской линейной бригады, на двѣ верховыя лошади и порціонныхъ денегъ по VII разряду росписанія порціоновъ. № 55, ст. 780. Пол. Воен. Сов. Объ увеличеніи штата канцеляріи Александровскаго комитета о раненыхъ. № 55,

ст. 781. Пол. Воен. Сов. Обь отпускъ вновь формируемымъ частямъ воспособленія на заведеніе второсрочной мундирной одежды. № 55, ст. 783. Выс. пов. О призвѣвъ въ учебные сборы прапорщиковъ запаса и вольноопредѣляющихся запаса 1 разряда по образованію. № 55, ст. 784. Выс. пов. Обь утвержденіи правилъ для призыва состоящихъ въ запасѣ прапорщиковъ и вольноопредѣляющихся 1 разряда по образованію въ учебные сборы. № 56, ст. 802. Пол. Воен. Сов. Обь увеличеніи Орловскому-Бахтина кадетскому корпусу табельныхъ отпусковъ на „отопленіе зданій“ и на „наемъ прислуги“. № 56, ст. 803. Пол. Воен. Сов. Обь установленіи посуточного оклада для полевыхъ госпиталей на Квантунскомъ полуостровѣ. № 56, ст. 804. Пол. Воен. Сов. О расширеніи Никольскаго мѣстнаго лазарета.

По вѣдомству Министерства Императорскаго Двора. № 53, ст. 757. Имен. ур. Обь утвержденіи положенія о предѣлахъ правъ Кабинета Его Императорскаго Величества на Нерчинскій округъ.

По Вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 50, ст. 713. Мн. Гос. Сов. Обь утвержденіи штата морской врачебно-санитарной станціи на 12-ти футовомъ рейдѣ Каспійскаго моря. № 51, ст. 731. Мн. Гос. Сов. О кредитѣ на устройство полицейскаго надзора въ пороховой слободѣ близъ города Казани. № 52, ст. 742. Мн. Гос. Сов. Обь увеличеніи получаемыхъ земскими начальниками Московскаго уѣзда суммъ на разъѣзды и на канцелярскіе расходы. № 59, ст. 824. Мн. Гос. Сов. Обь усиленіи состава и средствъ Бендинскихъ уѣзднаго управленія и земской стражи. № 59, ст. 829. Выс. пов. О продленіи дѣйствія Высочайше утвержденныхъ 1 мая 1898 г. правилъ для принятія предупредительныхъ мѣръ противъ занесенія чумы по морскимъ границамъ Европейской Россіи въ теченіе навигаціи 1898 г. № 61, ст. 839. Мн. Гос. Сов. Обь опредѣленіи границъ уѣздовъ Уральской области.

По вѣдомству Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. № 50, ст. 710. Мн. Гос. Сов. О кредитѣ на содержаніе чиновъ по поземельному устройству, состоящихъ при департаментѣ государственныхъ земельныхъ имуществъ. № 50, ст. 711. Мн. Гос. Сов. О кредитѣ для поземельнаго устройства горнозаводскаго населенія и государственныхъ крестьянъ на Уралѣ. № 51, ст. 732. Мн. Гос. Сов. Обь усиленіи состава и средствъ горныхъ управленій Томскаго, Уральскаго и южной Россіи. № 55, ст. 782. Выс. пов. О продленіи дѣйствія временныхъ правилъ для дачи нарядовъ казеннымъ горнымъ заводамъ. № 56, ст. 792. Мн. Гос. Сов. Обь учрежденіи въ Иркут-

ской губерні низшаго сельскохозяйственнаго училища и объ утвержденіи штата названнаго училища. № 56, ст. 793. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи въ Самарской губерні средняго сельскохозяйственнаго училища. № 59, ст. 820. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи въ составѣ юрисконсультской части Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ на Кавказѣ двухъ должностей помощника юрисконсульта. № 59, ст. 821. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи въ Кременецкомъ уѣздѣ Волынской губерні Ледуховской низшей сельскохозяйственной школы 1 разряда. № 59, ст. 822. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи должности завѣдывающего рыбными и морскими звѣриными промыслами въ Архангельской губерні. № 59, ст. 823. Мн. Гос. Сов. О преобразованіи Майновской сельскохозяйственной школы.

По вѣдомству Министерства Морскаго. № 50, ст. 714. Мн. Гос. Сов. Объ утвержденіи временнаго штата техническаго надзора по производству работъ во Владивостокскомъ портѣ. № 52, ст. 755. Выс. пов. о дозволеніи офицерамъ запаса флота, служащимъ въ добровольномъ флотѣ, во время нахождения ихъ на судахъ названнаго флота, носить военную форму, установленную для офицеровъ запаса.

По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія. № 60, ст. 837. Имен. ук. Объ учрежденіи въ Императорской Академіи Наукъ разряда изящной словесности и особаго фонда имени Пушкина.

По вѣдомству Министерства Путей Сообщенія. № 56, ст. 788. Имен. ук. Объ отчужденіи земель изъ владѣній крестьянъ мѣстечка Радзивилишки для устройства желѣзно-дорожныхъ складовъ на станціи Радзивилишки Либаво-Роменской желѣзной дороги. № 56, ст. 789. Имен. ук. Объ отчужденіи земель, потребныхъ для расширенія станціи Остроленка Принаревскаго участка Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ. № 56, ст. 790. Имен. ук. Объ отчужденіи земель подъ устройство новаго водоснабженія на станціи Никитовка Курско-Харьгово-Севастопольской желѣзной дороги. № 61, ст. 850. Пол. Ком. Мин. О разрѣшеніи желѣзнымъ дорогамъ, грузящимъ минеральное топливо и соль изъ западной части Донецкаго бассейна, увеличить, временно, взимаемый ими сборъ съ отправокъ минеральнаго топлива.

По вѣдомству Министерства Финансовъ. № 61, ст. 840. Мн. Гос. Сов. О суммѣ раскладочнаго сбора съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій на трехлѣтіе съ 1899 по 1901 годъ. № 61, ст. 841. Мн. Гос. Сов. О смѣтахъ и раскладкахъ дополнительныхъ земскихъ сборовъ въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ на трехлѣтіе 1899—1901 г. г. № 61, ст. 844. Мн. Гос. Сов. О смѣтахъ и раскладкахъ частныхъ земскихъ повинностей дворянскихъ имѣній въ Тифлисской

и Кутаисской губерніяхъ на трехлѣтіе 1898—1900 г. г. № 61, ст. 845. Мн. Гос. Сов. Обь учрежденіи пенсіонной кассы служащихъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и обь утвержденіи положенія о сей кассѣ.

По Корпусу Жандармовъ. № 50, ст. 719. Пол. Воен. Сов. Обь увеличеніи штата Одесскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ.

По дѣламъ частныхъ лицъ, обществъ и установленій. № 50, ст. 715. Мн. Гос. Сов. о разрѣшеніи обществу Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги продать землю близъ ст. „Русскій Бродъ“. № 50, ст. 716. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества сухой перегонки и химическихъ производствъ. № 50, ст. 717. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава товарищества Зозовскаго свеклосахарнаго рафинаднаго завода. № 50, ст. 721. Выс. пов. О наименованіи общества судоходства Императорскимъ. № 51, ст. 733. Мн. Гос. Сов. Обь измѣненіи устава російскаго общества морскаго, рѣчнаго сухопутнаго страхованія и транспортированія кладей и товарныхъ складовъ, съ выдачею ссудъ. № 51, ст. 734. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава Сухаревскаго домовладѣльческаго товарищества въ Москвѣ. № 51, ст. 735. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава общества Ченстоховскихъ металлическихъ заводовъ. № 52, ст. 743. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества паровой фабрики шпунтовыхъ черепицъ „Пустельникъ“. № 52, ст. 744. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава Восточно-Сибирскаго рыбопромышленнаго общества. № 52, ст. 745. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи измѣненій устава Приновско-Шлиссельбургскаго промышленнаго общества. № 53, ст. 760. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава Верхотурскаго платинопромышленнаго общества. № 53, ст. 761. Пол. Ком. Мин. Обь измѣненіи устава Гродзецкаго общества каменноугольной и заводской промышленности. № 53, ст. 762. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава франко-русскаго акціонернаго общества складовъ и продажи изъ нихъ сельскохозяйственныхъ произведеній и пищевыхъ продуктовъ. № 54, ст. 766. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава общества Одесскаго машиностроительнаго, котельнаго и чугуно-литейнаго завода. № 54, ст. 767. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества Черноморскаго винодѣлія и ликернаго и коньячнаго производства. № 55, ст. 772. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава Сѣвернаго лѣсообдѣлочнаго акціонернаго общества. № 55, ст. 773. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава общества гвоздильно-проволочнаго завода. № 56, ст. 797. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава Вар-

шавскаго артистическо-издательскаго общества. № 56, ст. 798. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества „Вольта“. № 56, ст. 799. Пол. Ком. Мин. Обь измѣненіи устава нефтепромышленнаго общества „Кавказъ“. № 56, ст. 800. Пол. Ком. Мин. Обь измѣненіи устава товарищества Кавказская ртуть. № 56, ст. 801. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи бельгійскаго акціонернаго общества, подь наименованіемъ: „металлургическое и горнопромышленное анонимное общество Донъ-Донецъ“. № 57, ст. 810. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава общества Деконскихъ заводовъ алебастровыхъ и огнеупорныхъ издѣлій и матеріаловъ. № 58, ст. 812. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава товарищества пивовареннаго завода Отто Вогау въ Самаркандѣ. № 58, ст. 813. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава товарищества Олымскаго свеклосахарнаго и рафинаднаго завода. № 59, ст. 825. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава общества Керченскихъ металлургическихъ заводовъ и рудниковъ. № 59, ст. 826. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава нефтепромышленнаго и торговаго общества „Соучастники“. № 59, ст. 827. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава Краматорскаго металлургическаго общества. № 59, ст. 831. Выс. пов. Обь установленіи для Финляндскаго общества спасанія на водахъ особаго флага. № 61, ст. 846. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества заводовъ металлическихъ издѣлій „Конрадъ, Яруншевичъ и Ко“ въ Варшавѣ. № 61, ст. 847. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи бельгійскаго акціонернаго общества, подь наименованіемъ „анонимное общество котельныхъ заводовъ въ С.-Петербургѣ“ (Chaudronnerie de Saint-Petersbourg, société anonyme). № 61, ст. 848. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава Тихо-Океанскаго китобойнаго и рыбопромышленнаго акціонернаго общества графа Г. Г. Кейзерлинга и Ко. № 61, ст. 849. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава общества пароходства и торговли Волжскаго бассейна. № 61, ст. 851. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. Обь утвержденіи условій сооруженія и эксплуатаціи російскимъ обществомъ водныхъ, шосейныхъ и второстепенныхъ рельсовыхъ путей Одессо-Ангерманской желѣзной дороги второстепеннаго значенія.

III. Определеіне Правительствующаго Сената.

№ 52, ст. 756. По вопросу о томъ, подлежатъ ли оплатѣ гербовымъ сборомъ письменныя ходатайства (прошенія, рапорты, заявленія

и т. п.) о выдачѣ медалей, установленныхъ въ память царствованія Императоровъ Николая I и Александра III и за походы въ Средней Азіи съ 1853 по 1895 г.г.¹⁾

IV. Распоряженія, предложенныя и объявленныя Правительствующему Сенату.

Министромъ Юстиціи. № 50, ст. 723. О дополнительной къ конвенціи 1884 г. деклараціи о непосредственныхъ судебныхъ сношеніяхъ россійскихъ и австрійскихъ пограничныхъ судовъ. № 51, ст. 737. Объ утвержденіи росписанія судебно-мировыхъ участковъ въ Закаспійской области. № 53, ст. 763. О назначеніи срокомъ введенія судебной реформы въ областяхъ Туркестанскаго края, въ Степныхъ, Уральской и Тургайской, а также въ Закаспійской области—14 мая 1899 года. № 55, ст. 785. О срокѣ упраздненія по одной должности городского судьи въ городахъ Керчи, Таврической губерніи, и Хотинѣ, Бессарабской губерніи, и объ учрежденіи по одной новой такой же должности въ городахъ Бѣльцахъ, Бессарабской губерніи, и Тирасполѣ, Херсонской губерніи. № 59, ст. 832. Объ измѣненіи росписанія числа нотаріусовъ, состоящихъ при окружныхъ судахъ и мировыхъ судебныхъ округахъ Варшавской судебной палаты.

Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. № 58, ст. 815. Объ учрежденіи должности конно-полицейскаго урядника въ сел. Сарентѣ, Царицынскаго уѣзда. № 58, ст. 816. Объ учрежденіи должности пѣшаго полицейскаго урядника на принадлежащемъ обществу Истинскихъ металлургическихъ и механическихъ заводовъ въ Царицынскомъ уѣздѣ котельно-мостовомъ заводѣ. № 58, ст. 817. Объ учрежденіи въ дер. Турышѣ, Ачитской волости, Красноуфимскаго уѣзда, для охраны Иргинской лѣсной дачи, должности пѣшаго полицейскаго стражника. № 58, ст. 818. Объ учрежденіи на Радицкомъ вагоно-строительномъ заводѣ въ Брянскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, должности конно-полицейскаго урядника. № 61, ст. 852. О командированіи въ Святошинскую близъ Кіева дачную мѣстность на время лѣтняго сезона полицейскаго чиновника и объ учрежденіи въ той же мѣстности двухъ должностей пѣшихъ полицейскихъ урядниковъ.

¹⁾ Определеніемъ Правительствующаго Сената, состоявшимся 7 мая 1898 г., разъяснено, что ходатайства о выдачѣ означенныхъ медалей подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ (по 80 коп. за листъ) на общемъ основаніи ст. 8 (п. 1) Устава о гербовомъ сборѣ, т. V Свода Зак. (изд. 1893 г.).

Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. № 50, ст. 727. О разрѣшеніи Торопецкому обществу сельскихъ хозяевъ принять къ руководству нормальный уставъ. № 53, ст. 765. Объ утвержденіи устава и штата Золотоношской низшей сельскохозяйственной школы 1-го разряда. № 59, ст. 836. Объ утвержденіи устава Радомскаго сельскохозяйственнаго товарищества.

Военнымъ Министромъ. № 55, ст. 787. Объ утвержденіи списка завѣдомо нефтеносныхъ земель Терскаго казачьяго войска. № 58, ст. 819. О назначеніи сроковъ производства военно-конской переписи.

Министромъ Путей Сообщенія. № 50, ст. 728. О признаніи общества Новозыбковскаго подѣзднаго пути состоявшимся. № 50, ст. 729. Объ утвержденіи измѣненія § 95 правилъ плаванія по внутреннимъ водянымъ путямъ.

Министромъ Финансовъ. № 50, ст. 724. Объ утвержденіи росписи подлежащихъ обложенію государственнымъ промысловымъ налогомъ казенныхъ предпріятій, служащихъ отчасти для частныхъ надобностей. № 50, ст. 725. Объ измѣненіи устава товарищества Тентелевскаго химическаго завода. № 50, ст. 726. О разрѣшеніи обществу банку въ Зарайскѣ производить, кромѣ дозволенныхъ ему операций, еще нѣкоторыя другія. № 51, ст. 738. Объ учрежденіи въ городѣ Борисовѣ, Минской губерніи, общественнаго банка. № 51, ст. 739. Объ утвержденіи устава Ахтырскаго общества взаимнаго кредита. № 51, ст. 740. О продленіи срока для собранія основнаго капитала акціонернаго общества словолитни О. И. Леманъ въ С.-Петербургѣ. № 51, ст. 741. Объ утвержденіи списка допущенныхъ къ безошлинному привозу препаратовъ, служащихъ для предупрежденія или леченія болѣзней виноградной лозы и плодовыхъ деревьевъ. № 53, ст. 764. Объ утвержденіи устава ссудо-сберегательной кассы служащихъ на заводѣ товарищества барона Э. Э. Бергенгейма, въ городѣ Харьковѣ. № 54, ст. 770. Объ утвержденіи устава Черноморской сельской ремесленной учебной мастерской. № 54, ст. 771. Объ утвержденіи устава Варшавскаго музея промышленности и сельскаго хозяйства. № 55, ст. 786. О продленіи срока для собранія основнаго капитала товарищества Высочанской писчебумажной фабрики. № 58, ст. 814. Объ утвержденіи устава Варшавскаго частнаго ломбарда. № 59, ст. 833. О новомъ способѣ заклеиванія китайскихъ шелковыхъ тканей, привозимыхъ по сухопутной границѣ съ Китаемъ. № 59, ст. 834. Объ измѣненіи устава общества С.-Петербургскаго чугуно и труболитейнаго завода. № 59, ст. 835. О дополненіи утвержденныхъ Министромъ Финансовъ правилъ для приѣма вкладовъ на вѣчное время.

№ 60, ст. 838. Обь утвержденіи второй части инструкціи о примѣненіи положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ.

Б. СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКАГО.

1899. № 5, III, 24; № 6, IV, 26; № 7, VI, 13; № 11, IV, 29; № 13, V, 8; № 14, V, 16 (н. ст.)¹⁾.

№ 5. *Выс. резол.*: а) о разрѣшеніи концессіи на постройку нормальноклейной паровой желѣзной дороги отъ станціи Лаппи, на Улеборгской желѣзной дорогѣ, до города Брагестада; б) о разрѣшеніи концессіи на постройку паровой желѣзной дороги, шириною колен 75 сантиметровъ, отъ Суолахтиской станціи, на Ювяскуля—Суолахтиской желѣзной дорогѣ, до Энекоскиской писчебумажной фабрики въ Лаукааскомъ приходѣ.—*Предп. Фин. Сен.*: а) Куопіоскому губернатору, о перечисленіи въ духовномъ, административномъ и судебномъ отношеніяхъ деревни Варпайсъ, Пелавесискаго прихода, въ Манингаскій приходъ; б) (по экспедиціи юстиціи) тюремному управленію, касательно причитающейся чинамъ уѣздной полиціи въ извѣстныхъ случаяхъ прогонной платы за перевозку арестантовъ.

№ 6. Роспись доходовъ и расходовъ Великаго Княжества Финляндскаго по статному вѣдомству и фонду благотворительныхъ и рабочихъ заведеній на 1899 годъ.

№ 7. Роспись доходовъ и расходовъ Великаго Княжества Финляндскаго по временнымъ налогамъ и коммуникаціонному фонду на 1899 годъ.

№ 11. *Выс. объяв.* обь образованіи изъ голомяннаго острова Тютярсари особаго прихода съ собственнымъ проповѣдникомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ состоять учителемъ народной школы.—*Резол. Фин. Сен.* обь утвержденіи положенія о движеніи и тарифа на перевозку пассажировъ и грузовъ по Вильпула-Мянтяской желѣзной дорогѣ.—*Пред. Фин. Сен.*: а) управленію желѣзныхъ дорогъ, содержащее дополненіе къ предписанію Сената отъ 24 марта 1898 года о подробныхъ правилахъ касательно урегулированія вознагражденій, которыя должны быть выдаваемы Финляндскими правительственными желѣзными дорогами, на основаніи закона 5 декабря 1895 года, обь

¹⁾ Обзоръ № 8 напечатанъ въ апрѣльской, а №№ 9, 10 и 12—въ майской книгѣ сего журнала; № 4 не полученъ.

отвѣтственности работодателей за увѣче, постигшее рабочих; б) (по экспедиціи путей сообщенія) почтовому управленію, о разныхъ новыхъ правилахъ относительно пересылки по почтѣ открытыхъ писемъ и бандерольныхъ отправокъ.

№ 13. *Выс. объяв.*: а) о дополненіи §§ 108, 211, 212 и 217 Устава Александровскаго университета, отъ 1 октября 1852 года, а также Высочайшаго объявленія отъ 14 мая 1895 года; б) относительно ежегодныхъ пособій частнымъ учебнымъ заведеніямъ, учреждаемымъ въ дополненіе къ женскимъ училищамъ.—Высочайше утвержденный уставъ вспомогательной кассы для бѣдныхъ духовнаго званія Финляндской Православной епархіи.—*Выс. резол.* о разрѣшеніи концессіи на постройку паровой желѣзной дороги отъ станціи Ковіюки, на Улеборгской желѣзной дорогѣ, до города Нюкарлебу и его гавани.—*Предп. Фин. Сен.*: а) почтовому управленію, объ освобожденіи сельскохозяйственной опытной станціи и завѣдывающихъ особыми отдѣленіями означенной станціи отъ почтоваго вѣсоваго сбора; б) Абоскому гостерихту, о перечисленіи Виаласкаго рустгалта, Аккасскаго прихода, изъ судебного округа Лемпелескаго и Весилакскаго приходовъ и Тоттіярвискаго капелланства, Бирькаласской юрисдикціи, въ судебный округъ Урдіаласкаго и Аккасскаго приходовъ и Бюльмявоскискаго капелланства, Таммелаской юрисдикціи.

№ 14. *Резол. Фин. Сен.* объ утвержденіи устава акціонернаго общества кассы ссудъ подъ залогъ движимостей въ городѣ Тавастгусѣ.

ИЗВЛЧЕНІЕ ИЗЪ

ВЫСОЧАЙШИХЪ ПРИКАЗОВЪ

ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ.

№ 28, мая 1 дня 1899 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Уѣздный Членъ Курскаго Окружнаго Суда, по Новооскольскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ Смиттъ—Предсѣдателемъ Якутскаго Окружнаго Суда; Ферганскій Областной Прокуроръ, Статскій Совѣтникъ **Базилевскій**—Товарищемъ Предсѣдателя Екатеринбургскаго Окружнаго Суда; Уѣздный Членъ Казанскаго Окружнаго Суда, по Царевовокшайскому уѣзду, Коллежскій Совѣтникъ **Казинъ**—Прокуроромъ Екатеринбургскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Исправляющіе должность: Старшаго Нотаріуса Луцкаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Смоличевъ** и Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Златоустовскаго уѣзда, округа Уфимскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Сейдалинь**—Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Луцкаго, а второй—Троицкаго, изъ нихъ Сейдалинь съ 14 мая; Предсѣдатели Съѣздовъ Мирowychъ Судей округовъ: Виленскаго, Статскій Совѣтникъ **Маркъ**, Лидскаго, Надворный Совѣтникъ **Андруцкій**, Свенцянскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Воскресенскій**, Сморгонскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Дахиѣвскій**, Гродненскаго, Статскій Совѣтникъ **Фоллендорфъ**, Брестскаго, Статскій Совѣтникъ **Ястржембецъ-Демьяновичъ**, Бѣлостоко-Совольскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Введенскій**, Бѣльскаго, Коллежскій Ассесоръ **Харченко**, Волковыскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Жудро**, Кобрино-Пружанскаго, Надворный

Совѣтникъ Масловскій, Слонимскаго, Статскій Совѣтникъ Быковскій, Минскаго, Надворный Совѣтникъ Станкевичъ, Бобруйскаго, Дѣйстви- тельный Статскій Совѣтникъ Постниковъ, Борисовскаго, Надворный Совѣтникъ Гогоцкій, Игуменскаго, Статскій Совѣтникъ Красиль- никовъ, Новогрудскаго, Коллежскій Ассесоръ Новицкій, Пинскаго, Статскій Совѣтникъ Малыхяпъ, Слуцкаго, Надворный Совѣтникъ Штанге, Ковенскаго, Надворный Совѣтникъ Костецкій, Вильгомир- скаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Неклюдовъ, Новоале- ксандровскаго, Коллежскій Ассесоръ Лукашевъ, Россіенскаго, Коллеж- скій Совѣтникъ Вельсъ, Тельшевскаго, Коллежскій Ассесоръ Брусь, Шавельскаго, Статскій Совѣтникъ Шмеманъ, Кіевскаго, Дѣйстви- тельный Статскій Совѣтникъ Хойнацкій, Бердичевскаго, Надворный Совѣт- никъ Добровольскій, Каиевскаго, Коллежскій Совѣтникъ Дегтеревъ, Васильковскаго, Статскій Совѣтникъ Антеповичъ, Звенигородскаго, Статскій Совѣтникъ Крашановскій, Радомысльскаго, Надворный Совѣт- никъ Полянскій, Сквирскаго, Коллежскій Ассесоръ Луцкевичъ, Тара- щанскаго, Статскій Совѣтникъ Коробкинъ, Уманскаго, Статскій Совѣт- никъ Воблій, Черкаскаго, Статскій Совѣтникъ Деркачевъ, Чигирин- скаго, Коллежскій Ассесоръ Родзянко, Витебскаго, Коллежскій Совѣт- никъ Яковкинъ, Двинскаго, Титулярный Совѣтникъ Потѣхинъ, Лепель- скаго, Статскій Совѣтникъ Шванкъ, Невельскаго, Коллежскій Совѣт- никъ Успенскій, Полоцкаго, Статскій Совѣтникъ фонъ-Брадке, Рѣжиц- каго, Надворный Совѣтникъ Толубѣевъ, Могилевскаго, Дѣйстви- тельный Статскій Совѣтникъ Литвинскій, Горецкаго, Коллежскій Совѣт- никъ Нестеровъ, Оршанскаго, Статскій Совѣтникъ Григорьевъ, Чер- ковскаго, Титулярный Совѣтникъ Гедда, Житомирскаго, Титулярный Совѣтникъ Слюсаревскій, Владиміръ-Волинскаго, Дѣйствительный Стат- скій Совѣтникъ Дверницкій, Дубенскаго, Статскій Совѣтникъ Лонтке- вичъ, Заславо-Острожскаго, Коллежскій Совѣтникъ Протопоповъ, Ковельскаго, Коллежскій Совѣтникъ Каржавинъ, Луцкаго, Стат- скій Совѣтникъ Бѣляевъ, Новоградволинскаго, Статскій Совѣтникъ Реутскій, Овручскаго, Статскій Совѣтникъ Андреевъ, Ровенскаго, Статскій Совѣтникъ Бѣлоусовъ, Староконстантиновскаго, Титуляр- ный Совѣтникъ Константиновъ, Брацлавскаго, Статскій Совѣтникъ Чернышевъ, Винницкаго, Статскій Совѣтникъ князь Ратіевъ, Гайсин- скаго, Статскій Совѣтникъ баронъ Майдель, Каменецкаго, Статскій Совѣтникъ Михневичъ, Летичевскаго, Статскій Совѣтникъ Бордаковъ, Литипскаго, Надворный Совѣтникъ Дмитріевъ-Хаджи, Могилевскаго, Надворный Совѣтникъ Поповъ, Новоушицкаго, Титулярный Совѣт- никъ Поплавскій и Проскуровскаго, Надворный Совѣтникъ Кудринъ—

вновь Предсѣдателями тѣхъ же Съѣздовъ Мировыхъ Судей, на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 4-го участка Тамбовскаго уѣзда, округа Тамбовскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Панковъ—Городскимъ Судьею 1-го участка г. Тамбова.

Перемѣщается, согласно прошенію, Членъ Симферопольскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ Кистеневъ—Членомъ Одесскаго Окружнаго Суда.

Увольняются отъ службы: согласно прошеніямъ: Членъ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Гросманъ и Городской Судья 1-го участка г. Новгорода, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Костливецъ, оба съ мундиромъ, занимаемымъ ими должностямъ присвоеннымъ.

Согласно прошенію, по болѣзни, Членъ Тифлисскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Якимовъ, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Предоставляется уволенному отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, бывшему Члену Уфимскаго Окружнаго Суда, Статскому Совѣтнику Левбергу—носить въ отставку мундиръ, означенной должности присвоенный.

№ 30, мая 10 дня 1899 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначается Помощникъ Варшавскаго Генераль-Губернатора, Шталмейстеръ Высочайшаго Двора князь Оболенскій—къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ 5 мая, съ оставленіемъ его Шталмейстеромъ.

Умершій исключается изъ списковъ: Состоявшій за обер-прокурорскимъ столомъ въ 3-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената, Надворный Совѣтникъ Михайловъ.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Уѣздный Членъ Уфимскаго Окружнаго Суда, по Стерлитамакскому уѣзду, Надворный Совѣтникъ Шестаковъ, Исправляющіе должность: Старшаго Нотаріуса Казанскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Клинкерманъ и Судебнаго Слѣдователя 5-го участка Сарапульскаго уѣзда, и по важнѣйшимъ дѣламъ округа Сарапульскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Кирилловъ, Судебный

Слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ округа Смоленскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Перемежко**, Товарищъ Прокурора Тифлисскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Рыбинъ** и Секретарь Казанской Судебной Палаты, Коллежскій Ассесоръ **Бириловъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: **Шестаковъ** и **Бириловъ**—Уфимскаго, **Клинкерманъ**—Казанскаго, **Кирилловъ**—Сарапульскаго, **Перемежко**—Смоленскаго и **Рыбинъ** Тифлисскаго, изъ нихъ **Шестаковъ** и **Перемежко** согласно прошеніямъ, а **Клинкерманъ** и **Бириловъ** съ 14 мая; Участковый Мировой Судья Липовецкаго округа, Коллежскій Ассесоръ **Штейнбергъ**—Предсѣдателемъ Съѣзда Мирowychъ Судей того же округа, на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; Предсѣдатель Съѣзда Мирowychъ Судей и Участковый Мировой Судья Ямпольскаго округа, Коллежскій Совѣтникъ **Роцаковскій**—Участковымъ Мировымъ Судьею Винницкаго округа; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Игуменскаго уѣзда, округа Минскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Сицинскій**, Причисленные къ Министерству: Надворный Совѣтникъ **Покровскій**, Коллежскій Ассесоръ **Калвайтисъ** и Титулярный Совѣтникъ **Поповъ** и Городской Судья 2-го участка г. Чистополя, Титулярный Совѣтникъ **Марко**—Товарищами прокурора Окружныхъ Судовъ: **Сицинскій**—Ковенскаго, **Покровскій**—Вятскаго, **Калвайтисъ**—Елисаветпольскаго, **Поповъ**—Уфимскаго и **Марко**—Симбирскаго, изъ нихъ **Поповъ** съ 14 мая; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя г. Перми, Надворный Совѣтникъ **Микѣшинъ** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Московской Судебной Палатѣ, Коллежскій Ассесоръ **Залѣскій**—Городскими Судьями: первый г. Кунгура, а второй —г. Тарусы; Причисленный къ Министерству, Коллежскій Секретарь **Клейманъ**—Мировымъ Судьею 1 участка Биренскаго уѣзда, округа Иркутскаго Окружнаго Суда; Мировой Судья 2-го участка острова Сахалина, Коллежскій Ассесоръ **Блудоровъ** и Добавочный Мировой Судья округа Владивостокскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Магнушевскій**—одинъ на мѣсто другаго.

Перемѣщаются: Членъ Уманскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Шевандишъ**—Членомъ Кіевскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Симбирскаго, Коллежскій Ассесоръ **Новиковъ**, Вятскаго, Коллежскій Ассесоръ **Жбиковскій**, Каменецъ-Подольскаго, Коллежскій Ассесоръ **Тахчогло** и Астраханскаго, Коллежскій Ассесоръ **Могилевичъ**—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: **Новиковъ**—Казанскаго, **Жбиковскій**—

Симбирскаго, Тахчогло—Одесскаго и Могилевичъ—Минскаго; Городской Судья г. Тарусы, Статскій Совѣтникъ Фатовъ—Городскимъ Судьею 1-го участка г. Калуги; Мировые Судьи округа Тобольскаго Окружнаго Суда: 1-го участка Тобольскаго уѣзда, Коллежскій Секретарь Масловскій и 1-го участка Березовскаго уѣзда, Губернскій Секретарь Арнаутовъ—Мировыми Судьями округа того же Окружнаго Суда: Масловскій—1-го участка Березовскаго уѣзда, а Арнаутовъ—2-го участка Курганскаго уѣзда.

Увольняются: Вице-Президентъ Высочайше учрежденнаго Николаевскаго Комитета для разбора и призрѣнія нищихъ въ С.-Петербургѣ, Предѣдатель Попечительнаго Комитета Елисаветинской Клинической больницы для малолѣтнихъ дѣтей, Почетный Мировой Судья г. С.-Петербурга и Царскосельскаго уѣзда и Почетный Блюститель Рождественскаго однокласснаго начального народнаго училища, Тайный Совѣтникъ Рукавишниковъ—отъ первой изъ поименованныхъ выше должностей, согласно прошенію; Почетный Мировой Судья округа Томскаго Окружнаго Суда, Лекаръ Васильевъ—отъ занимаемой имъ должности, по случаю перехода его на службу по акцизному вѣдомству; Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Кашинскаго, Мышкинскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ Баклановскій и Рижскаго, 1-го участка Феллинскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ Свириденко, отъ исправляемой ими должности, оба по случаю причисленія ихъ къ Министерству, согласно прошеніямъ.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ, по болѣзни: Членъ Акмолинскаго Областнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Тишинъ и Городской Судья 1-го участка г. Калуги, Коллежскій Совѣтникъ Розенштейнъ.

Умершіе исключаются изъ списковъ: Почетный Мировой Судья Минскаго округа, отставной Генералъ-Лейтенантъ баронъ Гейкинъ; Исправлявшій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Константиноградскаго уѣзда, округа Полтавскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Лебединскій; Городской Судья 1-го участка г. Чистополя, Коллежскій Ассесоръ Самсоновъ.

По межевому управленію.

Назначается Помощникъ Воронежскаго Губернскаго Землемѣра, Межевой Инженеръ, Надворный Совѣтникъ Песковскій—Акмолинскимъ Областнымъ Землемѣремъ.

Увольняется отъ должности, согласно прошенію, Акмолин-

скій Областной Землемѣръ, Межевой Инженеръ, Коллежскій Совѣтникъ **Фортунатовъ**, по случаю назначенія его Помощникомъ Псковскаго Губернскаго Землемѣра.

№ 31, мая 13 дня 1899 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Участковый Мировой Судья Тельшевскаго округа, Статскій Совѣтникъ **Гамбурцевъ**—въ Поневѣжскій округъ Предсѣдателемъ Сѣзда Мирowych Судей, на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, и Участковымъ Мировымъ Судьею; Добавочный Мировой Судья по Эстляндской губерніи, Надворный Совѣтникъ **Лерхе** и Исправляющій должность судебного слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ округа Сувалскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Игнатъевъ**—Мировыми Судьями: **Лерхе**—17-го участка Рижско-Вольмарскаго округа, а **Игнатъевъ**—г. Янова; Помощникъ Секретаря Кіевской Судебной Палаты, Титулярный Совѣтникъ **Гасевскій**—Участковымъ Мировымъ Судьею Каневского округа, Кіевской губерніи; Причисленный къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ **Гитъ** и Городской Судья г. Липецка, Титулярный Совѣтникъ **Горяиновъ**—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: первый—Череповецкаго, а второй—Великолуккаго; Причисленный къ Министерству, Надворный Совѣтникъ **Бекетовъ**, Помощникъ Секретаря Харьковской Судебной Палаты, Коллежскій секретарь **Пантелъевъ** и Секретарь Кашинскаго Окружнаго Суда, Губернскій Секретарь **Воскресенскій**—Городскими Судьями: **Бекетовъ**—1-го участка г. Новгорода, **Пантелъевъ**—2-го участка г. Бердянска и **Воскресенскій**—г. Углича, изъ нихъ послѣдній съ 14 мая.

Переводится на службу по вѣдомству Министерства Юстиціи Секретарь **Лохвицкаго**, Полтавской губерніи, Уѣзнаго Сѣзда, Коллежскій Секретарь **Діаконенко**—Мировымъ Судьею 1-го участка Ауліагинскаго уѣзда, округа Ташкентскаго Окружнаго Суда, съ 14 мая.

Перемѣщаются: Мировые Судьи: г. Янова, Надворный Совѣтникъ **Смирягинъ** и г. Сѣрадза, 1-го округа Калишской губерніи, Надворный Совѣтникъ **Михайловскій**—Мировыми Судьями того же округа: **Смирягинъ**—г. Сѣрадза, а **Михайловскій**—г. Калиша; Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: **Радомскаго**, Надворный Совѣтникъ **Шведеръ**, **Владимірскаго**, Надворный Совѣтникъ **Муратовъ**, **Архангельскаго**, Надворный Совѣтникъ **Петровъ**, **Ревельскаго**, Надворный Совѣтникъ **Зейфартъ**, **Митавскаго**, Коллежскій Ассесоръ **Бальць**

и Великолуцкаго, Коллежскій Ассесоръ **Нератовъ**—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: Шведеръ—Новгородскаго, Муратовъ—Московскаго, Петровъ—Владимірскаго, Зейфартъ—Рижскаго, Бальць—Витебскаго и Нератовъ—Митавскаго, изъ нихъ Муратовъ и Петровъ съ 14 мая; Городскіе Судьи: 1-го участка г. Керчи, Коллежскій Ассесоръ **Канунниковъ**, г. Новомиргорода, Коллежскій Ассесоръ **Пальгуновъ** 1-го участка г. Хотина, Титулярный Совѣтникъ **Слодковскій** и г. Евпаторіи, Титулярный Совѣтникъ **Деменитру**—Городскими же Судьями: **Канунниковъ**—2-го участка г. Тирасполя, **Пальгуновъ**—г. Евпаторіи, **Слодковскій**—г. Новомиргорода и **Деменитру**—г. Ялты.

У в о л ь н я е т с я, *согласно прошенію*, Старшій Кандидатъ на должности судебному вѣдомству при Тверскомъ Окружномъ Судѣ, назначенный съ 14 мая **Добавочнымъ** Мировымъ Судьею округа Асхабадскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Симсонъ**—отъ названной должности **Добавочнаго** Мироваго Судьи.

№ 34, мая 19 дня 1899 года.

По Правительствующему Сенату.

Н а з н а ч а ю т с я: Оберъ-Прокуроръ 4-го Департамента Правительствующаго Сената, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Кобылинскій**—къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ производствомъ его въ Тайные Совѣтники, съ 12 мая; Предсѣдатель С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Вильсонъ**—Оберъ-Прокуроромъ 4-го Департамента Правительствующаго Сената.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Н а з н а ч а ю т с я: Предсѣдатель Семипалатинскаго Областнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Цвилинскій** и Товарищъ Предсѣдателя Самарскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Мейеръ**—Членами Судебныхъ Палатъ: первый—Харьковской, а второй—Саратовской, оба съ 14 мая; Семипалатинскій Областной Прокуроръ, Статскій Совѣтникъ **Худяковъ**—Товарищемъ Предсѣдателя Самарскаго Окружнаго Суда, съ 14 мая; Товарищъ Прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Шенфельдъ**—Прокуроромъ Митавскаго Окружнаго

Суда; Мировой Судья 7-го участка Венденъ-Валжскаго округа, Коллежскій Ассесоръ Трескинъ, Товарищъ Прокурора Вятскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ Котеловъ и Причисленный къ Министерству, Коллежскій Совѣтникъ Волковъ—Уѣздными Членами Окружныхъ Судовъ: Трескинъ—Тверскаго, по Ржевскому уѣзду, Котеловъ—Вятскаго, по Глазовскому уѣзду, и Волковъ—Черниговскаго по Остерскому уѣзду; Судебный Слѣдователь 2-го участка г. Николаева, Статскій Совѣтникъ Савинскій и Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Кѣлецкаго, Надворный Совѣтникъ Самаринъ и Екатеринбургскаго, Коллежскій Ассесоръ Ивановъ—Членами Окружныхъ Судовъ: Савинскій—Херсонскаго, согласно прошенію, Самаринъ—Кѣлецкаго и Ивановъ—Екатеринбургскаго; Виленскій Вице-Губернаторъ, въ должности Егермейстера Высочайшаго Двора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Свѣтлѣйшій князь Грузинскій, Уѣздные Предводители Дворянства: Трокскій, Статскій Совѣтникъ Пейкеръ и Виленскій, Коллежскій Совѣтникъ Леонтьевъ, Членъ Виленскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ Чеважевскій, Членъ Виленскаго Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, Коллежскій Ассесоръ Ивановъ, Мировой Посредникъ 1-го участка Виленскаго уѣзда, Коллежскій Регистраторъ Исаевъ, Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округа Виленскаго Окружнаго Суда: по важнѣйшимъ дѣламъ, Коллежскій Совѣтникъ Манжевскій и 3-го участка г. Вильны, Коллежскій Совѣтникъ Красовскій, отставные Генераль-Лейтенанты: Гаринъ, Божеряновъ и Голицынский, Состоящій въ запасѣ армейской пѣхоты Генераль-Маіоръ Энгельгардтъ, отставной Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Бобровскій, отставной Поручикъ гвардіи Божеряновъ и дворянинъ Соколовскій—Почетными Мировыми Судьями Виленскаго округа, на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ восьми въ занимаемыхъ ими должностяхъ, а князя Грузинскаго, сверхъ того, въ должности Егермейстера; Состоящій въ распоряженіи Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго Генераль-Губернатора, Надворный Совѣтникъ Кобылинскій, Лидскій Уѣздный Предводитель Дворянства, Надворный Совѣтникъ Дублянскій, Мировой Посредникъ 1-го участка Лидскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ Ягодовскій, Лидскій Уѣздный Врачъ, Коллежскій Совѣтникъ Подвальниковъ и отставной Генераль-Маіоръ Пржибытко—Почетными Мировыми Судьями Лидскаго округа, на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ четырехъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Опмянскій Уѣздный Предводитель Дворянства, Статскій Совѣтникъ Ягминъ—Почетнымъ Мировымъ Судьею Сморгонскаго округа, на текущее, съ

1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; Свенцянскій Уѣздный Предводитель Дворянства, Статскій Совѣтникъ Лишкниъ и отставной Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Штейнъ—Почетными мировыми Судьями Свенцянскаго округа, на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ Лишкнина въ занимаемой имъ должности; Дисненскій Уѣздный Предводитель Дворянства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Теробневъ и отставной Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Заюнчковскій—Почетными мировыми Судьями Дисненскаго округа, на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ перваго изъ нихъ въ занимаемой имъ должности; Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Рязанскомъ Окружномъ Судѣ, Коллежскій Секретарь Духанинъ—Мировымъ Судьею Тургайскаго уѣзда, округа Троицкаго Окружнаго Суда.

Перемѣщается, *согласно прошенію*, Членъ Тифлисскаго Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Глушановскій—Членомъ Харьковскаго Судебной Палаты.

Увольняется *отъ должности, согласно прошенію*, Товарищъ Прокурора Гродненскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ Родзяновскій—по случаю причисленія его къ Министерству.

Умершіе *исключаются изъ списковъ*: Предсѣдатель Департамента С.-Петербургскаго Судебной Палаты, Тайный Совѣтникъ Кобыльскій; Членъ Херсонскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Горбатовъ.

По Правительствующему Сенату.

Производится, за отличіе, *изъ Тайныхъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники* Сенаторъ Евгенийъ Кудрявцевъ.

№ 36, мая 24 дня 1899 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Членъ Одесскаго Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Трандафиловъ и Прокуроръ Московскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Макаровъ—Предсѣдателями Окружныхъ Судовъ: Трандафиловъ—Самарскаго, а Макаровъ—Кіевскаго; Старшій Кандидатъ на должности по судебному

вѣдомству при Ковенскомъ Окружномъ Судѣ, Коллежскій Секретарь **Крачковскій**—Участковымъ Мировымъ Судьею Тельшевскаго округа, Ковенской губерніи; Помощникъ Секретаря Казанской Судебной Палаты, Коллежскій Секретарь **Поручко** и Секретарь Владимірскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Эрнъ**—Городскими Судьями: Поручко—1-го участка г. Чистополя, а Эрнъ—г. Покрова; Товарищъ Прокурора Ягутскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Рейнъ**—Мировымъ Судьею 9-го участка округа Владивостокскаго Окружнаго Суда.

Перемѣщаются: Участковый Мировой Судья Россіенскаго округа, Титулярный Совѣтникъ **Сущевъ**—Участковымъ Мировымъ Судьею Волковыскаго округа; Мировые Судьи Петропавловскаго уѣзда, округа Омскаго Окружнаго Суда: 1-го участка, Коллежскій Ассесоръ **Тартышевъ** и 3-го участка того же уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Рахваловъ**—одинъ на мѣсто другаго; Мировые Судьи округовъ Окружныхъ Судовъ: Красноярскаго, 1-го участка Минусинскаго уѣзда, Надворный Совѣтникъ **Сюдзинскій** и 2-го участка Канскаго уѣзда, Дѣйствительный Студентъ **Винницкій** и Владивостокскаго, 9-го участка, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Университетѣ съ дипломомъ 2-ой степени **Гадилье**—Мировыми Судьями округа Красноярскаго Окружнаго Суда: Сюдзинскій—2-го участка Канскаго уѣзда, Винницкій—2-го участка Енисейскаго уѣзда и Гадилье—1-го участка Минусинскаго уѣзда; Добавочный Мировой Судья округа Томскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Довяковскій**—Добавочнымъ Мировымъ Судьею округа Благовѣщенскаго Окружнаго Суда.

Увольняется отъ должности, согласно прошенію, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 4-го участка Вилкомирскаго уѣзда, округа Ковенскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Протасевичъ**, по случаю причисленія его къ Министерству.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, Предсѣдатель Департамента Московской Судебной Палаты, Тайный Совѣтникъ **Лопатинъ**.

Умершіе исключаются изъ списковъ: Почетный Мировой Судья Виндаво-Гольдингенскаго округа, баронъ **Брюггенъ**; Городской Судья г. Балахны, Коллежскій Ассесоръ **Быковскій**.

№ 39, іюня 1 дня 1899 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Н а з н а ч а ю т с я: Предсѣдатель Сѣзда Мировыхъ Судей и Участковый Мировой Судья Горецкаго округа, Коллежскій Совѣтникъ **Нестеровъ**—Уѣзднымъ Членомъ Калужскаго Окружнаго Суда, по Тарусскому уѣзду; Исправляющій должность Старшаго Нотаріуса Московскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Зимаревъ**, Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Симферопольскаго, Надворный Совѣтникъ **Керфъ** и Петрозаводскаго, Коллежскій Ассесоръ **Евфимьевъ**, Причисленный къ Министерству, Статскій Совѣтникъ **Утѣхинъ**, Старшій Помощникъ Оберъ - Секретаря Гражданскаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената, Надворный Совѣтникъ **Книримъ** и Секретарь С.-Петербургской Судебной Палаты, Коллежскій Совѣтникъ **Афросимовъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: Зимаревъ—Московскаго, Керфъ—Симферопольскаго, Евфимьевъ—Петрозаводскаго, Утѣхинъ—Сѣдлецкаго, Книримъ—Псковскаго и Афросимовъ—С.-Петербургскаго; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Вйскаго отдѣла, округа Екатеринодарскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Леонидовъ**—въ Майкопскій округъ, Предсѣдателемъ Сѣзда Мировыхъ Судей, на текущее, съ 1 января 1897 г., трехлѣтіе, и Участковымъ Мировымъ Судьею; Товарищъ Акмолинскаго Областнаго Прокурора, Титулярный Совѣтникъ **Силинъ**—Участковымъ Мировымъ Судьею Измаильскаго округа, съ 14 мая; въ званіи Камеръ-Юнкера Высочайшаго Двора, Коллежскій Ассесоръ **Филипповъ**—Почетнымъ Мировымъ Судьею Лидскаго округа, на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 5-го участка Троицкаго уѣзда, округа Троицкаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Токаревъ**, Участковый Мировой Судья Кольскаго уѣзда, Архангельской губерніи, Коллежскій Секретарь **Кореповъ**, Причисленные къ Министерству: Коллежскіе Ассесоры **Цилли** и **Шевцовъ**, Титулярные Совѣтники **Колышкинъ** и **Чихачевъ** и Коллежскій Секретарь **Сердобовъ**, Дѣлопроизводитель Перваго Департамента Министерства, Надворный Совѣтникъ **Гогель** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Митавскомъ Окружномъ Судѣ, Губернскій Секретарь **Этманъ** (онъ-же **Путнинъ**)—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: Токаревъ и Сердобовъ—Троицкаго, Кореповъ—Архангельскаго, Цилли—Екатеринбургскаго, Шевцовъ—Пензенскаго,

Колышкинъ и Чихачевъ—Оренбургскаго, Гогель—С.-Петербургскаго и Этманъ—Якутскаго; Причисленный къ Министерству, Титулярный Совѣтникъ Орловскій и Помощники Мироваго Суда: Уральскихъ уѣзда и области, Титулярный Совѣтникъ Федосѣевъ и Павлодарскаго уѣзда, Семипалатинской области, Конечко — Городскими Судьями: Орловскій—1-го участка и Конечко—2-го участка г. Уфы и Федосѣевъ г. Ирбита, изъ нихъ Конечко и Федосѣевъ съ 14 мая; Вице-Губернаторъ Семирѣченской области, Статскій Совѣтникъ Осташкинъ, Вѣренскій Городской Голова, потомственный почетный гражданинъ Путоловъ, купцы: Быковъ, Лутмановъ и Пугасовъ—Почетными мировыми судьями округа Вѣренскаго Окружнаго Суда, на текущее, съ 14 мая 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ двухъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Кунецъ Смолинъ—Почетнымъ Мировымъ Судьею округа Омскаго Окружнаго Суда, на текущее, съ 14 мая 1899 г., трехлѣтіе; Семипалатинскій Городской Голова Москвинъ, Городскіе Старосты: Каркаралинскій, Даниловъ и Усть-Каменогорскій, Костюринъ и потомственный почетный гражданинъ Деровъ—Почетными Мировыми Судьями округа Семипалатинскаго Окружнаго Суда, на текущее, съ 14 мая 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ трехъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

Переводятся на службу по вѣдомству Министерства Юстиціи: Дѣлопроизводитель Земскаго Отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Надворный Совѣтникъ Лядовъ и Младшій Помощникъ Дѣлопроизводителя Департамента желѣзныхъ дорогъ Министерства Путей Сообщенія, Титулярный Совѣтникъ Хлѣбниковъ—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: первый—С.-Петербургскаго, а второй—Якутскаго.

Перемѣщаются: Уѣздный Членъ Еватеринославскаго Окружнаго Суда, по Славяносербскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ Стояновичъ—Уѣзднымъ Членомъ Курскаго Окружнаго Суда, по Новооскольскому уѣзду, согласно прошенію; Членъ Владимѣрскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ Дурасовъ—Членомъ Уманскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Рижскаго, Надворный Совѣтникъ Трусевичъ, Могилевскаго, Коллежскій Ассесоръ Бончъ-Богдановскій, Нижегородскаго, Титулярный Совѣтникъ Каменскій и Нѣжинскаго, Титулярный Совѣтникъ Фроловъ—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: Трусевичъ—С.-Петербургскаго, Бончъ-Богдановскій—Нѣжинскаго, Каменскій—Симферопольскаго и Фроловъ—Могилевскаго; Городской Судья г. Ирбита, Статскій Совѣтникъ Гавриленко—Городскимъ Судьею г. Шадринска,

съ 14 мая; Мировой Судья 2-го участка Онежскаго уѣзда, Архангельской губерніи, Надворный Совѣтникъ Лебедевъ—Мировымъ Судьею 1-го участка Архангельскихъ уѣзда и губерніи.

О с т а в л я ю т с я *за штатомъ*: Мировые Судьи областей: Семипалатинской, Семипалатинскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ Романовскій и Зайсанскаго уѣзда, Коллежскій Совѣтникъ Олтаржевскій, Семирѣченской, Вѣрненскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ Вишневскій, Лепсинскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ Туполевъ и Джаркентскаго уѣзда, Коллежскій Совѣтникъ Мировъ, Уральской, Темирскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ Жаворопковъ, Тургайской, Иргизскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ Дороганевскій, Ферганской, Маргеланскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ Теленевъ и Намаганскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ Каринскій и Сыръ-Дарьинской, г. Ташкента, Статскій Совѣтникъ Ротъ, всѣ десять съ 14 мая, на основаніи отд. Х В ы с о ч а й ш е утвержденного 2 іюня 1898 г. мѣнія Государственнаго Совѣта объ устройствѣ судебной части въ поименованныхъ областяхъ.

У в о л ь н я ю т с я *отъ должности, согласно прошеніямъ*: Товарищъ Прокурора Екатеринбургскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Норденъ, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 3-го участка Кузнецкаго уѣзда, округа Саратовскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Блоцкій и Городской Судья 1-го участка г. Петрозаводска, Титулярный Совѣтникъ Адамовичъ, всѣ три по случаю причисленія ихъ къ Министерству.

У в о л ь н я ю т с я *отъ службы, согласно прошеніямъ*: Судебный Слѣдователь Кромскаго уѣзда, округа Орловскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Сахаровъ; Товарищъ Прокурора Пензенскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Подольскій; Городской Судья г. Зарайска, Титулярный Совѣтникъ Суховъ.

№ 40, іюня 4 дня 1899 года.

По Правительствующему Сенату.

Н а з н а ч а е т с я Оберъ-Секретарь 2-го Департамента Правительствующаго Сената, Надворный Совѣтникъ Нератовъ—Состоящимъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, въ означенномъ Департаментѣ.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Товарищ Прокурора Московскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Климовъ**—Товарищемъ Предсѣдателя Вологодскаго Окружнаго Суда, съ 1 іюля; причисленный къ Министерству, Коллежскій Совѣтникъ **Пухидинскій**, Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя: г. Пскова, Коллежскій Совѣтникъ **Федоровичъ**, 2-го участка Тотемскаго уѣзда, Надворный Совѣтникъ **Сацердотовъ** и 1-го участка Грязовецкаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Кириевъ** и Городской Судья г. Кузнецка, Саратовской губерніи Коллежскій Ассесоръ **Поповъ**—Уѣздными Членами Вологодскаго Окружнаго Суда, по уѣздамъ: Сацердотовъ—Никольскому, Кириевъ—Велико-Устюжскому, Пухидинскій—Сольвычегодскому, Поповъ—Усть-Сысольскому и Федоровичъ—Яренскому, всѣ пять съ 1 іюля; Мировой Судья г. Олькуша, 2-го округа Бѣлецкой губерніи Статскій Совѣтникъ **Сцѣпуржинскій**, Товарищ Прокурора Орловскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Берченко**, Причисленный къ Министерству, Надворный Совѣтникъ **Мешинниковъ** и Городской Судья 1-го участка г. Вологды, Надворный Совѣтникъ **Сомовъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: Сцѣпуржинскій—Бѣлецкаго, Берченко—Орловскаго, а Мешинниковъ и Сомовъ—Вологодскаго, изъ нихъ послѣдніе два съ 1 іюля; Причисленные къ Министерству, Титулярные Совѣтники: **Воронецъ**, **Гишпюсъ** и **Митровичъ**, Старшій Помощникъ Оберъ-Секретаря 5-го Департамента Правительствующаго Сената, Титулярный Совѣтникъ **Штейнбергъ**, Товарищ Вологодскаго Губернскаго Прокурора, Коллежскій Ассесоръ **Мокржецкій** и Помощникъ Секретаря Московской Судебной Палаты, Титулярный Совѣтникъ **Курушъ**—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: **Воронецъ**—Рижскаго, **Гишпюсъ**—Витебскаго, **Штейнбергъ**—Ревельскаго, а **Митровичъ**, **Мокржецкій** и **Курушъ**—Вологодскаго, изъ нихъ послѣдніе три—съ 1 іюля.

Перемѣщаются: Уѣздные Члены Астраханскаго Окружнаго Суда: по Красноярскому уѣзду, Коллежскій Совѣтникъ **Аракчеевъ** и по Енотаевскому уѣзду, Коллежскій Совѣтникъ **Качіони**—Уѣздными Членами того же Окружнаго Суда: первый—по Енотаевскому уѣзду, а второй по Астраханскому уѣзду, оба согласно прошеніямъ; Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Орловскаго, Надворный Совѣтникъ **Соколовъ**, Троицкаго, Коллежскій Ассесоръ **Алексѣевъ** и Читинскаго, Титулярный Совѣтникъ **Денисовъ**—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: **Соколовъ**—Псковскаго, **Алексѣевъ**—Саратовскаго и **Денисовъ**—Томскаго.

Увольняются отъ должности, согласно прошеніямъ: Това-

рищъ Прокурора Либавскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Гиренко**, по случаю причисленія его къ Государственному Контролю, съ 12 мая; Мировой Судья Тургайскаго уѣзда, округа Троицкаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Прусскій**—съ 14 мая, по случаю назначенія его Помощникомъ Мироваго Судьи Арешскаго отдѣла округа Елисаветпольскаго Окружнаго Суда.

Увольняется отъ службы согласно прошенію по болѣзни, Мировой Судья 4-го отдѣла г. Тифлиса, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Зубаловъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

По межевому управленію.

Умершій *исключается изъ списковъ*: Начальникъ Чертежной Тифлисскаго Судебной Палаты Межевой Топографъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Засуховскій**.

№ 41, іюня 5 дня 1899 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Юрисконсультъ Министерства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Соколовскій**—Предсѣдателемъ Департамента С.-Петербургскаго Судебной Палаты; Помощникъ Юрисконсульта Министерства, Надворный Совѣтникъ **Виллибаховъ**—Юрисконсультомъ Министерства.

Объявляется: *Высочайшая благодарность* Товарищу Министра Юстиціи, Сенатору, Тайному Совѣтнику Петру **Бутовскому**—за особо ревностные и полезныя труды по участію въ Высочайше учрежденной при Министерствѣ Юстиціи Комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части.

Высочайшее благоволеніе: Товарищу Оберъ-Прокурора Гражданскаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Андрею **Поворинскому**; состоящему за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, въ V Департаментѣ Правительствующаго Сената, исполняющему обязанности Юрисконсульта, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Януарию **Городыскому** и Юрисконсультамъ: Статскому Совѣтнику Александру **Веревкину**, Коллежскому Совѣтнику Рудольфу **Фрейману** и Надворному Совѣтнику Алексѣю **Виллибахову**—за примѣрно-усердное исполненіе

возложенныхъ на нихъ обязанностей по дѣлопроизводству той же Коммисіи.

Производятся за отличіе: изъ *Тайныхъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники* Сенаторы Николай Шрейберъ и Сергѣй Лукьяновъ.

Изъ *Дѣйствительныхъ Статскихъ въ Тайные Совѣтники* Директоръ Перваго Департамента Министерства Сергѣй Манухинъ.

Изъ *Статскихъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники* Товарищъ Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената Иванъ Щегловитовъ.

Награждаются *Орденами*:

Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго.

Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ Николай Таганцевъ.

Бѣлаго Орла.

Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ Анатолій Гасманъ.

№ 43, июня 7 дня 1899 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Членъ Виленской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Дараганъ—Предсѣдателемъ Могилевскаго Окружнаго Суда; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ округа Казанскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Саповъ—Уѣзднымъ Членомъ того же Окружнаго Суда, по Царевококшайскому уѣзду; Участковый Мировой Судья Балтскаго округа, Титулярный Совѣтникъ Дмитревскій—въ Ольгопольскій округъ Предсѣдателемъ Съѣзда Мирowychъ Судей на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, и Участковымъ Мировымъ Судьею; Причисленные къ Министерству, Коллежскіе Ассесоры Волкъ и Тельпуговъ: первый—Участковымъ Мировымъ Судьею Балтскаго округа, а второй—Товарищемъ Прокурора Астраханскаго Окружнаго Суда; Мировой Судья 1-го Красноводскаго участка, округа Асхабадскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ Лебедевъ—Городскимъ Судьею г. Камышина, съ 14 мая.

Перемѣщаются: Товарищъ Прокурора Калишскаго Окружнаго Суда,

Надворный Совѣтникъ Глаголевъ—Товарищемъ Прокурора Тифлисскаго Окружнаго Суда; Мировые Судьи округа Тобольскаго Окружнаго Суда: 5-го участка Ишимскаго уѣзда, Коллежскій Совѣтникъ Юрьевъ и 2-го участка Березовскаго уѣзда, Коллежскій Секретарь Калацъ—одинъ на мѣсто другаго.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: Предсѣдатель Могилевскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Кизилевъ и Членъ Харьковской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Цѣхановскій, оба съ мундирами, занимаемымъ ими должностямъ присвоенными; Городской Судья г. Солигалича, Коллежскій Ассесоръ Овчинниковъ.

согласно прошенію, по болѣзни, Членъ Сѣдлецкаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Одарченко, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Предоставляется Уволенному отъ службы, согласно прошенію, Прокурору Херсонскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Зубову—носить въ отставкѣ мундиръ, означенной должности присвоенный.

№ 44, іюня 11 дня 1899 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Опредѣляется на службу, изъ отставныхъ, Отставной Статскій Совѣтникъ Севостьяновъ—Почетнымъ Мировымъ Судьею Бѣлостоко-Сокольскаго округа, на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе.

Назначаются: Оберъ-Секретарь 4-го Департамента Правительствующаго Сената, Коллежскій Совѣтникъ Кожуховъ—Начальникомъ Отдѣленія Перваго Департамента Министерства; Исправляющій должность Гродненскаго Губернатора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Добровольскій, Предсѣдатель Гродненскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Вышеславцевъ и Члены того же Окружнаго Суда, Статскіе Совѣтники Никольскій и Преображенскій, Управляющій Гродненскою Контрольною Палатою, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Стояновскій, Гродненскій Городской Голова, Статскій Совѣтникъ Михальскій, Нотаріусъ г. Бѣлостока, округа Гродненскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Яновскій, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 3-го участка Гродненскаго

уѣзда, Статскій Совѣтникъ Хохловъ, Предсѣдатель Гродненскаго Отдѣленія Крестьянскаго Поземельнаго Банка, Статскій Совѣтникъ Диковъ, Гродненскій Губернскій Землемѣръ, Статскій Совѣтникъ Цвѣтковъ, Гродненскій Уѣздный Предводитель Дворянства, Губернскій Секретарь Кошелевъ, Непремѣнный Членъ Гродненскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, Статскій Совѣтникъ Смородскій и Старшій Врачъ Гродненской окружной лечебницы, Статскій Совѣтникъ Беклемишевъ—Почетными Мировыми Судьями Гродненскаго округа, всѣ тринадцать на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ отставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Членъ Варшавскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Лебедевъ и Сокольскій Уѣздный Врачъ, Статскій Совѣтникъ Полуэховъ—Почетными Мировыми Судьями Бѣлостоко-Сокольскаго округа, оба на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Сенаторъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Апухтинъ, Бѣльскій Уѣздный Предводитель Дворянства и Предсѣдатель Бѣльскаго Съѣзда Мировыхъ Посредниковъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Желтухинъ, Мировые Посредники Бѣльскаго уѣзда: 1-го участка, Коллежскій Совѣтникъ Хоментовскій и 2-го участка, Титулярный Совѣтникъ Косачъ и отставной Поручикъ Ушаковъ—Почетными Мировыми Судьями Бѣльскаго округа, всѣ пять на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ отставленіемъ первыхъ четырехъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Брестскій Уѣздный Предводитель Дворянства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Алексѣй Штеръ и Мировой Посредникъ 1-го участка Брестскаго уѣзда Маймескулъ—Почетными Мировыми Судьями Брестскаго округа оба на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Чиновникъ особыхъ порученій VI класса при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Минковъ, Пружанскій Уѣздный Предводитель Дворянства, Надворный Совѣтникъ Вышеславцевъ, Мировой Посредникъ 1-го участка Кобринскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ Свенсонъ и Губернскій Секретарь Дзеконскій—Почетными Мировыми Судьями Кобрино-Пружанскаго округа, всѣ четыре на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ отставленіемъ изъ нихъ первыхъ трехъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Членъ Консультациі при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, исполняющій обязанности Вице-Директора 1-го Департамента сего Министерства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Чаплицъ, Товарищъ Предсѣдателя Витебскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Тетяевъ, Слонимскій Уѣздный Предводитель Дво-

ряинства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Петръ Штеръ, Управляющій Сѣдлецкою Казенною Палатою, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Витковскій, Мировой Посредникъ 1-го участка Слонимскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ Штейнъ, Депутатъ Дворянства Слонимскаго уѣзда, Коллежскій Регистраторъ Бронскій, дворянинъ Микульскій, отставной Штабсъ-Ротмистръ Гартингъ и Поручикъ запаса полковыхъ инженерныхъ войскъ Воронцовъ-Вельяминовъ—Почетными Мировыми Судьями Слонимскаго округа, всѣ девять на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ шести въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Волковыскій Уѣздный Предводитель Дворянства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Бѣленковъ, Мировой Посредникъ 2-го участка Волковыскаго уѣзда, Лекаръ, дворянинъ Животовскій, Статскіе Совѣтники Глиндзичъ, Кашневъ и Ширавъ и Коллежскій Ассесоръ Тарасовичъ—Почетными Мировыми Судьями Волковыскаго округа, всѣ шесть на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ двухъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Минскій Губернскій Предводитель Дворянства, Статскій Совѣтникъ Ратьковъ-Рожновъ, Вице-Губернаторы: Костромской, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Извъковъ и Минскій, въ званіи Камеръ-Юнкера Высочайшаго Двора, Надворный Совѣтникъ Вельяминовъ, Членъ Минскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Софроновъ, Минскій Уѣздный Предводитель Дворянства, въ званіи Камеръ-Юнкера Высочайшаго Двора, Коллежскій Ассесоръ Гирсъ, Директоръ Минскаго реального училища, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Самойло, Директоръ Минской гимназіи, Статскій Совѣтникъ Васильевъ, Членъ Управленія Казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, Инженеръ-Технологъ, Коллежскій Ассесоръ Антошинъ, Минскій Городской Голова, Коллежскій Ассесоръ графъ Чапскій, Непремѣнный Членъ Минскаго Уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, Статскій Совѣтникъ Левицкій и отставной Генераль-Маіоръ Боханъ—Почетными Мировыми Судьями Минскаго округа, всѣ одиннадцать на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ десяти въ занимаемыхъ ими должностяхъ, а Вельяминова и Гирса, сверхъ того, и въ придворномъ званіи; Предсѣдатель Могилевскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Дараганъ, Бобруйскій Уѣздный Предводитель Дворянства, Коллежскій Совѣтникъ Веревкинъ, Непремѣнный Членъ Бобруйскаго Уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, Коллежскій Совѣтникъ Азбукинъ, Статскіе Совѣтники Пинковскій и Пуцинъ, отставной Штабсъ-Ротмистръ Пуцинъ и Коллеж-

скій Секретарь **Незабытовскій**—Почетными Мировыми Судьями Бобруйскаго округа, всѣ семь на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ трехъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Членъ Совѣта Государственнаго Контроля, Тайный Совѣтникъ **Корибутъ-Дашкевичъ**, Борисовскій Уѣздный Предводитель Дворянства, Титулярный Совѣтникъ **Молоствовъ**, Непремѣнный Членъ Борисовскаго Уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, Надворный Совѣтникъ **Сункевичъ**, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Борисовскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Мурзичъ**, Членъ Борисовской Дворянской Опеки, Надворный Совѣтникъ **Матвѣевъ**, Почетный Блюститель Минскаго духовнаго училища **Колодѣевъ** и отставной Поручикъ **Ивановъ**—Почетными Мировыми Судьями Борисовскаго округа, всѣ семь на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ шести въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ **Шевичъ**, Игуменскій Уѣздный Предводитель Дворянства, Надворный Совѣтникъ **Матвѣевъ**, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Зайцевъ**, Статскій Совѣтникъ **Ратынскій** и Коллежскій Ассесоръ **Наркевичъ-Юдко**—Почетными Мировыми Судьями Игуменскаго округа, всѣ пять на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ Матвѣева въ занимаемой имъ должности, а Шевича въ званіи Сенатора; Новогрудскій Уѣздный Предводитель Дворянства, Коллежскій Совѣтникъ **Демидовъ**, Причисленный къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Павловъ**, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Новогрудскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ **Бицютко**, Непремѣнный Членъ Новогрудскаго Уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, Титулярный Совѣтникъ **Чайковскій**, Членъ Новогрудской Дворянской Опеки, отставной Маіоръ **Калецкій**, Титулярный Совѣтникъ **Карповичъ**, Коллежскій Секретарь, графъ **О'Руркъ** и отставной Прапорщикъ **Наркевичъ-Юдко**—Почетными Мировыми Судьями Новогрудскаго округа, всѣ восемь на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ Демидова, Бицютко, Чайковскаго и Калецкаго въ занимаемыхъ ими должностяхъ, а Павлова причисленнымъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ; Товарищъ Предсѣдателя Рижскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Козопольскій**, Пинскій Уѣздный Предводитель Дворянства, Статскій Совѣтникъ **Ильяшенко**, Директоръ Пинскаго реальнаго училища, Статскій Совѣтникъ **Циклинскій**, Инспекторъ того же училища, Статскій Совѣтникъ **Будзиловичъ**, Пинскій Уѣздный Врачъ, Статскій Совѣтникъ **Георгиевскій**, Смотритель Пинскаго духов-

наго училища, Статскій Совѣтникъ Вѣляевъ, Коллежскій Ассесоръ Скирмунтъ 1-й, Коллежскій Регистраторъ Орда и дворянинъ Олеша—Почетными Мировыми Судьями Пинскаго округа, всѣ девять на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ шести въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Уѣздные Предводители Дворянства: Мозырскій, Коллежскій Совѣтникъ Толстой и Рѣчицкій, Надворный Совѣтникъ Лундъ, Директоръ Мозырской гимназіи, Статскій Совѣтникъ Адо, Рѣчицкій Уѣздный Врачъ, Надворный Совѣтникъ Голубовъ, Коллежскій Ассесоръ Бурчакъ и дворянинъ Оскерко—Почетными Мировыми Судьями Рѣчицко-Мозырскаго округа, всѣ шесть на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ четырехъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Минскій Губернскій Предводитель Дворянства, Статскій Совѣтникъ Ратьковъ-Рожновъ, Причисленный къ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Тайный Совѣтникъ Климовъ, Непремѣнный Членъ Слуцкаго Уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, Коллежскій Ассесоръ Чоловскій и Надворный Совѣтникъ Войниловичъ—Почетными Мировыми Судьями Слуцкаго округа, всѣ четыре на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ Ратькова-Рожнова и Чоловскаго въ занимаемыхъ ими должностяхъ, а Климова причисленнымъ къ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ; Состоящій за штатомъ, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя бывшаго Амурскаго Окружнаго Суда Страдинъ—Добавочнымъ Мировымъ Судьею округа Благовѣщенскаго Окружнаго Суда.

Умершій *исключается изъ списковъ* Городской Судья 3-го участка г. Кронштадта, Коллежскій Ассесоръ Тримакъ.

ПРИКАЗЫ

ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ.

№ 19, отъ 8-го мая 1899 года.

Причисляются къ *Министерству*: уволенные Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 24 апрѣля 1899 года, за № 25, отъ должности, согласно прошеніямъ: исправляющіе должность судебного слѣдователя: 2 участка Лукояновскаго уѣзда, округа Нижегородскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ Добролюбовъ, 1 участка Вышневолоцкаго уѣзда, округа Тверскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ Мауриць и Владиславовскаго уѣзда, округа Сувалкскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ Грудзинскій—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: Добролюбовъ—2 участка Семеновскаго уѣзда, округа Нижегородскаго окружнаго суда, Мауриць—1 участка Тверскаго уѣзда, округа Тверскаго окружнаго суда, Грудзинскій—2 участка Маріампольскаго уѣзда, округа Сувалкскаго окружнаго суда, всѣ три—съ 24 апрѣля 1899 года;

секретари: Нижегородскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Родзевичъ и при прокурорѣ Тамбовскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Хитровъ, старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Тверскомъ—коллежскій секретарь Хвостовъ и Сувалкскомъ—губернскій секретарь Дмоховскій—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: Родзевичъ—2 участка Лукояновскаго уѣзда, округа Нижегородскаго окружнаго суда, Хитровъ—1 участка Елатомскаго уѣзда, округа Тамбовскаго окружнаго суда, Хвостовъ—Осташковскаго уѣзда, округа Тверскаго окружнаго суда, Дмоховскій—Владиславовскаго уѣзда, округа Сувалкскаго окружнаго суда; изъ нихъ, Хитровъ—съ 14 мая 1899 года.

Командируется: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя Осташковскаго уѣзда, округа Тверскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Митровичъ**—въ 1 участокъ Вышневолоцкаго уѣзда, округа того же окружнаго суда.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначается: переводчикъ Акмолинскаго областного суда, неимѣющій чина **Альджановъ**—переводчикомъ Омскаго окружнаго суда, съ 14 мая 1899 года.

№ 20, отъ 13-го мая 1899 года.

Причисляются къ Министерству: секретарь Полтавскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Курченко** и старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Либавскомъ окружномъ судѣ, губернской секретарь **Какуринъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: **Курченко**—1 участка Кобелякскаго уѣзда, округа Полтавскаго окружнаго суда, **Какуринъ**—3 участка Венденскаго уѣзда, округа Рижскаго окружнаго суда.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебного слѣдователя: 1 участка Кобелякскаго уѣзда, округа Полтавскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Васильевъ**—во 2 участокъ Константиноградскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, 3 участка Венденскаго уѣзда, округа Рижскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Колтуновскій**—въ 5 участокъ Юрьевскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда.

Назначается: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій въ первое уголовное отдѣленіе, перваго департамента сего Министерства, коллежскій ассесоръ **Лотинъ**—помощникомъ дѣлопроизводителя X класса перваго департамента Министерства Юстиціи, съ 1 мая 1899 года.

По Правительствующему Сенату: увольняется *отъ должности:* старшій помощникъ оберъ-секретаря пятаго департамента Правительствующаго Сената, коллежскій ассесоръ **Бубновъ**—съ 28 апрѣля 1899 года, по случаю избранія участковымъ мировымъ судьей С.-Петербургскаго столичнаго округа.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначается: добавочный мировой судья Гродненскаго округа, коллежскій совѣтникъ **Кульчицкій**—въ составъ Гродненскаго уѣзднаго по чиншевымъ дѣламъ присутствія.

Опредѣляется въ службу: отставной коллежскій секретарь **Страховъ**—помощникомъ мирового судьи Елисаветпольскаго уѣзднаго отдѣла, завѣдывающимъ особымъ Дзегамскимъ мировымъ участкомъ.

Умершій *исключается изъ списковъ*: гминный судья 6 округа Ковеницкаго уѣзда, Радомской губерніи, **Людвигъ Стальковскій**—съ 3 апрѣля 1899 года.

№ 21, отъ 18-го мая 1899 года.

Опредѣляются въ службу съ 15 мая 1899 года: окончившіе курсъ наукъ въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣднія съ чинами: IX класса: **Борисъ Зейме**, **Николай Кизельбашъ**, **Евгеній Голубовъ**, **Василій Соковиниъ**, **Борисъ Смиттенъ**, **Левъ Юргенсъ**, **Андрей Ясинскій**, **Александръ Герке**, **Владиміръ Лисенко**, **Николай Стрѣльбицкій**, **Алексѣй Палтовъ**, **Николай Лазаревъ**, **Сергѣй Фрейгангъ**, **Платонъ Домерщиковъ** и **Александръ Венжикъ-Видавскій**; X класса: **Николай Радкевичъ**, **Николай Кудревичъ**, **Леонтій Віюлье**, **Алексѣй Рыхлевскій**, **Константинъ Брудинскій**, **Владиславъ Бонковскій**, **Александръ Викторовъ**, **Иванъ Полидоровъ**, **Николай Бередниковъ** и **Федоръ Эльманъ** и XII класса: **Сергѣй Баумгартенъ**, **Николай Тройницкій**, **Артуръ Боржевскій**, **Борисъ Леммерманъ** и **Павель Лундышевъ**—съ причисленіемъ къ Министерству Юстиціи.

№ 22, отъ 18-го мая 1899 года.

Причисляются къ Министерству: уволенные Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 10 мая 1899 года, за № 30, отъ должности, согласно прошеніямъ: исправляющіе должность судебного слѣдователя: **Мышкинскаго уѣзда**, округа **Кашинскаго окружнаго суда**, коллежскій ассесоръ **Баклановскій** и 1 участка **Феллинскаго уѣзда**, округа **Рижскаго окружнаго суда**, коллежскій ассесоръ **Свириденко**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: первый—**Кашинскаго уѣзда**, округа **Кашинскаго окружнаго суда**, а послѣдній—изъ упраздненнаго 1-го участка **Феллинскаго уѣзда**, во вновь образованный 8-ой участокъ города **Риги**, оба—съ 10 мая 1899 года;

секретарь при прокурорѣ **Смоленскаго окружнаго суда**, титулярный совѣтникъ **Брокъ**, старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при судебныхъ палатахъ: **Московской**, коллежскій секре-

тарь Балашевъ и Казанской, титулярный совѣтникъ Кролюницкій, при окружныхъ судахъ: Кіевскомъ, коллежскій секретарь Пудловскій, Екатеринославскомъ, титулярный совѣтникъ Чернявскій и Виленскомъ, коллежскій секретарь Котыкъ—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: Брокъ—2 участка Бронницкаго уѣзда, округа Московскаго окружнаго суда, Балашевъ—Мышгинскаго уѣзда, округа Кашинскаго окружнаго суда, Кролюницкій—2 участка Красноуфимскаго уѣзда, округа Пермскаго окружнаго суда, Пудловскій—3 участка Радомысльскаго уѣзда, округа Кіевскаго окружнаго суда, Чернявскій—1 участка Бахмутскаго уѣзда, округа Екатеринославскаго окружнаго суда и Котыкъ—3 участка Вилейскаго уѣзда, округа Виленскаго окружнаго суда.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебного слѣдователя: 2 участка Красноуфимскаго уѣзда, округа Пермскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Гильковъ, 3 участка Радомысльскаго уѣзда, округа Кіевскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Рыбинскій, 5 участка г. Кіева, надворный совѣтникъ Голубиновъ и 3 участка Кіевскаго уѣзда, округа Кіевскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ Медвѣдевъ—къ исправленію должности судебного слѣдователя: Гильковъ—г. Перми, Рыбинскій—4 участка Бердичевскаго уѣзда, округа Кіевскаго окружнаго суда, Голубиновъ—по важнѣйшимъ дѣламъ округа того же окружнаго суда, Медвѣдевъ 5 участка г. Кіева.

Отзывается: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя 4 участка Лабинскаго отдѣла, округа Екатеринодарскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Михайловъ—изъ означенной командировки, съ отчисленіемъ отъ Министерства Юстиціи, по случаю назначенія земскимъ начальникомъ 6 участка Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя 4 участка г. Харькова, надворный совѣтникъ Грубе.

Умершій исключается изъ списковъ: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя 1 участка Ливенскаго уѣзда, округа Елецкаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ Абдуловъ—съ 26 марта 1899 года.

Увольняется отъ должности, согласно прошенію: гминный

судья I округа Опатовскаго уѣзда, Радомской губерніи, Станиславъ Минтеръ.

№ 23, отъ 20-го мая 1899 года.

Командируются: опредѣленные въ службу, съ 15 мая 1899 года, съ причисленіемъ къ Министерству Юстиціи, окончившіе курсъ наукъ въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія: 1) въ распоряженіе старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ, для опредѣленія кандидатами на должности по судебному вѣдомству: С.-Петербургской—съ чиномъ IX класса: Платонъ Домерщиковъ и Александръ Венжикъ-Видавскій, съ чиномъ X класса Николай Бередниковъ и съ чиномъ XII класса Николай Тройницкій; Кіевской—съ чиномъ IX класса Андрей Ясинскій и Тифлисскаго—съ чиномъ IX класса Борисъ Смиттенъ и съ чиномъ XII класса Борисъ Лиммерманъ и 2) для занятій въ канцелярію перваго департамента Правительствующаго Сената—съ чиномъ X класса Леонтій Віюлье.

№ 24, отъ 31-го мая 1899 года.

Причисляются къ Министерству: уволенный Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 10 мая 1899 года за № 30 отъ должности, согласно прошенію, Ковенскій губернский тюремный инспекторъ, коллежскій совѣтникъ Кожинъ—съ 10 мая 1899 г.; секретарь Варшавскаго коммерческаго суда, коллежскій ассесоръ Здановичъ—съ откомандированіемъ въ Варшавскій коммерческій судъ для участія въ разрѣшеніи дѣлъ на правахъ члена;

мировой судья Самаркандскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ Човицкій, помощникъ мирового судьи Омскаго уѣзда, губернский секретарь Рыбинъ, секретари окружныхъ судовъ: Симбирскаго, титулярный совѣтникъ Сахаровъ и Усть-Медвѣдицкаго, коллежскій секретарь Поповъ, старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при окружныхъ судахъ: Ревельскомъ, коллежскій секретарь Стульгинскій, Елецкомъ, коллежскій секретарь Колпенскій и титулярный совѣтникъ Чурилинъ, Тамбовскомъ—титулярный совѣтникъ Жасминовъ, Екаторинодарскомъ, титулярный совѣтникъ Купна, и въ округѣ Иркутской судебной палаты Гурчинъ—съ откомандированіемъ къ испра-

влению должности судебного слѣдователя: Новицкій—2 участка Барсунскаго уѣзда, округа Симбирскаго окружнаго суда, Рыбинъ—2 участка Пошехонскаго уѣзда, округа Ярославскаго окружнаго суда, Сахаровъ—1 участка Сенгилеевскаго уѣзда, округа Симбирскаго окружнаго суда, Поповъ—2 участка Хоперскаго округа Усть-Медвѣдицкаго окружнаго суда, Стульгинскій—1 участка Гапсальскаго уѣзда, округа Ревельскаго окружнаго суда, Колпенскій—1 участка Ливенскаго уѣзда, округа Елецкаго окружнаго суда, Чурилинъ—2 участка Липецкаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, Жасминовъ—Спасскаго уѣзда, округа Тамбовскаго окружнаго суда, Купца—4 участка Лабинскаго отдѣла, округа Екатеринодарскаго окружнаго суда и Гурчинъ—5 участка округа Иркутскаго окружнаго суда, изъ нихъ: Новицкій и Рыбинъ—съ 14 мая 1899 года.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебного слѣдователя: 1 участка Гапсальскаго уѣзда, округа Ревельскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Волковъ—въ 1 участокъ Ревельскаго уѣзда, Спасскаго уѣзда, округа Тамбовскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ Салтыковъ—въ 4 участка Тамбовскаго уѣзда, Видавскаго уѣзда, округа Либавскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ Григорьевъ—въ 1 участокъ г. Риги и 5 участка округа Иркутскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Сѣнькевичъ—Читинскаго участка, округа Читинскаго окружнаго суда.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: опредѣляется въ службу: окончившій курсъ наукъ въ Ревельской Александровской гимназій, сынъ священника Янсонъ—предсѣдателемъ верхняго крестьянскаго суда Вейсенштейнскаго уѣзда.

Умершій исключается изъ списковъ: гминный судья V округа Бѣлецкаго уѣзда, I округа Бѣлецкой губерніи Вячеславъ Громскій—съ 1 мая 1899 года.

№ 25, отъ 4-го іюня 1899 года.

Причисляется къ Министерству: уволенный Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 19 мая 1899 года за № 34 отъ должности, согласно прошенію, товарищъ прокурора Гродненскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Родзяновскій—съ 19 мая 1899 года.

Назначается: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій во второй департаментъ сего Министерства коллежскій секретарь Смирновъ—помощникомъ дѣлопроизводителя X класса того же департамента Министерства, съ 16 мая 1899 года.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію*: причисленный къ Министерству Юстиціи, титулярный Совѣтникъ Сѣнцовъ.

По Правительствующему Сенату: назначается: архивариусъ Сенатскаго архива титулярный Совѣтникъ Мурзановъ—секретаремъ того же архива, съ 15 мая 1899 года.

Опредѣляется *въ службу*: отставной коллежскій регистраторъ Воиновъ—канцелярскимъ чиновникомъ канцеляріи гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената, съ 17 мая 1899 года.

Умершей *исключается изъ списковъ*: секретарь Сенатскаго архива, коллежскій совѣтникъ Запорощенко—съ 18 апрѣля 1899 года.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: приглашается *къ участію*: въ составъ Таганрогскаго, области войска Донскаго, окружнаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія: почетный мировой судья Таганрогскаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мажневскій—на трехлѣтіе 1898—1901 г.

Утверждаются *въ должности на два года*: Густавъ Каменскій и Адамъ Пендзицкій—членовъ Варшавскаго коммерческаго суда.

№ 26, отъ 10-го іюня 1899 года.

Причисляются *къ Министерству*: уволенный Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 24 мая 1899 года за № 36 отъ должности, согласно прошенію, исправляющій должность судебного слѣдователя 4 участка Вилкомирскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ Протасевичъ—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя 1 участка того же уѣзда, съ 24 мая 1899 года;

старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Ковенскомъ окружномъ судѣ, коллежскій секретарь Иносовъ—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя 4 участка Тельшевскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда.

Командируется: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя

4 участка Тельшевскаго уѣзда округа Ковенскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Подкладовъ**—въ 4 участка Вилкомирскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію*: причисленный къ Министерству Юстиціи, титулярный совѣтникъ **Войниковъ**.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: увольняется *отъ должности, согласно прошенію*: гминный судья III округа Ново-Александровскаго уѣзда, I округа Люблинской губерніи **Юсифъ Клеменсовскій**.

Умершій *исключается изъ списковъ*: гминный судья I округа Венгровскаго уѣзда, I округа Сѣдлецкой губерніи **Тыхальскій** съ 23 апрѣля 1899 года.

По межевой части.

№ 4, *отъ 11-го мая 1899 года.*

По Межевой Канцеляріи: Освобожденъ отъ исполненія обязанностей Уѣзднаго Землемѣра С.-Петербургской губерніи, Младшій Землемѣрный Помощникъ, Губернскій Секретарь **Взоровъ**, съ 14 апрѣля 1899 года.

Увольняется *отъ службы на основаніи ст. 573 т. III Уст. сл. Прав. изд. 1896 г.*: Старшій Землемѣрный Помощникъ, Надворный Совѣтникъ **Семеновъ**, съ 18 сентября 1898 года.

По губернской межевой части: Назначаются: Помощникъ Енисейскаго Губернскаго Землемѣра, Надворный Совѣтникъ **Юдко**—Помощникомъ Калужскаго Губернскаго Землемѣра; *по Кубанской Областной Чертежной*: Старшіе Помощники Землемѣровъ: Титулярный Совѣтникъ **Катко** и Губернскій Секретарь **Заддынь**—Младшими Землемѣрами, Старшій Помощникъ Землемѣра при Тифлисской Судебной Палатѣ, Титулярный Совѣтникъ **Гречишкинъ** и Младшій Помощникъ Землемѣра Кубанской Областной Чертежной, Коллежскій Секретарь **Никольскій**—Старшими Помощниками Землемѣровъ; изъ нихъ: **Юдко**—съ 10 и **Гречишкинъ**—съ 22 апрѣля 1899 года.

Командированъ: Младшій Землемѣрный Помощникъ Межевой Канцеляріи, Коллежскій Регистраторъ **Быковъ**—для занятій въ Бессарабской Губернской Чертежной, съ 14 апрѣля 1899 года.

Опредѣленъ *въ службу*: окончившій курсъ въ Пензенскомъ Землемѣрномъ Училищѣ, съ званіемъ частнаго землемѣра **Соловьевъ**—

Младшимъ Помощникомъ Землемѣра при Тифлисской Судебной Палатѣ, съ 26 апрѣля 1899 года.

Увольняются отъ службы: на основаніи ст. 573 т. III Уст. сл. Прав. изд. 1896 г.: Окружный Землемѣръ Амурской области, Коллежскій Регистраторъ Пурлаусъ, и согласно прошеніямъ: Старшіе Помощники Землемѣровъ при Тифлисской Судебной Палатѣ: Коллежскій Ассесоръ Алексѣевъ—по болѣзни и Коллежскіе Регистраторы Кокашвили и Гогиладзе; изъ нихъ: Пурлаусъ—съ 28 апрѣля, а остальные—съ 5 мая 1899 года.

ЦИРКУЛЯРНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

МИНИСТРА ЮСТИЦІИ

за 1899 годъ.

III. Апрѣля 12 дня 1899 г., за № 12390.

Г.г. Предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ.

Циркулярами Министерства Юстиціи отъ 23 марта 1883 г. за №№ 7054 и 7055 (по сбор. цирк. ч. 2 №№ 121 и 122), преподанными по соглашенію съ Министерствомъ Финансовъ, вмѣнено было судебнымъ установленіямъ въ обязанность, между прочимъ, веденіе особыхъ книгъ, съ показаніемъ въ нихъ свѣдѣній и данныхъ, касающихся состава и цѣнности наслѣдственныхъ имуществъ, а равно размѣра исчисленной по нимъ пошлины и времени объявленія опредѣленія о семь подлежащаго установленія (п. 4 цирк.).

Принимая во вниманіе, что, по самой формѣ означенныхъ книгъ, въ нихъ заносятся лишь тѣ случаи, когда сами судебныя установленія исчисляють и опредѣляютъ ко взысканію наслѣдственной пошлины (т. е. согласно рѣшенію Общаго Собранія 1 и Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената 1893 г. № 13, только при наличности особыхъ заявленій о составѣ и стоимости наслѣдственныхъ имуществъ), и что, между тѣмъ, въ этихъ случаяхъ всѣ тѣ свѣдѣнія, кои подлежатъ внесенію въ книги, доставляются казеннымъ палатамъ судами согласно ст. 7 прил. къ ст. 161 уст. пошл. изд. 1893 г., при чемъ, какъ разъяснено Сенатомъ (рѣшеніе того же

Общаго Собранія 1897 г. № 20), таковыя сообщенія необязательны вовсе, когда наслѣдства не должны быть оплачиваемы пошлиною, въ частности, когда ихъ стоимость не превышаетъ 1000 р., я, по согласенію съ Министерствомъ Финансовъ, призналъ соответственнымъ отмѣнить установленное приведенными циркулярами за №№ 7054 и 7055 правило о веденіи помянутыхъ книгъ.

Объ этомъ считаю долгомъ поставить въ извѣстность г.г. предсѣдателей судебныхъ мѣстъ.

IV. Мая 20 дня 1899 г., за № 15006.

Г.г. Предсѣдателямъ окружныхъ судовъ.

На основаніи ст. 24 Вь с о ч а й ш е утв. 26 июня 1889 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта (Собр. узак. 1889 г. № 82), вторые экземпляры запретительныхъ и разрѣшительныхъ статей, какъ поступившихъ въ нотаріальный архивъ, такъ и по наложеннымъ и снятымъ самимъ старшимъ нотаріусомъ запрещеніямъ, отсылаются на храненіе въ учрежденія, указанные для сего Министеромъ Юстиціи.

Статьи эти, до образованія комиссіи по составленію мѣстныхъ запретительныхъ книгъ, поступали въ Статистическое Отдѣленіе Министерства Юстиціи, затѣмъ были переданы въ эту комиссію, куда направляются и новыя статьи того же рода.

Принимая во вниманіе, что означенная комиссія, за окончаніемъ возложеннаго на нее порученія, подлежитъ закрытію 1 іюля 1899 г., Министерство Юстиціи признало наиболѣе соответственнымъ трудъ по храненію и разборкѣ вторыхъ экземпляровъ запретительныхъ и разрѣшительныхъ статей возложить на Сенатскій архивъ, куда таковыя экземпляры впредь и должны быть отсылаемы.

Вслѣдствіе сего прошу г.г. предсѣдателей окружныхъ судовъ сдѣлать зависящее распоряженіе о томъ, чтобы старшіе нотаріусы и лица, ихъ замѣняющія, направляли означенныя статьи съ 1 іюля текущаго года въ Сенатскій архивъ.

V. Мая 20 дня 1899 г., за № 15008.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Въ виду предполагаемаго пересмотра положенія о нижнихъ чинахъ, добровольно остающихся на дѣйствительной сверхсрочной службѣ,

Главный Штабъ обратился въ Министерство Юстиціи съ просьбою о доставленіи къ 1 августа текущаго года, по прилагаемой при семь формѣ, свѣдѣній о томъ, сколько состояло по вѣдомству названнаго Министерства сверхсрочнослужившихъ нижнихъ чиновъ на мѣстахъ по вольному найму въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ (съ 1894 г. по 1898 г. вклучительно), за каждый годъ отдѣльно, на какихъ должностяхъ, съ какимъ содержаніемъ и въ какихъ учрежденіяхъ.

Вслѣдствіе сего прошу подлежащія мѣста и лица озаботиться скорѣйшимъ, по возможности, доставленіемъ во Второй Департаментъ Министерства Юстиціи помянутыхъ свѣдѣній относительно означенныхъ нижнихъ чиновъ, состоявшихъ на службѣ въ указанный періодъ времени по подвѣдомственнымъ имъ установленіямъ.

Форма.

В ъ Д О М О С Т Ъ

о числѣ сверхсрочнослужившихъ, получившихъ мѣста по вольному найму въ учрежденіяхъ Министерства Юстиціи съ 1894 по 1898 г.г. вклучительно.

Годы.	Въ какихъ учрежденіяхъ.	На какихъ должностяхъ.	Число сверхсрочнослужившихъ, получившихъ мѣста.	Содержаніе въ годъ каждому.
	I. Правительствующій Сенатъ	{ сторожъ курьеръ швейцарь наборщикъ писецъ вахтеръ		
	II. Судебная палата	{ сторожъ курьеръ вахтеръ швейцарь писецъ разсыльный		

III. Окружный Судъ	{ сторожъ куррьеръ швейцарь вахтеръ писецъ разсылный
IV. Съездъ мировыхъ судей	{ сторожъ куррьеръ писецъ разсылный
V. Тюрьма	{ сторожъ вахтеръ писецъ
VI. Константиновск. Меж. Инс.	{ сторожъ куррьеръ вахтеръ писецъ
VII. Московскій Ар- хивъ М - ва Ю.	{ сторожъ куррьеръ вахтеръ писецъ
VIII. Император- ское Училище Прав.	{ сторожъ вахтеръ швейцарь писецъ

VI. Мая 21 дня 1899 г., за № 13497.

Г.г. Предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ.

Министръ Финансовъ сообщилъ Министерству Юстиціи, что изъ производящихся въ крестьянскомъ поземельномъ банкѣ дѣлъ усмотрѣны часто повторяющіеся случаи обращенія судебными приставами, вопреки ст. 61 устава сего банка (Собр. узак. и расп. прав. за 1895 г. № 193, ст. 1627) и ст. 973, п.п. 9 и 10 т. XVI ч. I уст. гражд. суд., взысканія на земли, пріобрѣтенныя крестьянами при содѣйствіи названнаго банка, не только по долгу прежнему собственнику земли, заявленному при покупкѣ и оставшемуся неуплаченнымъ, но и вообще по искамъ частныхъ лицъ, а также на принадлежности озна-

Жур. Мин. Юст. Июнь 1899.

ченныя земельных участковъ и на движимыя имущества крестьянъ, изъятыя по закону отъ ареста.

Принимая во вниманіе, что указанныя дѣйствія судебныхъ приставовъ могутъ имѣть послѣдствіемъ не только неисправность заемщиковъ въ платежахъ банку, но нерѣдко и совершенное разореніе ихъ, предлагаю Г.г. Предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ, въ видахъ предотвращенія на будущее время возможности повторенія подобныхъ случаевъ, принять надлежащія мѣры къ точному соблюденію судебными приставами вышеприведенныхъ постановленій закона.

С 1767

ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННАЯ
ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ ЮСТИЦІИ
КОММИСИЯ

ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЙ ПО СУДЕБНОЙ ЧАСТИ.

ЖУРНАЛЬ № 8.

ЗАСѢДАНІЕ 5 ІЮНЯ 1899 ГОДА.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Предсѣдатель: *Н. В. Муравьевъ.*

Члены: *П. М. Бутовскій, А. Г. Гасманъ, П. Н. Гуссаковскій, М. Д. Дмитриевъ, В. А. Желеховскій, В. Р. Завадскій, И. П. Закревскій, Баронъ А. А. Икскуль-фонъ-Гимденбандтъ, М. В. Крассовскій, С. И. Лукьяновъ, князь Н. А. Ливень, М. Ф. Люце, С. С. Манухинъ, Н. Н. Мясцовъ, А. А. Соколовскій, В. К. Случевскій, Н. С. Таганцевъ, Н. Д. Чаплинъ, Г. И. Шамилинъ, Н. Э. Шмеманъ, Н. Н. Шрейберъ и И. Г. Щелловитовъ.*

Кромѣ того, въ засѣданіе были приглашены Предсѣдателемъ Члены Отдѣловъ: II-го—*Баронъ Э. Ю. Нольде и Н. А. Хвостовъ;* III-го—*В. М. Володимировъ, В. Ф. Дейтрихъ, П. О. Лузановъ, И. В. Мнѣшаниновъ, А. Н. Познанскій и И. Я. Фойницкій* и IV-го—*В. И. Вильсонъ, Н. Ф. Дерюжинскій, К. П. Змирловъ, В. И. Куницкій, Е. А. Пушкинъ, Л. В. Барсовъ и И. С. Цвѣтковъ.*

I. По совершеніи благодарственнаго молебствія въ церкви Генераль-Прокурорскаго дома, по случаю окончанія занятій, Предсѣдатель

открылъ послѣднее засѣданіе Коммисіи нижеслѣдующимъ заключительнымъ сообщеніемъ.

„Нашъ сложный трудъ пришелъ къ желанному концу. В ы с о ч а й ш е возложенная на Коммисію нашу задача всесторонняго пересмотра Судебныхъ Уставовъ исполнена, насколько было въ нашихъ силахъ, по долгу совѣсти и крайнему разумѣнію каждаго изъ насъ. Нынѣ, въ исходѣ быстро пролетѣвшихъ пяти лѣтъ этой неустанной работы, мы можемъ, мы должны подвести ей хотя-бы самые краткіе, внѣшніе итоги. Ее ждетъ впереди строгая оцѣнка законодателя, ее ждутъ подвижные, иногда случайные отзывы современниковъ, а дальше—безстрастное сужденіе потомства, и не къ тому, конечно, чтобы приуготовить или предвосхитить будущія судьбы выработанныхъ нами предположеній, послужить бѣглое ихъ обзорѣніе. Побужденіе наше гораздо проще и скромнѣе. Въ послѣднія, всегда немного жуткія минуты передъ окончаніемъ крупнаго государственно-общественнаго дѣла, передъ разставаньемъ соединенныхъ имъ, искренно преданныхъ ему работниковъ, воплѣ естественно и законно желаніе припомнить сдѣланное. Мы были призваны довѣріемъ двухъ Монарховъ къ повѣрѣ и обновленію всего строя отечественнаго правосудія, и да будетъ мнѣ позволено сказать отъ имени всѣхъ моихъ сотрудниковъ, что мы никогда не переставали глубоко сознать огромную, лежащую на насъ отвѣтственность, и теперь, оглядываясь назадъ на пройденный трудный путь, мы бодро и спокойно готовы нести ее.....

Когда, весною 1894 г., мы приступали къ нашимъ занятіямъ, я, опасаясь, чтобы они не затянулись на время слишкомъ длинное, счелъ неизлишнимъ предположительно намѣтить для нихъ примѣрный 3-хъ лѣтній срокъ. Его пришлось продлить еще на 2 года по обстоятельствамъ, мало отъ насъ зависѣвшимъ; но цѣль была достигнута, Коммисія наша не превратилась въ хронически, неопредѣленно длыщуюся и всякій свѣдущій, благоразумный и непредубѣжденный цѣнитель легко пойметъ это продленіе. Независимо отъ того, что высокое и серьезное назначеніе Коммисіи не допускало ничего поспѣшнаго и незрѣлаго въ ея дѣятельности, самыя условія послѣдней едва-ли благопріятствовали чрезмѣрной быстротѣ. Тщательное изслѣдованіе и исправленіе громаднаго, давно существующаго сооруженія совсѣмъ не то, что созиданіе вновь, на пустомъ или расчищенномъ мѣстѣ, изъ новыхъ, еще неиспробованныхъ матеріаловъ, какъ бы ни была велика ихъ умозритель-

ная пригодность. Геній творитъ мощно и скоро, но дѣловое утверждение его произведеній на почвѣ практической дѣйствительности, съ очищеніемъ ихъ отъ постороннихъ примѣсей, требуетъ прежде всего добросовѣстнаго, кропотливаго, даже мелочнаго и потому продолжительнаго труда. Къ тому же Коммисія наша, обязанная шагъ за шагомъ провѣрить всѣ безъ исключенія постановленія Судебныхъ Уставовъ, въ ихъ многолѣтнемъ примѣненіи, состояла изъ лицъ, ни на мгновение не покидавшихъ прямыхъ и обычныхъ своихъ занятій, что потребовало такого чрезвычайнаго напряженія всѣхъ нравственныхъ и физическихъ силъ, которое по плечу только настоящему самоотверженію. О достоинствѣ выполненныхъ работъ судить не намъ, но уже одинъ ходъ и объемъ ихъ оправдываютъ долгіе трудовые дни, имъ посвященные.

Въ Коммисіи, образовавшей Отдѣлы и Общее ихъ Собраніе, при многихъ перемѣнахъ въ личномъ ея составѣ, присутствовало въ общемъ до 24 Членовъ и болѣе 60 лицъ, приглашенныхъ въ разное время и по разныхъ поводамъ къ участию въ судебномъ пересмотрѣ.

Изъ нихъ помянемъ прежде всего умиленной, доброй памятью товарищей, безвременно унесенныхъ смертью. Неклюдовъ, Даневскій, Концевичъ, Макалинскій, Влезковъ доблестно поработали на общемъ съ нами поприщѣ и, отойдя въ вѣчность, оставили русскому судебному дѣлу дорогіе, честные завѣты и имена.

Составъ нашей Коммисіи не былъ однородный и отнюдь не бюрократическій: въ него вошли почти всѣ лучшіе знатоки дѣла, всѣ дѣятели, ознаменовавшие себя выдающимися заслугами въ юриспруденціи; высокопоставленные чины судебного и иныхъ вѣдомствъ трудились рядомъ съ нечиновными юристами, наука свободно обмѣнивалась и сообщалась съ практикой и всѣхъ, безъ различія званія и ранга, дружно соединяло живое, единое стремленіе посильно придти на помощь нуждамъ родной юстиціи. Коммисія, сверхъ непрерывной домашней работы многихъ Членовъ, имѣла 503 засѣданія, изъ которыхъ 27 приходятся на долю Отдѣла общихъ вопросовъ, 89 на Соединенные Отдѣлы и Особія Совѣщанія, 53 на Отдѣлъ судоустройства, 111 на Отдѣлъ уголовного судопроизводства, 188 на Отдѣлъ судопроизводства гражданскаго, 35 на Общее Собраніе. Въ 112 засѣданіяхъ, въ томъ числѣ во всѣхъ засѣданіяхъ Общаго Собранія, предсѣдательствоваль Предсѣдатель Коммисіи, въ остальныхъ—П. М. Бутовскій и Предсѣдатели Отдѣловъ Н. Н. Шрейберъ, С. И. Лукьяновъ,

Н. С. Таганцевъ. Въ 201 засѣданіи лично участвовалъ завѣдывающій дѣлопроизводствомъ Коммисіи С. С. Манухинъ и подъ его ближайшимъ руководствомъ дѣлопроизводство совершило съ извѣстною всѣмъ намъ отчетливостью и глубиною, по истинѣ, гигантскій трудъ, внѣшность котораго опредѣляется крупными чертами: XII томовъ обширныхъ и въ высшей степени цѣнныхъ подготовительныхъ матеріаловъ, VI томовъ матеріаловъ, собранныхъ распоряженіемъ самой Коммисіи, обстоятельные журналы засѣданій съ многочисленными къ нимъ приложеніями въ видѣ отдѣльныхъ записокъ и свѣдѣній весьма разнообразнаго характера, наконецъ редація самыхъ проектовъ и капитальныя объяснительныя къ нимъ записки. Въ ряду вспомогательныхъ работъ найдутся такіе солидные вклады въ нашу юридическую литературу, какъ библиографическій указатель Поворинскаго, сборникъ руководящихъ опредѣленій Правительствующаго Сената по судебному надзору и цѣлый списокъ настоящихъ трактатовъ по всѣмъ главнѣйшимъ предметамъ судоустройства и процесса. Предсѣдатели Отдѣловъ подавали примѣры усиленной, и черновой, и бѣловой работы, которую раздѣляли многіе изъ Членовъ и въ числѣ ихъ А. Г. Гасманъ и И. Г. Щегловитовъ особенно много и полезно потрудились надъ разработкой первой—гражданскаго, второй—уголовнаго судопроизводства. Въ приведенномъ сухомъ перечнѣ лишь блѣдно отражается коммисіонная дѣятельность, въ которой явственно обозначились три предуказанные въ самомъ ея началѣ, логически между собою связанные, послѣдовательные ея фазисы и стадіи: 1) собраніе и приведеніе въ ясность матеріаловъ, 2) изслѣдованіе истиннаго положенія судебной части и возникающихъ изъ него вопросовъ и 3) составленіе по этимъ даннымъ законодательныхъ предположеній. Къ первымъ двумъ относятся: ознакомленіе съ богатымъ запасомъ свѣдѣній, которыми располагало Министерство Юстиціи; отвѣты судебныхъ мѣстъ и лицъ на предъявленные имъ запросы; статьи, замѣтки добровольцевъ дѣла, отозвавшихся на приглашеніе Предсѣдателя Коммисіи оказать ей благожелательное содѣйствіе; происходившія зимой 1894 — 1895 г. г. совѣщанія Старшихъ Предсѣдателей и Прокуроровъ Судебныхъ Палатъ при участіи нѣкоторыхъ членовъ Коммисіи по важнѣйшимъ вопросамъ ея программы; трехтомный сводъ выводовъ изъ систематическаго одновременнаго обревизованія всѣхъ судебныхъ установленій Имперіи, предпринятаго для надобностей Коммисіи по выработанному ею подробнѣйшему плану. Уже изъ сказаннаго видно, какъ всеобъ-

емлюща была раскрывшаяся передъ Коммисіей широкая сфера фактовъ, взглядовъ, наблюденій: на твердомъ фундаментѣ годами накоплявшагося опытнаго изученія, на яркомъ фонѣ неприкрашенной дѣйствительности, въ освѣщеніи вполне компетентной критики предстала наша судебная часть, съ ея свѣтомъ и тѣнью, силой и слабостью, съ ея пробѣлами и потребностями, съ ея глубоко вросшими корнями и наносными, навѣянными придатками. Взаимно сталкивающіяся черты того, что есть, чего не должно быть, что нужно, обрисовались ясно и полно; разобраться въ этомъ сплетеніи, отдѣлить важное отъ несущественнаго, сопоставить противорѣчія, разъяснить сомнѣнія, формулировать возможные рѣшенія въ видѣ, соответствующемъ требованіямъ законодательства,—вотъ къ чему свелась подготовка, обсужденіе и вытекавшая отсюда громадная редакціонная работа. Для сообщенія ей стройности общіе принципиальные или наиболѣе важные вопросы были выдѣлены и рассмотрѣны въ I Отдѣлѣ, а затѣмъ въ Общемъ Собраніи по особымъ запискамъ дѣлопроизводства, при чемъ заключенія Коммисіи явились руководящимъ указаніемъ при постановочной разработкѣ проектовъ судоустройства и судопроизводства. Что же касается до этихъ послѣднихъ, то по первоначальному изложеніи ихъ отдѣльными редакторами, каждый изъ проектовъ проходилъ черезъ троекратное чтеніе въ спеціальному Отдѣлѣ, въ Соединенномъ присутствіи или совѣщаніи изъ Членовъ разныхъ Отдѣловъ и въ Общемъ Собраніи всей Коммисіи и при этомъ столько же разъ редактировался въ дѣлопроизводствѣ. Такимъ способомъ работы обезпечивалось внимательное и всестороннее разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ, а для того, чтобы оно не разбрасывалось въ частностяхъ, не размѣнивалось на мелочи, изъ-за которыхъ иногда не видно цѣлаго, сужденія тщательно сосредоточивались на главномъ, предоставляя подробности и эластичныя тонкости редакціи соглашенію немногихъ спеціалистовъ, подъ наблюденіемъ и ручательствомъ Предсѣдателей Коммисіи, ея Отдѣловъ и Члена, завѣдывающаго ея дѣлопроизводствомъ. Не менѣе основательности старались мы соблюдать свободу и цѣльность мнѣній, высказывавшихся въ нашей средѣ по многоразличнымъ вопросамъ и предметамъ пересмотра. Выясняя ихъ всеми доступными намъ средствами, мы стремились столкнуться и всюду, гдѣ возможно, сгладить шероховатости и разнорѣчія. Но при этомъ, взаимно уважая чужія убѣжденія, мы не боялись разномыслія и не насилывали своихъ воззрѣній натянутой аргументаціей или неохотными,

неискренними уступками. Отсюда не малое количество мотивированных разногласій и разрѣшеніе многихъ важныхъ и спорныхъ пунктовъ по большинству голосовъ. Этотъ откровенный и прямой исходъ, вообще свойственный многолюдной коллегіи, если она относится къ порученному ей дѣлу добросовѣстно и независимо, казался намъ предпочтительнѣе искусственныхъ компромиссовъ съ ихъ непрочнымъ построениемъ и сомнительными послѣдствіями. Во всякомъ спорѣ мы считали себя обязанными прежде всего правильно поставить его сущность и затѣмъ продуманно обосновать предлагаемыя, хотя-бы и различныя рѣшенія. Тогда и законодатель—полагали мы—не будетъ затрудненъ въ выборѣ или въ выводѣ изъ подготовленныхъ и разъясненныхъ данныхъ.

Въ конечномъ результатѣ произведеннаго, такимъ образомъ, пересмотра составлены проекты новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій и уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства съ пространными къ нимъ объясненіями, въ которыхъ изложены, кромѣ общихъ, принятыхъ во вниманіе соображеній, точные мотивы каждаго предположеннаго въ уставахъ измѣненія или дополненія. Въ этихъ объясненіяхъ оправдывается не только вновь проектированное, но и сохраненіе прежняго; нѣтъ судебного учрежденія или закона, по поводу котораго Коммисія не высказалась бы такъ или иначе, положительно или отрицательно, особо или въ общемъ развитіи своихъ разсужденій, разборъ которыхъ облегчается ихъ полнотою. Съ ними можно не соглашаться, но нельзя упрекнуть ихъ въ поверхностномъ, скользящемъ отношеніи къ предмету. За то велика и матеріальная масса всего исполненнаго—это десятки печатныхъ томовъ, рискующихъ вызвать традиціонную усмѣшку досужихъ зоиловъ надъ комиссіонными трудами, это 4¹/₂ т. заново редактированныхъ статей, невольно пугающихъ непривычное или обремененное вниманіе. Но вѣдь Коммисіи было повелѣно пересмотрѣть одно изъ величайшихъ произведеній преобразовательной эпохи, являющееся уже болѣе 30 лѣтъ драгоценнымъ достояніемъ нашей родины, работа эта съ высоты Престола объявлена трудной, и разбирать ее будутъ не дилетанты, а государственные люди, во всеоружіи познаній, подготовки, умѣлости и трудолюбія—пристало ли смущаться грандіозными очертаніями законченнаго дѣла, достойными колоссальнаго его значенія?

Вслѣдъ за изложеніемъ внѣшней стороны исполненной работы слѣдовало бы обратиться къ характеристикѣ внутренняго ея со-

держанія, но предстоящее внесеніе ея на уваженіе законодательной власти дозволяетъ, по всеѣмъ понятному чувству авторской сдержанности, удѣлить этому предмету лишь нѣсколько самыхъ общихъ и сжатыхъ замѣчаній. Здѣсь развѣ только умѣстно вспомнить, въ какомъ направленіи вообще шла дѣятельность нашей Коммисіи, какой духъ виталь надъ ея трудами. Начиная пересмотръ Судебныхъ Уставовъ, мы имѣли передъ собою, во-1-хъ, ихъ первоначальный текстъ, во-2-хъ, многочисленныя за 30 лѣтъ изданныя къ нимъ новеллы и, въ-3-хъ, безчисленные судебные вопросы, выдвинутые за это время практикой. Все это нужно было обсудить и взвѣсить, всему дать мѣсто въ той радикальной переработкѣ, которой были подвергнуты судебныя законоположенія. Работать же надъ ними приходилось среди различныхъ теченій общественной и юридической мысли, служащихъ до извѣстной степени показателемъ окружающихъ настроеній. Пестро, измѣнчиво, противорѣчиво и не чуждо крайнихъ увлеченій это разнохарактерное пониманіе судебныхъ идеаловъ, и невозможно угодить ему. Одни, считая всю судебную реформу пагубной ошибкой, обращаютъ свои взоры вспять и помышляютъ, повидимому, о такомъ судѣ, который ничѣмъ не отличался бы отъ административно-полицейскаго воздѣйствія. При этомъ иногда даже рѣшаются вывести огульное порицаніе теперешнихъ судебныхъ порядковъ изъ единичныхъ, произвольно оцѣниваемыхъ, невѣрно освѣщаемыхъ и потому ничего не доказывающихъ примѣровъ. Другіе, наоборотъ, вдохновляясь иными, не нашими условіями и нравами, нетерпѣливо и поспѣшно порываются къ чисто-теоретическому прогрессу, напримѣръ къ выборнымъ судьямъ, къ исключительному преобладанію гарантій личности, къ гласному и состязательному предварительному слѣдствію, въ то время, когда нужно зорко охранять публичную безопасность, когда предстоитъ еще создавать правильный уголовный розыскъ, когда еще приходится воспитывать въ судѣ людей и ихъ міровоззрѣніе и при этомъ бороться съ такими противниками, какъ обширность страны, малонаселенность и всяческая скудость или неравномѣрность общественной культуры. Третьи, не думая ни о какихъ практическихъ препятствіяхъ и разсуждая какъ-бы внѣ времени и пространства, туманно мечтаютъ объ уничтоженіи судебныхъ формальностей, о какихъ-то идеализованныхъ, не русскихъ судьяхъ, которые не стѣсняются узкими рамками закона и свободно гдѣ-то ищутъ и провозглашаютъ, будто-бы, имъ однимъ вѣдомую истину, между тѣмъ какъ все у насъ—исторія, обще-

ственность, привычки—требует именно строжайшей во всем законности и разумнаго, осмотрительнаго упорядоченія, а не фантазій. Для четвертыхъ, наконецъ, замкнувшихъ свой кругозоръ Уставами 1864 г., каждая буква въ нихъ есть непререкаемая истина, святыня, которой не слѣдуетъ касаться даже съ наилучшей цѣлью, изъ опасенія новымъ, неизвѣданнымъ повредить старому, испытанному. Не мало почтеннаго въ этомъ судебномъ консерватизмѣ, но онъ преувеличиваетъ непогрѣшимость, и мимо него, нерѣдко даже въ перерѣзъ ему, несетя бытовая жизнь, гдѣ одна потребность неужержимо смѣняется другой и, опережая медленное развитіе закона, рано или поздно добивается себѣ признанія. Ни одно изъ приведенныхъ и подобныхъ имъ возрѣній, съ разными ихъ отѣнками и сочетаніями, не соотвѣтствуетъ задачамъ нашей Коммисіи, которая впала бы въ печальную ошибку, если бы односторонне послѣдовала за однимъ изъ нихъ. У нея былъ свой путь, единственно вѣрный и возможный въ переживаемый нами историческій моментъ, путь, намѣченный при самомъ открытіи Коммисіи 30 апрѣля 1894 г. и затѣмъ подтвержденный, въ началѣ 1897 г., на рубежѣ двухъ періодовъ ея дѣятельности въ печатномъ отчетѣ о работахъ по улучшенію судебной части (*). Съ тѣхъ поръ ни въ чемъ не измѣнились обстоятельства и, ссылаясь на высказанныя тамъ сужденія, я повторю лишь то, что было и остается исходной точкой судебного пересмотра: мы избѣгали крайностей и потрясеній, мы желали сохранить и укрѣпить въ нашемъ судѣ все истинно хорошее, исправить недостатки, но безъ лишней ломки, восполнить пробѣлы, но безъ кабинетныхъ и канцелярскихъ измышленій, и нынѣ, стоя твердо на этой почвѣ, мы предлагаемъ улучшеніе, а не реформу еще столь недавно преобразованнаго суда. Избранное нами направленіе, осторожное, умѣренное и самостоятельное, задается практической цѣлесообразностью и равно исключаетъ тенденціозность и предвзятость, рутинную косность и рискованные эксперименты, страсть къ новшествамъ и слѣпое преклоненіе передъ существующимъ. И потому, не игнорируя никакихъ серьезныхъ указаній, мы обратились къ неисчерпаемому, единственно надежному источнику—къ открывшемуся передъ нами огромному запасу вседневнаго опыта судящихъ и судящихся, который и по-

(*) Журналъ Министерства Юстиціи 1897 г Январь—«Работы по улучшенію судебной части въ 1894—1896 г.г.».

казаль намъ, куда идти, что измѣнить, чего не трогать. Мы воспользовались для этого и своею личною долею въ немъ участія и, зная, какъ въ житейскомъ обиходѣ совершается обыденная, черновая и закулисная работа судоотправленія, мы не стѣснялись ни доктриной, ни возраженіями, когда находили, что та или другая мѣра достаточно обусловливается совокупнымъ интересомъ правосудія и населенія. Такой приемъ не блещетъ красивыми эффектами и не сулитъ дешевой популярности; за то онъ отвѣчаетъ уважительнымъ запросамъ гражданского быта и обѣщаетъ больше прочности. Судъ не зрѣлище, не публицистическое упражненіе, не удовлетвореніе личныхъ вѣусовъ и симпатій; судъ—это отраженіе мудрости законодателя и совѣсти народной, судъ есть лучшая охрана законныхъ правъ, но не абсолютно, а въ предѣлахъ данной, человѣческой и общественной возможности.

Было бы затруднительно, да и безцѣльно приводить въ подробности, даже перечислять всѣ измѣненія, проектированныя Коммисіей въ дѣйствующемъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ—я говорю о дѣйствующемъ, потому что много воды утекло со времени изданія Судебныхъ Уставовъ и много наслоеній образовалось вокругъ нихъ. Подобный пересказъ явился бы и повтореніемъ, такъ какъ, передъ разсмотрѣніемъ въ Общемъ Собраніи проектовъ учрежденія судебныхъ установленій и уставовъ судопроизводства, я всегда представлялъ вниманію Коммисіи сводъ предположенныхъ важнѣйшихъ перемѣнъ въ нынѣшнемъ законодательствѣ съ краткимъ поясненіемъ существеннаго ихъ смысла. Поэтому, теперь довольно вновь упомянуть, что всѣ вносимыя въ Судебные Уставы новыя или видоизмѣненныя постановленія неукоснительно направлены къ осуществленію многократно выраженныхъ общихъ задачъ пересмотра, а именно: къ объединенію судебного устройства въ различныхъ частяхъ Имперіи, уже подготовленному мѣропріятіями послѣднихъ лѣтъ, къ большей близости и доступности суда для населенія, къ упрощенію, удешевленію и ускоренію правосудія, къ утвержденію государственнаго значенія и правительственнаго характера судебного вѣдомства, къ нравственному и матеріальному поднятію его чиновъ, къ укрѣпленію и развитію возможнаго общественнаго участія въ отправленіи суда, и вообще къ устраненію недостатковъ и восполненію пробѣловъ судебной части, когда тѣ и другія зависятъ отъ несовершенствъ закона и обусловленныхъ ими судебныхъ распоряженій. Этимъ все сказано, и недалекое, дастъ Богъ, будущее покажетъ, въ какой степени намъ удалось достигнуть цѣли.

Какъ бы то ни было, ни одинъ дѣйствующій судебный институтъ, успѣвшій заслужить народное расположеніе, не поколебленъ и не поврежденъ, а, напротивъ, многіе исправлены или улучшены, смотря по надобности. Ни одно процессуальное правило не уничтожено, не измѣнено или замѣнено другимъ безъ вѣсскихъ къ тому побужденій; ни одно нововведеніе—а ихъ не мало— не нарушаетъ принятаго общаго строенія юстиціи. Не подорванъ ни одинъ изъ ея основныхъ принциповъ даже въ томъ случаѣ, если, не въ видѣ уступки, а по непреложнымъ соображеніямъ государственной пользы, приходилось допускать отдѣльныя изъятія или ограниченія, которые уже потому извинительны, что даютъ необходимый просторъ упорнымъ домогательствамъ жизни и, не позволяя ей подтачивать высшія правовыя нормы, косвенно способствуютъ ихъ непокосновенности и торжеству.

Форма, въ которую вылились работы Коммисіи, а слѣдовательно и вещественныя проявленія пересмотра судебныхъ узаконеній, строго соответствуетъ его сущности и назначенію. Были приложены всѣ старанія къ тому, чтобы какъ можно меньше отойти отъ законодательнаго памятника, связаннаго съ Великимъ Именемъ Императора Александра II. Составленные въ Коммисіи проекты образуютъ въ ихъ совокупности тѣ же Судебные Уставы, но лишь въ новомъ ихъ изложеніи, съ тѣми измѣненіями и дополненіями въ текстѣ, которые вызываются переработкой содержанія. Всюду, гдѣ являлась малѣйшая къ тому возможность, оставлена нетронутою прежняя редакція какъ потому, что отъ добра добра не ищутъ, такъ и вслѣдствіе того, что съ ней давно освоились и свыклись суды и граждане. Примѣнительно къ тому же слогу, къ той же терминологіи Судебныхъ Уставовъ изложены и новыя предположенія, особенно вставки въ старый текстъ или частичныя въ немъ измѣненія. Проникнутая искреннимъ почтеніемъ къ труду своихъ предѣстниковъ, Коммисія тщательно воздерживалась отъ всѣхъ не безусловно необходимыхъ, наружныхъ поправокъ, на которыя иногда незамѣтно для себя самой подается реформаторская энергія законодательнаго перевершенія. Соблюденіе этихъ и имъ подобныхъ условій редакторской и кодификаціонной техники стоило немаловажныхъ усилій нашему дѣлопроизводству, но они искупались ревностнымъ желаніемъ дать и во внѣшнемъ отношеніи кодексъ, приближающійся къ своему первообразу и въ то же время находящійся на высотѣ современныхъ ожиданій отъ правосудія. Такъ же поступали мы во всемъ, что ка-

салося распредѣленія частей въ проектахъ. Вездѣ сохранена прежняя система изложенія кромѣ тѣхъ мѣстъ, отраслей и отдѣловъ, гдѣ радикально измѣнялась вся постановка дѣла, а съ нею и вся послѣдовательность и соразмѣрность его воспроизведенія въ проектированныхъ статьяхъ. Тамъ система логически опредѣлилась содержаніемъ, усвоеніе котораго приведетъ и къ удобству пользованія. Короче, въ работѣ нашей Судебные Уставы не перестали быть тѣмъ, чѣмъ они были до нея; если же въ самомъ названіи точнѣе обозначить ея соотношеніе съ ними, то можно было бы лишь продлить заглавіе, сказавъ: *Судебные Уставы Императора Александра II, пересмотрѣнные по повелѣнію Императора Александра III въ Царствованіе Императора Николая II.*

Освященное изволеніемъ трехъ Императоровъ, судебное обновленіе и нынѣ, какъ прежде, не предполагается держать въ тайнѣ отъ общественнаго свѣдѣнія. Въ теченіе пятилѣтнихъ занятій нашей Коммисіи въ Журналѣ Министерства Юстиціи неоднократно помѣщались болѣе или менѣе подробныя извѣстія о ходѣ ея трудовъ. Въ повременной печати проскальзывали сожалѣнія о томъ, что эти извѣстія не касаются внутренней стороны нашихъ работъ, не излагаютъ выработанныхъ заключеній и проектовъ. Не говоря о томъ, что эти сѣтованія лишены основанія, такъ какъ въ цѣломъ рядѣ напечатанныхъ сообщеній періодически указывалось направленіе дѣятельности Коммисіи по существу подлежащихъ ей вопросовъ, ясно до очевидности, что въ періодъ продолжающейся законодательной разработки, въ разгаръ горячаго обмѣна мнѣній, при неустановившихся еще выводахъ и рѣшеніяхъ, мы не могли, да и не имѣли права, безъ высшей санкціи въ болѣе мѣрѣ дѣлиться съ публикой нашими трудами. Теперь насталъ другой, конечный періодъ ихъ движенія, и одновременно съ передачей на заключеніе вѣдомствъ, проекты будутъ опубликованы и, такимъ образомъ, поступятъ на общественное обсужденіе. Поскольку оно выразится въ серьезныхъ и безпристрастныхъ отзывахъ, Министерство Юстиціи, всюду признавая гласность и свободу мнѣній однимъ изъ могучихъ двигателей истины, не преминетъ воспользоваться и этимъ средствомъ для окончательной отдѣлки выполненныхъ работъ. Всякій добрый совѣтъ будетъ встрѣченъ съ благодарностью, всякій разумный голосъ услышанъ и оцѣненъ.

Сегодня, при завершеніи нашихъ занятій, невольно вспоми-

наются предшествовавшіе ихъ начатію тревожные и знаменательные дни. Мы помнимъ, вокругъ насъ сгущались тѣни и на распути, въ зловѣщемъ сумракѣ недоброжелательныхъ сомнѣній и колебаній, стояло наше дѣло, лицомъ къ лицу съ возникшими вопросами объ участи многихъ основъ и учреждений такъ называемаго новаго, хотя уже успѣвшаго состариться суда; и часто у его служителей сжималось сердце и опускались руки передъ роковыми недоразумѣніями, которыя воздвигались между законодателемъ и судьей, между закономъ и жизнью, дѣйствительностью и призраками. Но Богъ былъ милостивъ къ русской юстиціи: почившій Государь повелѣлъ выяснить вопросы, разсѣять сомнѣнія, прекратить колебанія и недоразумѣнія, чтобы *«наконецъ дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи»*—какъ сказано въ приснопамятныхъ историческихъ словахъ Высочайшей резолюціи 7 апрѣля 1894 года. И вотъ, по этой священной, замогильной волѣ, подѣ благотворной сѣнью Всемилостивѣйшаго вниманія нынѣ благополучно Царствующаго Монарха, наша работа кончена: судебный строй, испытанный болѣе, чѣмъ 30 тяжелыми годами опыта, прошелъ и черезъ тщательное испытаніе всѣхъ сторонъ своихъ въ горнилѣ знанія, правдивости и вѣрно-подданническаго долга. По глубочайшему моему убѣжденію, которое я былъ бы счастливъ раздѣлить съ Вами, русскій, царскій судъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется по Судебнымъ Уставамъ и по настоящимъ нашимъ предположеніямъ, съ честью выдержалъ это испытаніе, оказался вполне жизнеспособенъ и смѣло, громко требуетъ себѣ довѣрія и уваженія. Не помышляя о недостижимомъ совершенствѣ, довольствуясь возможной правильностью судебной организаціи и правомѣрностью судебныхъ дѣйствій, мы хотѣли бы видѣть нашъ судъ устойчивымъ, крѣпко водруженнымъ на твердомъ основаніи закона, въ себѣ самомъ носящимъ залогомъ прочной и сильной справедливости. Въ этомъ реальномъ стремленіи наше неизбѣжное отличіе отъ нашихъ славныхъ предшественниковъ, создавшихъ новый судъ и бережно, любовно охранявшихъ начальные шаги его—отличіе, но вмѣстѣ и преемство. То былъ своего рода медовый мѣсяць, незабвенная пора первыхъ пионеровъ судебной реформы, которые вложили въ нее всю душу свою и ярко озарили избранное ими поприще неугасимо горѣвшимъ въ нихъ огнемъ добра и правды. Согрѣтыя и просвѣтленныя его живительною силой, новыя судебныя установленія пылко выступили на борьбу съ неправдою и зломъ. Не-

смотря на набѣгавшія уже тучи, не взирая на противодѣйствіе и затрудненія, приподнятый и окрыленный духъ подвига, призванія, поддерживалъ дѣятелей и скрашивалъ всѣ невзгоды дѣятельности. Но скоро—таковъ жестокой законъ вещей—слишкомъ скоро миновалъ свѣтлый праздникъ и постепенно перешелъ въ длинные, сѣрые будничные дни. На смѣну подвижниковъ—идеалистовъ явились рядовые труженики, священнодѣйствіе впервые устнаго и гласнаго суда превратилось въ нелегую вседневную страду, непомѣрно возрастающую и въ качествѣ и въ количествѣ; душевный подъемъ слабѣлъ, а трудъ ежечасно увеличивался. Съ установленіями новаго суда случилось то же, что съ новымъ зданіемъ, осѣдающимъ на неподготовленномъ, мягкомъ грунтѣ: пока дойдетъ до материка оно постепенно обнаруживаетъ всѣ недочеты стройки или почвы, всѣ слабыя мѣста свои, куда и надлежитъ направить ремонтныя работы. А для нихъ, по самому ихъ свойству, ужъ нечего искать и ждать юношескаго пыла или радужныхъ перспективъ и обширныхъ горизонтовъ. Нужно было трезвое, спокойное, настойчивое и не всегда благодарное, но всегда благородное закрѣпленіе устоевъ, починка, передѣлка, приспособленіе къ развивающимся условіямъ и явленіямъ жизненнаго оборота. Таковъ трудъ, выпавшій на долю нашей Комисіи; онъ есть не что иное, какъ продолженіе и обезпеченіе судебного преобразования. Многозначительна та служба, которую мы предназначены сослужить ему. Мы должны были сдѣлать такъ, чтобы составъ и уровень нашего суда и его органовъ отнынѣ не опасался никакихъ враговъ, но и не зависѣлъ ни отъ высокаго, но временнаго порыва, ни отъ горячихъ, но преходящихъ вѣяній, ни отъ избранниковъ, рѣдкихъ въ тяжелой трудовой профессіи. Мы знали, что учрежденія должны быть разсчитаны на массу обыкновенныхъ, среднихъ людей, не на героевъ, что люди и настроенія ихъ проходятъ, а учрежденія остаются и дѣйствуютъ среди далекой отъ идеаловъ «битвы жизни» Намъ казалось необходимымъ и возможнымъ сблизить это разстояніе, соединить въ устройствѣ правосудія незыблемость великихъ основныхъ началъ его съ практической гибкостью ихъ дѣйствія. Судебные Уставы дали Россіи новый судъ; пусть же послѣ пересмотра онъ станетъ судомъ уже не новымъ, но незамѣнимымъ!

II. По выслушаніи приведеннаго сообщенія, Предсѣдатель II-го Отдѣла, Членъ Коммисіи, Сенаторъ Н. Н. Шрейберъ обратился къ Н. В. Муравьеву со слѣдующими словами:

„Ваше Высокопревосходительство Николай Валеріановичъ, дозвольте мнѣ, отъ всего состава Коммисіи, какъ старѣйшему изъ ея Членовъ, сказать нѣсколько словъ.

Высочайшимъ довѣріемъ блаженныя памяти въ Бозѣ почившаго Царя Миротворца Императора Александра III Ваше Высокопревосходительство поставлены 1 января 1894 г. во главѣ судебнаго вѣдомства.

Будучи щедро одарены отъ природы духовными силами, Вы посвятили свою дѣятельность службѣ въ рядахъ прокурорскаго надзора, пройдя въ нихъ послѣдовательно съ блестящимъ успѣхомъ всѣ должности, начиная отъ должности товарища прокурора окружнаго суда и кончая должностью Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената.

Развивая свои богатые дарованія на практическомъ поприщѣ, Вы одновременно съ тѣмъ не оставляли научныхъ занятій и изслѣдованій и, соединяя теорію съ практикой, завоевали себѣ имя высокопросвѣщеннаго юриста и доблестнаго и могучаго своимъ талантомъ оратора, — именемъ Вашимъ всегда гордилось судебное вѣдомство.

Близко соприкасаясь по роду своей службы съ отиравленіемъ правосудія на всѣхъ ступеняхъ лѣстницы судебныхъ установленій и сознавая всю мощь и совершенство началъ, вложенныхъ въ Судебные Уставы, дарованные нашему Отечеству блаженныя памяти Царемъ Освободителемъ Императоромъ Александромъ II, Ваше Высокопревосходительство не могли однако не подмѣтить, что въ этихъ Уставахъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ рукъ человеческихъ, обнаружались нѣкоторые частичные недостатки и пробѣлы, всплывавшіе наружу при примѣненіи содержащихся въ сихъ Уставахъ постановленій на практикѣ.

Въ заботахъ о преуспѣяннн ввѣренной Вамъ Высочайшею волею части, Вы, вступивъ, съ запасомъ глубокихъ научныхъ знаній и обширнаго опыта, въ управленіе Министерствомъ Юстиціи, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, вскорѣ послѣ назначенія, а именно въ началѣ апрѣля 1894 г., вошли къ въ Бозѣ почившему Императору Александру III со всеподданнѣйшимъ докладомъ о необходимости пересмотра Судебныхъ Уставовъ, но

отнодѣ не съ цѣлью ихъ коренной ломки, а лишь единственно для устраненія тѣхъ недостатковъ и пробѣловъ, которые съ несомнѣнностью выяснились въ практической жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду важности и обширности предстоящаго законодательнаго труда, Ваше Высокопревосходительство считали цѣлесообразнымъ образовать для исполненія онаго Комисію не изъ однихъ только чиновъ центрального управленія Министерства Юстиціи, но и изъ нѣкоторыхъ высшихъ представителей судебного вѣдомства, а равно изъ представителей другихъ вѣдомствъ, имѣющихъ наибольшее соприкосновеніе съ судебною частью.

Предположенія эти удостоились 7 апрѣля 1894 г. Высочайшаго утвержденія.

Образованная для пересмотра законоположений по судебной части подъ предсѣдательствомъ Вашего Высокопревосходительства Комисія открыла свои дѣйствія 30 того же апрѣля вступительнымъ сообщеніемъ Вашимъ, въ которомъ, между прочимъ, выяснивъ цѣль и предѣлы пересмотра означенныхъ законоположеній, сообразно съ главными основаніями Высочайше одобреннаго всеподданнѣйшаго доклада, Вы высказали свой взглядъ на существенные устои правосудія вообще и на слабыя, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, стороны нашихъ судебныхъ порядковъ и указали на цѣлый рядъ мѣръ, осуществленіе которыхъ, по убѣжденію Вашему, несомнѣнно способствовало бы улучшенію судебной части, не придавая этимъ указаніямъ ни исчерпывающаго, ни предрѣшающаго значенія.

Предпринятый по почину Вашего Высокопревосходительства пересмотръ законоположений по судебной части нынѣ законченъ.

Нельзя при этомъ не вспомнить о той сокровищницѣ, изъ которой мы, широкою мѣрою, черпали данныя, указывавшія на необходимость измѣненія и дополненія многихъ изъ дѣйствующихъ по судебной части законовъ. Упомянутая сокровищница—это имѣвшіе для насъ громадное значеніе труды самихъ членовъ судебного вѣдомства. Стоя лицомъ къ лицу съ повседневными требованіями жизни, они разработали цѣлый рядъ возникавшихъ при примѣненіи Судебныхъ Уставовъ вопросовъ, какъ въ постановленныхъ ими рѣшеніяхъ, приговорахъ и опредѣленіяхъ, такъ и въ особыхъ самостоятельныхъ представленіяхъ въ Министерство Юстиціи.

Этотъ обильный матеріалъ сдѣлался еще болѣе обширнымъ вслѣдствіе не только дружнаго, но и цѣннаго и обстоятельнаго отъелка чиновъ судебного вѣдомства на призывъ о доставленіи замѣчаній и заключеній для надобностей нашей Комисіи.

Не намъ конечно, какъ Вы изволили справедливо замѣтить, оцѣнивать достоинство составленныхъ проектовъ новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій и уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, но едва-ли меня могутъ упрекнуть въ нескромности, если я позволю себѣ сказать, что мы всѣ здѣсь присутствующіе, проникнутые горячею любовью къ судебному дѣлу, коему посвятили лучшіе годы нашей жизни, и, памятуя свой долгъ предъ Престоломъ и Отечествомъ, стремились, каждый по крайнему своему разумѣнію, къ улучшенію судебной части въ направленіи, соотвѣтствующемъ интересамъ дорогаго сердцу Русскихъ Монарховъ правосудія и насущнымъ потребностямъ населенія, закрѣпляя Русскому народу судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ, по священному завѣту Создателя Судебныхъ Уставовъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II.

Пересмотръ законоположеній по судебной части продолжался въ теченіе 5 лѣтъ и завершился,—при постоянномъ непосредственномъ участіи Вашего Высочайшаго Превосходительства въ трудахъ Коммисіи и подъ Вышимъ неустаннымъ руководствомъ.

Разставаясь нынѣ съ Вами, какъ съ Предсѣдателемъ исполнившей свою задачу Коммисіи, мы почитаемъ долгомъ воздать дань полнаго уваженія той энергіи, съ которою Вы вели это дѣло, воодушевляя своимъ примѣромъ наши занятія, и выразить Вамъ чувства живѣйшей признательности за то просвѣщенное и безпристрастное руководство, которымъ мы пользовались въ теченіе всего продолжительнаго времени нашей совмѣстной работы.

Дай Богъ, чтобы наши общіе, посильные труды послужили ко благу Русскаго народа и тѣмъ оправдали ожиданія нашего возлюбленнаго Монарха, Государя Императора Николая Александровича“.

III. Въ заключеніе Предсѣдатель, предложивъ Коммисіи выслушать Высочайшую Его Императорскаго Величества Волю, объявилъ нижеслѣдующее:

„По всеподданнѣйшему докладу моему объ окончаніи нашихъ работъ, Государь Императоръ, 19 мая сего года, предоставилъ мнѣ объявить въ послѣднемъ засѣданіи Коммисіи Высочайшее повелѣніе о ея закрытіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) по окончательномъ исправленіи изложенія выработанныхъ Ком-

мисією проектовъ новой редакціи учрежденія судебныхъ установлений и уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, а также объяснительныхъ къ нимъ записокъ—сообщить означенные проекты на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ съ тѣмъ, чтобы отзывы ихъ были доставлены въ шестимѣсячный срокъ;

2) по истеченіи означеннаго въ п. 1 срока, внести проекты, вмѣстѣ съ отзывами вѣдомствъ и моимъ по содержанию сихъ отзывовъ заключеніемъ, на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта;

3) произвести въ Министерствѣ Юстиціи пересмотръ положенія о нотаріальной части и составить предположенія о приведеніи проектированнаго судебного преобразованія въ дѣйствіе,—съ привлеченіемъ къ этимъ занятіямъ нѣкоторыхъ изъ Членовъ Коммисіи и другихъ лицъ, по моему назначенію, и внести выработанные по симъ предметамъ проекты, въ установленномъ порядкѣ, на уваженіе Государственнаго Совѣта;

4) по сообщеніи проектовъ (п. 1) на заключеніе вѣдомствъ, напечатать эти проекты, для общаго свѣдѣнія, въ „Журналъ Министерства Юстиціи“.

При этомъ Государю Императору благоугодно было: „изъявить Свое совершенное удовольствіе по поводу окончанія Коммисією возложеннаго на нее въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ III пересмотра законоположеній по судебной части и повелѣть Министру Юстиціи выразить Коммисіи въ полномъ ея составѣ искреннюю признательность Его Императорскаго Величества за исполненіе сего обширнаго и важнаго законодательнаго труда“.

Независимо отъ этой Великой Монаршей Милости, за особые труды по пересмотру Судебныхъ Уставовъ Всемиловитвѣйше пожалованы слѣдующія награды:

Товарищу Министра Юстиціи, Сенатору *Бутовскому* изъявлена Высочайшая Его Императорскаго Величества благодарность.

Сенаторы, Тайные Совѣтники *Шрейберъ* и *Лукьяновъ* пожалованы въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники.

Сенатору, Тайному Совѣтнику *Таганцеву* пожалованъ орденъ Св. Александра Невскаго.

Сенатору, Тайному Совѣтнику *Гасману* пожалованъ орденъ Вѣлаго Ора.

Директоръ Перваго Департамента Министерства Юстиціи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Манухинъ* произведенъ въ Тайные Совѣтники.

Юрисконсультъ Министерства Юстиціи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Соколовскій* назначенъ Предсѣдателемъ Департамента С.-Петербургской Судебной Палаты.

Товарищъ Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената, Статскій Совѣтникъ *Щеловитовъ* произведенъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

Товарищу Оберъ-Прокурора Гражданскаго Кассационнаго Департамента, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику *Поворинскому*, исполняющему обязанности Юрисконсульта Министерства Юстиціи, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику *Городыскому* и Юрисконсультамъ Министерства: Статскому Совѣтнику *Веревкину*, Коллежскому Совѣтнику *Фрейману* и Надворному Совѣтнику *Вилимбахову* объявлено Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію Высочайше учрежденная при Министерствѣ Юстиціи Коммисія для пересмотра законоположеній по судебной части закрыта“.

ЧЕТВЕРТОЕ ГЛАВНОЕ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ЧЛЕНОВЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА СУДЕБНАГО ВѢДОМСТВА.

16 мая 1899 года въ квартирѣ Министра Юстиціи состоялось, подъ председательствомъ Товарища Министра Юстиціи, Сенатора П. М. Бутовскаго, Четвертое Главное Общее Собрание Членовъ Благотворительнаго Общества судебнаго вѣдомства.

Секретарь Собранія В. В. Григолевскій доложилъ, что истекшій годъ, какъ видно изъ составленнаго Комитетомъ отчета, далъ въ общемъ довольно утѣшительные для общества результаты: число членовъ Благотворительнаго Общества судебнаго вѣдомства возросло, а именно: число пожизненныхъ—съ 360 до 389, а число дѣйствительныхъ—съ 5304 до 5888.

Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились также и принадлежащія Обществу денежныя средства: въ началѣ отчетнаго періода Общество располагало суммою въ 143.272 руб. 23¹/₂ коп., а къ 1 января 1899 года—средства Общества уже опредѣлились суммою въ 161.847 руб. 80¹/₂ коп.

Что касается неприкосновеннаго капитала, то онъ достигъ, къ 1 января 1899 года, суммы въ 111.371 руб. 21 коп.

Располагая большими средствами, Общество имѣло возможность усилить нѣсколько дѣятельность свою по выдачѣ единовременныхъ пособій: въ теченіе отчетнаго года оно пришло на помощь 572 лицамъ, выдавъ имъ въ пособіе 36.755 руб. 92 коп.

Послѣ того Секретаремъ прочитано было Собранію заключеніе Ревизіонной Коммисіи слѣдующаго содержанія:

„Избранная Третьимъ Главнымъ Общимъ Собраніемъ Ревизіонная Коммисія, въ составѣ Ф. И. Шамрая, Я. М. Гальперна и В. И. Маркевича, нашла:

а) что къ 1 января 1899 года числилось по Комитету и С.-Петербургскому округу 114.184 руб. 9¹/₂ коп., т. е. то именно количе-

ство, какое показано въ оправдательныхъ документахъ и въ отчетѣ за 1898 годъ;

б) что къ 14 апрѣля 1899 года, т. е. ко дню приступа къ ревизіи, по книгамъ значилось и дѣйствительно состояло 115.860 руб. 64¹/₂ коп.;

в) что суммы прихода и расхода записаны въ книгахъ совершенно правильно и вполнѣ согласно съ оправдательными документами и ордерами Комитета.

Найдя, такимъ образомъ, веденіе денежной части по Комитету и С.-Петербургскому округу въ полномъ порядкѣ, Члены Ревизіонной Комисіи постановили составить объ этомъ актъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, признали соответственнымъ указать въ немъ на то обстоятельство, что, по ихъ мнѣнію, было бы болѣе удобно и цѣлесообразно сдавать принадлежащія Обществу процентныя бумаги въ Государственный Банкъ не только на храненіе, но и на управленіе, и высказали, кромѣ того, пожеланіе, чтобы хранящіяся, согласно § 23 инструкціи, въ кассѣ Комитета наличныя деньги, составляющія расходныя суммы Общества, сдавались по истеченіи извѣстнаго періода времени (одной или двухъ недѣль) въ какой-либо банкъ на текущій счетъ“.

Согласно приведенному выше заключенію Ревизіонной Комисіи, а равно и ходатайству, заявленному самимъ Казначеемъ, 21 апрѣля 1899 года, какъ это видно изъ прочитаннаго Собранію доклада, было разрѣшено Комитетомъ Сенатору А. А. Герке сдавать принадлежащія Обществу процентныя бумаги въ Государственный Банкъ не только на храненіе, но и на управленіе, послѣ чего сдѣлано было съ Министромъ Финансовъ сношеніе о предоставленіи Обществу права производить эту операцію на возможно болѣе льготныхъ для него условіяхъ. Согласіе Министра Финансовъ принимать капиталы Общества на тѣхъ условіяхъ, коими пользуются учрежденія вѣдомства Императрицы Маріи, уже послѣдовало.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Казначей Комитета распорядился объ открытіи въ С.-Петербургскомъ Учетно-Ссудномъ Банкѣ втораго текущего счета спеціально для расходныхъ суммъ Благотворительнаго Общества судебного вѣдомства (по С.-Петербургскому округу).

Засимъ Собранію была доложена приблизительная смѣта на 1899 годъ.

Согласно этой смѣтѣ, число единовременныхъ взносовъ пожизненныхъ членовъ должно сократиться нѣсколько по сравненію съ прошедшимъ годомъ (такъ какъ весьма значительное число лицъ нашего вѣдомства уже состоятъ пожизненными членами), и общій итогъ этихъ

взносовъ, а также и пожертвованій въ неприкосновенный капиталъ представлялось бы возможнымъ опредѣлить приблизительно въ 2 тыс. руб. Предполагая засимъ, что въ 1899 г. пятирублевые взносы поступятъ отъ $5\frac{1}{2}$ т. членовъ, а пожертвованія въ расходный капиталъ, проценты съ него и кружечный сборъ—поступятъ приблизительно въ прошлогоднихъ размѣрахъ,—представлялось бы возможнымъ опредѣлить размѣръ ожидаемыхъ взносовъ дѣйствительныхъ членовъ въ 27.500 руб., а размѣръ прочихъ поступленій въ расходныя суммы въ $7\frac{1}{2}$ тысячъ.

Что касается дохода отъ неприкосновеннаго капитала, обращеннаго уже въ процентныя бумаги, то капиталъ этотъ въ теченіе 1899 года долженъ принести Обществу около $4\frac{1}{2}$ тысячъ.

На выдачу постоянныхъ пособій (изъ процентовъ съ неприкосновеннаго капитала) предполагается израсходовать въ теченіе 1899 года, кромѣ 1790 руб., уже назначенныхъ къ выдачѣ Комитетомъ въ предшествующіе годы, еще приблизительно до 750 руб.; такимъ образомъ весь расходъ по выдачѣ постоянныхъ пособій опредѣлится суммою въ 2540 руб.

Наконецъ слѣдовало бы опредѣлить сумму предстоящаго въ 1899 году расхода по выдачѣ единовременныхъ пособій въ 30.300 руб., а канцелярскіе, почтовые и другіе расходы—въ 1200 руб. Въ общемъ итогъ расходъ этотъ составитъ 31.500 руб. и не превыситъ суммы, ожидаемой къ поступленію въ 1899 году, за исключеніемъ изъ нея 10 процентовъ отчисленій въ неприкосновенный капиталъ.

По выслушаніи доклада Секретаря, Общее Собраніе постановило: составленный Комитетомъ отчетъ за 1898 годъ и смѣту на 1899 годъ утвердить.

Засимъ, согласно предложенію Комитета, было присвоено званіе почетнаго члена Общества почетному Мировому Судѣ Саратовскаго округа Василю Дмитриевичу Вакурову за пожертвованные имъ 5 іюля 1898 года въ пользу Благотворительнаго Общества судебного вѣдомства тысячу рублей съ цѣлью учрежденія пріюта или общежитія для сиротъ и дѣтей недостаточныхъ родителей, принадлежавшихъ или принадлежащихъ къ судебному вѣдомству Саратовской губерніи.

Кромѣ того Общее Собраніе, рассмотрѣвъ выработанный Комитетомъ проектъ нѣкоторыхъ измѣненій въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ Благотворительнаго Общества судебного вѣдомства, нашло, что измѣненія эти представляются цѣлесообразными и потому должны быть введены въ уставъ, который и подлежитъ утвержденію въ новой его

редакціи, съ нѣкоторыми лишь заявленными Общему Собранію и принятыми имъ редакціонными поправками по §§ 1, 15, 23, примѣч. къ 29 и 37 и съ передачею на предварительное обсужденіе Комитета другихъ сдѣланныхъ Собранію заявленій.

Послѣ того Собраніе приступило къ выбору 4 членовъ Комитета, взамѣнъ выбывшихъ, согласно § 17 устава: Евгеніи Ивановны Муравьевой, Владислава Ромуловича Завадскаго, Николая Степановича Таганцева и Викентія Осиповича Накельскаго, а также 4 кандидатовъ въ члены Комитета и, кромѣ того, 5 членовъ Ревизіонной Коммисіи.

Произведенною баллотировкою оказались избранными:

въ члены Комитета:

1. Евгенія Ивановна Муравьева.
2. Викентій Осиповичъ Накельскій.
3. Николай Степановичъ Таганцевъ.
4. Владиславъ Ромуловичъ Завадскій.

въ кандидаты:

1. Н. Д. Чаплинъ.	3. Ф. Ф. Арнольдъ.
2. В. В. Гриколевскій.	4. В. К. Случевскій.

въ члены Ревизіонной Коммисіи:

1. Яковъ Марковичъ Гальпернъ.
2. Василій Ивановичъ Маркевичъ.
3. Владиміръ Измаиловичъ Срезневскій.
4. Федоръ Илларионовичъ Шамрай.
5. Петръ Николаевичъ Огаревъ.

Засимъ доложено было Общему Собранію о результатахъ устроеннаго въ пользу Благотворительнаго Общества 3 апрѣля сего года оперно-симфоническаго концерта, при чемъ Общее Собраніе единогласно выразило глубокую признательность Предсѣдательницѣ Комитета Евгеніи Ивановнѣ Муравьевой, принимавшей столь живое участіе въ устройствѣ этого концерта.

Послѣ того Казначей Комитета, Сенаторъ А. А. Герке, заявилъ Общему Собранію, что лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, внесло въ кассу Общества 100 руб. по поводу отраднаго завершенія нынѣ введенія въ дѣйствіе Суд. Уст. 1864 г. во всей Россіи и въ знакъ глубокаго уваженія къ Министру Юстиціи Н. В. Муравьеву и что примѣръ неизвѣстнаго нашель послѣдователя: въ Общемъ Собраніи Р. А. Мерцъ внесъ 100 руб., прося присоединить ихъ къ ста рублямъ, внесеннымъ неизвѣстнымъ лицомъ.

Въ заключеніе Общее Собраніе выразило благодарность: Комитету Общества и Предсѣдателю Собранія П. М. Бутовскому.

О РАЗМѢРАХЪ ДОПУСТИМОСТИ

АНАЛОГИИ ПРИ ПРИМѢНЕНИИ УГОЛОВНАГО ЗАКОНА.

(Опытъ сравнительно-историческаго изслѣдованія этого вопроса въ связи съ ученіемъ о толкованіи).

О. П. Дубровина.

(Окончаніе) ¹⁾.

Въ виду того, что русское право подверглось романизациі лишь въ самой незначительной степени, а также и того, что русское государство, съ самаго момента своего возникновенія, было поставлено въ совершенно исключительныя условія, можно уже а priori предположить, что ходъ развитія вопроса о юридическомъ толкованіи законовъ и аналогическомъ ихъ примѣненіи былъ въ нашемъ отечествѣ иной, чѣмъ въ Западной Европѣ.

Въ древнѣйшія времена русскаго государства, пока судьей былъ самъ князь, который лично отправлялъ дѣла правосудія, ни о какихъ стѣсненіяхъ права толкованія закона не могло быть и рѣчи, такъ какъ князь соединялъ въ своемъ лицѣ функціи и судебной и законодательной власти. Но по мѣрѣ объединенія Россіи подъ властью Москвы, отправленіе правосудія самимъ государемъ лично дѣлалось все затруднительнѣе. Не имѣя физической возможности разрѣшать всѣ

¹⁾ См. Жур. Мин. Юст. 1899 г., Май, стр. 107.
Жур. Мин. Юст. Июнь 1899.

судебныя дѣла, представленныя ихъ личному суду, великіе князья учреждаютъ себѣ въ помощь „бояръ введенныхъ“, которымъ даютъ право судить „судъ великаго князя“ (Сергѣевичъ—Русскія юридическія древности. Т. II, вып. 2-ой, 1896 г., стр. 395). Первая попытка создать такой судъ принадлежитъ великому князю Іоанну III Васильевичу (*ibid.* т. I, стр. 372). Дальнѣйшій шагъ въ организаціи этого высшаго суда состоялъ въ учрежденіи боярской судной коллегіи (возникшей, по мнѣнію проф. Сергѣевича, въ 1564 году).

Этой коллегіи предоставлено было вѣдать все внутреннее управленіе, военное и гражданское, и судъ¹⁾. „Но трудно думать,—говоритъ проф. Сергѣевичъ,—чтобы земскимъ боярамъ предоставлена была компетенція, выходящая за предѣлы прямого примѣненія царскихъ указовъ. Напротивъ, всѣ жалованья, льготныя и др. грамоты, дошедшія до насъ отъ этого времени, даны отъ имени самого царя, такъ что все высшее управленіе, какъ и слѣдовало ожидать, осталось въ его рукахъ. Къ боярамъ же перешло только исполненіе указовъ, да и въ этой области едва-ли они дѣйствовали самостоятельно въ сколько-нибудь сомнительныхъ случаяхъ. Можно думать, что любимой формой ихъ дѣятельности были доклады государю“.

Дѣйствительно, по законамъ великаго князя Іоанна III Васильевича, 1497 г., намѣстники, волостели и тѣны ихъ, имѣя въ рукахъ своихъ власть судную, не могли ни наказывать преступниковъ, ни давать грамотъ на холопство по своей волѣ, безъ утвержденія самого великаго князя—что составляетъ, по мнѣнію Калайдовича и Строева²⁾, прекраснѣйшую черту сихъ законовъ, дѣлающую честь законодателю. Аналогичныя постановленія мы находимъ и въ судебникѣ Іоанна IV Грознаго, 1550 г. Такъ, ст. 7 этого судебника гласитъ: „А которому будетъ жалобнику, безъ государева вѣдома, управы учинить немочно, ино челобитье его сказати

¹⁾ Сергѣевичъ—Русскія юрид. древности, т. II, вып. 2, стр. 396—399.

²⁾ Законы великаго князя Іоанна Васильевича и судебникъ царя и великаго князя Іоанна Васильевича, съ дополнительными указами, издаванными Калайдовичемъ и Строевымъ, 1819 г., предисловіе, стр. 15.

государю“. Въ ст. 71 того же судебника читаемъ: „А на-мѣстникамъ и волостелемъ, которые держать кормленія, и тѹнамъ великаго князя, и боярскимъ тѹнамъ, и дѣтей боярскихъ тѹнамъ, татя и душегубца і всякаго лихого человѣка, безъ доклада ни продати, ни казнити, ни отпустить; а хто татя іли душегубца и всякаго лихого человѣка отпустить, или кого безъ доклада продасть или казнитъ, и на томъ судѣ исковы іски доправити вдвое, а въ Государевѣ пенѣ кинути въ тюрьму до царева Государеву указу“.

Такимъ образомъ, и въ царствованіе Іоанна IV Грознаго боярскій судъ не могъ вершитъ дѣла безъ доклада государю. Ст. 98 судебника прямо говоритъ: „А которые будутъ (приключатца) дѣла новыя, а въ семь судебникѣ не писаны, и какъ тѣ дѣла съ Государева доклада (указу) і со всехъ бояръ приговору вершатца, і тѣ дѣла въ семь судебникѣ приписывати“. Стало быть, судная боярская коллегія не могла разрѣшать случаи, не предусмотрѣнные судебникомъ, право на пополненіе пробѣловъ законодательства принадлежало всецѣло и исключительно царю и великому князю, къ которому, безъ всякихъ посредствующихъ учреждений, и поступало въ такихъ случаяхъ дѣло. Такое положеніе вещей продолжается и при Михаилѣ Федоровичѣ. Въ 1626 г. этотъ государь, совмѣстно съ отцомъ своимъ, патриархомъ Филаретомъ, въ отвѣтъ на запросъ помѣстнаго приказа, какъ они прикажутъ, послѣ пожара, помѣстныя и вотчинныя дѣла дѣлать, приказали: „И которыхъ статей въ помѣстномъ приказѣ о помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ, безъ государева царева и великаго князя Михаила Федоровича и отца его, государева, великаго государя, святѣйшаго патриарха Филарета Никитича имяннаго приказу, дѣлать не мочно, тѣ статьи они, государи, велѣли написать и принесть къ себѣ, государямъ, въ доклад“¹⁾.

Правда, въ царствованіе Михаила Федоровича возникаетъ и новый порядокъ: Михаилъ Федоровичъ начинаетъ при-

¹⁾ Владимірскій-Будановъ — Христоматія по исторіи русскаго права, т. III, стр. 214.

казывать тѣ же дѣла, которыя до него и при немъ судилъ бояринъ съ дьякомъ, „судить боярамъ“, и не только „судъ судить“, но и „вершить“ дѣло. Въ началѣ XVII вѣка это дѣлается всякій разъ по особому государеву указу. Челобитье подается государю, а государь приказываетъ „сидѣть о томъ боярамъ“—или „поговоря о томъ, указъ учинить“. На основаніи такого указа, бояре „приговариваютъ“: или отказать челобитчику или посадить его въ тюрьму и т. д. ¹⁾).

„Здѣсь мы присутствуемъ“, говоритъ Сергѣевичъ ²⁾), „при самомъ зарожденіи расправной палаты XVII в. Государь уполномачиваетъ бояръ рассмотреть челобитье и составить приговоръ, т. е. рѣшить дѣло, не внося на его утверженіе. Въ этихъ случаяхъ бояре дѣйствуютъ не какъ думцы государя, а какъ самостоятельный судъ, облеченный правомъ рѣшать. Но это дѣлается всякій разъ по особому полномочію. Постояннаго же учрежденія боярской расправы, дѣйствующей по общему праву, а не по специальному всякій разъ указу, нѣтъ и въ 1626 году“.

Первое указаніе въ законодательствѣ на такое посредствующее учрежденіе мы находимъ въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича, 1649 г., да и то довольно нерѣшительное. Статья 2, гл. X этого уложенія гласитъ: „А спорныя дѣла, которыхъ въ приказѣхъ зачѣмъ вершити будетъ немочно, вносить изъ приказовъ въ докладъ къ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу и къ его государевымъ боярамъ и окольничьимъ и думнымъ людямъ. А боярамъ и окольничьимъ и думнымъ людямъ *сидѣти въ палатѣ* и по государеву указу государевы всякія дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ“.

Останапливаясь подробно на этой статьѣ, профессоръ Сергѣевичъ (Русскія юридическія древности, т. II, вып. 2-ой, 1896 г., стр. 405—411) высказываетъ мнѣніе, что уложеніе царя Алексѣя Михайловича установило посредствующее между царемъ и приказами учрежденіе, въ видѣ бояр-

¹⁾ Разрядныя книги, I, стол. 551—554, 556, 673 и др.

²⁾ Сергѣевичъ—*ibidem*, стр. 403.

ской расправной палаты, въ которую должны были вноситься всѣ спорныя дѣла, которыхъ почему-либо нельзя было рѣшить въ приказахъ, именно въ случаяхъ: 1) отсутствія указа, разрѣшающаго дѣло, или 2) сомнѣнія въ пониманіи существующаго указа. „Степень власти расправной палаты“, говоритъ дальше проф. Сергѣевичъ, „опредѣлена указами. Расправная палата всѣ государевы дѣла рѣшаетъ по государеву указу (Уложеніе, гл. X, ст. 2). Такъ же выражаются и позднѣйшіе указы. Указъ 1680 года предписываетъ палатѣ по всѣмъ въ нее поступающимъ дѣламъ чинить государевъ указъ, „по его великаго государя указу и по уложенію.“ Палата, слѣдовательно, дѣйствуетъ по существующимъ указамъ. Ей принадлежитъ та же степень власти, что прежде (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и теперь) принадлежала приказамъ. Отсюда слѣдуетъ, что если „бояре“ найдутъ почему-либо невозможнымъ рѣшить дѣло, они должны доложить о немъ государю. Именно такое распоряженіе находимъ въ указѣ отъ 1694 года. Такъ какъ въ этомъ указѣ сведены вмѣстѣ прежнія распоряженія о боярской палатѣ и онъ какъ бы завершаетъ ея организацію, то мы и приведемъ изъ него главныя части. „Великіе государи указали: судебныхъ и всякихъ розыскныхъ дѣлъ, по которымъ въ приказахъ судьямъ указу зачѣмъ учинить будетъ немочно, или которыя и вершены, а на вершенья учнетъ кто бить челомъ и вершенья чѣмъ спорить, также и о иныхъ о какихъ дѣлѣхъ учнетъ кто . . . бить челомъ, и тѣхъ изъ приказовъ дѣлъ и челобитень слушать боярамъ и думнымъ людямъ всѣмъ и по тѣмъ дѣламъ и по челобитнымъ свой великихъ государей указъ чинить по своему великихъ государей указу, по уложенію и по новоуказнымъ статьямъ А которыхъ дѣлъ имъ, боярамъ и думнымъ людямъ, зачѣмъ безъ ихъ великихъ государей именного указа вершить будетъ немочно, и по тѣмъ дѣламъ докладывать великихъ государей“ (П. С. З., № 1491). „Нельзя сказать“, продолжаетъ проф. Сергѣевичъ (*ibid.*, стр. 411), „чтобы тутъ была проведена точная граница власти палаты. Что можно рѣшить на основаніи указовъ и чего нельзя—это дѣло весьма широкаго усмотрѣ-

нія. На основаніи этого правила могло выработаться и очень свободное толкованіе указовъ, при которомъ доклады государю могли имѣть мѣсто только въ исключительныхъ случаяхъ, и очень ограниченное, вызывавшее постоянные высочайшіе доклады. Какъ было въ дѣйствительности—это трудно сказать, такъ какъ практика палаты намъ мало извѣстна, а то, что намъ извѣстно, мы никакъ не можемъ мѣрить современною мѣрой“. Но какъ бы то ни было, на основаніи приведеннаго матеріала, мы можемъ сдѣлать выводъ, что вплоть до XVIII вѣка въ Россіи весь судъ и управленіе принадлежали государю: такъ было въ древнѣйшее время, то же положеніе вещей продолжалось и позднѣе. Если же государи и „приказывали,“ кому нубудь судить и управлять, то дѣлали это въ личныхъ своихъ удобствахъ, а не потому, чтобы государство нуждалось въ какой-либо организаціи суда и управленія. „Ихъ личную расправу“, говоритъ проф. Сергѣевичъ (ibid. стр. 414), „и народъ, и они сами продолжали считать наилучшей. Приказы и расправная палата учреждены были только по той причинѣ, что нельзя же было все дѣлать самому царю. А потому, какъ только царь признавалъ это нужнымъ, всѣ учрежденія оказывались какъ-бы не существующими, и царь и послѣ уложенія или судилъ лично, при чемъ бояре играли обычную роль думцевъ, или назначалъ спеціальныи судъ довѣренныхъ людей на отдѣльный случай.“

Все это кореннымъ образомъ измѣнилось со вступленіемъ на престолъ Великаго Преобразователя Россіи, прорубившаго, по выраженію поэта, „окно въ Европу“. Задумавъ цѣлый рядъ реформъ, долженствовавшихъ обновить Россію и сблизить ее съ Западной Европой, Петръ Великій, естественно, матеріаль для нихъ заимствовалъ съ Запада, и этимъ западно-европейскимъ вліяніемъ въ значительной степени объясняется его взгляды на интересующій насъ вопросъ. Въ началѣ своего царствованія, Петръ считалъ возможнымъ предоставить суду широкую власть въ дѣлѣ примѣненія наказанія. Въ воинскомъ артикулѣ, изданномъ въ 1716 г. и носящемъ на себѣ явные слѣды вліянія не только воен-

наго, но и обще-уголовнаго права Германіи начала XVII вѣка, есть не мало статей, въ которыхъ законодатель предоставляетъ суду право назначать наказаніе „по обстоятельствамъ дѣла“, „по состоянію дѣла“ или „по разсмотрѣнію суда.“ Такова, напр., глава 49 Патента о поединкахъ, въ которой говорится: „А ежели сами престануть, то токмо жестокому штрафу подлежать *по разсмотрѣнію воинскаго суда.*“ Такимъ образомъ, разрѣшеніе сомнительныхъ случаевъ, когда въ статьѣ нѣтъ безусловно опредѣленной санкции, исключаящей произволъ судьи, Воинскій Артикуль предоставляетъ усмотрѣнію военнаго суда, который долженъ примѣнять ту или другую степень наказанія, принимать тотъ или другой его родъ, смотря по состоянію дѣла, или же выбирать одно изъ наказаній, названныхъ въ данной статьѣ ¹⁾. Въ этомъ Петръ Великій думалъ найти гарантіи правосудія. Но надежды его не оправдались. Принципіальные недостатки военнаго судопроизводства уронили достоинство Артикула Воинскаго какъ съ военной, такъ и съ юридической точки зрѣнія, выставивъ въ наготѣ лишь его безпощадную суровость ²⁾. Неудивительно поэтому, что Петръ Великій впослѣдствіи отказался отъ такого взгляда и въ именномъ указѣ отъ 17-го апрѣля 1722 года („О храненіи правъ гражданскихъ, о невершеніи дѣлъ противъ Регламентовъ, о невыписываніи въ докладъ, что уже напечатано, и о имѣніи сего указа во всѣхъ судныхъ мѣстахъ на столѣ подъ опасеніемъ штрафа“) руководствуется совершенно иною точкою зрѣнія: „Понеже ничто такъ къ управленію Государства нужно есть, какъ вѣрское храненіе правъ гражданскихъ,“ говорится въ этомъ указѣ, „понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть, какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти еще и есть, и зѣло тщатся всякія мины чинить

¹⁾ Бобровскій—Воинскій артикуль съ объясненіями преобразованій въ военномъ устройствѣ и въ военномъ хозяйствѣ по русскимъ и иностраннымъ источникамъ. Вып. 2-ой, изд. 1886 г., стр. 68.

²⁾ Ibidem, стр. 51.

подъ фортецію правды: того ради симъ указомъ, яко печатью, всѣ уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзалъ инымъ образомъ всякія дѣла вершить и располагать не противъ регламентовъ и не точно рѣшить, ниже въ докладъ выписывать то, что уже напечатано, не отговариваясь въ томъ ничѣмъ, ниже толкуя инаго. Буде же въ тѣхъ регламентахъ что покажется темно или такое дѣло, что на оное яснаго рѣшенія не положено: такія дѣла не вершить, ниже опредѣлять, но приносить въ Сенатъ выписки о томъ; гдѣ повинны Сенатъ собрать всѣ коллегіи и объ ономъ мыслить и толковать подъ присягою, однакожь не опредѣлять, но положи на примѣръ свое мнѣніе, объявлять Намъ, и когда опредѣлимъ и подпишемъ, тогда оное напечатать и приложить къ регламентамъ, и потомъ въ дѣйство по оному производить. Буде же когда отлучимся въ даль, а дѣло нужное, то учиня, какъ выше писано, и подписавъ всѣмъ чинить, но не печатать, ниже утверждать во все по тѣхъ мѣстъ, пока отъ Насъ оный апробованъ, напечатанъ и къ регламентамъ присовокупленъ будетъ“... (П. С. З., № 3970). Точно также въ учрежденіи „о должности Сената“ 27 апрѣля 1722 г., статья 2 гласитъ: „Дѣло Сенатское то, когда кому въ Коллегіи такое дѣло случится, которое въ той Коллегіи рѣшить невозможно, то тѣ дѣла Президенту Коллегіи приносить и объявить Генералу-Прокурору, который долженъ представить въ Сенатъ, и оное рѣшить въ Сенатѣ, а чего невозможно рѣшить, о томъ приложя свое мнѣніе учинить предложеніе въ докладъ“ (П. С. З., № 3978).

Со времени царствованія Петра Великаго вліяніе западно-европейской науки и практики на Россію начинается все сильнѣе и сильнѣе. Въ особенности оно дѣлается замѣтно при Екатеринѣ II Великой. Знаменитый ея „Наказъ комисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія“, изданный въ 1770 г., можетъ служить вѣрнымъ и точнымъ показателемъ возрѣвнѣй Императрицы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, того вліянія, которое имѣли на нее мысли Монтескье и Беккариа.

„Власть судейская“, читаемъ мы въ немъ, „состоитъ въ

одномъ исполненіи законовъ, и то для того чтобы сомнѣнія не было о свободѣ и безопасности гражданъ“ (гл. IX, ст. 98). „Судьи, судящіе о преступленіяхъ, потому только, что они не законодавцы, не могутъ имѣть права толковать законы о наказаніяхъ“ (гл. X, ст. 151). „Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ общее сіе изреченіе: надлежитъ въ разсужденіе брати смыслъ или разумъ закона, а не слова. Сіе ничто иное значить, какъ сломити преграду, противящуюся стремительному людскихъ мнѣній теченію. Мы бы увидѣли судьбу гражданина премѣняемую переносомъ дѣла его изъ одного правительства въ другое и жизнь его и вольность, на удачу зависящую отъ ложнаго какого разсужденія или отъ дурнаго расположенія его судьи. Мы бы увидѣли тѣ же преступленія, наказуемыя различно въ разныя времена тѣмъ же правительствомъ, если захотятъ слушаться не гласа непремѣняемаго законовъ неподвижныхъ, но обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій“ (гл. X, стр. 153).

Достаточно бѣлаго сравненія этихъ выдержекъ съ приведенными нами выше выдержками изъ трактата Беккаріи, „о преступленіи и наказаніи“, чтобы убѣдиться въ ихъ полномъ сходствѣ, доходящемъ даже до буквального тождества нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженій. Подобно Беккаріи, Екатерина II Великая въ своемъ „Наказѣ“ является рѣшительной сторонницей буквального примѣненія законовъ и противницей какого бы то ни было толкованія ихъ со стороны судебной власти. Та же точка зрѣнія проводится ею и въ законодательствѣ. Такъ, въ манифестѣ 15 декабря 1763 г., объ учрежденіи въ Сенатѣ департаментовъ, говорится, между прочимъ: „Каждый Департаментъ имѣетъ принадлежація ему по росписанію дѣла рѣшить . . . на точномъ разумѣ законовъ“... (пунктъ 4). „Если же по какому дѣлу точнаго закона не будетъ, въ такомъ случаѣ долженъ Генераль-Прокуроръ все дѣло съ сенаторскими мнѣніями и съ своимъ разсужденіемъ представить къ Намъ на разсмотрѣніе“... (пунктъ 5) (П. С. З., № 11989). Именной указъ Екатерины II отъ 9 сентября 1765 г. „О докладываніи Сенату и Ея Императорскому Величеству, если усмотрятъ Коллегіи

въ двухъ равныхъ дѣлахъ разныя рѣшенія“ предписываетъ: „Если которая Коллегія усмотритъ въ двухъ равныхъ дѣлахъ разныя Сената рѣшенія, то, не чиня исполненія, докладываться о сей разности Сенату и Ея Императорскому Величеству, а Сенатъ имѣть оныя дѣла, съ объясненіемъ своихъ рѣшеній, къ ея Императорскому Величеству вносить“... (П. С. З., № 12469). Въ учрежденіи для управленія губерній Всероссийскія Имперіи 7 ноября 1775 года (П. С. З., № 14392), часть первая, ст. 124 сказано: „Палаты да не рѣшатъ инако, какъ въ силу Государственныхъ узаконеній“. Статья 184 того же учрежденія гласитъ: „Понеже всякое рѣшеніе дѣла не инако да учинится, какъ точно въ силу узаконеній и по словамъ закона“..., а ст. 406, п. 9—„судебныя же мѣста рѣшатъ всѣ дѣла по точной силѣ и словамъ закона, не смотря ни на чьи требованія или предложенія“. Наконецъ, именнымъ указомъ отъ 7 апрѣля 1788 года, даннымъ генераль-прокурору, Екатерина Великая прямо повелѣваетъ „Сенатской канцеляріи твердо и точно держаться законами предписаннаго обряда при докладѣ присутствующимъ о дѣлахъ; присутствующимъ же, выслушивая справки и выписки, основывать свои опредѣленія вездѣ и во всѣхъ дѣлахъ на изданныхъ законахъ и предписанныхъ правилахъ, не премѣняя ни единой литеры не доложася Намъ, и въ случаѣ недостатка въ узаконеніяхъ, по зрѣлому уваженію Государственной пользы, доносить Нашему Императорскому Величеству“. (П. С. З., № 16642).

Такимъ образомъ, въ царствованіе Екатерины II Великой судъ могъ своею властью разрѣшать только такія дѣла, на которыя онъ находилъ точные и опредѣленные законы; въ случаѣ же недостатка такихъ законовъ, или наличности нѣсколькихъ, другъ другу противорѣчащихъ законовъ, подходящихъ къ данному дѣлу, все дѣло поступало на разсмотрѣніе Императрицы.

Идеи Екатерины Великой имѣли сильное вліяніе на все наше послѣдующее законодательство, на тѣ узаконенія, изъ которыхъ впоследствии составились наши основные государственные законы. Такъ, въ общемъ учрежденіи Министерствъ

25 іюля 1811 года (П. С. З., № 24686) мы читаемъ, что „въ Сенатѣ дѣла разрѣшаются по существующимъ законамъ и учрежденіямъ“ (§ 231). А „гдѣ законы и учрежденія недостаточны . . . , тамъ дѣло представляется на Высочайшее усмотрѣніе“ (§ 232). Сенатскій указъ 9 августа 1828 г. предписалъ „всѣмъ Губернскимъ мѣстамъ и Правительствамъ, чтобы получаемыя ими отъ Высшихъ Правительствъ узаконенія и другого рода предписанія, подлежащая ко всеобщему свѣдѣнію и опубликованію, разсылали куда по губерніи слѣдуетъ, или излагали въ своихъ предписаніяхъ безъ всякаго сокращенія, а тѣмъ паче измѣненія въ смыслѣ.“ (П. С. З., № 2221). Это распоряженіе имѣло цѣлью по возможности устранить какія бы то ни было сомнѣнія въ смыслѣ законовъ, вызываемыя неточнымъ или невѣрнымъ изложеніемъ ихъ буквального текста. Однако, при разрозненности и противорѣчivosti нашего законодательства, мѣра эта ни къ чему не привела: случаи сомнѣній въ судахъ встрѣчались очень часто, такъ что дѣла сплошь да рядомъ проходили черезъ всѣ судебныя инстанціи и поступали черезъ Государственный Совѣтъ на Высочайшее усмотрѣніе. А это въ свою очередь вызывало, съ одной стороны, излишнюю и безцѣльную волокиту, а съ другой—рѣшеніе дѣла на основаніи новаго закона, получавшаго такимъ образомъ обратное дѣйствіе. Поэтому еще Екатерина Великая въ манифестѣ 15 декабря 1763 года, объ учрежденіи въ Сенатѣ департаментовъ, пунктъ 11, разъяснила: „однакожь на что точныя указы есть, о томъ отнюдь общаго собранія Департаментовъ не имѣть, дабы напраснаго продолженія черезъ то въ дѣлахъ по проискамъ какимъ-либо не происходило, но рѣшить дѣла въ Департаментахъ . . .“ (П. С. З., № 11989). Императоръ Александръ I пошелъ еще дальше и выразилъ пожеланіе, „чтобы сенаторы при рѣшеніи дѣлъ излагали свои мнѣнія свободно, не стѣсняясь ничѣмъ, и основывая сужденія свои единственно на существѣ дѣла и на прямомъ разумѣ законовъ.“ (Именной указъ, данный Министру Юстиціи 29 іюля 1821 г.; П. С. З., № 28708). Этимъ указомъ Сенату какъ бы предоставлялось право на логическое толкова-

ніе законовъ. Но сенатскій указъ 31 октября 1823 г., содержащій въ себѣ Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, по дѣлу статскаго совѣтника Лѣвинева, ограничилъ эту дѣятельность Сената, разъяснивъ, что она можетъ имѣть мѣсто только въ случаѣ наличности нѣсколькихъ противорѣчащихъ другъ другу законовъ, подходящихъ къ данному случаю. „Впрочемъ“, говорится въ этомъ указѣ, „если бы по множеству узаконеній и указовъ и встрѣтилось затрудненіе въ избраніи и приложеніи закона, подъ который разсматриваемое дѣяніе подходитъ, то въ такихъ случаяхъ, находяся въ невозможности согласить буквальный смыслъ одного закона съ таковымъ же другого, самая необходимость предписываетъ, особенно въ высшихъ судебныхъ инстанціяхъ, слѣдовать общему духу законодательства и держаться точному смыслу законовъ, наиболѣе сему общему духу законодательства соответствующихъ.“ (П. С. З., № 29642). Здѣсь ничего не говорится о случаяхъ неясности или неполноты законовъ, а изъ характера самого случая, разсмотрѣннаго Государственнымъ Совѣтомъ и послужившаго поводомъ къ изданію сенатскаго указа 31 октября 1823 года, ясно, что въ немъ рѣчь идетъ вовсе не о предоставленіи судебной власти права логическаго толкованія законовъ въ случаѣ ихъ неясности или неполноты, а лишь о разрѣшеніи Сенатомъ, какъ высшей судебной инстанціей, на основаніи общаго духа законодательства, противорѣчія между отдѣльными узаконеніями, предусматривающими данный случай, но предлагающими различные способы къ его разрѣшенію.

Въ этомъ отношеніи Сводъ Законовъ, въ основу котораго, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, легли всѣ приведенныя нами выше узаконенія, никакого новаго права не создалъ: ст. 65 Законовъ основныхъ (томъ I, ч. 1-ая, изд. 1832 г.) гласитъ: „Законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ всякаго измѣненія или распространенія. Всѣ безъ изыятія мѣста, не исключая и высшихъ правительствъ, во всякомъ случаѣ должны утверждать опредѣленія свои на точныхъ словахъ закона, не пере-

мѣняя въ нихъ, безъ доклада Императорскому Величеству, ни единой буквы и не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій. Но если бы гдѣ-либо, по различію буквального смысла узаконеній, встрѣтилось затрудненіе въ избраніи и приложеніи закона къ разсматриваемому дѣлу: въ такомъ случаѣ, по невозможности согласить буквальный смыслъ одного закона съ таковымъ же другого, самая необходимость предписываетъ, особенно въ высшихъ мѣстахъ, слѣдовать общему духу законодательства и держаться смысла, наиболѣе оному соотвѣтствующаго.“

По смыслу этой статьи, первая часть которой, очевидно, основана на указѣ 7-го апрѣля 1788 года, а вторая—представляетъ собою почти буквальное повтореніе указа 31-го октября 1823 г., только въ нѣсколько измѣненной редакціи, право на логическое толкованіе законовъ предоставляется лишь Сенату, да и то только въ единственномъ случаѣ противорѣчія нѣсколькихъ отдѣльныхъ законовъ, подходящихъ къ данному дѣлу.

Такое значеніе ст. 65 осн. законовъ подтверждается сопоставленіемъ ея съ ст. 257 общаго образованія управленія въ губерніяхъ и ст. 52 осн. законовъ, а также со ст.ст. 458, 459 и 1648 Свода Законовъ, т. I, части 2-ой, изданія 1832 года. Первая изъ нихъ гласитъ: „Никакое судебное мѣсто не можетъ рѣшить дѣло, если нѣтъ на оное яснаго закона; въ семь случаѣ судебныя мѣста въ губерніяхъ обязаны представить губернскому начальству, которое, сдѣлавъ предварительно въ общемъ собраніи губернскаго правленія и палатъ совѣщаніе, доноситъ о томъ Правительствующему Сенату“¹⁾.

По ст. 52 осн. зак.: „Въ случаѣ неясности или недостатка существующаго закона, каждое мѣсто и правитель-ство имѣетъ право и обязанность представлять о томъ по порядку своему начальству. Если встрѣченное сомнѣніе не разрѣшается прямымъ смысломъ закона, тогда начальство обязано

¹⁾ Статья 257 общ. образ. управ. въ губерніяхъ, изд. 1832 г., соотвѣтствуетъ ст. 262 изд. 1842 г., ст. 281 изд. 1857 г. и ст. 260 изд. 1876 г.

представить Правительствующему Сенату или Министерству, по принадлежности.“

Сенатъ же, въ свою очередь, „основываетъ опредѣленія свои вездѣ и во всѣхъ дѣлахъ на изданныхъ законахъ, уставахъ и предписанныхъ правилахъ, не перемѣняя въ оныхъ, безъ доклада Императорскому Величеству, ни единой буквы“, (ст. 458) ¹⁾ и „не приступаетъ къ рѣшенію такихъ дѣлъ, на которыя не окажется точнаго закона, но о всякомъ случаѣ (казусѣ), требующемъ изданія новыхъ или дополненія либо перемѣны существующихъ узаконеній, составляетъ проектъ разрѣшенія и все дѣло вносится Министромъ Юстиціи, съ его заключеніемъ, къ Императорскому Величеству черезъ Государственный Совѣтъ“ (ст. 459) ²⁾. Точно также и по ст. 1648 Св. Зак., т. I, ч. 2-ой, изд. 1832 г., ³⁾: „Гдѣ законы и учрежденія недостаточны, или когда, по силѣ самыхъ сихъ законовъ и учрежденій, предметъ требуетъ Высочайшаго разрѣшенія, тамъ дѣла представляются на Высочайшее усмотрѣніе черезъ Комитетъ Министровъ.“

Обращаясь къ специально-уголовному законодательству, мы и тамъ находимъ аналогичныя постановленія: „Всѣ преступленія“, гласитъ ст. 102 XV т. Св. Зак. (изд. 1832 г.) ⁴⁾, „должны быть объемлемы, сулимы и наказуемы силою закона. Судъ не можетъ самъ собою ни усилить, ни ослабить наказанія, въ законѣ опредѣленнаго, исключая тѣхъ случаевъ, когда самимъ закономъ таковое право ему именно предоставлено“.

Правда, въ ст. 104 ⁵⁾ того же тома Св. Зак. говорится,

¹⁾ Статѣ 458 т. I, ч. 2, Свода Законовъ изд. 1832 г. соответствуетъ ст. 226 учр. Прав. Сен. изд. 1842 г. и 1857 г., и ст. 200 учр. Прав. Сената изд. 1886 г. и 1892 г.

²⁾ Ст. 459 соответствуетъ ст. 227 учр. Прав. Сен. 1842 г. и 1857 г., и ст. 201 учр. Прав. Сен. изд. 1886 и 1892 г.г.

³⁾ Ст. 1648 Св. Зак., т. I, ч. 2, 1832 г. соответствуетъ ст. 209 учр. Мин. изд. 1842 и 1857 г.г., и ст. 174 учр. Мин. изд. 1892 г.

⁴⁾ Ст. 102 XV т. Св. Зак. изд. 1832 г. соответствуетъ ст.ст. 117 и 118 XV т. Св. Зак. изд. 1842 г.

⁵⁾ Ст. 104 XV т. Св. Зак. изд. 1832 соответствуетъ ст. 119 того же тома Св. Зак. изд. 1842 г.

что „когда законъ, полагая наказаніе, назначаетъ оное общими выраженіями, какъ то: наказать яко преступника указовъ или наказъ по всей строгости законовъ, или на основаніи законовъ, не опредѣляя при этомъ ни рода наказанія, ни вида его, или же—когда, назначая родъ наказанія, онъ не назначаетъ вида его; тогда судъ прежде всего опредѣляетъ съ точностью существо преступленія, сравниваетъ его съ другими однородными и къ нему по свойству ихъ ближайшими, а потомъ полагаетъ за оное наказаніе и представляетъ свое мнѣніе въ высшее мѣсто, по порядку подчиненности.“

Но истинный смыслъ этой статьи станетъ намъ вполне ясенъ, если мы будемъ имѣть въ виду то обстоятельство, что въ составъ XV тома Свода Зак. вошло множество узаконеній съ безусловно-неопредѣленной санкціей, въ которыхъ наказаніе назначалось въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. „При существованіи такихъ безусловно-неопредѣленныхъ статей“, говоритъ Градовскій ¹⁾, „явилось большое затрудненіе опредѣлить объемъ правъ судьи при постановленіи приговора, на основаніи подобныхъ узаконеній. Съ одной стороны, законодатель не могъ отнести ихъ къ разряду точныхъ и ясныхъ законовъ, уполномочивающихъ судебное мѣсто постановлять приговоры самостоятельно. Но, съ другой стороны, они были ясны и точны въ томъ отношеніи, что ими прямо предусматривалось дѣйствіе, подлежащее судебному разсмотрѣнію. Предписать судебной власти откладывать разсмотрѣніе дѣла не было никакого основанія, но, сообразно изложенному выше принципу, законодательство наше должно было ограничить право судьи въ опредѣленіи мѣры наказанія. Эта цѣль и достигнута XV томомъ Св. Зак. На основаніи ст. 104, судебное мѣсто принимало къ своему разбирательству дѣйствіе, предусмотрѣнное одною изъ означенныхъ статей, опредѣляло мѣру наказанія, соображаясь со статьями Свода, предусматривающими дѣйствія, наиболѣе

¹⁾ Начала русскаго государственнаго права, т. I, изданіе 2, 1892 г., стр. 77—78.

съ даннымъ сходныя, но не приводя своего рѣшенія въ исполненіе, представляло его на усмотрѣніе высшаго мѣста“.

Изъ ст. 104 XV т. Свод. Зак., изд. 1832 г., вышла ст. 155 Уложенія о наказ. изд. 1845 г. Составители Уложенія, какъ видно изъ ихъ собственныхъ словъ (см. „Краткое обзорѣніе хода работъ и предположеній по составленію новаго кодекса законовъ о наказаніяхъ“, стр. 67), не рѣшались составить дѣйствительно новаго, самостоятельнаго кодекса уголовныхъ законовъ. Уложеніе, по ихъ взгляду, „долженствовало быть и есть не что иное, какъ собраніе очищенныхъ, приведенныхъ въ порядокъ и ясность, дополненныхъ и во многомъ исправленныхъ, но однако же въ общемъ составѣ своемъ прежнихъ уголовныхъ нашихъ законовъ. Редакторы желали бы имѣть право назвать его сводомъ усовершенствованнымъ“. Поэтому, хотя они и старались приурочить каждому преступленію, каждому виду его извѣстный родъ и степень наказанія, тѣмъ не менѣе это имъ удалось не вполне, и, въ качествѣ собранія прежнихъ законовъ, Уложеніе удержало не мало статей съ неопредѣленною санкціей, только въ нѣсколько измѣненной формѣ. Въ виду этого нельзя было не признать необходимости статьи, соотвѣтствующей ст. 104 XV т. Свод. Зак. изд. 1832 г. Такою статьею въ Уложеніи о нак. (изд. 1845 г.) и является ст. 155, по которой: „Если въ законѣ за подлежащее разсмотрѣнію суда преступное дѣяніе нѣтъ опредѣленнаго наказанія, то судъ приговариваетъ виновнаго къ одному изъ наказаній, предназначенныхъ за преступленія, по важности и роду своему наиболѣе съ онымъ сходныя; но не приводя сего приговора въ дѣйство, представляетъ о томъ безъ замедленія, по установленному порядку подчиненности, на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената“¹⁾.

Ничѣмъ существеннымъ эта статья отъ ст. 104 XV тома Свод. Зак. изд. 1832 г. не отличается—измѣнилась только, сообразно потребностямъ „усовершенствованнаго свода“, редакція ея. Что никакихъ новыхъ правъ для суда она не

¹⁾ Статья 155 Улож. наказ. изд. 1845 г. соотвѣтствуетъ ст. 164 XV т. Свод. Зак. изд. 1857 г.

устанавливала—видно уже изъ того, что въ ней прямо говорится: „за подлежащее разсмотрѣнію суда *преступное дѣяніе*“... Стало быть, прежде всего для того, чтобы быть наказуемымъ, дѣяніе должно быть преступнымъ, т. е., согласно ст. ст. 1 и 2 того же улож., прямо предусмотрѣннымъ уголовными законами. Къ тому же выводу насъ приводитъ и сопоставленіе ст. 155 со ст. 96 и 151 Улож. о нак. изд. 1845 года. Первая изъ нихъ гласитъ: „Наказанія за преступленія и проступки опредѣляются не иначе, какъ на точномъ основаніи постановленій закона“¹⁾. Во второй говорится, что „судъ не можетъ опредѣлить иного наказанія, кромѣ того, которое въ законахъ за судимое преступленіе именно предназначено. Но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, самимъ закономъ ему предоставляется право, по соображеніи сопровождавшихъ преступленіе болѣе или менѣе увеличивающихъ или уменьшающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ, увеличивать или уменьшать мѣру слѣдующаго ему наказанія, только не выходя изъ предѣловъ, также законами для сего предоставленныхъ. При семъ наблюдаются слѣдующія правила“²⁾. Слѣдующія за ст. 151 статьи, а въ ихъ числѣ и ст. 155, и содержатъ въ себѣ тѣ именно случаи, въ которыхъ суду разрѣшается дѣлать нѣкоторыя отступленія отъ обыкновенныхъ правилъ примѣненія уголовныхъ законовъ.

Такимъ образомъ, въ принципѣ, уголовный судъ, и на основаніи Уложенія о нак. изд. 1845 г., долженъ, избѣгая всякихъ логическихъ обобщеній, облагать наказаніями только такія дѣянія, которыя прямо предусмотрѣны уголовными законами, и имѣть право опредѣлять за данное преступное дѣяніе только то наказаніе, которое именно въ законѣ за него назначено. Но въ виду наличности многихъ законовъ съ неопредѣленной санкціей, Уложеніе, какъ и Сводъ Зак. изд. 1832 г., въ случаѣ, когда суду приходится примѣнять

¹⁾ Ст. 96 Улож. о нак. изд. 1845 г. соответствуетъ ст. 102 XV т. Свод. Зак. изд. 1857 г.

²⁾ Ст. 151 Улож. о нак. изд. 1845 г. соответствуетъ ст. 160 XV т. Свод. Зак. изд. 1857 г.

одинъ изъ такихъ законовъ, предоставляетъ ему право назначать наказаніе по аналогіи съ другими статьями, предусматривающими преступленія, наиболѣе съ даннымъ сходныя, съ обязательствомъ однако же представлять такіе свои приговоры, до приведенія ихъ въ исполненіе, на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената.

Итакъ, по системѣ свода законовъ и Уложенія о наказаніяхъ 1845 г., область юридическаго толкованія уголовныхъ законовъ была крайне ограничена. Постановленія ихъ, касающіяся этого вопроса, представляли изъ себя только естественное и послѣдовательное развитіе принциповъ нашего законодательства предшествовавшей имъ эпохи, и дальше этого не шли. Поэтому они и не были въ состояніи устранить неудобства, связанныя съ нашимъ дореформеннымъ судопроизводствомъ и заключавшіяся, какъ мы уже выше замѣтили, въ смѣшеніи властей судебной и законодательной, вызывавшемъ въ свою очередь, съ одной стороны, безцѣльную и излишнюю волокиту, а съ другой—рѣшеніе дѣла на основаніи новаго закона, получавшаго такимъ образомъ обратное дѣйствіе.

Задачу эту взяли на себя Судебные Уставы Императора Александра II, изданные 20 ноября 1864 года. „Слѣдственное начало, господствовавшее въ нашемъ дореформенномъ судопроизводствѣ“, читаемъ мы въ разсужденіяхъ, на коихъ основаны уставы, „отрываетъ суду возможность, по дѣламъ судебно-гражданскаго свойства, не довольствуясь общими путями правосудія, входить въ область законодательной власти и предоставлять тяжущимся почти безпредѣльную свободу приносить жалобы на окончательныя судебныя рѣшенія. Такимъ образомъ ослабляется законная сила судебного рѣшенія и, съ другой стороны, власть законодательная, по существу своему имѣющая цѣлью охраненіе пользы цѣлаго общества, предоставляется суду, рѣшающему споръ частныхъ лицъ, тогда какъ примѣненіе закона къ частному случаю, исключительно принадлежащее суду, предоставляется той же власти, которою установленъ самъ законъ. Для устраненія сего неудобства и для достиженія совершеннаго отдѣленія судебной

власти отъ законодательной, необходимо не только строго предписать судебнымъ мѣстамъ рѣшать подлежащія имъ вѣдѣнію дѣла не иначе, какъ по точному разуму закона существующаго, не испрашивая никогда, подъ предлогомъ неясности или неполноты закона, разрѣшенія высшихъ мѣстъ, но и объяснить вмѣстѣ съ тѣмъ, что судебныя мѣста, за нарушеніе сего правила, подвергаются отвѣтственности, какъ за отказъ въ правосудіи“¹⁾).

На этихъ соображеніяхъ основаны ст. ст. 9 и 10 Устава гражданскаго судопроизводства. Первая изъ нихъ гласитъ: „Всѣ судебныя установленія обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ, а въ случаѣ ихъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ“. По ст. же 10-й: „Воспрещается останавливать рѣшеніе дѣла, подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ. За нарушеніе сего правила виновные подвергаются отвѣтственности, какъ за отказъ въ правосудіи.“

Статьямъ 9-й и 10-й Уст. гражд. суд. соотвѣтствуютъ статьи 12-я и 13-я Уст. угол. суд., которыя отличаются отъ первыхъ только незначительными измѣненіями въ редакціи и отчасти меньшимъ объемомъ предоставляемыхъ ими правъ. Ст. 12 Уст. угол. суд. гласитъ: „Всѣ судебныя установленія обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ, а въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, коими судимое дѣяніе воспрещается подъ страхомъ наказанія, должны основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ.“

Точно также и по ст. 13 Уст. угол. суд.: „Воспрещается останавливать рѣшеніе дѣла, подъ предлогомъ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ. За нарушеніе сего правила виновные подвергаются отвѣтственности, какъ за противозаконное бездѣйствіе власти.“

Какъ видно изъ содержанія этихъ статей, онѣ выдвигаютъ

¹⁾ Судебные Уставы 1864 г., съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны. Изд. Государственной Канцеляріи, 1867 г. Часть 1-я, стр. 20—21.

совершенно иной принципъ толкованія судовъ законовъ— принципъ, діаметрально противоположный тому, котораго держались Сводъ Законовъ и Уложеніе о наказаніяхъ изд. 1845 г. „Тамъ говорилось о судебномъ истолкованіи только въ случаѣ противорѣчія различныхъ законовъ, касающихся того же вопроса, или о такомъ истолкованіи видоваго значенія факта, по которому къ нему прилагается опредѣленное наказаніе, когда таковое не было для него постановлено закономъ. А теперь истолкованіе суда распространено и на неполноту и неясность закона, а въ дѣлахъ гражданскихъ даже и на недостатокъ таковаго. Судебные Уставы 1864 г. предъявляютъ къ судебнымъ установленіямъ прежде всего требованіе, чтобы по каждому дѣлу, находящемуся въ судебномъ разбирательствѣ, былъ постановленъ тотъ или иной приговоръ, на основаніи наличныхъ средствъ законодательства. Въ случаѣ неполноты или неясности закона, судъ самъ долженъ отыскать истинный смыслъ его, для чего ему, конечно, неизбежно придется прибѣгнуть къ изслѣдованію какъ отдѣльнаго закона, подлежащаго примѣненію, такъ и общихъ началъ всей системы законодательства“¹⁾.

Такимъ образомъ, Судебными Устами 1864 г. узаконяется логическое толкованіе, сущность котораго и заключается въ изясненіи истиннаго смысла закона, согласованнаго со смысломъ и духомъ какъ частей, такъ и цѣлаго кодекса.

Для суда гражданского такая обязанность распространяется и на случай недостатка закона (ст. 9 и 10 Уст. гражд. суд.). Слѣдовательно, въ гражданскихъ дѣлахъ судья уполномоченъ Судебными Устами даже восполнять пробѣлы въ законодательствѣ. Другими словами, при отсутствіи положительнаго закона, дающаго отвѣтъ на подлежащій разрѣшенію суда случай, гражданскій судья имѣетъ право и обязанность обратиться къ помощи аналогіи и къ соображеніямъ общей справедливости.

Что касается области уголовного права, то ст. ст. 12 и

¹⁾ Лохвицкій—Курсъ русскаго уголовного права, изд. 1871 г., стр. 264.

13 Уст. угол. суд. ничего не упоминаютъ о случаяхъ недостатка законовъ; въ нихъ говорится только о неполнотѣ, неясности или противорѣчїи законовъ. Значить въ уголовныхъ дѣлахъ аналогія не допускается: уголовный судъ не можетъ путемъ аналогическихъ умозаключеній расширять область наказуемыхъ дѣяній. Въ случаѣ недостатка закона, воспреещающаго данное дѣяніе подѣ страхомъ наказанія, уголовный судъ, на основаніи 1-го пункта ст. 771-й Уст. угол. суд., постановляетъ приговоръ объ оправданіи подсудимаго. Далѣе, ст. 9-я Уст. гражд. суд. и ст. 13-я Уст. угол. суд. воспрещаютъ суду останавливать рѣшеніе дѣла, подѣ предлогомъ неполноты, неясности (по ст. 9 Уст. гражд. суд., и недостатка) или противорѣчїя законовъ. Стало-быть, по смыслу этихъ статей, судъ не можетъ обращаться за разъясненіемъ встрѣчаемыхъ имъ при рѣшеніи дѣла сомнѣній къ высшей инстанціи, а тѣмъ болѣе къ власти законодательной. По ст. 136-й Учр. суд. уст.: „Если при рѣшеніи дѣла судомъ обнаружена неполнота закона и прокуроръ окружнаго суда признаетъ необходимымъ возбудить законодательный вопросъ, то *независимо отъ рѣшенія дѣла судомъ*, на основаніи уставовъ уголовного и гражданского судопроизводства, доносить о замѣченной неполнотѣ закона прокурору судебной палаты, отъ коего зависитъ представить возбужденный вопросъ на усмотрѣніе Министра Юстиціи“. Въ этомъ заключается также существенное отличіе новаго порядка отъ прежняго. „Прежде судья“, говоритъ Лохвицкій ¹⁾, „могъ составить только проектъ истолкованія, но не приводилъ его въ дѣйствіе безъ разрѣшенія Сената, который обыкновенно препровождалъ все дѣло въ Государственный Совѣтъ. Теперь каждый судъ имѣетъ право истолкованія и, истолковавши законъ, постановить рѣшеніе.“

Несмотря на такое различіе власти суда по истолкованію уголовного закона, на основаніи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., отъ той, которая прежде была ему присвоена, новая редакція Уложенія о наказаніяхъ (1866 года) не увидѣла

¹⁾ Ibid., стр. 264.

здѣсь ничего иного, какъ отмѣну обязанности представлять проектъ истолкованія на усмотрѣнiе Сената. Поэтому она перепечатала ст. 155 Улож. наказ. изд. 1845 года (по новому изданiю ст. 151), выбросивъ изъ нея только послѣднюю фразу, такъ что теперь ст. 151 редактирована слѣдующимъ образомъ: „Если въ законѣ за подлежащее разсмотрѣнiю суда преступное дѣянiе нѣтъ опредѣленнаго наказанiя, то судъ приговариваетъ виновнаго къ одному изъ наказанiй, предназначенныхъ за преступленiя, по важности и роду своему наиболѣе съ онымъ сходныя.“ Значенiе этой статьи осталось тѣмъ же, какимъ оно было и въ прежнихъ изданiяхъ Уложенiя: она по-прежнему помѣщена въ третьемъ отдѣленiи главы третьей перваго раздѣла Уложенiя, въ которомъ говорится о власти и обязанностяхъ суда въ опредѣленiи наказанiя, и, какъ мы могли убѣдиться уже при разсмотрѣнiи смысла и значенiя ст. 155 й Улож. наказ. изд. 1845 г., относится исключительно къ законамъ съ неопредѣленной санкцiей, предоставляя суду уголовному въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится примѣнять подобныя статьи закона, назначать наказанiе по аналогiи съ другими статьями Уложенiя, предусматривающими дѣянiя, наиболѣе съ даннымъ сходныя.

Такимъ образомъ, изъ этой статьи Уложенiя отнюдь-таки нельзя вывести права судьи на аналогiю преступленiй.

Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнiю границъ устанавлиаемаго статьею 12 Уст. угол. суд. права толкованiя законовъ уголовныхъ, мы, слѣдуя системѣ Градовскаго (Начала русскаго государственнаго права, т. I, стр. 87), начнемъ съ того случая, который предполагаетъ наименьшiй объемъ права толкованiя, а затѣмъ перейдемъ къ другимъ, требующимъ отъ суда уже большей свободы дѣйствiй.

Съ этой точки зрѣнiя, случаи, указанные въ ст. 12, должны быть расположены въ такой послѣдовательности: противорѣчiе, неясность, неполнота законовъ. Случай противорѣчiя законовъ имѣетъ мѣсто, когда существуетъ нѣсколько узаконенiй, предусматривающихъ такъ или иначе подлежащее разсмотрѣнiю суда дѣянiе, но несогласныхъ между собою

въ отношеніи опредѣленія существенныхъ признаковъ преступления или мѣры слѣдуемаго за него наказанія. Въ такомъ случаѣ вся задача суда сводится лишь къ опредѣленію того, какое изъ этихъ узаконеній должно быть примѣнено къ данному дѣянію. Но разъ этотъ вопросъ выясненъ, судья въ примѣненіи избраннаго закона вполнѣ подчиняется уже точному смыслу его.

Неясность закона происходитъ отъ неудачной редакціи буквального его текста, невѣрно выражающей мысль законодателя, вслѣдствіе чего является несоотвѣтствіе между логическимъ смысломъ закона и буквальнымъ его текстомъ. Поэтому, при неясности закона, судъ долженъ путемъ толкованія установить истинный смыслъ его, соотвѣтствующій цѣли и намѣреніямъ законодателя, и примѣнять законъ въ полномъ объемѣ этого смысла.

Неполнота закона уголовного предполагаетъ, что данное дѣяніе воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія, но въ обрисовкѣ его встрѣчаются пробѣлы. „Эти пробѣлы“, говоритъ проф. Таганцевъ (Лекціи по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 1 (изд. 1887 г.) стр. 371), „могутъ относиться къ диспозитивной части закона, къ устанавливаемому имъ составу преступнаго дѣянія и притомъ не только въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ даетъ только названіе или общую характеристику дѣянія, предоставляя установленіе всѣхъ его основныхъ элементовъ практикѣ, какъ напримѣръ, при опредѣленіи въ Уставѣ о наказаніяхъ ответственности за самоуправство, за обиды; но и въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ опредѣляетъ существенные моменты состава, но не полностью, оставляя многое недосказаннымъ; мало того, подобныя пробѣлы могутъ иногда встрѣтиться не въ опредѣленіи преступныхъ дѣяній въ отдѣльности, а въ общемъ ученіи о преступныхъ дѣяніяхъ; таковъ, напримѣръ, въ нашемъ уложеніи, пробѣлъ относительно юридической конструкции посягательства надъ негоднымъ объектомъ. Далѣе пробѣлы могутъ быть въ санкціи уголовной, въ особенности относительно, напримѣръ, условій примѣненія дополнительныхъ наказаній, пораженія правъ. Наконецъ, пробѣлы могутъ быть

въ постановленіяхъ о примѣненіи наказанія, о выборѣ мѣры наказанія, объ условіяхъ возбужденія уголовного преслѣдованія и т. д.“

Всѣ эти несовершенства закона устраняются уголовнымъ судомъ также при помощи логическаго толкованія (въ данномъ случаѣ, конечно, большею частью, распространительнаго) статьи закона, относящейся, по мнѣнію суда, къ подлежащему его разсмотрѣнію дѣлу. Вопросъ, который въ подобныхъ случаяхъ приходится рѣшить суду, формулируется слѣдующимъ образомъ: „подходить ли извѣстное преступное дѣяніе подъ смыслъ такой-то статьи Уложенія или нѣтъ?“

Таковы границы права толкованія, предоставляемаго уголовному суду Судебными Уставами 20 ноября 1864 г.

За правильностью толкованія уголовныхъ законовъ всѣми судебными установленіями наблюдаетъ Уголовный Кассационный Департаментъ Правительствующаго Сената, истолкованія котораго должны, на основаніи ст. 933 Уст. угол. суд., служить руководствомъ для нихъ.

Кассационные Департаменты Правительствующаго Сената начали свою дѣятельность въ 1866 году, и съ тѣхъ поръ Уголовному Кассационному Департаменту неоднократно приходилось высказываться по вопросу объ юридическомъ толкованіи законовъ уголовныхъ вообще и о допустимости аналогіи въ области уголовного права въ частности. Просматривая всѣ затрогивающія этотъ вопросъ рѣшенія Сената, можно извлечь изъ нихъ слѣдующія основныя положенія:

1) „Для признанія дѣянія преступнымъ необходимо, чтобы оно было или прямо предусмотрѣно закономъ уголовнымъ, или чтобы оно подходило, по существеннымъ признакамъ своимъ, подъ предусмотрѣнное закономъ преступное дѣяніе, по роду и важности своей близкое къ оному.“ (Рѣшеніе по дѣлу Слоуща, 1893 г., № 3).

2) „Согласно ст. 65 Осн. зак., законы должны исполняться по точному и буквальному ихъ смыслу, не допуская произвольныхъ толкованій. Поэтому, если по ст. 12 Уст. угол. суд. судебныя установленія и могутъ основывать свои рѣшенія на общемъ смыслѣ законовъ, то только въ случаѣ

неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, коими дѣяніе воспрещается подь страхомъ наказанія, но не имѣютъ права примѣнять къ судимому дѣянію законъ о другомъ преступленіи, не стѣняясь неправильностью аналогіи между судимымъ дѣяніемъ и предусмотрѣннымъ въ законѣ.“ (Рѣшенія по дѣламъ: Савельева, Федотовыхъ и др., 1885 г. № 38; Бровцыной, 1875 г. № 540 и Павленкова, 1869 г. № 4).

3) „Постановленное въ ст. 151 Улож. о нак. правило, по источникамъ его, допускало опредѣленіе по аналогіи только наказанія, а не преступности факта, которая должна быть установлена закономъ. Но на практикѣ примѣненіе закона по аналогіи допускалось и въ тѣхъ случаяхъ, когда факту приписывались всѣ признаки опредѣленнаго въ законѣ преступленія не по буквальному смыслу закона, а по его разуму, т. е. по основаніямъ и цѣли закона. За расширеніемъ Судебными Уставами власти суда въ толкованіи закона, въ настоящее время судебныя установленія распространяютъ законъ и на такіе факты, которые не вполне подходятъ подь опредѣленные закономъ виды преступленій, но имѣютъ основныя черты преступленія или, лучше сказать, имѣютъ характеръ той группы преступленій, подь которую подводится фактъ. Простирать примѣненіе закона по аналогіи далѣе этого—значило бы присвоить суду законодательную власть и уничтожить всякую опредѣленную черту въ томъ разграниченіи между судебной властью и властью законодательной, которое было поставлено во главѣ положеній преобразованія судебной части (ст. 1). Не слѣдуетъ думать, что ст. 12 Уст. угол. суд., опредѣляющая власть суда въ примѣненіи уголовного закона, не поставляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ предѣловъ для суда и что, такъ какъ по ст. 13 того же устава воспрещается останавливать рѣшеніе дѣла подь предлогомъ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, то судъ, при неимѣннн въ виду закона, воспрещающаго судимое дѣяніе подь страхомъ наказанія, можетъ примѣнять къ этому дѣянію законъ о другомъ преступленіи, не стѣняясь неправильностью аналогіи между судимымъ дѣяніемъ и предусмотрѣннымъ въ законѣ. Такой выводъ изъ вышеозначен-

ныхъ законовъ былъ бы совершенно несогласенъ съ ихъ разумомъ, какъ потому, что вмѣстѣ съ ними дѣйствуютъ ст. ст. 90, 147 и 151 Улож. о нак., такъ и потому, что Уставъ уголовного судопроизводства, воспрещая останавливать рѣшеніе дѣла за какими-либо недостатками въ законѣ, вовсе не предписываетъ подвергать тому или другому наказанію всякаго, кто признанъ будетъ виновнымъ въ судимомъ дѣяніи, а напротивъ прямо указываетъ въ 1 пунктѣ ст. 771, что судъ постановляетъ приговоръ объ оправданіи подсудимаго, когда дѣяніе, въ коемъ онъ обвиненъ, не воспрещено законами подъ страхомъ наказанія. Уставъ уголовного судопроизводства расширяетъ власть суда въ толкованіи закона лишь въ томъ отношеніи, что дозволяетъ суду, въ примѣненіи къ данному случаю, разъяснять недомолвки и неточное изложеніе закона, а также соглашать кажущееся или дѣйствительное въ законахъ противорѣчіе; но и затѣмъ остаются непоколебимыми основныя правила толкованія законовъ судебной властью — правила, состоящія въ томъ, что судъ можетъ подводить по аналогіи подъ извѣстную статью Улож. о нак. лишь такое дѣяніе, которое несомнѣнно подходитъ подъ эту статью по разуму закона и только въ ней именно не упомянуто, и что явные пробѣлы въ кодексѣ можетъ пополнить только законодатель, а не судья.“ (Приговоръ по дѣлу Павленкова, 1869 г. № 4).

4) „На основаніи ст. 12 Уст. угол. суд., судебныя мѣста обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ, въ случаѣ же неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, они обязаны основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ; поэтому находя, что данное дѣяніе, имѣющее преступный характеръ, прямо не предусмотрено закономъ, судья имѣетъ полное основаніе и даже обязанъ примѣнить статью, предусматривающую проступокъ, наиболѣе съ даннымъ сходный. Судебное преслѣдованіе подобныхъ дѣяній не только дозволительно, но и составляетъ обязанность обвинительной власти“ (рѣшенія по дѣламъ: Маурина, 1867 г. № 335; Красикова, 1867 г. № 535; Умецкихъ, 1868 г. № 160; Богатырева, 1868 г. № 265; Соломенцева,

1868 г. № 362; Бутыгина, 1868 г. № 558; Чекушкина, 1868 г. № 610; Еланскаго, 1868 г. № 663; Чернилкина, 1870 г. № 155; Терлецкаго, 1882 г. № 23 и Станюковича, 1872 г. № 34).

5) „На основаніи ст. 151 Улож. о нак., судъ можетъ восполнить пробѣлы закона, подводя дѣяніе, прямо непредвидѣнное въ законахъ уголовныхъ, подъ постановленія, по роду своему и важности, наиболѣе съ онымъ сходныя“ (рѣшенія по дѣламъ: Люстиха, 1866 г. № 43; Шомбергъ-Колонтая, 1867 г. № 406; Умецкихъ, 1868 г. № 160; Соколовскаго, 1871 г. № 91; Киржацкаго, 1871 г. № 795 и Шишкина, 1872 г. № 284).

6) „Само собою разумѣется, что примѣненіе уголовнаго закона по аналогіи можетъ имѣть мѣсто въ томъ лишь случаѣ, когда разсматриваемое судомъ дѣяніе относится по роду и важности своей къ числу дѣяній, воспрещенныхъ закономъ подъ страхомъ наказанія, а по фактическимъ своимъ особенностямъ не можетъ быть прямо подведено подъ дѣйствіе того или другаго уголовнаго закона“ (дѣла: Люстиха, 1866 г. № 43; Шавкина, 1868 г. № 747; Павленкова, 1869 г. № 4; Голдавскаго, 1869 г. № 992; Щапова, 1870 г. № 5; Володиміровыхъ, 1875 г. № 73; Мурашева, 1883 г. № 8; Менделя-Цуккермана, 1889 г. № 21 и Гримма, 1891 г. № 9).

7) „Правило, постановленное въ ст. 151 Улож. о нак., не говорить, что при опредѣленіи наказанія по аналогіи слѣдуетъ искать въ законѣ преступленіе, совершенно однородное съ судимымъ дѣяніемъ, а говорить только, что преступленія эти должны быть, по роду своему и важности, наиболѣе сходны“ (дѣло Григорьева, 1869 г. № 1018).

8) „Если за неисполненіе какого-либо предписанія или запрещенія закона уголовной санкціи прямо не установлено, а между тѣмъ опредѣлены гражданскія послѣдствія такихъ нарушеній, то неисполненіе предписаній закона и основанныхъ на нихъ требованій полицейской или другой административной власти не можетъ влечь за собою отвѣтственности въ уголовномъ порядкѣ, а можетъ дать власти той лишь право иска о вознагражденіи за ущербъ“ (дѣла: Манцевича,

1880 г. № 2; Зайденера, 1888 г. № 28 и Байсаго, 1890 г. № 10).

9) „Примѣненіе по аналогіи наказанія къ дѣянію, прямо не предусмотрѣнному въ законахъ уголовныхъ, не выводитъ это дѣяніе изъ того разряда преступленій, къ которому оно, по свойствамъ своимъ, принадлежитъ“ (дѣла: Григорьева, 1869 г. № 1018, и Микертумова, 1869 г. № 642).

10) „Поэтому по аналогіи никогда не можетъ быть примѣненъ законъ, въ которомъ говорится о дѣяніи, несравненно важнѣйшемъ“ (дѣла: Умецкихъ, 1868 г. № 160, и Володиміровыхъ, 1875 г. № 73).

11) „Дѣйствіе специальныхъ законовъ не можетъ быть распространяемо на общія преступленія и проступки“ (дѣла: Агренева-Славянскаго, 1875 г. № 386; Пономарева, 1874 г. № 99 и Коргунова, 1869 г. № 595).

12) „Право суда на примѣненіе уголовного закона по аналогіи, ограниченное и по отношенію къ общимъ преступленіямъ и проступкамъ условіемъ существованія и въ разсматриваемомъ судомъ дѣяніи, не предусмотрѣнномъ прямо закономъ уголовнымъ, несомнѣнныхъ признаковъ преступности и противозаконности этого дѣянія, по роду и важности своей тождественныхъ съ признаками дѣянія, предусмотрѣннаго уголовнымъ закономъ, должно быть еще болѣе ограничено по отношенію къ нарушеніямъ специальныхъ уставовъ казенныхъ управленій“ (дѣла: Грина, 1873 г. № 117; Шамина, 1874 г. № 72 и Телятникова, 1870 г. № 1431).

13) „Прибѣгать къ аналогіи въ случаяхъ неполноты спеціального закона значило бы преувеличивать его силу, заключающуюся въ устраненіи дѣйствія общихъ законовъ только по тѣмъ предметамъ, на которые есть точныя постановленія въ специальныхъ законахъ“ (ст. ст. 70 и 71 зак. основн.) (дѣла: Селезнева, 1871 г. № 175 и Шамина, 1874 г. № 72).

14) „На этомъ основаніи, суду не предоставлено право восполнять пробѣлы въ обязательныхъ постановленіяхъ разныхъ общественныхъ учрежденій (напримѣръ, городскихъ думъ) путемъ распространительнаго ихъ толкованія“ (дѣло Бронштейна, разсмотрѣнное Сенатомъ 20 дек. 1897 года).

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ положеній вполне ясны и категоричны. Таковы положенія, указанныя нами подъ №№ 1, 2, 3, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14-мъ. Въ нихъ Сенатъ прямо высказывается противъ допустимости аналогіи въ области уголовного права, а только разрѣшаетъ суду прибѣгать къ логическому толкованію законовъ, въ случаѣ ихъ неполноты, неясности или противорѣчія, и только въ видѣ исключенія допускаетъ опредѣленіе по аналогіи наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда въ законѣ, предусматривающемъ данное преступное дѣяніе, не установлено за него опредѣленнаго наказанія.

Другія же положенія, указанныя подъ №№ 4, 5 и 6, могутъ съ перваго взгляда возбудить сомнѣніе въ томъ, не предоставляется ли ими суду уголовному право и на аналогію преступленій.

Однако останавливаясь подробнѣе на тѣхъ рѣшеніяхъ Уголовнаго Кассационнаго Департамента Сената, изъ которыхъ нами извлечены эти положенія,—присматриваясь ближе къ тѣмъ случаямъ, которые подлежали разсмотрѣнію Сената въ приведенныхъ его рѣшеніяхъ, не трудно убѣдиться въ томъ, что и въ нихъ рѣчь идетъ лишь о такомъ истолкованіи статьи закона, при которомъ подъ дѣйствіе ея могло бы быть подведено дѣяніе, по своимъ существеннымъ (родовымъ) признакамъ безспорно преступное, т. е. воспрещенное закономъ уголовнымъ подъ страхомъ наказанія, но отличающееся такими видовыми особенностями, о которыхъ вовсе не упоминается въ данной статьѣ. Если же въ нихъ и упоминается слово „аналогія“, то оно исключительно относится къ опредѣленію мѣры наказанія, но отнюдь не къ признанію преступности факта, которая хотя-бы *in genere* должна быть всегда установлена закономъ.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ Сената, къ сожалѣнію, высказывается иногда діаметрально-противоположный взглядъ на допустимость аналогіи въ области уголовного права. Такъ, напр., въ рѣшеніи по дѣлу Костюковой (1868 г. № 812) Сенатъ нашель, что „дѣяніе, хотя и не воспрещенное никакою положительною статьею закона, можетъ быть

тѣмъ не менѣе обложено наказаніемъ, если допущеніе подобнаго обычая можетъ дать поводъ къ значительнымъ по сему предмету злоупотребленіямъ“.

А въ рѣшеніи по дѣлу Игорева (1869 г. № 958), онъ прямо высказался въ томъ смыслѣ, что „предположеніе, будто статья 151 Улож. о наказ. примѣнима только къ опредѣленію наказанія, а не къ преступности дѣянія, и имѣла значеніе лишь тогда, когда нашъ законъ, полагая наказаніе, назначалъ его иногда въ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, какъ то: наказать яко преступника указовъ или по всей строгости законовъ—лишено всякаго основанія, такъ какъ ст. 151 перешла во всѣ позднѣйшія изданія уложенія, несмотря на безусловное исключеніе изъ нихъ вышеозначенныхъ неопредѣленныхъ карательныхъ формулъ и замѣну ихъ совершенно точно опредѣленнымъ за каждое преступленіе наказаніемъ.“ Съ этими положеніями уже никакъ согласиться нельзя. Исходя изъ перваго, легко найти относительно любаго, совершенно невиннаго, поступка, что онъ можетъ „дать поводъ къ значительнымъ злоупотребленіямъ“ и на этомъ основаніи обложить его наказаніемъ. Но такое расширеніе карательной власти суда сотретъ всякія границы между дѣяніемъ преступнымъ и не преступнымъ и приведетъ къ полнѣйшему произволу судей, представляющему серьезную опасность гражданской свободѣ.

Второе же положеніе, кромѣ того, грѣшитъ и противъ истины, такъ какъ основано на совершенно неправильномъ взглядѣ Сената, будто въ позднѣйшихъ изданіяхъ Уложенія о наказ. исключены всѣ статьи съ неопредѣленною санкціей. Между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, неопредѣленная санкція вовсе не исчезла въ позднѣйшихъ изданіяхъ Уложенія о наказ.; встрѣчается она и въ нынѣ дѣйствующемъ изданіи 1885 г., только въ нѣсколько другой формѣ.

(Примѣрами статей съ неопредѣленной санкціей могутъ служить статьи 229, 428, 444, 469, 484, 504, 576 п. 2-ой, 581, 613, 614, 821, 910, 1210, 1457, 1654, 1681, 1687 и мн. др.).

Въ виду того, что цитированныя нами только-что рѣше-

нія относятся къ самому началу дѣятельности Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, намъ кажется, что высказываемые въ нихъ взгляды могутъ легко быть объяснены свойственными всякому молодому учрежденію колебаніями и ошибками.

Но во всякомъ случаѣ, такое противорѣчіе, высказываемыхъ Кассационнымъ Сенатомъ, взглядовъ не можетъ способствовать устойчивости правосудія.

Если высшее судебное учрежденіе Россіи даетъ такія разнообразныя и другъ друга исключаютія толкованія ст. 151-ой Улож. наказ., то тѣмъ болѣе понятны недоразумѣнія, вызываемыя этою статьею въ низшихъ судебныхъ установленіяхъ. Лучшимъ выразителемъ неопредѣленности правъ судьи, устанавливаемыхъ ст. 151-ою, можетъ служить слѣдующее замѣчаніе прокурора Таганрогскаго окружнаго суда: „Статья 151-ая Улож. о наказ., правильное пониманіе которой судебными дѣятелями имѣетъ безусловно громадное значеніе въ дѣлѣ уголовной юстиціи, допускаетъ, по неудовлетворительности редакціи своей, двоякаго рода толкованіе содержащагося въ ней законоположенія. Сущность возникающаго отсюда вопроса, весьма важнаго въ смыслѣ опредѣленія предѣловъ власти суда, заключается въ томъ, предоставляетъ ли суду ст. 151 Улож. о наказ. право опредѣленія по аналогіи только наказанія за извѣстное преступленіе, описанное въ уголовномъ кодексѣ, или же она даетъ обширное право примѣненія наказанія за то или другое дѣяніе, прямо не предусмотрѣнное въ Уложеніи, подведеніемъ факта по аналогіи подъ преступленіе, опредѣленное въ законѣ, и, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, чѣмъ именно долженъ руководствоваться судъ для признанія за этимъ фактомъ характера преступленія?“¹⁾ Неудивительно поэтому, что составители проекта нашего новаго уголовного уложенія признали полезнымъ не только выбросить эту статью изъ проекта, но вмѣстѣ съ тѣмъ прямо и опредѣлительно формулировать въ немъ общепризнан-

¹⁾ Матеріалы для пересмотра нашего уголовного законодательства, т. II, стр. 80—81.

ное теперь коренное начало уголовного права: „*nullum crimen nulla poena sine lege*“; сдѣлали они это, по ихъ собственнымъ словамъ, „въ виду цѣлаго ряда весьма существенныхъ практическихъ выводовъ, изъ него вытекающихъ“ (стр. 5). Согласно ст. 1-ой проекта: „Преступнымъ признается дѣяніе, воспрещенное, во время его учиненія, закономъ подъ страхомъ наказанія.“

„Этимъ положеніемъ“, читаемъ мы въ объясненіяхъ редакціонной комиссіи къ проекту уголовного уложенія, „устанавливается, что наказаніе за учиненіе какаго-либо дѣянія можетъ быть опредѣлено только въ томъ случаѣ, если подлежащее судебному разсмотрѣнію дѣяніе запрещено закономъ, въ установленномъ для сего порядкѣ обнародованнымъ и вступившимъ въ силу до учиненія сего дѣянія или во время его учиненія. Преступное дѣяніе, по опредѣленію, данному ему ст. 1-ою, должно быть не только признано недозволеннымъ, неправомѣрнымъ, но за него должны быть установлены опредѣленные въ законѣ взысканія, налагаемые притомъ въ порядкѣ уголовного суда: этимъ признакомъ преступныя дѣянія отличаются отъ разнаго рода недозволенныхъ проступковъ, караемыхъ въ порядкѣ дисциплинарномъ или влекущихъ за собою одни лишь гражданскія взысканія. Далѣе, дѣяніе должно быть запрещено закономъ или основывающимся на законѣ административнымъ постановленіемъ, уже вступившимъ въ законную силу въ моментъ совершенія караемаго поступка, такъ какъ только при семъ условіи существуетъ основаніе отвѣтственности—обязанность каждаго безусловно подчиняться установленнымъ для всѣхъ гражданъ предписаніямъ закона. Сіи признаки, характеризующіе преступное дѣяніе, тѣмъ самымъ устанавливаютъ и предѣлъ власти суда, безусловно устраняя возможность облагать наказаніями поступки, хотя и сходные съ какими-либо преступными дѣяніями, но прямо въ законѣ не воспрещенные. Судъ, примѣняя законъ, выясняя соотношеніе между формой и содержаніемъ статьи, устанавливая область дѣйствія того или другого постановленія, можетъ весьма часто руководствоваться не только буквой, но и общимъ смысломъ законовъ, можетъ

разъяснять и толковать законъ по сходству или по противоположенію, но ему не можетъ быть предоставлено право какъ-бы замѣнять собою законодателя, пополняя дѣйствительные или предполагаемые имъ пробѣлы въ кодексе, при помощи такъ называемой аналогіи: будучи исполнителемъ закона, судъ не можетъ быть въ то же время его создателемъ. Это начало, вытекающее изъ самаго существа судебной дѣятельности и отличія ея отъ законодательной, давно уже стало аксіомой не только въ наукѣ, но и въ западно-европейской практикѣ; точно также и въ нашемъ правѣ это положеніе съ полной опредѣленностью установлено съ изданіемъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г. Ст. 13 Уст. угол. суд., воспрещающая останавливать рѣшеніе дѣла подѣ предлогомъ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, имѣеть въ виду, какъ поясняетъ ст. 12 того же Устава, только неполноту въ законѣ, коимъ судимое дѣяніе воспрещается подѣ страхомъ наказанія, т. е. предполагаетъ всегда существованіе спеціальнаго запрета, объемлющаго подлежащій разсмотрѣнію суда случай, но только не имѣющаго надлежащей ясности или полноты. Если же уголовный судъ усмотритъ, что поступокъ, въ которомъ обвиняется подсудимый, не указанъ въ законѣ уголовномъ, не воспрещенъ подѣ страхомъ наказанія, то, согласно 1 пункту ст. 771 Уст. угол. суд., онъ обязанъ постановить приговоръ объ оправданіи подсудимаго. Статья 1-я проекта, такимъ образомъ, будетъ выражать, по отношенію къ матеріальному уголовному праву, тотъ же принципъ, который провозглашенъ 1 п. ст. 771 Уст. Угол. Суд.“ (Объясненія, т. I, гл. 1-я, отд. 1-е, стр. 1—7).

Этимъ мы и закончимъ изложеніе тѣхъ взглядовъ русскаго законодательства на вопросъ объ юридическомъ толкованіи законовъ уголовныхъ вообще и аналогическомъ ихъ примѣненіи въ частности, которыми оно руководствовалося въ разные времена.

Не трудно замѣтить, что въ этомъ отношеніи все русское законодательство распадается на четыре рѣзко отличающихся другъ отъ друга періода.

Первый періодъ, продолжавшійся вплоть до вступленія на престолъ Петра Великаго, характеризуется полнымъ отсутствіемъ какой бы то ни было самостоятельности „судной боярской коллегіи“ въ рѣшеніи спорныхъ дѣлъ, а потому не только объ аналогическомъ примѣненіи законовъ уголовныхъ, но и вообще о какомъ бы то ни было юридическомъ толкованіи ихъ судомъ не могло быть, конечно, и рѣчи.

Второй періодъ обнимаетъ собою царствованіе Петра Великаго и можетъ быть, по нашему мнѣнію, названъ періодомъ колебаній. Въ началѣ своего царствованія, Петръ, слѣдуя доктринѣ, принятой въ то время въ Западной Европѣ, предоставляетъ суду широкую власть въ дѣлѣ примѣненія наказаній, думая найти въ этомъ гарантію правосудія. Но вскорѣ онъ убѣдился въ непригодности этой теоріи, отброшенной впоследствии и на западѣ. Поэтому въ именномъ указѣ, данномъ 17 апрѣля 1722 г., онъ высказываетъ совершенно противоположный взглядъ на этотъ вопросъ: по указу 17 апрѣля 1722 года, низшіе суды обязаны о всѣхъ встрѣчаемыхъ ими при рѣшеніи дѣлъ затрудненійхъ доносить Сенату, а послѣдній представляетъ такіа дѣла на усмотрѣніе Императора.

Третій періодъ начинается со вступленія на престолъ Екатерины Великой и продолжается вплоть до изданія Судебныхъ Уставовъ 1864 г. Этотъ періодъ совпадаетъ по времени съ господствомъ въ Западной Европѣ теоріи Монтескье и Беккари, и ихъ вліяніемъ въ значительной степени объясняется то стѣсненіе истолковательной дѣятельности судовъ, которое является характернымъ признакомъ этого періода. Суды, при рѣшеніи дѣлъ, обязаны держаться „точного и буквального смысла“ законовъ, при малѣйшихъ же сомнѣніяхъ они должны обращаться за разъясненіями въ Сенатъ, который въ такихъ случаяхъ обыкновенно представляетъ все дѣло на усмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Впрочемъ, уже въ этомъ періодѣ уголовный судъ (съ изданіемъ Свода Законовъ) получаетъ право опредѣлять по аналогіи наказаніе за преступленіе въ тѣхъ случаяхъ, когда таковое назначается закономъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, только подъ не-

примѣннымъ условіемъ представлять такіе свои приговоры, до приведенія ихъ въ исполненіе, на усмотрѣніе Сената.

Наконецъ, четвертый періодъ, ведущій свое начало отъ изданія Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II (1864 г.) характеризуется предоставленіемъ суду уголовному права толковать законы по логическому ихъ смыслу и постановлять рѣшенія, не стѣсняясь неполнотою, неясностью или противорѣчіемъ отдѣльныхъ законоположеній.

Въ этомъ же періодѣ, съ новымъ изданіемъ Уложенія о нак. 1866 г., отмѣнена обязанность судовъ представлять свои приговоры, до приведенія ихъ въ исполненіе, на усмотрѣніе Сената, и, стало-быть, окончательно установлено право ихъ на опредѣленіе въ извѣстныхъ случаяхъ наказанія по аналогіи.

Это послѣднее право въ настоящее время является единственнымъ различіемъ, которое существуетъ въ отношеніи къ затронутому нами вопросу между русскимъ законодательствомъ и законодательствомъ западно-европейскимъ. Оно исчезнетъ, какъ мы видѣли, съ введеніемъ въ дѣйствіе проекта нашего новаго уголовного уложенія и вмѣстѣ съ нимъ отойдутъ въ область преданія послѣдніе остатки нашего дореформеннаго судопроизводства, столь ославившагося своими злоупотребленіями. Что же касается интересовъ правосудія, то они отъ этого едва-ли пострадаютъ, потому что дѣянія, дѣйствительно преступныя, всегда найдутъ себѣ достойную оцѣнку и въ существующемъ уголовномъ законодательствѣ: „И въ Уложеніи найдется и находится законъ, который по своимъ основаніямъ, по своей цѣли, по общимъ свойствамъ описываемаго въ немъ дѣянія—однимъ словомъ, по своему разуму обниметъ собою еще прямо не заклѣянные Уложеніемъ, но несомнѣнно преступныя дѣйствія.“

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОБЫЧНАГО ПРАВА.

(Опытъ научной разработки данныхъ по сборнику „Матеріалы для описанія мѣстностей и племень Кавказа“, изданному Яновскимъ).

Л. И. Петрова.

Восемнадцатый вѣкъ смотрѣлъ на право, какъ на сумму обнародованныхъ законовъ. Право являлось продуктомъ законодательнаго произвола, право и законъ были синонимами. Яркимъ выразителемъ такого взгляда, господствовавшаго въ прошломъ столѣтіи, служить Вольтеръ. „Les lois ont été établies dans presque tous les Etats“—говоритъ онъ— „par l'intérêt du législateur, par le besoin du moment, par l'ignorance, par la superstition. On les a faites à mesure, au hasard, irrégulièrement, comme on bâtitait les villes... Voulez-vous avoir de bonnes lois? Brûlez les vôtres, et faites-en de nouvelles“¹⁾. Германскій ученый Тибо въ своей брошюрѣ „Ueber die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts für Deutschland“ предлагалъ устроить съѣздъ юристовъ, практиковъ и теоретиковъ, съ цѣлью составить новый гражданскій кодексъ для всей Германіи, который могъ бы удовлетворять условіямъ современной жизни. „Вѣра въ возможность быстрого преобразования юридическихъ установленій на началахъ идеальнаго права, довѣріе къ силамъ субъективнаго разума, радикальное отрицаніе истори-

¹⁾ Voltaire—Dictionnaire philosophique, Paris, 1813, v. 11, p. 20.

ческаго прошлаго—таковы основныя черты его брошюры¹⁾. Отвѣтомъ на эту брошюру было сочиненіе „Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft“, принадлежащее перу Савиньи, основателя исторической школы. Главное достоинство этой школы заключается, по мнѣнію Геринга, въ томъ, что „на мѣсто господствовавшего до тѣхъ поръ внѣшняго, механическаго образованія права путемъ законодательныхъ измышленій она выставила непосредственный органическій способъ его возникновенія,—происхожденіе его изъ глубины національнаго чувства правды“²⁾. Творцомъ всего права, по ученію исторической школы, является народный духъ, живущій во всѣхъ членахъ даннаго народа³⁾. Ихъ соединяетъ въ одно цѣлое общая духовная связь, одинаковое направленіе ума. „Это сходство убѣжденій народа опирается не на внѣшнюю основу даннаго закона, не на внутреннія основанія научной истины, слѣдовательно оно вообще зиждется не на сознательныхъ основаніяхъ, а на естественномъ духовномъ сродствѣ народа“⁴⁾. Членомъ даннаго народа прирождены уже извѣстныя воззрѣнія или, по крайней мѣрѣ, зародыши ихъ и способность къ ихъ воспріятію; къ числу такихъ прирожденныхъ убѣжденій принадлежатъ и юридическія убѣжденія. „Всюду, гдѣ возникаетъ вопросъ объ юридическомъ отношеніи, соотвѣтствующая ему норма уже давно существуетъ, слѣдовательно не нужно устанавливать ее“⁵⁾. Такимъ образомъ, право, по мнѣнію Савиньи и его ученика

¹⁾ Новгородцевъ—Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба, Москва, 1896, стр. 79.

²⁾ Jhering—Geist des römischen Rechts, Leipzig, 1854, II Theil, 1 Ab. S. 25, 26.

³⁾ Спиритуалистическая теорія, получившая названіе отъ слова „spiritus“ (духъ), изложена на основаніи слѣдующихъ мѣстъ сочиненій Савиньи и Пухты: Savigny, Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft.—Savigny, System des heutigen Römischen Rechts, Berlin, 1840, Erster Band, S. 13—18, 34—38.—Puchta, Pandekten, Leipzig, 1866, zehnte vermehrte Auflage, §§ 10—14.—Puchta, Institutionen, Leipzig, 1881, neunte Auflage, erster Band, §§ 12—19.—Puchta, Pandekten, Leipzig, 1866, S. 19—30.

⁴⁾ Puchta—Das Gewohnheitsrecht, I, 79.

⁵⁾ Savigny—System, 14.

Пухты, было небеснымъ даромъ, скрытымъ въ непроницаемыхъ тайникахъ народнаго духа и обнаруживающимся, по мѣрѣ надобности, во внѣшнемъ мірѣ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ развитія права изъ нѣдръ народнаго духа является различіе правовыхъ системъ, господствующихъ у извѣстныхъ намъ народовъ. Право каждаго народа носить на себѣ опредѣленный отпечатокъ, опредѣленный характеръ, присущій только этому народу. Точно также народы отличаются другъ отъ друга своимъ языкомъ, нравами и политическимъ устройствомъ. Въ одно цѣлое всѣ эти явленія связываются одинаковымъ сознаниемъ внутренней необходимости, исключающей всякую мысль о случайномъ или произвольномъ ихъ происхожденіи. Возникновеніе права изъ глубины народнаго духа представляетъ изъ себя невидимое явленіе. Никто не можетъ прослѣдить процессъ зарожденія и развитія праваго убѣжденія. Видимый элементъ для насъ составляетъ уже сложившееся право,—право, вышедшее изъ таинственной лабораторіи, выработывавшей его. При своемъ возникновеніи право можетъ принять тройкій видъ: 1) какъ непосредственное убѣжденіе членовъ народа, проявляющееся въ ихъ дѣйствіяхъ, 2) какъ законъ и 3) какъ продуктъ научной дедукціи. Право, непосредственно возникающее въ народномъ сознаниіи, называется обычнымъ. Оно оказываетъ давленіе на дѣйствія отдѣльныхъ членовъ народа; эти дѣйствія называются обычаями. Обычай, этотъ неразлучный спутникъ обычнаго права, есть примѣненіе уже заложеннаго въ нѣдра народнаго духа юридическаго правила; онъ является не болѣе, какъ формой, въ которую выливаются юридическія убѣжденія народа. Послѣднія, такимъ образомъ, воплощаются въ обычай, укрѣпляются благодаря ему, такъ какъ люди, руководствуясь постоянно какимъ-нибудь обычаемъ, примѣняя одно и то же юридическое убѣжденіе къ разнообразнымъ явленіямъ юридическаго быта, все болѣе и болѣе сознаютъ истину этого убѣжденія. Для иллюстраціи этого положенія Пухта приводитъ слѣдующій примѣръ: существуетъ юридическое убѣжденіе, въ силу котораго для передачи права собственности недостаточно одного договора между прежнимъ собственни-

комъ и новымъ, а долженъ быть еще совершенъ актъ дѣйствительной передачи вещи. Это воззрѣніе постоянно высказывается въ практикѣ, въ обычай, который можетъ только сообщить данному юридическому положенію большую достовѣрность, но никоимъ образомъ не можетъ быть причиной происхожденія этой нормы. Обычай, замѣчаетъ Пухта, нельзя было бы назвать юридическимъ, если бы ему уже не предшествовало юридическое положеніе. Таковы взгляды корифеевъ исторической школы на происхожденіе права вообще и обычнаго права въ частности.

Нельзя сказать, чтобы тезисы, выставленные на знамени исторической школы, отличались особенной новизной. Почти въ каждомъ изъ нихъ Савиньи и Пухта только повторяли взгляды, высказываемые представителями науки задолго до появленія сочиненій, содержащихъ *profession de foi* основателей исторической школы въ юриспруденціи. Такъ называемая геттингенская школа держалась тѣхъ же воззрѣній, изъ которыхъ составила научная программа Савиньи и Пухты. Пюттеръ, родоначальникъ геттингенской школы, считалъ необходимымъ историческое изученіе права. „Ни одно положительное право не можетъ быть понято и объяснено безъ его исторіи; при томъ она должна разсматривать не только перемѣны въ самомъ правѣ, но и въ государственныхъ учрежденіяхъ, ибо — говорить онъ — „рѣдко бываютъ такіе законы, которые бы не имѣли основанія въ государственномъ устройствѣ своего времени“ ¹⁾. Гуго, одинъ изъ наиболее видныхъ представителей этой школы, раздѣляетъ взгляды Пюттера. Кромѣ того, онъ высказалъ, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ идею самобытнаго развитія права. По его мнѣнію, право, публичное и частное, развивается, какъ языкъ и нравы, само собой, а не устанавливается путемъ взаимнаго соглашенія людей или въ силу предписанія законодательной власти ²⁾. Онъ же внесъ въ науку уваженіе къ обычному праву. Все это дало Савиньи основаніе признать его своимъ предше-

¹⁾ Новгородцевъ, с. 38.

²⁾ Hugo—Civil. Magazin, 1814, IV S. 117 sq.

ственникомъ ¹⁾). Къ числу провозвѣстниковъ ученія исторической школы самъ Савиньи относитъ еще оснабрюкского историка Мёзера, который „съ очень большимъ умѣньемъ вездѣ старался показать на значеніе исторіи, ссылаясь и на гражданское право“ ²⁾). Взгляды Лейбница также выясняютъ ту духовную атмосферу, въ которой зародились воззрѣнія исторической школы. Въ своемъ сочиненіи „*Nova methodus discendae docendaeque iurisprudentiae*“, вышедшемъ въ 1667 г., онъ говоритъ: „*Historia externa ad iurisprudentiam necessaria est. Historia Romana ad intelligendum ius civile, ecclesiastica ad intelligendum ius canonicum.... Hoc iam iuris cultori persolvendum est, ut non solum quid iuris sit, sed et quid iuris fuerit, discat*“ ³⁾). Гердеръ подчеркиваетъ значеніе для государства національной основы, утверждая, что „въ случайно сплоченныхъ государствахъ безъ національнаго характера нѣтъ жизни“ ⁴⁾). Кантъ развивалъ мысль о закономѣрномъ процессѣ развитія челоуѣчества и о тѣсной исторической связи между настоящимъ и прошедшимъ. Фейербахъ въ своей брошюрѣ „*Ueber Philosophie und Empirie*“ (1804) пишетъ: „Все позитивное право подчинено великому и вѣчному закону причинности; оно есть продуктъ времени и связано съ предшествующими событіями неразрывною цѣпью причинъ и слѣдствій. Изъ права, дѣйствовавшаго прежде, выросло право современное; и это послѣднее существуетъ только потому, что старое, отживъ свой вѣкъ, родило новое. Въ глубинѣ прошлыхъ тысячелѣтій лежитъ зерно законодательства, которому мы теперь повинемся... Исторія права должна вывести, объяснить его современное состояніе изъ предыдущихъ состояній на основаніи ихъ внутренней прагматической связи“ ⁵⁾).

Историческая школа раздѣлила юристовъ по ихъ взглядамъ на два лагеря. Съ одной стороны, цѣлая плеяда уче-

¹⁾ Savigny—Beruf, S. 14, 15.

²⁾ Savigny—Beruf, S. 15.

³⁾ Новгородцевъ, с. 33, прим. 1.

⁴⁾ Новгородцевъ, с. 59, прим.

⁵⁾ Муромцевъ—Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи.

ныхъ стала въ ряды защитниковъ спиритуалистической теоріи происхожденія обычнаго права. Къ числу ихъ нужно отнести Гёшена, Бринкмана, Миттермайера, Тёля, Варнкёнига, Эйхгорна, Гербера, Арнольда, Штоббе, Гудсмита, Обри и Ро, Гольвилля, Броше-де-ла-Флешера, Станиславскаго, Дыдынскаго, Загоскина и многихъ другихъ. Съ другой стороны, явилось множество противниковъ новаго направленія. Въ ихъ лагерѣ мы видимъ, напр., имена Унтергольднера, Мюленбрука, Кирульфа, Вехтера, Безелера, Вангерова, Людерса, Синтениса, Адикеса, Шванерта, Виндшейда, Барона и Унгера. Послѣдніе выставили цѣлый рядъ возраженій противъ ученія исторической школы.

I. „Основная точка отправленія—бытіе единаго народнаго убѣжденія—нигдѣ не доказывается, какъ положительный историческій фактъ, а имѣетъ значеніе только философски-объединяющаго предположенія“¹⁾. Между тѣмъ только изслѣдователь, нарочно закрывающій глаза передъ данными, представляемыми исторіей каждаго народа, могъ утверждать, что основой всего дѣйствующаго права является народный духъ.

Дѣло въ томъ, что нормы обычнаго права вырабатываются на почвѣ индивидуальныхъ нуждъ и потребностей народа, что обычное право всякаго народа отличается партикуляризмомъ.

Сводъ Ману говоритъ объ юридическихъ обычаяхъ отдѣльныхъ округовъ, кастъ и даже семействъ²⁾. Нашъ начальный лѣтописецъ сообщаетъ о славянахъ слѣдующее: „Имяху обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, вождо свой нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ;... брачныи обычаи имяху.... А древляне живяху звѣринскимъ образомъ, и брака у нихъ не бываше“³⁾.

¹⁾ Сергѣевичъ—Опыты изслѣдованія обычнаго права. „Наблюдатель“, 1882 Январь, с. 83.

²⁾ Lois de Manou, traduites du sanscrit par A. Loiseleur—Deslongchamps, Paris, 1833, VIII, § 3.

³⁾ Полное собраніе лѣтописей, т. I, стр. 6.

Такимъ же партикулярнымъ характеромъ отличается обычное право хорватовъ, сербовъ и другихъ славянскихъ племенъ. Позднѣ этотъ партикуляризмъ нашель себѣ выраженіе въ системахъ обычнаго права, царившихъ не только среди отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, но даже среди другихъ болѣе мелкихъ подраздѣленій, какъ, напр., въ системахъ мѣстнаго обычнаго права Полицы, Винодола и т. д. О томъ же партикуляризмѣ свидѣтельствуетъ Мерлинъ по отношенію къ французскому обычному праву. Во Франціи, передъ 1789 г., дѣйствовали по крайней мѣрѣ 60 системъ общаго обычнаго права и 300 системъ мѣстнаго обычнаго права ¹⁾. На одно обычное право Парижа было 26 разныхъ комментаріевъ, хотя они касались самыхъ важныхъ вопросовъ права. Разнообразіе системъ обычнаго права дало основаніе Piton'у de Villeneuve сказать: „Tel nait pauvre à Caen, qui fût né gros seigneur à Paris; tel est habile jurisconsulte à Paris, qui n'est qu'un ignorant en Poitou“ ²⁾. Въ этой пестротѣ мѣстныхъ обычаевъ видятъ естественное послѣдствіе развитія ленной системы, при господствѣ которой вся страна была раздроблена на множество мелкихъ владѣній, и „долина, по выраженію Мишле, дѣлалась королевствомъ, а гора уже составляла другое“. Жители каждой шателеніи, города, почти каждой деревни руководствовались своимъ мѣстнымъ обычаемъ, имѣвшимъ, поѣтому, по большой части чрезвычайно тѣсный районъ дѣйствія. На территоріи нынѣшней Бельгіи находили себѣ примѣненіе болѣе 100 различныхъ системъ обычнаго права ³⁾. Пословицы, эти самобытные продукты народной мысли, также являются выразительницами этого всемірнаго факта. „Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай“,—говоритъ русскій народъ. „Что земля, то проказы; у Сидора обычай, а у Карпа свой; что дворъ, то говоръ; что подворье, то повѣрье; что деревня, то обрядня; что сторона, то и новизна; що край, то обычай; каждый край ма свій обичай; ländlich sittlich“. Къ кавказскимъ гор-

¹⁾ Orban—Cours d'encyclopédie du droit, Liège, 1893, p. 31.

²⁾ Roussel—Encyclopédie du droit, 1871, p. 299, en note.

³⁾ Orban, p. 31.

цамъ вполне примѣнны эти пословицы. Ихъ народные обычаи, адаты, поражаютъ своимъ разнообразіемъ ¹⁾. Каждый аулъ, чуть ли не каждый домъ и семья, имѣетъ свои собственные адаты, живетъ по своимъ „домашнимъ обрядамъ“. Такъ, напр., у осетинъ, занимающихъ сѣверный склонъ кавказскаго хребта, было въ 40-хъ годахъ больше десяти системъ мѣстнаго обычнаго права въ обществахъ дигорцевъ, тагѣурцевъ, куртатинцевъ, алагирцевъ, фарсалагъ, кавдасардовъ, наръ, мамисоновъ, сидомонцевъ, чераземцевъ и кусогонцевъ ²⁾. Джераги, кисты, галгаи, цоры, назрановцы (ингуши) и карабулаки, всѣ эти подраздѣленія чеченскаго племени, имѣли также свои собственные адаты. На всемъ сѣверномъ и восточномъ Кавказѣ у различныхъ племенъ и общинъ дѣйствовало въ 60-хъ годахъ больше ста партикулярныхъ системъ обычнаго права. Спрашивается, какимъ образомъ объяснить существованіе этого явленія, если признать правильной теорію происхожденія обычнаго права, провозглашенную корифеями исторической школы. Очевидно, что это явленіе совершенно необъяснимо съ точки зрѣнія Савиньи и Пухты и что „теорія, основывающаяся на совокупной волѣ, или на народномъ убѣжденіи, становится похожей почти на иронію“ ³⁾. Въ этомъ противорѣчій теоріи фактамъ дѣйствительной жизни и видятъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ недостатковъ ученія исторической школы. По нашему мнѣнію, этотъ упрекъ не совсѣмъ справедливъ: и Савиньи, и Пухта признавали существованіе мѣстнаго обычнаго права ⁴⁾.

„У права, какъ и у языка, есть свои провинціализмы“, говоритъ Пухта ⁵⁾. Мѣстное обычное право, по его мнѣнію, вытекаетъ изъ юридическаго сознанія отдѣльныхъ частей народа, представляющихъ изъ себя его естественныя развѣт-

¹⁾ Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, Вып. XIV, отд. I, Лиловъ, Очеркъ быта кавказскихъ горцевъ, с. 12 и Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, Вып. I, Комаровъ, Адаты и судопроизводство по нимъ, с. 9.

²⁾ Леонтовичъ—Адаты кавказскихъ горцевъ, Одесса, 1882, Выпускъ I, с. 25.

³⁾ Аренсъ—Юридическая Энциклопедія, М., 1863, с. 54.

⁴⁾ Puchta—Gewohnheitsrecht, I, S. 219. Savigny—System. S. 19, 20.

⁵⁾ Puchta—Institutionen, S. 15.

вленія. Дѣло въ томъ, что народъ распадается на многія племена, послѣднія въ свою очередь дѣлятся на болѣе мелкія части. Лучшей иллюстраціей можетъ служить исторія народовъ германскаго происхожденія. Они отличаются сильнымъ стремленіемъ къ сепаратизму. Каждая отдѣльная единица, напр. семья, мѣстечко, провинція, государство, стремится изолировать себя даже отъ своего ближайшаго сосѣда, не говоря уже о членахъ другихъ родовъ. Это стремленіе къ обособленію высказалось главнымъ образомъ въ политическомъ устройствѣ Германіи. Имъ же обусловливается различіе общаго права отъ права партикулярнаго, мѣстнаго. Есть общины, выработавшія свое особенное право и сумѣвшія сохранить его, несмотря на бурный ходъ историческихъ событій. Ступеню выше ихъ стоятъ отдѣльные города и мѣстечки, среди которыхъ находятъ примѣненіе, кромѣ нормъ общаго права, также и нормы мѣстнаго права. Правамъ отдѣльныхъ провинцій уже болѣе присущъ характеръ всеобщности, хотя и они являются только партикулярными сравнительно съ правовыми системами разныхъ германскихъ государствъ. „Общимъ правомъ“—говоритъ Пухта—„мы называемъ только такое право, которое не имѣетъ снова надъ собой высшаго рода, къ которому бы оно относилось, какъ частное“¹⁾. Слѣдовательно, корифеи исторической школы допускали существованіе мѣстнаго обычнаго права, но только ни слова не говорили о томъ, какимъ образомъ на почвѣ единаго національнаго духа возникаютъ различныя системы обычнаго права. Несмотря на всю свою пестроту и разнообразіе, онѣ, говорятъ защитники спиритуалистической теоріи, носятъ на себѣ національный отпечатокъ. „Всматриваясь глубже въ характеръ правъ, дѣйствовавшихъ среди отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, мы не можемъ не замѣтить, что они, при всемъ партикуляризмѣ своемъ, въ сущности были продуктомъ общаго юридическаго сознанія и міросозерцанія, составлявшаго особенность своеобразнаго склада духа славянской народности, что партикуляризмъ славянскаго

¹⁾ Puchta, *ibidem*, S. 16.

права не въ силахъ былъ поэтому заглушить объединявшей ихъ и дававшей имъ единство родственной связи. Единство духовнаго источника, изъ котораго черпали свое содержаніе нормы обычнаго права отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, производило то, что извѣстныя правовыя отношенія и институты, отливаясь подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ условій быта въ различныя по внѣшнему виду формы, въ сущности служили отраженіемъ однихъ и тѣхъ же правовыхъ принциповъ, одного и того же юридическаго духа¹⁾. Но, замѣтимъ съ своей стороны мы, сходныя черты можно найти въ правовыхъ системахъ племенъ, часто принадлежащихъ къ различнымъ человѣческимъ расамъ. На основаніи новѣйшихъ изслѣдованій признано сродство, почти тождество законодательствъ первобытныхъ народовъ. Такъ какъ они прошли однѣ и тѣ же стадіи развитія, то очень часто законодательство какого-нибудь народа воспроизводитъ, почти слово въ слово, законодательство другаго народа. Можетъ прійти мысль, что такое сродство является результатомъ заимствованія, но это предположеніе не выдерживаетъ критики: эти правовыя системы принадлежатъ часто народамъ, которые раздѣлены огромнымъ пространствомъ, долгимъ промежуткомъ времени и, слѣдовательно, лишены возможности подражать другъ другу. Итакъ, схема происхожденія обычнаго права, предложенная Савиньи и Пухтой, по нашему мнѣнію, неправильна, такъ какъ 1) при ней необъяснимъ партикуляризмъ обычнаго права и 2) указанный только-что фактъ поразительнаго сродства первобытныхъ законодательствъ наводитъ на мысль, что источникъ обычнаго права нужно искать не въ таинственномъ народномъ духѣ, а въ чемъ-нибудь другомъ.

II. Кромѣ того, спиритуалистическая теорія не въ силахъ объяснить образованія такихъ юридическихъ обычаевъ, какъ обычаи международные и церковные, о возникновеніи которыхъ на почвѣ народнаго единства, конечно, не можетъ

¹⁾ За го с к и н ъ — Методъ и средства изученія древней исторіи русскаго права въ связи съ древнѣйшимъ развитіемъ правъ другихъ народовъ славянскаго племени. Ученныя Записки Имп. Каз. Ун., 1877 г., стр. 247.

быть и рѣчи. Пухта совершенно отвергаетъ обычное право въ сферѣ международныхъ отношеній. Въ правѣ, говоритъ онъ, слѣдуетъ различать два момента, которые такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что при отсутствіи одного изъ нихъ исчезаетъ самое понятіе права: 1) убѣжденіе въ томъ, что есть право и 2) примѣненіе на дѣлѣ этого убѣжденія. Право, которое не можетъ быть осуществлено, перестаетъ быть правомъ. Но, разумѣется, это осуществленіе само должно быть правовымъ, а не случайнымъ только, какъ это бываетъ при войнѣ. Война, представляя изъ себя естественную силу, не находящуюся подъ вліяніемъ права, можетъ служить также орудіемъ несправедливости. Соотвѣтствующая праву правовая защита возможна только при помощи органа общей воли, слѣдовательно, при посредствѣ государственной организаціи. Итакъ, не можетъ быть и рѣчи о международномъ правѣ, при осуществленіи котораго играетъ роль слѣпое счастье и перевѣсъ чисто физической силы. Въ особенности юристы—они могли-бы, кажется, надлежащимъ образомъ употреблять выраженіе „право“—не должны называть правомъ нормы, для которыхъ еще не найдена правовая форма осуществленія, такъ какъ благодаря этому унижается достоинство права ¹⁾. Между тѣмъ, „какъ нормы международныхъ отношеній, обычныя начала, по словамъ проф. Мартенса, имѣютъ огромное практическое и юридическое значеніе. Путемъ обычая возникло и утверждалось международное договорное и посланническое право. Затѣмъ, права, которыми пользуются монархи и вообще представители верховной власти во время пребыванія на чужой территоріи, равно какъ и этикетъ взаимныхъ между ними сношеній, точно также выработались сами собой и сохраняютъ силу безъ всякой формальной санкціи. Морское международное право, начиная съ правилъ о товаротправленіи, морскомъ страхованіи, объ отношеніяхъ между шкиперомъ и матросами и кончая правами нейтральной торговли,—все возникло въ средніе вѣка, первоначально въ видѣ обычаевъ, которые вошли затѣмъ въ

¹⁾ Puchta—Gewohnheitsrecht, I, S. 141, 142.

особые сборники, и, наконецъ, сдѣлались частью законодательства различныхъ государствъ. Большинство юридическихъ нормъ, составляющихъ право войны, до настоящаго времени не формулировано ни международными соглашениями, ни государственнымъ законодательствомъ, оставаясь въ видѣ обычаевъ. Наконецъ, изъ области международного частнаго права можно указать на чрезвычайно важное начало: *locus regit actum*, которое также основывается на силѣ обычая¹⁾.

Спиритуалистическая теорія не пригодна къ объясненію процесса образованія также и церковныхъ юридическихъ обычаевъ. Христіанство сломало національныя перегородки, свѣтъ христіанства одинаково проливался на всѣ народы. Въ церкви, по словамъ апостола, „нѣсть еллинъ, ни іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варварь и скифъ, рабъ и свободъ, но всяческая и вовсѣхъ Христосъ“. Церковь не основана, какъ гражданское общество, на естественной почвѣ и, слѣдовательно, національному правовому убѣжденію нѣтъ мѣста среди источниковъ церковнаго обычнаго права. Это отлично понималъ самъ Пухта. „Выраженіе „церковное обычное право“ — говоритъ онъ — „само заключало бы въ себѣ явное противорѣчіе не національнаго права, основывающагося на національной теоріи“²⁾. Но возникаетъ вопросъ, откуда же вытекаютъ тѣ правовыя нормы, которыя составляютъ содержаніе церковныхъ обычаевъ? На этотъ вопросъ Пухта даетъ слѣдующій отвѣтъ: Христосъ основалъ церковь, установилъ таинство, выбралъ апостоловъ. Такимъ образомъ сама церковь и всѣ ея основныя учрежденія непосредственно опредѣлены самимъ Христомъ. На всѣ другія нормы нужно смотрѣть, какъ на нормы производныя, дѣйствующія съ согласія Главы церкви. Онѣ вытекаютъ изъ церковной автономіи, изъ дарованнаго церкви права регулировать свои отношенія, разумѣется, сохраняя безъ всякаго измѣненія Божественныя предписанія самого Иисуса Христа³⁾.

¹⁾ Мартенсъ—Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, 1882 г., т. I, стр. 186.

²⁾ Puchta—Gewohnheitsrecht, II, S. 269.

³⁾ Puchta—Gewohnheitsrecht, II, S. 274, 275.

III. Отношеніе обычнаго права къ закону не всегда бываетъ такое, какое указано Пухтой. Обычай не всегда является вѣрнымъ отраженіемъ юридическаго сознанія даннаго народа, отзвукомъ произвольныхъ движеній народнаго духа, а напротивъ очень часто представляетъ изъ себя рядъ историческихъ наслоеній, навязанныхъ ему другимъ народомъ, носить на себѣ печать иноземнаго порабощенія, тяготѣвшаго надъ нимъ, и въ числѣ своихъ первоисточниковъ можетъ указать и на законъ. Желая доказать это положеніе, Ковалевскій посвятилъ свое сочиненіе „Законъ и обычай на Кавказѣ“ изслѣдованію культурныхъ вліяній разныхъ народовъ на обычное право Кавказа. Напр., среди горцевъ Дагестана въ эпоху, предшествовавшую введенію корана, господствовала неограниченная эндогамія. Указанія на нее можно найти въ грузинской хроникѣ царя Вахтанга, которая говоритъ, что „у нихъ (т. е. у картвельскихъ племенъ) водворилось гнусное обыкновеніе: въ бракахъ не обращать вниманія ни на какую степень родства“. Ту же интересную черту наблюдалъ среди Дидойцевъ Клапротъ. Наконецъ, въ официальныхъ данныхъ объ организациі дагестанскихъ родовъ, значитъ, что браки должны быть заключаемы только съ женщинами, принадлежащими къ роду жениха, и что самымъ почетнымъ бракомъ является тотъ, который заключаютъ между собой двоюродные братья и сестры. Въ народныхъ сказаніяхъ о нартахъ мы находимъ слѣды заключенія брака между самыми близкими родственниками, а именно между братомъ и сестрой. Сатана полюбила своего брата Урузмага и стала убѣждать его жениться на ней. Урузмагу долго не соглашался, говоря, что это грѣшно и что все будутъ смѣяться надъ нимъ. Тогда Сатана предлагаетъ Урузмагу сѣсть на осла лицомъ къ хвосту и въ такомъ видѣ проѣхать по аулу. Когда онъ вернулся домой, она спросила его, какъ посмотрѣли люди на его поступокъ? „Даже камни смѣялись!“ отвѣтилъ онъ. На второй день жители аула смѣялись уже меньше, а на третій на Урузмага никто не обращалъ вниманія. „Такъ точно будетъ и тогда, когда ты женишься на мнѣ, посмѣются и перестанутъ“ — сказала

ему Сатана. Убѣдившись въ справедливости словъ своей сестры, Урузмагъ согласился жениться на ней и никогда не раскаивался онъ въ этомъ ¹⁾. Горянка, влюбленная въ своего двоюроднаго брата, поетъ:

„Парить тамъ соколъ въ поднебесѣхъ—
 „Двоюродный мой братъ несется:
 „Да здравствуетъ мой братецъ-джань!
 „Я за чужого не пойду!“ ²⁾

Источникъ этой эндогаміи скрывается въ продолжительномъ господствѣ на Кавказѣ маздеизма. Авеста, священная книга персовъ, разрѣшаетъ бракъ между братьями и сестрами, между восходящими и нисходящими. До Сассанидовъ эндогамическіе браки были обязательны для однихъ маговъ, а съ этого времени они сдѣлались обязательными для всѣхъ. Фактъ заключенія подобныхъ браковъ засвидѣтельствованъ единогласно греческими и римскими писателями всѣхъ эпохъ, напр., Геродотомъ, Ктезіасомъ, Плутархомъ, Филономъ, Ага-тіасомъ, и признанъ персидскими историками Табѣри и Фирдуси ³⁾. Итакъ, господствующая до нашихъ дней въ Дагестанѣ эндогамія служитъ проявленіемъ нѣкогда распространеннаго среди горцевъ маздеизма. Сравненіе обычнаго права горцевъ западнаго Кавказа съ нормами римско-византійскаго права, регулирующими юридическое положеніе женщины, невольно наводитъ на мысли о заимствованіи горцами нѣкоторыхъ юридическихъ воззрѣній римско-византійскаго права. Эти воззрѣнія проникли въ юридическое сознаніе кавказскихъ племенъ черезъ посредство армянскаго и грузинскаго права. 148 статья сборника Льва VI Мудраго категорически объявляетъ, что не слѣдуетъ принимать на судѣ свидѣтельствъ женщины. По 78 статьѣ судебника Мхитаря Гома женщина не можетъ быть поручителемъ и не можетъ принимать на

¹⁾ Матеріалы, вып. VII, отд. 2, К а й т м а з о в ъ, Сказанія о нартахъ, стр. 10, 11.

²⁾ Матеріалы, вып. XX, отд. 1, З а х а р о в ъ, Домашній и социальный бытъ женщинъ у закавказскихъ татаръ, стр. 125.

³⁾ Д а р е с т ь—Исслѣдованія по исторіи права, II, 1894 г., стр. 96, 98.

себя дѣла, приличныя мужчинамъ ¹⁾. 216 статья законовъ Вахтанга VI также ограничиваетъ процессуальную дѣеспособность женщинъ. Если мы перейдемъ отъ законодательства греческаго, армянскаго и грузинскаго къ адатамъ кавказскихъ горцевъ, то замѣтимъ полную аналогію съ только-что приведенными постановленіями. Дѣйствительно женщины не допускаются къ свидѣтельствуванію по обычному праву Сванетіи, Хевсуретіи ²⁾, Осетіи, Чечни ³⁾, кумыковъ ⁴⁾, горцевъ сѣвернаго Кавказа ⁵⁾ и нѣкоторыхъ обществъ Дагестана ⁶⁾. По примѣру римско-византійскаго права законодательство армянское и грузинское признають за сватовствомъ характеръ юридической сдѣлки, заключаемой путемъ передачи со стороны жениха семьѣ невѣсты особаго задатка и дающей, въ случаѣ ея нарушенія, право на вознагражденіе. 392 статья сборника Льва VI говоритъ, что при сговорѣ вносится предбрачный залогъ, который, въ случаѣ невыполненія брачнаго обязательства, въ двойномъ размѣрѣ уплачивается той стороной, которая не устояла въ соглашеніи. Это правило не соблюдается, если невѣста окажется беременной отъ другаго; женихъ не обязанъ тогда брать ее въ жены и получаетъ обратно предбрачный залогъ. Если кто поцѣлуетъ свою невѣсту, значитъ въ статьѣ 394, и послѣ того до бракосочетанія умереть, то половина предбрачнаго залога остается за невѣстой. Аналогичныя постановленія содержатся въ судебникѣ Мхитара Гома (стр. 57, 58, 87) и въ законахъ Вахтанга (стр. 77, 223). Переходя къ обычному праву кавказскихъ горцевъ, мы замѣтимъ, что на немъ отразилось возрѣніе римско-византійскаго права на юридическій характеръ сговора. У сванетовъ сватовство скрѣпляется уплатой задатка, состоящаго обыкновенно изъ одного или двухъ бара-

¹⁾ Юридическое Обзорѣніе, 1886 г., № 255, стр. 175.

²⁾ Ковалевскій—Законъ и обычай на Кавказѣ, I, стр. 141.

³⁾ Леонтовичъ—Адаты кавказскихъ горцевъ, Одесса, 1883 г., Выпускъ II, стр. 94, § 30.

⁴⁾ Леонтовичъ—Адаты, II, стр. 197, § 100.

⁵⁾ Леонтовичъ—Адаты, II, стр. 234, § 21.

⁶⁾ Ковалевскій, loco citato, I, стр. 141.

новъ. Съ момента уплаты задатка „невѣста принадлежитъ уже жениху и не можетъ выйти за другаго человѣка“ ¹⁾. То же самое наблюдаемъ мы въ обычномъ правѣ рачинцевъ, народа картвельскаго племени ²⁾. Если невѣста передумаетъ, то ея родственники обязаны вернуть оскорбленному жениху уплаченный имъ брачный задатокъ и калымъ вмѣстѣ съ процентами; кромѣ того, они обязаны пригласить на свадьбу всѣхъ ближайшихъ его родственниковъ ³⁾. Съ другой стороны, „если женихъ, до взятія невѣсты въ домъ свой, по какой-либо причинѣ откажется отъ нея, то обязанъ уплатить $\frac{1}{2}$ калыма; но разъ онъ имѣлъ сношенія съ нею въ своемъ домѣ и затѣмъ, по какой-либо причинѣ, пожелаетъ удалить ее, онъ обязанъ уплатить калымъ полностью“ ⁴⁾. Освобождается отъ уплаты штрафа женихъ только въ томъ случаѣ, если въ невѣстѣ окажутся недостатки, не существовавшіе или не замѣченные въ моментъ заключенія договора. У ховсуровъ и пшавовъ свать вручаетъ отцу дѣвушки задатокъ. Въ случаѣ отказа со стороны отца невѣсты выполнить принятое на себя обязательство, женихъ можетъ требовать отъ него 16 коровъ за безчестье ⁵⁾. У чеченцевъ и кумыковъ женитьбѣ также обыкновенно предшествуетъ сговоръ, при чемъ женихъ у чеченцевъ даритъ своей невѣстѣ шелковый головной платокъ и 10 рублей, а у кумыковъ дѣлаетъ подарокъ, „смотря по состоянію“ ⁶⁾. Чеченскій и кумыкскій адатъ разрѣшаетъ жениху оставить невѣсту или, какъ говорятъ, „отпустить ее“, позволить ей, по ея просьбѣ, выйти за другаго, но „сама собой сговоренная дѣвушка не можетъ отойти отъ жениха“ ⁷⁾. Точно такія же

¹⁾ Матеріалы, вып. X, отд. 1, Маргіани, Сванеты, стр. 76.

²⁾ Матеріалы, вып. XXI, отд. 2, Джапаридзе, Народные праздники, обычай и повѣрья рачинцевъ, стр. 134.

³⁾ Матеріалы, вып. X, loco citato, стр. 77.

⁴⁾ Вѣстникъ Европы, 1886, Февраль, Очеркъ Иванюкова и Ковалевскаго „У подошвы Эльборуса“, стр. 564.

⁵⁾ Ковалевскій, loco citato, II, стр. 88.

⁶⁾ Леонтовичъ—Адаты, II, стр. 97, § 41, стр. 199, § 114.

⁷⁾ Леонтовичъ—Адаты, II, стр. 97, § 43, стр. 199, § 117.

опредѣленія находимъ мы въ сводѣ адатовъ горцевъ сѣвернаго Кавказа ¹⁾. Въ Осетіи, если засватанная невѣста, безъ позволенія жениха, осмѣливалась выйти замужъ за другаго, то между обѣими семьями возникало кровомщеніе ²⁾. Если женихъ отказывался отъ невѣсты, то всѣ сдѣланные имъ подарки оставались въ пользу послѣдней; сверхъ того, женихъ долженъ былъ возмѣстить всѣ расходы, сдѣланные при сватовствѣ родными дѣвушки. Если же отказъ исходить отъ родственниковъ невѣсты, то жениху должны быть возвращены всѣ его подарки ³⁾, а по адатамъ ауховцевъ родственники дѣвушки обязаны возвратить жениху всѣ подарки и калымъ вдвое ⁴⁾. Если же родные невѣсты докажутъ, что женихъ хотя-бы дотронулся до невѣсты, то подарки жениха остаются у нея ⁵⁾. По адатамъ ичкеринцевъ невѣстѣ въ этомъ случаѣ „дѣлается честь, какъ за безчестіе“; а салатовцы требуютъ уплаты въ пользу невѣсты половины условленнаго при сговорѣ чебенчаха ⁶⁾. Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно для доказательства того, что полное отождествленіе народнаго убѣжденія съ дѣйствующимъ правомъ немыслимо. Законодатель не всегда бываетъ выразителемъ народнаго духа. Часто онъ является въ роли завоевателя, издающаго такіе законы, которые стоятъ въ рѣжущемъ противорѣчій съ правосознаніемъ народа. Самъ Савиньи, провозгласившій національную теорію происхожденія права, видѣлъ, что при его теоріи такой фактъ, какъ, напр., рецепція римскаго права, остается необъяснимой загадкой, и впослѣдствіи сдѣлалъ существенныя въ ней измѣненія. Онъ сталъ допускать возможность заимствованій: „право, сначала чуждое данному народу, вѣками въ немъ живя, дѣлается частью его собственнаго существа“ ⁷⁾. „У насъ совсѣмъ

¹⁾ Леонтовичъ—Адаты, II, стр. 257, §§ 195—197.

²⁾ Леонтовичъ—Адаты, II, стр. 51, § 15.

³⁾ Леонтовичъ—Адаты, II, стр. 225, §§ 159, 160.

⁴⁾ Леонтовичъ—Адаты, II, стр. 144, § 95.

⁵⁾ Леонтовичъ—Адаты, II, стр. 144, § 95.

⁶⁾ Леонтовичъ—Адаты, II, стр. 145, §§ 96, 97.

⁷⁾ Savigny—Beruf, S. 166.

нѣтъ—говорить онъ въ другомъ мѣстѣ,—своего собственнаго права, выросшаго вмѣстѣ съ націей“ ¹⁾). Такимъ образомъ, самъ творецъ національной теоріи собственными руками началъ разрушать построенное имъ зданіе. Пухта также признаетъ существованіе историческихъ аномалій: „народный духъ подверженъ какъ бы болѣзненнымъ припадкамъ, тревожащимъ его“ ²⁾). Изъ послѣдующихъ писателей очень немногіе, а именно: Герберъ, Гёмень, Тель и Штоббе, сохранили вполнѣ традиціи исторической школы ³⁾).

IV. Признавая народный духъ источникомъ, изъ котораго народъ черпаетъ свои правовыя воззрѣнія, историческая школа отрицала въ то же время за отдѣльными лицами способность быть факторами правообразованія. „Право вездѣ возникаетъ при помощи внутреннихъ, спокойно дѣйствующихъ силъ“ ⁴⁾). Народный духъ изъ древа народной жизни производитъ языкъ, обычай и право также, какъ дерево производитъ листья, цвѣты и плоды. Такимъ образомъ, широкоствольное дерево вырастаетъ изъ зерна, заложеннаго въ народномъ сознаніи. Отдѣльныя личности не играютъ никакой роли при правообразованіи и являются только пассивными носителями не ими создаваемаго права. Шмиль черезъ годъ послѣ появленія брошюры Савиньи пишетъ: „При ближайшемъ разсмотрѣніи превращается въ результатъ дѣятельности отдѣльныхъ личностей то, что считаютъ продуктомъ вѣковъ и народовъ“ ⁵⁾) и возстаетъ такимъ образомъ противъ ученія Савиньи. Пухта безъ колебаній называетъ этотъ взглядъ Шмиля „въ высшей степени поверхностнымъ и тривіальнымъ“. Но, разсматривая конкретныя историческія явленія, корифеи исторической школы должны были отречься отъ своей теоріи и допустить ту мысль, что право является до извѣстной степени продуктомъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. У всякаго народа и во всѣ періоды его исторіи, даже

¹⁾ Savigny—System, S. 92.

²⁾ Puchta—Institutionen, S. 21.

³⁾ Adickes,—Zur Lehre von den Rechtsquellen, Cassel, 1872, S. 34, 2.

⁴⁾ Savigny—Beruf, S. 14.

⁵⁾ Puchta—Gewohnheitsrecht, I, S. 153.

въ самые ранніе, когда право представляетъ изъ себя общее достояніе членовъ народа, встрѣчаются лица, обладающія выдающимися познаніями въ области права благодаря своему умственному превосходству, своимъ склонностямъ и званію. Съ усложненіемъ формъ быта юридическія нормы разнообразятся по содержанію и увеличиваются въ числѣ. Народная масса не можетъ знать всего дѣйствующаго права тѣмъ болѣе, что многія юридическія отношенія лежатъ внѣ круга ея прямыхъ интересовъ ¹⁾. Мало по малу юристы дѣлаются естественными представителями и носителями національнаго праваго сознанія ²⁾. Национальныя убѣжденія сосредоточиваются въ нихъ и проявляются въ ихъ дѣятельности. Они выводятъ изъ признанныхъ принциповъ даннаго права такія юридическія положенія, которыя не нашли себѣ выраженія ни въ системѣ обычнаго права, ни въ положительномъ законѣ, но въ зачаточномъ состояніи уже заложены въ народномъ сознаніи ³⁾. Говоря о рецепціи римскаго права, происшедшей подъ вліяніемъ науки, Пухта замѣчаетъ: „здѣсь не народный духъ является непосредственно продуктивнымъ: научная дѣятельность не національна, научныя убѣжденія человѣкъ имѣетъ не въ качествѣ члена даннаго народа, а въ качествѣ отдѣльной личности“ ⁴⁾. Что касается Савиньи, то онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдастъ даже предпочтеніе сознательной личной дѣятельности. Всѣ правовыя институты находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Если ввести какую-нибудь новую юридическую норму, то незамѣтно для насъ можетъ вкратиться противорѣчіе между ней и другими нормами, оставленными въ прежней силѣ. Ихъ примиреніе можетъ состояться „почти исключительно при помощи рефлексіи и обдуманнаго, слѣдовательно личнаго, вмѣшательства“ ⁵⁾. Послѣдующіе писатели—Гансъ, Рюхертъ, Данквартъ, Людерсъ, Гарумъ и въ особенности Р. Герингъ отrekliсь со-

¹⁾ Puchta—Gewohnheitsrecht, II, S. 260.

²⁾ Puchta—Gewohnheitsrecht, II, S. 18; Savigny—System, S. 46.

³⁾ Puchta—Pandekten, S. 29.

⁴⁾ Puchta—Gewohnheitsrecht, I, S. 165.

⁵⁾ Savigny—System, S. 41, 42.

вершенно отъ возрѣній исторической школы. Взглядъ Савиньи и Пухты похожъ на мечту о золотомъ вѣкѣ; понятія собственности, обязательства и т. д. вырастаютъ сами на древѣ народной жизни и безъ всякихъ усилій и борьбы въ готовомъ видѣ достаются человѣку ¹⁾. Положенія древне-римскаго права, въ силу которыхъ кредиторъ могъ продать въ рабство несостоятельнаго должника и собственникъ имѣлъ право виндигировать принадлежащую ему вещь, образовались, по взгляду исторической школы, такимъ же путемъ, какъ и правило, что предлогъ ситъ требуетъ творительнаго падежа. Въ дѣйствительности, все право является результатомъ борьбы. „Исторія права началась желѣзнымъ періодомъ, тяжелою борьбою и работою человѣческаго разума; намѣреніе, рефлексія, сознаніе, расчетъ дѣйствовали уже при возникновеніи права, юридическое искусство существовало уже у колыбели его“ ²⁾. Участвуютъ въ этой общей работѣ и, слѣдовательно, вносятъ посильную лепту въ дѣло осуществленія на землѣ правовой идеи всѣ тѣ, на долю которыхъ выпало хотя разъ ограждать свое право. Всѣ великія пріобрѣтенія, сдѣланныя человѣчествомъ, какъ, напр., уничтоженіе рабства, крѣпостничества, свобода поземельной собственности, промысла, совѣсти и т. д., — достались ему послѣ упорной борьбы, продолжавшейся цѣлые вѣка. Путь, по которому двигалось новое право, часто отмѣченъ цѣлыми потоками крови. Какъ Сатурнъ, пожирающій своихъ собственныхъ дѣтей, право обновляется тѣмъ, что само разрушаетъ свое прошедшее. Право, претендующее на вѣчное существованіе, похоже на ребенка, поднимающаго руку на свою мать. Оно смѣется надъ идеей права, хотя и основывается на ней, потому что идеей права является вѣчное возникновеніе, а

... все, что возникаетъ,
достойно уничтоженія ³⁾.

¹⁾ Ihering—Geist, Dritter Theil, Leipzig, 1865, S. 2, 3.

²⁾ Ihering, ibidem, S. 3.

³⁾ Герингъ—Борьба за право, Петербургъ, 1895, стр. 19.

V. Особенно много возраженій вызвалъ взглядъ спиритуалистической теоріи на отношеніе юридическаго убѣжденія къ актамъ его примѣненія. По мнѣнію Пухты, какъ мы уже видѣли, обычай, привычка поступать извѣстнымъ образомъ, есть только средство распознаванія права, заложеннаго въ нѣдрахъ народнаго духа. Обычай является отраженіемъ юридическихъ возрѣній, присущихъ данному народу, но никоимъ образомъ не можетъ быть причиной возникновенія того или другаго юридическаго правила. И это возрѣніе юридической школы не отличается особенной новизной. Еще Карль Гофакеръ высказалъ, правда, съ меньшей опредѣленностью, такой же взглядъ: „in hisce actibus, говоритъ онъ, non tam causam iuris introducendi, quam potius argumentum iuris introducti ponendum esse, quae observatio magni in doctrina iuris consuetudinarii momenti esse videtur“¹⁾. Савиньи, въ общемъ раздѣляя теорію Пухты, признаетъ однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ творческую силу и за обычаемъ. „Въ природѣ многихъ опредѣленій“—говоритъ онъ—„лежитъ относительная безразличность“²⁾. Важно только, чтобы существовало какое-нибудь твердое, неизмѣнное правило. Сюда можно отнести много случаевъ числовыхъ опредѣленій, какъ, напр., давностные сроки, а также всѣ нормы, опредѣляющія только внѣшнюю форму юридическихъ сдѣлокъ. Въ такихъ случаяхъ личному произволу открывается широкій просторъ и обычай, практика, дѣйствительно, можетъ оказывать вліяніе на правообразование. Послѣдующіе писатели пошли еще дальше въ направленіи, намѣченномъ Савиньи, и, взявъ оружіе изъ старыхъ арсеналовъ, на своемъ знамени выставили девизъ, защищаемый еще средневѣковыми глоссаторами, легистами и канонистами: *actus inducunt consuetudinem*. Странники этой теоріи, носящей въ противоположность спиритуалистической названіе механической, говорятъ: „*Quod primum a paucis quibusdam factum, ita multi postea comprobarunt imitativo sunt, ut iam fere non minus quam scripta lex observetur*“³⁾.

¹⁾ Puchta—Gewohnheitsrecht, I, S. 178.

²⁾ Savigny—System, S. 36.

³⁾ Puchta—Gewohnheitsrecht, I, S. 174.

Слѣдовательно, схема происхожденія обычнаго права, по мнѣнію юристовъ этой школы, такова: отдѣльныя дѣйствія предшествуютъ образованію обычнаго права. Болѣе энергичные люди опредѣляютъ извѣстнымъ образомъ возникающія юридическія отношенія. Ихъ дѣйствіями руководитъ личный интересъ, личный произволь и случай. Вслѣдствіе несложности всей обстановки жизни первобытнаго человѣка, вслѣдствіе сходства потребностей однохарактерныя отношенія встрѣчаются въ примитивномъ обществѣ очень часто. Естественно, что для человѣка его прежній *modus agendi* становится авторитетомъ, онъ подчиняется закону континуитета человѣческихъ убѣжденій и поступковъ и во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ остается вѣрнымъ разъ принятому способу дѣйствія. Съ другой стороны, путемъ болѣе или менѣе пассивнаго подражанія дѣйствіямъ передовыхъ людей и остальные члены даннаго общества опредѣляютъ такимъ же образомъ свои собственныя отношенія. Подрастающее поколѣніе видитъ, какъ поступаютъ дѣды и отцы, и въ своей самостоятельной жизни слѣдуетъ завѣщаннымъ ими правиламъ. „Такъ поступали отцы наши, такъ поступаемъ и мы“—говоритъ оно. Мало по малу въ людяхъ вкореняется убѣжденіе, что всѣ рѣшительно должны поступать именно такъ, а не иначе, и „сдѣлалась правомъ такая норма, которая сначала имѣла не болѣе притязаній на значеніе, чѣмъ норма противоположная ¹⁾“.

Обычному праву египтянъ ²⁾, евреевъ ³⁾, индусовъ ⁴⁾, абиссинцевъ ⁵⁾, афинянъ ⁶⁾, китайцевъ ⁷⁾, японцевъ ⁸⁾, грузинъ ⁹⁾,

¹⁾ Savigny—System, S. 35.

²⁾ Дарестъ, loco citato, стр. 4.

³⁾ Второзаконіе, XXI, 15—17.

⁴⁾ Lois de Manou, IX, § 112.

⁵⁾ Летурно—Эволюція собственности, 1890, стр. 171.

⁶⁾ Летурно, loco citato, стр. 269.

⁷⁾ Летурно, loco citato, стр. 179, 355.

⁸⁾ Летурно, loco citato, стр. 187.

⁹⁾ Законы Вахтанга VI, ст. 100.

кавказскихъ армянъ ¹⁾, осетинъ ²⁾, пшавовъ ³⁾, сванетовъ ⁴⁾, татаръ ⁵⁾, хевсуръ ⁶⁾, черкесь Кубанской области ⁷⁾ — извѣстно преимущественное наслѣдованіе старшаго сына. Съ точки зрѣнія механической теоріи такой обычай сложился совершенно случайно. Единичные примѣры майората, выгоднаго для старшаго брата и допускаемаго остальными братьями, были причиной происхожденія у столькихъ извѣстныхъ намъ народовъ данной юридической нормы. При такомъ объясненіи, проведенномъ послѣдовательно черезъ всѣ юридическіе институты, невольно явилась бы мысль о совершенно случайномъ происхожденіи всего обычнаго права и въ основаніе права былъ бы положенъ произволь, т. е. отрицаніе права. Въ дѣйствительности, въ майоратѣ проявляется трудовое начало, въ силу котораго, напр. по русскому обычному праву, получаютъ извѣстныя доли изъ наслѣдственной массы всѣ лица, принимавшія участіе въ накопленіи семейнаго имущества, хотя-бы они и не были связаны кровью съ наслѣдодателемъ, какъ, напр., пасынки, пріемыши, зятя. Эти доли колеблются въ зависимости отъ того, сколько трудился членъ семьи на пользу семейной ассоціаціи. Въ нераздѣльной семьѣ дольше и больше другихъ способствуетъ ея матеріальному преуспѣянію старшій сынъ, который послѣ смерти отца, кромѣ того, является хранителемъ семейной казны, распредѣляетъ работы между членами семьи, поддерживаетъ священное пламя на домашнемъ очагѣ и совершаетъ въ честь предковъ обильныя жертвоприношенія. „Неудивительно поэтому, если во всѣхъ законодательствахъ, которымъ нѣкогда извѣстно было начало семейной нераздѣльности, возникаетъ въ эпоху ея упадка

¹⁾ Матеріалы, вып. XIII, отд. 1, Григоровъ, Село Татевъ, стр. 83.

²⁾ Леонтовичъ, Адагы, II, стр. 24, § 88, 89, стр. 72, § 83, 86, 89, 91, 97, 103, 105, 109, 110, 112.

³⁾ Ковалевскій, loco citato, II, стр. 91.

⁴⁾ Ковалевскій, loco citato, II, стр. 54.

⁵⁾ Матеріалы, вып. V, отд. 1, Калашевъ, Мѣстечко Сальны, стр. 153.

⁶⁾ Ковалевскій, loco citato, II, стр. 115.

⁷⁾ Леонтовичъ, Адагы, I, стр. 174, 175.

правило о надѣленіи старшаго сына большею противъ другихъ частью семейной собственности¹⁾“.

Яркимъ доказательствомъ того, что не случай и не произволь, а чаще всего идея правды и справедливости, вліяютъ на выборъ того или другаго дѣйствія, служатъ показанія крестьянъ, помѣщенные въ трудахъ комисіи по преобразованію волостныхъ судовъ. Волостной судъ произноситъ свой приговоръ „по убѣжденію совѣсти“, „по справедливости“, слѣдить за тѣмъ, „чтобы никому не было обидно“ и т. д.²⁾

Въ силу приведенныхъ соображеній механическую теорію происхожденія обычнаго права также нельзя признать совершенно правильной. „Убѣжденіе и обычай не составляютъ двухъ предметовъ, о преемственномъ появленіи коихъ возможно говорить. Убѣжденіе и обычай составляютъ двѣ стороны, двѣ принадлежности одного и того же предмета. Въ развитомъ обычномъ порядкѣ есть убѣжденіе (какъ психическое состояніе людей, соблюдающихъ этотъ порядокъ) и соответствующій этому убѣжденію обычай, какъ внѣшній образъ дѣйствій тѣхъ же людей. Когда же обычный порядокъ еще не развитъ окончательно, тогда одинаково неразвиты и убѣжденіе, и обычай. Ихъ развитіе идетъ параллельно, въ каждый данный моментъ они обуславливаются взаимно³⁾“.

Субъектомъ образованія обычнаго права можетъ быть каждая группа людей, ведущихъ совмѣстную жизнь и связанныхъ общими жизненными потребностями. Отдѣльные, наиболѣе авторитетные члены данной соціальной группы, руководясь чувствомъ справедливости, присущимъ въ большей или меньшей степени каждому человѣку, регулируютъ извѣстнымъ образомъ возникающія между ними юридическія отношенія. Нельзя сказать, что они поступаютъ „слѣпо и безъ руководящихъ принциповъ“,

¹⁾ Ковалевскій—Современный обычай и древній законъ, обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи, М., 1886, I, стр. 326.

²⁾ Малышевъ—Курсъ общаго гражданскаго права Россіи, 1878, т. I, стр. 95, пр. 13.

³⁾ Муромцевъ, loco citato, стр. 23.

какъ думали представители механической теоріи ¹⁾, напротивъ сознание, расчетъ играли важную роль при рѣшеніи вопроса. Въ видѣ примѣра приведемъ постановленія осетинскаго обычнаго права о взиманіи процентовъ. Заемъ, какъ извѣстно, является однимъ изъ самыхъ древнихъ видовъ юридическихъ сдѣлокъ и заключался уже въ то время, когда осетины были совершенно незнакомы съ денежными знаками. Мѣновой единицей считали они корову. Отъ нея можно было ждать ежегодно приплода; поэтому осетинскій адатъ требовалъ, чтобы должникъ по прошествіи года возвратилъ кредитору взятую корову вмѣстѣ съ ея приплодомъ, телушкой. Телушка черезъ годъ дѣлается коровой и къ концу его сама въ свою очередь отелится. Такимъ образомъ, по истеченіи двухъ лѣтъ кредиторъ можетъ уже взыскивать двѣ коровы и телушку и т. д. Вычисленіе процентовъ у карачаевцевъ осложняется еще тѣмъ, что принимается въ расчетъ также та польза, которую корова приноситъ своимъ молокомъ. Примѣняя тѣ же начала къ ссудамъ зерномъ и другими продуктами, осетины берутъ въ концѣ года за мѣрку хлѣба уже $1\frac{1}{2}$ мѣрки ²⁾, и за котель бузы или пива $1\frac{1}{2}$ котла ³⁾.

Быть примитивнаго общества отличается простотой и несложностью отношеній. Одинаковые случаи повторяются. Во всѣхъ однородныхъ случаяхъ человекъ, конечно, будетъ поступать такъ же, какъ и въ первомъ, если только разъ принятый способъ дѣйствія оказался вполнѣ цѣлесообразнымъ. Другіе члены той же соціальной группы благодаря общности жизненныхъ интересовъ, сходству потребностей и всей обстановки жизни, одинаковому уровню умственнаго и нравственнаго развитія избираютъ тотъ же *modus agendi*. Очень важнымъ мотивомъ, побуждающимъ ихъ слѣдовать примѣру передовыхъ людей, является сильно развитая склонность къ подражанію. „Ничто“ — помнѣнію Мэна — „не оказы-

¹⁾ Puchta—Pandekten, § 11.

²⁾ Леонтовичъ—Адаты, II, стр. 29, § 123, 6.

³⁾ Ковалевскій—Законъ и обычай..., I, стр. 210.

вало на первобытное общество такого сильного дѣйствія, какъ подражательная способность, которой человѣкъ обладалъ всегда "... При поверхностномъ взглядѣ на дѣло можно подумать, что подражательная способность не идетъ далѣе предметовъ вкуса и личныхъ обыкновений. На самомъ же дѣлѣ нѣтъ такой удачной, замѣчательной или просто модной вещи, которой бы люди, на самыхъ различныхъ ступеняхъ своего развитія, не старались бы подражать. „Дай намъ царя, который бы судилъ насъ, подобно тому, какъ это есть у всѣхъ народовъ“, говорили израильтяне Самуилу. „Дайте намъ въ видахъ обезпеченія свободы конституцію въ родѣ той, какая есть у такого-то народа“—вотъ современное требованіе, которое можно поставить въ параллель съ желаніемъ древнихъ израильтянъ. Если кто склоненъ думать, что процессъ копированія образцовъ цѣлыми обществами уже не имѣетъ болѣе мѣста, тотъ пусть обратитъ вниманіе хотя-бы на то, какимъ образомъ англійская конституція, которую когда-то считали эксцентричною и странною политическою формою, въ какія нибудь семьдесятъ лѣтъ была разнесена по всей почти Европѣ... Въ варварскомъ состояніи люди готовы принять всякій удачный или просто „модный“ общественный укладъ племени, септѣ, родѣ, деревенскую общину, обычаи „эксогаміи“ и „эндогаміи“, дѣтоубійства и сожиганія вдовъ¹⁾. Сюда присоединяется также нежеланіе выдѣляться своими дѣйствіями изъ среды другихъ людей. Русскія пословицы говорятъ: „впередъ людей не забѣгай, а отъ людей не отставай“, „какъ люди такъ и мы“, „не нами уставилось не нами и переставится“. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ люди, одни по убѣжденію, другіе по инерціи, руководствуются однѣми и теми же юридическими нормами, если условія ихъ дѣятельности остаются безъ измѣненія, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Мало по малу разъ принятый *modus agendi* обезличивается и становится достояніемъ рода, племени и часто даже цѣлаго народа. Потомки свято

¹⁾ Мэнъ—Древній законъ и обычай, М., 1883, стр. 219 и 220.

соблюдаютъ то, что „пошло изъ старины“ и, какъ зѣницу ока, берегутъ „правду по закону святоу, ю-же принесехоу отци наши“ ¹⁾.

Защищаемая нами теорія происхожденія обычнаго права подкрѣпляется наблюденіемъ надъ процессомъ его разрушенія. Одно общее правосознаніе никогда не вытѣсняется сразу другимъ. Инициатива и здѣсь исходитъ отъ отдѣльныхъ лицъ, съ болѣе сильнымъ характеромъ и умомъ, которыя первыя возстаютъ противъ данной нормы, находя ее несостоятельной. Нарушая обычай каждый разъ, какъ только къ этому представится случай, они этимъ будутъ подрывать его господство и явятся создателями новаго обычая, который съ теченіемъ времени и при наличности благопріятныхъ условій вытѣснитъ старыи: „на обыкъ есть перевыкъ“ — говоритъ русский народъ.

При этомъ взглядѣ на образованіе обычнаго права легко можно объяснить такое явленіе, какъ партикуляризмъ обычнаго права. Если условія жизни не одинаковы, то не только въ предѣлахъ одного и того же народа, но даже въ предѣлахъ племени образуются разныя системы обычнаго права. Наоборотъ, нерѣдко у разноплеменныхъ народностей, проходящихъ общія стадіи развитія, вырабатываются совершенно независимо другъ отъ друга одинаковыя юридическія нормы. „Почти въ каждой котловинѣ нагорнаго Дагестана“ — говоритъ Комаровъ — „въ каждомъ отдѣльномъ ущельѣ, огражденномъ скалистыми хребтами и выходящемъ къ быстрой и глубокой рѣкѣ, живетъ особое племя, часто не имѣющее ни малѣйшаго сходства или родства съ сосѣдними племенами“ ²⁾. При такой пестротѣ этнографическаго состава населенія Дагестана невольно является мысль, что и адаты, регулирующіе бытъ горцевъ, должны отличаться такимъ же разнообразіемъ. Но изученіе дагестанскихъ адатовъ заставляетъ отказаться отъ

¹⁾ Леонтовичъ—Исторія русскаго права, Древнее чешское сказаніе о судѣ Любуши, стр. 147.

²⁾ Ковалевскій—Законъ и обычай, II, стр. 138.

такого предположенія. Передъ нами одна юридическая система; общія, основныя положенія одинаково встрѣчаются въ адатахъ аваровъ, андовъ, лаповъ, капучинъ, даргинцевъ, табасаранцевъ и т. д. Въ частностихъ правовыя системы дагестанскихъ горцевъ представляютъ, разумѣется, и несходныя черты, но такое явленіе возможно и въ юридической жизни одного и того же племени. Кромѣ указаннаго выше пути, основныя начала обычнаго права горцевъ вырабатывались въ формѣ вѣчевыхъ маслагатовъ на мірскихъ сходкахъ, которые искони служатъ главнымъ факторомъ правообразованія. Въ каждомъ обществѣ собираются сходки стариковъ и почетныхъ жителей для совѣщаній объ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ. На нихъ, въ случаѣ неполноты обычнаго права, „бѣлобрадые старцы“ устанавливаютъ мірской маслагать. Онъ при дальнѣйшей практикѣ входитъ въ систему дѣйствующаго обычнаго права даннаго общества. Такой процессъ образованія обычнаго права можно наблюдать у всѣхъ кавказскихъ горцевъ, напр., у дагестанцевъ, кумыковъ, черкесъ Черноморья ¹⁾ и Кубанской области ²⁾, чеченцевъ и осетинъ. По словамъ Лаудаева, съ умноженіемъ чеченскихъ родовъ „старики всѣхъ окрестныхъ фамилій стали собираться для совѣщаній о прекращеніи беспорядковъ въ странѣ. На совѣтѣ ими опредѣлялось, какое возмездіе должно слѣдовать за различныя преступленія. Старики возвращались домой, объявляли фамиліямъ изустно свои постановленія и заставляли ихъ клясться свято исполнять ихъ“ ³⁾. То же самое мы видимъ у осетинъ; у нихъ еще въ древнѣйшую пору обычное право возникло въ формѣ родового маслагата. „Въ эпоху борьбы патріархальныхъ обществъ“ — говоритъ Пфафъ — „сосѣди, утомленные продолжительною враждою, иногда опредѣляли разъ навсегда, для разныхъ правонарушеній,

¹⁾ Русскій Вѣстникъ, 1860, № 16. — Каргофъ — О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ, населяющихъ сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря, стр. 531.

²⁾ Леонтовичъ, Адаты, I, стр. 193—196.

³⁾ Сборникъ, вып. VI, Лаудаевъ, Чеченское племя, стр. 24 и 25.

извѣстное возмездіе. Подобные компромиссы—самый обильный источникъ обычнаго права“¹⁾. Не менѣ видная роль въ образованіи обычнаго права принадлежитъ судебной практикѣ. „Единственнымъ представленіемъ о правдѣ и неправдѣ, имѣвшимъ силу авторитета, являлось судебное рѣшеніе, основанное на фактахъ, не предполагавшее закона, который былъ нарушенъ, но такое, которое было впервые внушено свыше судѣ въ моментъ постановленія приговора“²⁾. Въ Римѣ, напр., судьи были не только вѣщателями закона, но нерѣдко, въ случаѣ неполноты его, являлись въ роли создателей той или другой юридической нормы³⁾. Совершенно то же явленіе замѣчаемъ мы въ средневѣковомъ правѣ. Шеффены, не находя въ дѣйствующемъ правѣ рѣшенія для даннаго казуса, что случалось очень часто, поступали „*secundum quod eis visum fuerit aequius et melius*“, руководствуясь при этомъ господствующими въ обществѣ воззрѣніями⁴⁾. И въ позднѣйшую эпоху жизни народа встрѣчаются цѣлыя области, гдѣ юриспруденціи впервые приходится вызывать къ жизни самыя принципы, ту клѣточку, изъ которой съ теченіемъ времени возникнутъ новыя юридическія созданія. Мы уже видѣли, что при несложномъ механизмѣ первобытнаго общества одинаковыя юридическія сдѣлки встрѣчались довольно часто; то же самое можно сказать и про одинаковыя судебныя рѣшенія. Мало по малу въ судѣ складывается обычное право—*perpetuo similiter iudicatarum auctoritas*, которое и примѣняется ко всѣмъ возникающимъ впоследствии спорамъ. Обращаясь къ обычному праву Кавказа, мы должны констатировать тотъ фактъ, что однимъ изъ главныхъ органовъ образованія адата является изстари третейство, мировой судъ посредниковъ. „Судъ посредниковъ, не находя въ адатѣ установленій на новые случаи, долженъ произносить рѣшенія еще небывалыя,

¹⁾ Леонтовичъ—Адаты, I, стр. 12 и 13.

²⁾ Мэнъ—Древнее право, его связь съ древней исторіей общества и его отношеніе къ новѣйшимъ идеямъ, 1873, стр. 6.

³⁾ Geib—Geschichte des römischen Criminalprozesses, Leipzig, 1842, S. 126.

⁴⁾ Adickes, loco citato, S. 7.

хотя и примѣняющіяся къ общему духу адата. Для рѣшеній подобнаго рода обыкновенно приглашаются люди, свѣдущіе въ народныхъ обычаяхъ, и старики, которые могли сохранить въ своей памяти какіе-нибудь случаи, похожіе на разбираемый. Постановленное такимъ образомъ рѣшеніе называется маслагатомъ. Маслагать, повторенный потомъ въ другихъ подобныхъ же случаяхъ, присоединяется къ общей массѣ народныхъ обычаевъ и окончательно обращается въ адатъ¹⁾. Къ медиаторскому суду изстари прибѣгаютъ тушины, ишавы и хевсуры²⁾. У осетинъ такое значеніе имѣетъ до сихъ поръ „тархонъ“ (судъ на торгу). Осетинскій тархонъ постановляетъ приговоръ, руководствуясь правилами адата. Если данный случай не разрѣшается адатомъ, тогда тархонъ поступаетъ по собственному „благоусмотрѣнію“. Въ Чечнѣ „туземцы часто прибѣгаютъ къ маслагату (миролюбивому окончанію дѣла), не обращаясь даже въ судъ, а избирая сами посредниковъ... На маслагатное разбирательство должны быть согласны непременно обѣ тяжущіяся стороны, и затѣмъ никто изъ тяжущихся не имѣетъ права заявлять неудовольствіе на состоявшееся уже маслагатное рѣшеніе, и оно по обычаю не принимается на апелляцію ни адатомъ, ни шаріатомъ“³⁾. Точно также поставленъ вопросъ о мировомъ судѣ посредниковъ въ кумыкскомъ правѣ: „По составленіи маслагатнаго рѣшенія и объявленіи тяжущимся таковаго, никто изъ нихъ не имѣетъ права заявлять неудовольствіе, а долженъ безпрекословно исполнить все, что было сдѣлано маслагатомъ“⁴⁾. Путемъ маслагатнаго разбирательства кавказскіе горцы рѣшали не только споры, возникавшіе между отдѣльными лицами, но и враждебныя столкновенія цѣлыхъ племенъ. Напр., по обычаямъ кубанскихъ черкесъ, „когда враждующія племена желаютъ помириться, то высылаютъ посредниковъ, которые заключаютъ между враждующими сторонами масла-

¹⁾ Карлгофъ, loco citato, стр. 529.

²⁾ Томъ X, ч. 2 (законы гражданскіе), ст. 1466, примѣч.

³⁾ Леонтовичъ—Адаты, II, стр. 129, § 14.

⁴⁾ Леонтовичъ—Адаты, II, стр. 211, §§ 28—30.

гать, чтобы жить мирно между собою и совокупными усилиями дѣйствовать противъ общаго врага“¹⁾.

Сложившіяся указанными путями нормы примѣнялись каждый разъ, какъ только къ этому представлялся случай, всасывались въ плоть и кровь народа и дѣлались могущественнѣе всякихъ законовъ.

¹⁾ Леонтовичъ—Адамы, I, стр. 161 и 162.

ШАНТАЖЪ.

С. Соловьева.

Преступленіе это, по общепринятому мнѣнію, считается произведеніемъ культуры XIX вѣка, вызваннымъ страстью къ легкой наживѣ,—страстью, особенно развившеюся въ послѣднее время, когда условія жизни стали менѣе благоприятными и когда, поэтому, честный трудъ сталъ болѣе тяжелымъ. Однимъ изъ способовъ удовлетворенія этой страсти и явилось преступное посягательство на имущество чужаго—преступленіе шантажъ.

Въ типичномъ своемъ проявленіи преступленіе это представляется въ слѣдующемъ видѣ: лицо, желающее поживиться, зная чужую тайну или какое-нибудь позорящее, разоблачающее обстоятельство, требуетъ у другаго, причастнаго къ этой тайнѣ или обстоятельству, уплаты за свое молчаніе, грозя, въ случаѣ отказа, огласить или разоблачить эту тайну или обстоятельство. Впервые шантажъ былъ опредѣленъ во Франціи, когда, при реформѣ въ 1863 году уголовного уложенія, коммисія, разсматривавшая проектъ этой реформы, сочла необходимымъ обратить вниманіе и на это преступленіе. Одинъ изъ сотрудниковъ этой коммисіи М. de Belleyme въ докладѣ своемъ (n° 117) говорилъ: „опасность, случай, „неосторожная довѣрчивость посвящали иногда насъ въ тайны, „которыя касались спокойствія гражданъ, чести семей, мира „домашняго очага—тайны, разоблаченіе которыхъ могло вы-

звать уголовное преслѣдованіе или причинить скандалъ; встрѣчаются довольно подлые люди, готовые воспользоваться знаніемъ этихъ тайнъ, грозя ихъ разоблачить или распространить, если не купятъ ихъ молчанія. Другіе же, болѣе безстыдные, не зная ничего такого, что могло бы компрометировать лицо, которое они выбираютъ своей жертвой, разными коварными комбинаціями вовлекаютъ его въ положеніе подозрительное и трудное для объясненій; они заставляютъ родиться обстоятельство, изъ котораго можно вывести на ихъ жертву подозрѣніе въ постыдномъ дѣйстви, и угрозой возможнаго скандала или преслѣдованія они вырываютъ у слабости или страха выкупъ за устраненіе этихъ возможностей. Въ первомъ случаѣ это шантажъ, гдѣ угрожаютъ открытіемъ дѣянія истиннаго, во второмъ—шантажъ при помощи угрозы вмѣненіемъ дѣянія ложнаго“. Другой такой же сотрудникъ М. Cordoen, настаивая, въ видахъ уголовной политики, на необходимости ввести законъ о шантажѣ въ уголовный кодексъ, говорилъ: „необходимо пріостановить шантажъ, когда дѣло касается дѣяній истинныхъ, не говоря уже о дѣяніяхъ ложныхъ, такъ какъ онъ мѣшаетъ виновнымъ, несмотря на ихъ желаніе, возвращаться къ добру и продолжать свое скромное и неизвѣстное существованіе по пути честности и труда“¹⁾. Чтобы пояснить эти слова Cordoen'a, представимъ себѣ, что нѣсколько лицъ были товарищами по какому-нибудь преступленію; лица эти, слѣдовательно, знаютъ дѣйствія другъ друга. Допустимъ, что главные виновники попались, были судимы и наказаны, а остальные пособники остались неизвѣстными. Спустя нѣсколько лѣтъ главные виновники, отбывъ наказаніе, выпускаются на свободу и, если наказаніе не исправило ихъ,—прибѣгаютъ къ прежнимъ своимъ, оставшимся неоткрытыми, товарищамъ, которые, допустимъ, стали жить честнымъ трудомъ и добрымъ поведеніемъ стараются загладить свои прежніе грѣхи. Они отвергаютъ предложенія явившихся продолжать преступную жизнь и отказываются отъ всякихъ сношеній съ ними. Тогда

¹⁾ Pierre Lagousse—„Энциклопедическій словарь“.

тѣ, видя неудачу своихъ попытокъ, угрожаютъ исправляющимся товарищамъ разоблаченіемъ прежней ихъ преступной дѣятельности, если они не послѣдуютъ за ними или не уплатятъ имъ за молчаніе. Тѣ, боясь уголовнаго преслѣдованія, соглашаются на предлагаемыя требованія и по большей части вовлекаются въ новыя преступленія. Надо полагать, что М. Cordoen имѣлъ въ виду оказать покровительство такимъ исправляющимся преступникамъ и оградить ихъ отъ преступной эксплуатаціи со стороны ихъ прежнихъ товарищей. Отсюда видно, что шантажъ былъ настолько сильно выдвинутъ жизнью, что явилась настоятельная потребность охранить гражданъ отъ такого рода посягательствъ, послѣдствіемъ чего и было включеніе шантажа въ число дѣяній, преслѣдуемыхъ уголовнымъ закономъ.

Переходя къ постановкѣ вопроса о шантажѣ, замѣтимъ, что въ законодательствѣ и наукѣ существуетъ три взгляда въ этомъ отношеніи: 1) что шантажъ есть *мошенничество*; 2) что шантажъ есть преступленіе *sui generis*, не подходящее ни подъ какое другое, и 3) что это — *видъ вымогательства*. Остановимся на этихъ взглядахъ.

Что шантажъ — *мошенничество*, такого взгляда, какъ видно изъ рѣшеній по дѣламъ Соколовскаго (рѣшеніе 1871 г. за № 91) и Мельмана (рѣшеніе 1871 г. за № 712), придерживается нашъ кассационный Сенатъ.

Дѣло Соколовскаго заключалось въ слѣдующемъ: купеческій сынъ Соколовскій, будучи долженъ Конжонку и другимъ чумакамъ 60 рублей, узнавъ стороною, что они за два года до этого растратили принадлежавшія купцу Багену 2 четверти льна, угрожалъ заявить объ этой растратѣ, если они не дадутъ ему денегъ; выманивъ у нихъ, при помощи этой угрозы, какъ эти 60 рублей, такъ и еще 90, — въ общей сложности 150 рублей, онъ согласился не оглашать этого обстоятельства. Сенатъ нашелъ, что, согласно статьѣ 1665 улож. наказ., Соколовскій *обманулъ* чумаковъ, такъ какъ на ихъ глазахъ присвоилъ себѣ не принадлежащее ему право возбуждать уголовное

преслѣдованіе по постороннему для него и покрытому давностью дѣлу и выманить этимъ у нихъ 150 рублей, такъ что его поступокъ подходитъ подъ 2 п. 174 ст. уст. наказ., т. е. подъ *мошенничество*.

Нельзя сказать, однако, чтобы мотивировка этого рѣшенія и оно само, согласно справедливымъ замѣчаніямъ проф. Неблюдова ¹⁾, были правильны.

Въ рѣшеніи своемъ по дѣлу Мельмана Сенатъ въ числѣ прочихъ соображеній (мы ихъ опускаемъ, такъ какъ они не относятся къ разсматриваемому нами вопросу) высказался, что *„угрозы поступленіемъ по закону, когда онъ дѣлаются съ „корыстною цѣлью, чтобы выманить что-либо у угрожаемаго, „составляютъ одинъ изъ видовъ мошенничества“*.

Вообще опредѣленія шантажа въ обоихъ сенатскихъ рѣшеніяхъ являются неудачными, и съ мнѣніемъ Сената, что шантажъ есть мошенничество, согласиться нельзя, такъ какъ способъ побужденія къ передачѣ имущества въ мошенничествѣ есть обманъ, между тѣмъ какъ въ шантажѣ такимъ способомъ является угроза разглашеніемъ. „Въ шантажѣ“, говоритъ проф. Фойницкій ²⁾, „обмана нѣтъ“ (стр. 250). Можно было бы подвести шантажъ подъ 1686 ст. улож. наказ., гласящую: „кто . . . угрозами заставитьъ кого либо . . . согласиться на . . . невыгодную для него сдѣлку по имуществу“ и предусматривающую, такимъ образомъ, принужденіе къ дачѣ обязательствъ, но дѣло въ томъ, что по нашему праву вымогательными угрозами могутъ быть только угрозы: 1) лишеніемъ жизни, 2) поджогомъ (ст. 1545 улож. наказ.) и 3) насиліемъ (ст. 1546 улож. наказ.), понимаемымъ въ смыслѣ насилія физическаго, такъ какъ „насильственными дѣйствіями“ этой статьи считаются дѣянія, помѣщенные въ X раздѣлѣ улож. наказ., а именно: всевозможныя поврежденія здоровью, мученія и истязанія, противозаконное задержаніе и заключеніе.

¹⁾ „Руководство къ особенной части русскаго уголовного права“. Т. II, изд. 1876 г.

²⁾ „Курсъ уголовного права. Часть особенная“, изд. 1893 г.

Такимъ образомъ, шантажъ, какъ вымогательство имущества при помощи угрозы разглашеніемъ, въ нашемъ правѣ совершенно не предусмотрѣнъ.

Тѣмъ не менѣе проф. Неклюдовъ пытается найти мѣсто въ нашемъ уложеніи и шантажу, стараясь доказать, что виновный въ шантажѣ не изъять у насъ отъ всякой отвѣтственности. Случаевъ такой отвѣтственности проф. Неклюдовъ находитъ три.

I. Онъ говоритъ, что *шантажистъ, страцавшій доносомъ и получившій вслѣдствіе этого отъ другаго деньги въ видѣ платы за свое молчаніе, можетъ быть наказанъ какъ недоноситель*, въ случаѣ если онъ будетъ умалчивать о преступленіи совершившемся, *или какъ пособникъ къ преступленію*, въ случаѣ, если будетъ умалчивать о преступленіи преднамѣреваемомъ (ст. 13 улож. наказ.).

II. Второй случай наказуемости шантажа въ нашемъ дѣйствующемъ правѣ проф. Неклюдовъ находитъ въ томъ, что *шантажистъ, страцавшій оглашеніемъ ложныхъ или выдуманыхъ позорныхъ фактовъ, можетъ быть наказанъ за оскорбленіе или за клевету* (безразлично, учинено ли это съ корыстной или иной цѣлью), *или же*, если придать этому случаю значеніе посягательства на чужую собственность, онъ можетъ быть наказанъ *по ст. 50 уст. наказ. налаг. мир. суд.*, какъ за прошеніе милостыни съ дерзостью и грубостью, такъ какъ посягатель просто требуетъ отъ потерпѣвшаго дерзко того, чего ему не слѣдуетъ.

III. Третій такой случай будетъ, по мнѣнію проф. Неклюдова, тогда, когда шантажистъ *страцалъ оглашеніемъ не ложныхъ, а действительныхъ позорныхъ фактовъ или тайнъ*. Такой посягатель можетъ быть наказанъ, при страцаніи оглашеніемъ позорныхъ фактовъ, какъ за личныя обиды (ст. 130, 131 уст. наказ.), за *диффамачію или оскорбленіе въ печати* (ст. 1039, 1040 улож. наказ.), а, при страцаніи оглашеніемъ тайнъ, какъ за *оглашеніе свѣдѣній, сообщенныхъ въ тайнѣ или же узанныхъ противозаконнымъ образомъ* (ст. 137 уст. наказ.).

Но и эта попытка очевидно не можетъ быть признана удачною, какъ то подробно доказывается г. Баженовымъ ¹⁾.

Итакъ, шантажъ не предусмотрѣнъ нашими законами.

Въ поступившихъ въ комитетъ для составленія проекта новаго уголовного уложенія „замѣчаніяхъ чиновъ судебного вѣдомства на уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и на уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“ ²⁾ нашелъ себѣ мѣсто, между прочимъ, и шантажъ, при чемъ онъ разсматривается какъ преступленіе *sui generis* (см. замѣч. старшаго предсѣдателя Казанской судебной палаты и прокурора Московскаго окружнаго суда).

Мнѣніе это принято комиссіей по составленію новаго уголовного уложенія, которая, классифицируя преступленія по имуществу, выдѣляетъ шантажъ въ число проступковъ *sui generis*, помѣщенныхъ въ проектѣ новаго уложенія въ особой рубрикѣ подъ заглавіемъ „*иные случаи наказуемой недобросовѣстности по имуществу*“, и посвящаетъ шантажу ст. 519 въ этомъ проектѣ ³⁾.

Въ мотивахъ къ этой статьѣ ⁴⁾ редакторы проекта говорятъ, что шантажъ стоитъ на рубежѣ между имущественными обманами и вымогательствомъ чужаго имущества, не обнимаясь въ точности ни однимъ изъ этихъ понятій. Подъ вымогательство онъ не подходитъ потому, что, хотя шантажистъ достигаетъ своихъ преступныхъ цѣлей путемъ угрозы и, слѣдовательно, дѣяніе его принадлежитъ къ области принужденія, но его угроза существенно отличается отъ угрозы, устанавливающей понятіе вымогательства, такъ какъ *угроза вымогательства принуждаетъ потерпѣвшаго страхомъ такого дѣянія, которое, будь оно учинено, составило бы преступленіе или проступокъ; напротивъ, осуществленіе того,*

¹⁾ И в. Баженовъ—„Шантажъ, какъ уголовное преступленіе“, Юридич. Вѣстн. за 1878 годъ, кн. II и III.

²⁾ Помѣщено въ „Матеріалахъ для пересмотра нашего уголовного уложенія“.

³⁾ Въ проектѣ же, измененномъ Министромъ Юстиціи по соглашенію съ предсѣдателемъ Высочайше учрежденной редакціонной комисіи, внесенномъ въ 1898 году въ Государственный Совѣтъ, статья эта значится за № 536.

⁴⁾ Проектъ уголовного уложенія. Объясненія редакціонной комисіи.

чѣмъ грозитъ шантажистъ, въ большинствѣ случаевъ не преступно, а иногда даже похвально, напримѣръ: заявленіе власти о преступномъ дѣяніи. Затѣмъ вымогательная угроза грозитъ принуждаемому зломъ, имъ не вызваннымъ, между тѣмъ какъ зло шантажной угрозы обусловлено виновностью или неосмотрительностью самого принуждаемаго, или одного изъ членовъ его семьи. Все это, такимъ образомъ, показываетъ, что шантажъ и вымогательство существенно различаются по составу.

Редакціонная коммисія подъ шантажемъ понимаетъ принужденіе къ выдачѣ имущества или обязательства по имуществу путемъ угрозы оглашеніемъ какъ вымышленныхъ обстоятельствъ, такъ и истинныхъ въ томъ случаѣ, если они касаются вопросовъ чести. Относительно формы и содержанія угрожаемаго оглашенія редакціонная коммисія находитъ, что, хотя шантажъ, совершаемый посредствомъ угрозы печатнымъ оглашеніемъ (какъ онъ единственно предусмотрѣнъ § 351 венгерскаго уложенія), представляется наиболѣе опаснымъ и потому заслуживающимъ строжайшаго наказанія, но и угрозы оглашеніемъ письменнымъ и устнымъ могутъ быть весьма дѣйствительнымъ средствомъ принужденія къ выдачѣ имущества или обязательства по имуществу; нерѣдко угроза сообщить тайну одному лицу, напримѣръ: супругу, начальнику, для угрожаемаго столь же дѣйствительна, какъ и угроза огласить ее многимъ лицамъ; поэтому проектъ запрещаетъ угрозу оглашеніемъ такихъ фактовъ или одному лицу въ формѣ открытія тайны, или правительственнымъ властямъ въ формѣ доноса, сообщенія или обвиненія, или всему обществу въ формѣ печатнаго произведенія, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ наказанія усиливаются, если виновный, состоя редакторомъ, издателемъ или постояннымъ сотрудникомъ повременнаго изданія и употребляя во зло такую свою профессію, грозилъ оглашеніемъ въ періодическомъ изданіи. Что касается содержанія угрозы, то она заключается въ оглашеніи или разоблаченіи: 1) обстоятельства, позорящаго честь потерпѣвшаго или честь члена его семьи, и 2) учиненія потерпѣвшимъ или членомъ его семьи, хотя-бы

умершимъ, дѣянiя, наказуемаго какъ преступленiе или проступокъ. Такимъ образомъ, шантажъ есть умышленное принужденiе къ выдачѣ имущества или обязательства по имуществу, или къ уступкѣ права на имущество, учиненное съ цѣлью полученiя имущественной выгоды во вредъ принужденному посредствомъ угрозы оглашенiемъ свѣдѣнiй или обстоятельствъ, въ законѣ обозначенныхъ. *Дѣянiе это шире вымогательства.* Дѣйствиe шантажа состоитъ въ принужденiи посредствомъ угрозы оглашенiемъ. Главная часть его, какъ въ вымогательствѣ, составляютъ угрозы. Но понятiе это при шантажѣ имѣетъ нѣкоторыя особенности. *Шантажистъ стремится вызвать въ своей жертвѣ не столько чувство страха, сколько убѣжденiе въ выгодности купить его молчанiе.* Вымогатель дѣйствуетъ явно вопреки закону и волѣ принуждаемаго, шантажистъ прикрывается личиною законности. Его угроза, поэтому, можетъ принимать формы мягкiя; въ наибольшей степени это относится къ шантажистамъ печати: *иногда незначительный намекъ, едва уловимый для человѣка посторонняго и сдѣланный въ вѣжливой формѣ, можетъ для человѣка заинтересованнаго имѣть значенiе весьма серьезной угрозы, и, конечно, его слѣдуетъ признать за угрозу въ смыслъ закона, если онъ сдѣланъ для принужденiя и могъ вызвать послѣднее.* Что касается формы угрозы, то эта форма для шантажа безразлична, такъ какъ это вопросъ факта.

Объектомъ угрозы шантажа можетъ быть, прежде всего, то лицо, противъ имущественной сѣры котораго направляется дѣятельность шантажиста. Но такъ какъ въ вопросахъ чести члены одной семьи тѣсно связаны между собою, то необходимо наказывать шантажъ и тогда, когда виновный принуждаетъ потерпѣвшаго къ выдачѣ имущества или обязательства по имуществу посредствомъ угрозы оглашенiемъ обстоятельства, позорящаго не только самого принуждаемаго, но и членовъ его семьи. Шантажъ посредствомъ угрозы огласить объ учиненiи принуждаемымъ или членомъ его семьи дѣянiя, наказуемаго какъ преступленiе или проступокъ, преслѣдуется какъ принужденiе страхомъ опозоренiя; хотя при

этомъ можетъ присоединиться страхъ наказанія, но такой моментъ не играетъ существенной роли. Поэтому проектъ не дѣлаетъ различія, могъ ли принужденный, или членъ его семьи въ дѣйствительности подвергнуться какому-либо наказанію, или же наказаніе стало невозможнымъ влѣдствіе давности, Высочайшаго прощенія, примиренія съ обиженнымъ, смерти виновнаго. Поэтому же не дѣлается также различія, кому именно виновный грозилъ огласить такое свѣдѣніе, частному ли лицу или властямъ. Признакомъ позорности таковыхъ дѣяній можетъ быть указанъ или родъ самаго дѣянія, или строгость наказанія, положеннаго за него по закону. Такъ какъ первый признакъ вызвалъ бы затрудненія на практикѣ въ вопросѣ о томъ, какія именно преступныя дѣянія позорятъ честь учинившихъ ихъ, и такъ какъ вообще считается позорнымъ всякое уклоненіе отъ нормъ, обусловливающихъ существованіе и прочность общежитія, то редакціонная комиссія предпочла второй признакъ, *объявивъ преступнымъ шантажемъ угрозу оглашеніемъ преступленія или проступка, независимо отъ ихъ рода, и оставивъ безъ наказанія угрозы оглашеніемъ нарушенія* ¹⁾.

Оконченнымъ шантажъ считается съ того момента, когда потерпѣвшій былъ принужденъ выдать виновному имущество, уступить право на имущество или подписать на себя обязательство по имуществу. Было ли совершено оглашеніе или нѣтъ, которымъ грозилъ виновный, не имѣетъ въ этомъ вопросѣ (т. е. въ вопросѣ объ оконченности преступленія) никакого значенія, такъ же, какъ и вопросъ о томъ, успѣлъ ли виновный извлечь какія-либо выгоды изъ полученнаго.

Покушеніе наказуемо съ момента обращенія угрозы къ принуждаемому; болѣе ранняя дѣятельность, на примѣръ: составленіе и посылка угрожающаго письма, пока его не прочелъ потерпѣвшій, принадлежитъ къ ненаказуемому приготовленію.

¹⁾ Известно, что, согласно проекту новаго уложенія, *преступленіемъ* считается всякое дѣяніе, наказуемое смертной казнью, каторгой и поселеніемъ; *проступкомъ*—дѣяніе, наказуемое исправительнымъ домомъ, заточеніемъ и тюрьмой; *нарушеніемъ*—дѣяніе, наказуемое арестомъ или денежной пеней.

По направленію воли виновнаго шантажъ предполагаетъ не только умышленность, но и корыстную цѣль. Поэтому необходимо: 1) чтобы виновный сознавалъ: а) что обстоятельство, оглашеніемъ котораго онъ грозитъ, составляетъ дѣяніе наказуемое, какъ преступленіе или проступокъ, или событіе, позорящее честь и б) что угроза оглашеніемъ можетъ принудить потерпѣвшаго къ отказу отъ части его имущественныхъ благъ. Способъ, которымъ виновный узналъ о такомъ обстоятельствѣ, а равно и то, считалъ ли онъ самъ его истиннымъ или вымышленнымъ, и если считалъ истиннымъ, то зналъ ли его въ подробности или въ общихъ чертахъ, наконецъ и средства, которыми онъ убѣдиль принужденнаго въ извѣстности ему такого обстоятельства, — для состава этого дѣянія безразличны; судъ можетъ, однако, принять ихъ во вниманіе для опредѣленія мѣры наказанія; 2) необходимо прямое желаніе принудить потерпѣвшаго, угрозою оглашеніемъ такого обстоятельства, къ убыточному для него и выгодному для виновнаго распоряженію имуществомъ; наконецъ 3) необходима корыстная цѣль, опредѣляемая какъ стремленіе получить имущественную выгоду во вредъ принужденному; такая выгода, по предмету, должна соответствовать вреду на сторонѣ потерпѣвшаго, образуясь изъ имущественныхъ благъ, имъ теряемыхъ. При шантажѣ виновникъ дѣйствуетъ или въ своихъ имущественныхъ интересахъ, или въ интересахъ другаго лица, при чемъ безразлично, имѣлъ ли онъ порученіе отъ послѣдняго, или предпринялъ свою дѣятельность по собственной инициативѣ.

Таковы мотивы редакторовъ 519 ст. проекта. Остановимся на нихъ.

По мнѣнію редакторовъ шантажъ существенно различается отъ вымогательства.

Въ виду того, что вымогательство есть исторженіе имущества путемъ угрозы — существенными признаками вымогательства являются слѣдующіе: 1) вымогательство направляется на имущество, такъ что первымъ признакомъ вымогательства, по предмету преступленія, есть посягательство на имущество, 2) вторымъ такимъ признакомъ является угроза,

служащая средствомъ принужденія и внѣшней причиною перехода имущества, такъ называемая „вымогательная угроза“.

Проведемъ параллель между вымогательствомъ и шантажемъ.

Цѣль шантажиста, какъ и вымогателя, заключается въ приобрѣтеніи имущественнаго блага, поэтому шантажъ—также преступленіе имущественное. Отсюда, въ отношеніи перваго признака, т. е. въ отношеніи предмета преступленія, разницы между шантажемъ и вымогательствомъ нѣтъ.

Что же касается втораго признака, т. е. вымогательныхъ угрозъ, то, какъ сказано выше, редакціонною комиссіею проводится различіе по свойству угрозъ.

Въ самомъ дѣлѣ, указанная въ дѣйствующемъ правѣ (ст. 1545 и 1546 улож. наказ.) вымогательныя угрозы, а именно: угроза убійствомъ, поджогомъ и физическимъ насиліемъ, имѣють своимъ содержаніемъ такія дѣянія (убійство, поджогъ и насиліе), которыя, будь они учинены, взятыя отдѣльно сами по себѣ, составляютъ дѣянія преступныя. Угроза же въ шантажѣ состоитъ въ оглашеніи.

Спрашивается—есть ли оглашеніе, взятое само по себѣ, дѣяніе преступное?

Шантажистъ грозитъ оглашеніемъ обстоятельства позорящаго.

Согласно проф. Фойницкому („особ. ч.“, стр. 118 и слѣд.), оглашеніе обстоятельства, позорящее человѣка, есть оскорбленіе, принадлежащее къ дѣяніямъ преступнымъ, направленнымъ противъ личности. Именно, виновный въ опозореніи старается склонить другихъ людей къ унижительному мнѣнію о личности, сообщая имъ обстоятельства, которыя свидѣтельствуютъ, что оскорбляемый не достоинъ пользоваться уваженіемъ, и тотъ—посредствомъ возбужденія въ другихъ сомнѣнія въ его нравственномъ достоинствѣ, сомнѣнія, заставляющаго совершенно отъ него отвернуться,—лишается такимъ образомъ добраго имени. Необходимость оградить доброе имя гражданъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, но общій запретъ оглашенія, хотя-бы позорящаго лицо, представляется немислимымъ (напримѣръ:

избирателямъ важно знать добросовѣстность лица, выступающаго передъ ними кандидатомъ), и поэтому необходимо установить извѣстные предѣлы его. Предѣлы эти, по мнѣнію проф. Фойницкаго, намѣчаются тѣснѣе или шире, въ зависимости отъ того, отдается ли предпочтеніе интересамъ личной неприкосновенности или общественной критики. Въ первомъ случаѣ запрещается всякое, хотя-бы и справедливое, оглашеніе позорящихъ обстоятельствъ: тогда мы получаемъ систему *diffamations*, наказуемой въ силу предположенія лживости оглашенія на основаніи того правила, что всякій человѣкъ предполагается честнымъ. Во второмъ случаѣ запрещается лишь оглашеніе лживое, т. е. завѣдомо неправильное; это—система *клеветы*.

Оба эти вида опозоренія и считаются уголовными уложеніями, въ томъ числѣ и дѣйствующимъ русскимъ (ст. 136 уст. наказ. и ст. 1535—1539 и 1039 улож. наказ.), дѣяніями преступными.

Такимъ образомъ, оглашеніе позорящихъ обстоятельствъ, будь оно совершено, взятое само по себѣ, есть дѣяніе преступное.

Поэтому, если шантажистъ исторгнетъ у кого-нибудь какое-либо имущественное право посредствомъ угрозы оглашеніемъ позорящаго обстоятельства, то разницы въ этомъ случаѣ между шантажомъ и вымогательствомъ, согласно словамъ редакторовъ проекта, въ коемъ опозореніе помѣщено въ отдѣлѣ объ оскорбленіи (ст. 446—454),—нѣтъ никакой. Конечно, шантажъ, содѣянный при помощи угрозы клеветою, на практикѣ встрѣтится рѣже, такъ какъ шантажисту отъ человѣка, не знающаго за собой ничего позорнаго и притомъ обладающаго гражданскимъ мужествомъ, трудно будетъ получить что-нибудь путемъ таковой угрозы, но у слабости, малодушія и страха, какъ еще въ 1865 году указывалъ законодательному собранію M. de Belleyme, шантажистъ сможетъ вырвать выкупъ за возможное подозрѣніе или возможный скандалъ. Весьма рационально поэтому, что проектъ въ ст. 519 преслѣдуетъ шантажъ при угрозѣ оглаше-

ніемъ не только истинныхъ, но и вымышленныхъ позорящихъ обстоятельствъ.

Засимъ, если шантажистъ грозилъ *оглашеніемъ тайны*, — оглашеніемъ, принимающимъ преступный характеръ, въ случаѣ, если имъ нарушается какое-либо право или благо, то и въ этомъ случаѣ, согласно объяснительной запискѣ къ проекту, нѣтъ разницы между шантажомъ и вымогательствомъ. Такъ, оглашеніе тайнъ торговыхъ или производствъ промышленнаго, заводскаго или фабричнаго (ст. 1187, 1355 улож. наказ.) или тайнъ, задѣвающихъ интересы личной чести (ст. 1157 улож. и 137 уст.), будь таковое учинено, взятое само по себѣ, есть дѣяніе преступное, предусмотрѣнное также и проектомъ (ст. 457 ч. 2, ст. 458 ч. 2 и ст. 459).

Наконецъ, встрѣчается шантажъ, когда угроза шантажиста имѣетъ содержаніемъ дѣяніе, которое, будь оно учинено, взятое само по себѣ, есть не только дѣяніе преступное, но даже похвальное, т. е. когда онъ грозилъ *заявленіемъ власти о преступномъ дѣяніи*, учиненномъ или самимъ потерпѣвшимъ, или членомъ его семьи. Случай этотъ подраздѣляется на два вида: 1) когда угроза шантажиста имѣла своимъ содержаніемъ заявленіе власти о преступномъ дѣяніи, яко-бы учиненномъ потерпѣвшимъ или членомъ его семьи, но на дѣлѣ не имѣвшемъ мѣста, т. е. о дѣяніи ложномъ, и 2) когда угроза эта состояла въ заявленіи власти о дѣяніи преступномъ, дѣйствительно учиненномъ, т. е. о дѣяніи истинномъ.

Содержаніе угрозы перваго вида, т. е. заявленіе о дѣяніи не учиненномъ, о дѣяніи ложномъ, будь заявленіе это совершено, взятое само по себѣ, есть дѣяніе преступное, а именно *ложный доносъ*, наказуемый всѣми кодексами (улож. наказ., ст. 940).

Отсюда, если шантажистъ грозилъ ложнымъ доносомъ, то и въ этомъ случаѣ разницы между шантажомъ и вымогательствомъ нѣтъ.

Итакъ, если угроза при шантажѣ состоитъ: 1) въ диффамаци, 2) клеветѣ, 3) оглашеніи тайнъ и 4) въ ложномъ

доносъ,—то во всѣхъ этихъ четырехъ случаяхъ, согласно мысли редакторовъ проекта, шантажъ есть то же вымогательство.

Остается еще послѣдній, пятый видъ шантажа,—когда шантажистъ грозилъ заявленіемъ власти о дѣяніи преступномъ, дѣйствительно учиненномъ, о дѣяніи истинномъ, т. е. грозилъ доносомъ.

Дѣйствительно, угроза подобнымъ заявленіемъ не можетъ быть признана угрозой противозаконной, такъ какъ такое заявленіе, будь оно учинено, взятое само по себѣ, не есть дѣяніе преступное, а напротивъ—весьма похвальное, и это потому, что всякій гражданинъ обязанъ помогать уголовному правосудію охранять общество отъ всевозможныхъ посягательствъ, и такое сообщеніе есть самопомощь общества противъ своихъ преступныхъ членовъ.

Если смотрѣть съ точки зрѣнія редакціонной комисіи, то шантажъ этого вида не тождественъ съ вымогательствомъ, такъ какъ понятіе вымогательства, какъ оно понимается и дѣйствующимъ уложеніемъ, и проектомъ, требуетъ обязательно, чтобы угроза вымогателя заключала въ себѣ дѣяніе противозаконное, т. е. требуется противозаконность угрозы (Фойницкій—„Часть особ.“, стр. 90). Съ своей точки зрѣнія въ этомъ, но единственно въ этомъ случаѣ, редакторы проекта правы, говоря, что понятіе шантажа не подходитъ подъ понятіе вымогательства, что оно шире послѣдняго.

Но чтобы установить, есть ли, дѣйствительно, такой шантажъ преступленіе *sui generis*, или же и этотъ видъ подходитъ подъ вымогательство,—необходимо разобраться въ понятіи вымогательства.

По словамъ проф. Фойницкаго, признакомъ, наиболѣе пригоднымъ для опредѣленія состава каждаго преступнаго дѣянія, представляется предметъ посягательства. Въ вымогательствѣ такимъ предметомъ является имущество. Слѣдовательно, вымогательство есть преступленіе имущественное, а не личное.

Затѣмъ, какъ замѣчаетъ проф. Фойницкій („Ос. ч.“, стр. 7), однимъ изъ дополнительныхъ признаковъ, глубоко различающимъ дѣянія, направленные противъ чужаго имущества, яв-

ляется характеръ и направленіе преступной воли. Характеромъ этимъ опредѣляются двѣ группы имущественныхъ посягательствъ: 1) группа, дѣянія которой направляются противъ чужаго имущества съ цѣлью присвоенія, т. е. группа корыстная и 2) группа дѣяній безъ таковой цѣли т. е. группа некорыстная. Цѣль же вымогательства, какъ это признаютъ законодательство и наука (изъ русскихъ ея представителей: Лохвицкій, Фойницкій, Неклюдовъ, Будзинскій ¹⁾ и проч.), есть присвоеніе, иначе—цѣль эта корыстна.

Такимъ образомъ, *вымогательство есть преступленіе противъ имущества, совершаемое съ корыстной цѣлью.*

Наконецъ въ составъ каждаго дѣянія входитъ способъ дѣйствія.

Способомъ дѣйствія въ вымогательствѣ является психическое насиліе—принужденіе, вызванное черезъ угрозы. Этимъ признакомъ—психическимъ насиліемъ, а именно *принужденіемъ*,—и отличается вымогательство отъ другихъ имущественныхъ посягательствъ. Въ вымогательствѣ переходъ имущества совершается какъ-бы по волѣ потерпѣвшаго. Волю эту насилуютъ, заставляютъ дѣйствовать въ желательномъ направленіи: заставляютъ передать имущество. Поэтому преступнымъ моментомъ въ вымогательствѣ является фактъ принужденія, насилія надъ потерпѣвшимъ. При мошенничествѣ воля потерпѣвшаго не терпитъ насилія, она остается въ согласіи съ желаніемъ потерпѣвшаго; лишь одно только его сознаніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Здѣсь потерпѣвшій не сознаетъ представляемаго ему положенія вещей съ ихъ дѣйствительнымъ положеніемъ, и вслѣдствіе этого выражающееся въ передачѣ имущества проявленіе воли потерпѣвшаго является для него самого свободнымъ, вполне соотвѣтствующимъ желанію совершить эту передачу,—желанію, вызванному въ немъ представленными ему обстоятельствами. Напротивъ, при вымогательствѣ сознаніе потерпѣвшаго вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но воля его расходится съ этимъ сознаніемъ и вызваннымъ послѣднимъ желаніемъ,—

¹⁾ „О преступленіяхъ въ особенности“ изд. 1887 г., стр. 234.

расходится вслѣдствіе сознанія принуждаемымъ того воздѣйствія на его волю, того психическаго принужденія, которое совершаетъ виновный. Здѣсь потерпѣвшій вполне сознаетъ дѣйствительное положеніе вещей, и потому желаніе его направлено на удержаніе имущества; тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе насилія надъ волей, вслѣдствіе принужденія, онъ совершаетъ передачу.

Существеннымъ, поэтому, здѣсь является *принужденіе*, черезъ которое вымогатель достигъ своей цѣли. Вопросъ же о томъ, какими способами, какими средствами былъ принужденъ потерпѣвшій, т. е. каковы были принудительныя угрозы, имѣеть, такимъ образомъ, значеніе второстепенное, такъ что *въ вымогательствѣ*, какъ вѣрно замѣчаетъ проф. Будзинскій (стр. 280), *существенное значеніе имѣетъ не свойство угрозъ, а то обстоятельство, что дѣятель посредствомъ оныхъ достигаетъ своей цѣли*. Поэтому, не только угрозы преступленіемъ, но и всякія другія угрозы, разъ посредствомъ нихъ угрожаемымъ достигнута намѣченная имъ цѣль—полученіе незаконной прибыли,—должны считаться дѣйствительнымъ средствомъ вымогательства, несмотря на то, наказуема или же ненаказуема угроза сама по себѣ. Если признавать противозаконность угрозы необходимымъ ея элементомъ, то угроза дѣйствіемъ, дозволеннымъ закономъ (и даже поощряемымъ,—какъ заявленіе власти о преступленіи), отнимала бы у дѣянія виновнаго въ вымогательствѣ преступный характеръ. Не слѣдуетъ суживать значеніе принужденія, ограничивая свойство угрозъ требованіемъ ихъ противозаконности, такъ какъ ядро преступленія въ вымогательствѣ заключается въ достиженіи корыстной цѣли, т. е. въ полученіи противозаконной имущественной прибыли, въ незаконномъ обогащеніи. Достиженіе же этой цѣли указываетъ, что угроза возбудила въ потерпѣвшемъ опасеніе, нарушила его спокойствіе и была настолько дѣйствительна, что угрожаемый счелъ ее настолько для себя серьезной, что, несмотря на сознаніе беззаконности требованія, рѣшился удовлетворить послѣднее. Такимъ образомъ, при оцѣнкѣ вымогательныхъ угрозъ необходимо стать на субъективную точку зрѣнія угрожаемого, и глав-

нымъ свойствомъ ихъ слѣдуетъ, поэтому, считать ихъ *серьезность въ субъективномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительность* (т. е. способность принужденія, выразившуюся въ фактѣ воздѣйствія) *въ объективномъ смыслѣ*, а не ихъ противозаконность, разсматриваемую лишь исключительно съ объективной точки зрѣнія.

Совершенно справедливъ, поэтому, взглядъ на вымогательство (Erpressung) германскаго законодательства, которое для наличности вымогательства считаетъ достаточной всякую угрозу, разъ черезъ нее получена противозаконная имущественная прибыль, но объ этомъ рѣчь будетъ еще впереди.

Такимъ образомъ, если понимать вымогательную угрозу въ указанномъ нами смыслѣ, то и послѣдній, пятый видъ шантажа,—когда виновный грозилъ заявленіемъ власти о дѣяніи преступномъ, дѣйствительно учиненномъ (грозилъ доносомъ),—видъ, заставившій редакторовъ проекта считать шантажъ преступленіемъ *sui generis*,—на дѣлѣ есть то же вымогательство.

На то, что *дѣйствительность*, а не противозаконность угрозы имѣеть въ вымогательствѣ доминирующее значеніе,—указывалъ еще Сагага, говоря, что дѣйствительное опасеніе могутъ возбудить только угрозы серьезные (съ точки зрѣнія принуждаемаго, конечно), съ чѣмъ вполне согласенъ проф. Будзинскій („О прест. въ особ.“, стр. 80).

На этомъ основаніи, вполне соглашаясь съ положеніемъ комиссіи, что *форма угрозы для шантажа безразлична* (и незначительный намекъ имѣеть значеніе серьезной угрозы), съ своей стороны полагаемъ, что форма эта безразлична не только для шантажа, но и для вымогательства, въ которомъ она, составляя обстоятельство второстепенное, можетъ развѣ вліять на увеличеніе или уменьшеніе вины вымогателя.

Итакъ, подводя итогъ всему сказанному, видимъ, что всѣ пять видовъ шантажа, именно, когда угроза его состоитъ: 1) *въ диффамации*, 2) *клеветѣ*, 3) *оглашеніи тайнъ*, 4) *ложномъ доносъ* и 5) *заявленіи власти о дѣйствительно учиненномъ преступномъ дѣяніи (доносъ)*—вполнѣ тожде-

ственны ст вымогательствомъ; иначе—*шантажъ есть вымогательство*, а не преступленіе sui generis.

Противъ этого можно возразить, что дѣянію, называемому шантажомъ, не слѣдуетъ давать, поѣтому, спеціальнаго названія, которое какъ-бы означаетъ иное понятіе, чѣмъ понятіе вымогательства.

Строго говоря, такое замѣчаніе справедливо, но для общежитія это спеціальное названіе даже полезно, такъ какъ имъ обозначается новый типъ преступныхъ посягательствъ противъ имущества и такъ какъ со словомъ „вымогатель“, какъ оно издавна понимается въ общежитіи, соединяется всегда представленіе чего-то грубаго, между тѣмъ какъ со словомъ „шантажистъ“ соединяется представленіе чего-то болѣе утонченно-коварнаго, болѣе культивированнаго.

Затѣмъ, какъ отличіе шантажа отъ вымогательства, редакціонная комиссія выставляетъ положеніе, что *шантажистъ вызываетъ въ своей жертвѣ не столько чувство страха* (какъ это дѣлаетъ вымогатель), *сколько убѣжденіе въ выгодности купить его молчаніе.*

Но положеніе это не имѣетъ серьезнаго значенія, въ виду того, что угрожаемый, напримѣръ, поджогомъ принадлежащаго ему дома, въ случаѣ отказа удовлетворить требованіе вымогателя, можетъ быть принужденъ къ такому удовлетворенію не чувствомъ страха, а вслѣдствіе убѣжденія въ выгодности сохранить свой домъ невредимымъ,—и такъ какъ угрожаемый, напримѣръ, клеветой, буде онъ человекъ слабый, сильно интересующійся мнѣніемъ о себѣ другихъ, можетъ быть принужденъ къ удовлетворенію требованій шантажиста не столько убѣжденіемъ въ выгодности покупаемаго молчанія, сколько страхомъ потерять, хотя-бы на время, доброе имя.

Вопросъ этотъ, поѣтому, можетъ быть лишь вопросомъ факта, а не права.

Наконецъ, важнымъ различіемъ между вымогательствомъ и шантажомъ считается, по мнѣнію редакціонной комиссіи, то обстоятельство, что „хотя шантажистъ достигаетъ своихъ преступныхъ цѣлей путемъ угрозы и, слѣдовательно, дѣяніе

„его принадлежить къ области принужденія, но угроза его, существенно отличается отъ угрозы, устанавливающей понятие вымогательства, такъ какъ *последняя грозитъ при-, нуждаемому зломъ, имъ не вызваннымъ*, между тѣмъ какъ *зло первой обуславливается виновностью или неосмотрительностью самого принужденнаго, или одного изъ членозъ его семьи*“. Если смотрѣть на шантажъ какъ на преступленіе sui generis, то положеніе это имѣетъ нѣкоторое основаніе, именно: убійство, насиліе и поджогъ—чѣмъ грозитъ вымогатель—составляютъ зло, не вызванное потерпѣвшимъ. Но клевета и ложный доносъ—чѣмъ грозитъ шантажистъ—также зло, не вызванное потерпѣвшимъ. Виновность же и неосмотрительность потерпѣвшаго бываютъ лишь тогда, когда шантажистъ грозитъ разоблаченіемъ дѣйствительно совершеннаго преступнаго дѣянія, или диффамацией, или же оглашеніемъ тайны. Однако, если смотрѣть на вымогательство съ указанной нами точки зрѣнія и главнымъ свойствомъ вымогательныхъ угрозъ считать ихъ дѣйствительность, безотносительно къ виновности или неосмотрительности принужденнаго,—то и это различіе между вымогательствомъ и шантажомъ теряетъ свое значеніе.

Такимъ образомъ, на основаніи изложеннаго, слѣдуетъ придти къ заключенію, что различіе между вымогательствомъ и шантажомъ не доказано соображеніями редакторовъ проекта.

Указавъ затѣмъ на то, что шантажъ, совершенный посредствомъ угрозы огласить объ учиненіи принужденнымъ или членомъ его семьи дѣянія, наказуемаго какъ преступленіе или проступокъ, преслѣдуется какъ принужденіе страхомъ опозоренія,—редакціонная коммисія признакомъ позорности таковыхъ дѣяній считаетъ строгость положеннаго за дѣяніе наказанія, вслѣдствіе чего *объявляетъ шантажъ преступнымъ* только тогда, когда угроза его состояла въ *оглашеніи преступленія или проступка, и оставляетъ безъ наказанія шантажъ, учиненный посредствомъ угрозы огласить нарушеніе*, считая, такимъ образомъ, шантажъ послѣдняго вида дѣяніемъ непроступнымъ.

Съ такимъ ограниченіемъ согласиться нельзя, такъ какъ:

1) для установленія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ наличности шантажа слѣдовало бы доискиваться и разсуждать о томъ, долженъ ли былъ потерпѣвшій считать для себя позорнымъ дѣяніе, огласить которое угрожали, или же онъ напрасно счелъ его таковымъ, напрасно испугался ожидавшаго яко-бы его позора и стыда, а посему долженъ поплатиться за свое незнаніе уголовного кодекса, или же сравнительную нравственную неиспорченность и чуткость. Такое изслѣдованіе являлось бы совершенно безцѣльнымъ, такъ какъ понятіе позора и стыда, какъ чисто-личное, какъ продуктъ всей совокупности нравственныхъ началъ каждого отдѣльнаго человѣка, есть понятіе чисто-субъективное, а посему весьма разнообразное. Поэтому вопросъ стыда и позора можетъ быть лишь вопросомъ факта, но никоимъ образомъ не можетъ служить мѣриломъ при опредѣленіи наличности незаконнаго обогащенія. 2) Ограниченіе это можетъ оказаться даже вреднымъ, слѣдовательно нецѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія уголовной политики, такъ какъ имъ будетъ прикрываться рядъ шантажей, въ коихъ будетъ достигнута корыстная цѣль шантажиста и, такимъ образомъ, будетъ совершаемо преступленіе. Въ особенности же будетъ покровительствуемъ самимъ закономъ шантажъ мелкій, такъ какъ нарушителю будетъ выгоднѣе и пріятнѣе дать шантажисту, положимъ, 40 рублей, чѣмъ самому за свое нарушеніе заплатить 100 или болѣе, да о нарушеніи этомъ, къ тому же, никто знать не будетъ: не будетъ ни огласки, ни стыда.

Напримѣръ, согласно 111 ст. проекта, умышленно выдававшій себя передъ судомъ за лицо, вызванное для отправленія обязанности присяжнаго засѣдателя, и исполнявшій эту обязанность,—наказывается арестомъ. Дѣяніе это составляетъ нарушеніе. Весьма возможно, что судъ не откроетъ подобнаго нарушителя и онъ останется безнаказаннымъ, но кто-нибудь изъ постороннихъ можетъ знать объ этомъ и угрожать нарушителю заявленіемъ власти о его нарушеніи, въ случаѣ если тотъ не купитъ молчанія. Угрожаемый, изъ мотива ли страха передъ судомъ, стыда передъ обществомъ или своею средою—все равно, можетъ за молчаніе передать

часть своего имущества. Неужели же только потому, что нарушение потерпѣвшаго не считается по закону (ст. 519 проекта) позорнымъ и способнымъ вызвать, при своемъ оглашеніи, стыдъ въ угрожаемомъ, учиненный, такимъ образомъ, хотя и открытый, шантажъ слѣдуетъ оставить безнаказаннымъ?

Примѣровъ подобнаго шантажа можно насчитать еще много (см. ст. 113, 114, 120, 126, 128 и т. д. проекта).

Въ виду сего мы находимъ, что слѣдуетъ расширить положеніе проекта, указавъ въ законѣ, что шантажная угроза заключается въ оглашеніи или разоблаченіи дѣянія, *вообще наказуемаго* уголовнымъ закономъ, будь это преступленіе, проступокъ или нарушение—все равно.

Что же касается мнѣнія редакторовъ проекта, выраженнаго и въ 519 ст. послѣдняго, что шантажная угроза заключается также въ разоблаченіи обстоятельства, позорящаго честь, то комиссія опять суживаетъ содержаніе шантажной угрозы, такъ какъ оконченный шантажъ возможенъ не только при угрозѣ огласить обстоятельство, позорящее честь потерпѣвшаго или его семьи, но и при угрозѣ огласить, напримеръ, какую-либо торговую, техническую, заводскую или вообще промышленную тайну, оглашеніе которой, не позоря ничьей чести, можетъ нанести большой ущербъ какому-либо имущественному благу угрожаемаго. На этомъ основаніи, по нашему мнѣнію, шантажная угроза заключается также и въ оглашеніи обстоятельства, *вообще нарушающаго какое-либо личное (честь) или имущественное благо* потерпѣвшаго или члена его семьи.

Итакъ, содержаніемъ шантажной угрозы слѣдуетъ считать оглашеніе или разоблаченіе: 1) дѣянія, учиненнаго потерпѣвшимъ или членомъ его семьи, хотя-бы умершимъ, наказуемаго уголовнымъ закономъ, и 2) обстоятельства, нарушающаго какое-либо личное или имущественное благо тѣхъ же лицъ.

Соглашаясь затѣмъ съ положеніемъ комиссіи, что форма угрозы въ шантажѣ безразлична и при опредѣленіи наличности преступленія составляетъ лишь вопросъ факта, а не

права, замѣтимъ, что такая угроза можетъ быть совершаема: 1) на словахъ, 2) посредствомъ письма подписаннаго или анонимнаго, 3) воочію и 4) заочно. Угрозы, дѣлаемыя заочно черезъ посредство третьихъ лицъ, должны быть признаны такими же дѣйствительными, какъ и угрозы, сдѣланныя непосредственно, разъ виновный достигъ черезъ нихъ своей корыстной цѣли.

Наконецъ совершенно правильно положеніе комисіи, что шантажъ считается тогда оконченнымъ, когда потерпѣвшій былъ принужденъ выдать виновному имущество; было ли совершено оглашеніе или нѣтъ—не имѣетъ въ рѣшеніи вопроса объ оконченности преступленія никакого значенія, такъ же какъ и вопросъ, успѣлъ ли виновный извлечь какія-либо выгоды изъ полученнаго. Равно правильно и положеніе, что покушеніе въ шантажъ считается съ момента обращенія угрозы къ принуждаемому, когда, слѣдовательно, виновный успѣлъ заявить свое требованіе и угрожалъ, но не получилъ требуемаго.

Это—относительно внѣшней стороны шантажа.

Со стороны внутренней, т. е. по направленію воли виновнаго, шантажъ предполагаетъ: 1) корыстную цѣль и 2) умысленность. Поэтому необходимо: 1) чтобы была налицо корыстная цѣль, опредѣляемая какъ преступное стремленіе получить имущественную выгоду во вредъ принуждаемому. По предмету выгода эта должна соотвѣтствовать вреду на сторонѣ потерпѣвшаго, образуясь изъ теряемыхъ имъ имущественныхъ благъ; въ чьихъ интересахъ дѣйствовалъ виновный, въ своихъ ли, или чужихъ—безразлично. 2) Необходимо, чтобы виновный сознавалъ, что дѣяніе, оглашеніемъ котораго онъ грозитъ, вообще наказуемо, а не составляетъ преступленіе или проступокъ, какъ думаютъ редакторы проекта,—такъ какъ въ этомъ случаѣ всякій шантажистъ долженъ быть знатокомъ уголовного кодекса,—или же чтобы онъ полагалъ, что при приведеніи въ исполненіе угрозы будетъ умалена честь или какое-либо матеріальное благо принуждаемаго и угроза его, поэтому, подѣйствуетъ на угрожаемаго.

На основаніи изложеннаго мы предлагаемъ измѣнить редакцію 1 части 519 ст. ¹⁾ проекта, представивъ эту часть въ слѣдующемъ видѣ:

„Виновный, съ цѣлью доставить себѣ или другому имущественную выгоду, въ побужденіи къ передачѣ имущества или къ уступкѣ права по имуществу, къ отказу отъ такого права, къ принятію на себя обязательства по имуществу или ко вступленію въ такое обязательство, посредствомъ угрозы вымышленныхъ или истинныхъ свѣдѣній:

„1) объ обстоятельствѣ, оглашеніемъ котораго нарушается какое-либо личное или имущественное благо потерпѣвшаго или члена его семьи;

„2) объ учиненіи потерпѣвшимъ или членомъ его семьи, хотя-бы умершимъ, дѣянія, наказуемаго уголовнымъ закономъ,

наказывается

Затѣмъ мы предлагаемъ помѣстить статью о шантажѣ рядомъ съ 496 ст. ²⁾ проекта, предусматривающей вымогательство, включивъ шантажъ въ отдѣлъ о вымогательствѣ, а не выдѣлять его въ отдѣлъ „иныхъ случаевъ наказуемой недобросовѣстности по имуществу“.

Что же касается 2 части 519 ст. проекта, то во всѣхъ ея трехъ пунктахъ квалифікація наказанія совершенно справедлива.

Итакъ мы пришли къ заключенію, что шантажъ не есть мошенничество, не есть преступленіе *sui generis*, а на него слѣдуетъ смотрѣть какъ на *вымогательство*.

Такого же взгляда на шантажъ придерживаются и французское, и германское законодательства.

Когда во *Франціи* въ 1863 году былъ представленъ въ законодательное собраніе проектъ реформы уголовного уложенія, то разсматривавшая этотъ проектъ коммисія нашла

¹⁾ Ст. 536 проекта, внесеннаго въ 1898 году въ Государственный Совѣтъ.

²⁾ Ст. 513 проекта, внесеннаго въ 1898 году въ Государственный Совѣтъ.

въ шантажѣ признаки вымогательства, совершаемаго хотя черезъ принужденіе чисто-нравственное, тѣмъ не менѣе преступное. При разсмотрѣніи этого вопроса М. de Belleyme пришелъ къ заключенію, что шантажъ есть вымогательство также и въ томъ случаѣ, когда угроза состояла въ оглашеніи обстоятельства созданнаго, искусственно подстроенаго виновнымъ, обстоятельства ложнаго. Не соглашаясь съ этимъ, Jules Favre и Ernest Picard утверждали, что если обвиненіе, на которомъ основывались угрозы, было ложно,—то такого вида шантажъ есть мошенничество, предусмотрѣнное 505 art. Code pénal, и что посему нѣтъ надобности въ созданіи особаго преступленія—шантажа, а если же, напротивъ, угроза основывалась на дѣяніи истинномъ, то было бы излишне оказывать покровительство потерпѣвшему за послѣдствія его прежней ошибки. На это М. Cordoeu отвѣтилъ, что 405 art., опредѣляющій мошенничество, примѣнимъ только тогда, когда шантажъ имѣлъ именно тѣ признаки, которые въ этомъ article'ѣ обозначены, и что судебная практика доказала, что шантажъ, угроза коего касалась ложныхъ обвиненій, весьма часто не подвергался, за невозможностью подвести его подъ указываемый article о мошенничествѣ, никакой репрессіи; что же касается того, чтобы не наказывать шантажъ, когда дѣло касается дѣяній истинныхъ, то такого рода законъ оказывалъ бы покровительство преступленію (шантажу), оставляя его безъ наказанія, да къ тому же мѣшалъ бы потерпѣвшимъ, бывшимъ на дѣлѣ виновными, возвращаться, несмотря на ихъ желаніе, къ добру и продолжать свое скромное и неизвѣстное существованіе по пути честности и труда. Результатомъ этихъ споровъ явилось опредѣленіе шантажа, включенное въ отдѣлъ о вымогательствахъ, изложенное во 2 п. art. 400 Code pénal: *„Кто посредствомъ письменной или словесной угрозы позорящихъ оглашеній или утвержденій исторгнетъ или покусится исторгнуть передачу денежныхъ суммъ или—будетъ наказанъ тюрьмою отъ 1—5 лѣтъ и денежнымъ штрафомъ отъ 50—3000 франковъ“.*

Такимъ образомъ французскій кодексъ не опредѣляетъ

ближе, какія именно оглашенія должны считаться позорящими, а какія именно не позорятъ принуждаемаго, такъ что этимъ даетъ возможность подъ слово „позорящихъ“ подводить какъ дѣянія, дѣйствительно учиненныя потерпѣвшими и по закону наказуемыя, такъ и обстоятельства, хотя и не преступныя и не наказуемыя, но тѣмъ не менѣе шокирующія, какъ обстоятельства истинныя, такъ и ложныя или искусственно созданныя.

Что же касается *германскаго* уложенія, то оно не выдѣляетъ шантажа въ самостоятельное преступленіе, а сливается понятіе шантажа съ понятіемъ вымогательства (*Erpressung*). Согласно § 253 „*Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich*“, вымогательство есть преступленіе, субъектомъ котораго является тотъ, кто для того, чтобы доставить себѣ или третьему лицу противозаконную имущественную выгоду,—принудить другаго силою или угрозою къ дѣйствию, допущенію или бездѣйствию. Уложеніе ставитъ вымогательство вмѣстѣ съ грабежомъ. Отличается же вымогательство отъ грабежа способомъ, примѣняемымъ для бытія преступленія, состоящимъ при грабежѣ въ личномъ насиліи или угрозѣ наличной опасностью для здоровья или жизни (§ 255), между тѣмъ какъ при вымогательствѣ способъ совершенія составляетъ *всякое* принужденіе, будь это, безразлично, принужденіе физическое или психическое. Поэтому достаточна вообще всякая угроза, посредствомъ которой выполняется надъ другимъ принужденіе къ дѣйствию, допущенію или бездѣйствию, на примѣръ: угроза доносомъ, разоблаченіемъ тайны и т. д. Намѣреніе дѣятеля должно быть направлено на приобрѣтеніе имущественной выгоды и послѣдняя должна быть противозаконной. Отсюда—отличительную черту *Erpressung* составляетъ полученіе противозаконной выгоды путемъ нравственнаго воздѣйствія на личность потерпѣвшаго, независимо отъ того, законны или противозаконны средства этого воздѣйствія,—поэтому подъ *Erpressung* вполне подходитъ и шантажъ.

Разсмотрѣвъ вопросъ о шантажѣ въ его принципѣ, опредѣлимъ понятіе шантажа, какъ преступленія.

Шантажъ, какъ мы видѣли, есть посягательство на чужое имущество, посягательство корыстное; угроза его—есть угроза оглашеніемъ; какъ и всякое преступленіе, шантажъ долженъ быть умысленнымъ; наконецъ шантажъ, насколько намъ удалось доказать, есть видъ вымогательства.

Отсюда, шантажъ есть умысленное вымогательство, съ корыстною цѣлью, чужаго имущества посредствомъ угрозы оглашеніемъ. Въ виду того, что вымогательство есть принужденіе, изъ корыстныхъ видовъ, къ выдачѣ чужаго имущества или права по имуществу посредствомъ угрозы вообще—*шантажъ есть умысленное принужденіе, изъ корыстныхъ видовъ, къ выдачѣ чужаго имущества или права по имуществу посредствомъ угрозы оглашеніемъ.*

Наконецъ, для исчерпанія вопроса о шантажѣ съ его матеріальной стороны, остается намѣтить мѣсто этого преступленія въ системѣ вымогательства.

Вымогательство есть принужденіе къ выдачѣ имущества посредствомъ угрозы вообще, вслѣдствіе чего содержаніемъ такой вымогательной угрозы можетъ быть всякое человѣческое дѣяніе. Дѣянія же эти, съ точки зрѣнія уголовного права, классифицируются: 1) на дѣянія преступныя, закономъ воспрещаемыя, и 2) дѣянія непреступныя, закономъ не воспрещаемыя. Поэтому и вымогательныя угрозы дѣлятся на: 1) угрозы, содержаніемъ коихъ являются дѣянія преступныя, и 2) угрозы, содержаніе коихъ составляютъ дѣянія непреступныя.

Содержаніемъ же угрозы при шантажѣ являются, какъ мы видѣли: 1) диффамация, 2) клевета, 3) оглашеніе тайны, 4) ложный доносъ—дѣянія преступныя, преслѣдуемыя закономъ, и 5) сообщеніе власти о дѣяніи дѣйствительно учиненномъ (доносъ)—дѣяніе непреступное.

Такимъ образомъ, шантажъ (четырьмя своими видами) заканчиваетъ систему вымогательства той категоріи, въ которой содержаніемъ угрозы являются дѣянія преступныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ (пятымъ видомъ своимъ) составляетъ переходъ къ категоріи видовъ вымогательства, содѣяннаго путемъ угрозы дѣяніями непреступными.

ПРЕПОРУЧИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ НА ВЕКСЕЛЬ.

Я. Ф. Браве.

Препоручительная надпись (Procura—Indossament, endossement à l'encaissement, indorsement for cash, indossamento per incasso) является одним из видов индоссамента; поэтому размотрѣнію юридическаго значенія препорученія полезно предпослать нѣсколько словъ о сущности передаточной надписи вообще.

Въ болѣе или менѣе развитомъ торговомъ быту первый векселепріобрѣтатель рѣдко получаетъ платежъ отъ векселедателя, а чаще передаетъ вексель, слѣдовательно, и связанная съ нимъ права другому лицу, которое снова передаетъ его третьему: такъ происходитъ движеніе векселя—путемъ послѣдовательной *передачи*. Передача эта совершается надписью на оборотѣ векселя, отчего и самая надпись называется передаточною. Передаточная надпись бываетъ полная и бланковая ¹⁾. Но передача векселя бываетъ двойкая: съ оборотомъ на подписателя и безъ оборота на него. При безоборотной передаче ни тотъ индоссатъ, которому передается вексель, ни кто-либо изъ послѣдующихъ индоссатовъ не въ правѣ обратиться къ индоссанту за удовлетвореніемъ ²⁾. Надписатель безъ оборота на себя совершенно выбываетъ изъ

¹⁾ Уставъ о векселяхъ, ст. 15—17, 21.

²⁾ Уставъ о векселяхъ, ст. 78, 79, 80.

обязательства. То обстоятельство, что въ бланковомъ индоссаментѣ не означается имя индоссата—дѣлаетъ возможнымъ переходъ векселя безъ всякихъ надписей отъ него къ другому лицу, отъ этого другого къ третьему и т. д. Такимъ образомъ, бланковый индоссаментъ сообщаетъ векселю свободное обращеніе безъ надписей. Понятно, впрочемъ, что обращеніе векселя въ видѣ передачи его съ рукъ на руки (*zur freien Hand*) безъ надписей—сдѣлка хотя юридическая, но совершенно чуждая вексельному праву. Такъ, послѣдній векселедержатель не въ правѣ обратиться за удовлетвореніемъ ни къ одному изъ всего ряда предшествовавшихъ ему участниковъ въ послѣдовательной передачѣ векселя, которые не значатся на оборотѣ его, какъ индоссанты ¹⁾. И очень послѣдовательно презумируется, что настоящій векселедержатель есть индоссатъ по послѣдней бланковой надписи, что ему именно индоссантъ и передалъ вексель ²⁾. Продолжается индоссаментъ по векселю до наступленія срока платежа.

Законодательство наше, запрещая индоссаментъ *по просроченному векселю* ³⁾, допускаетъ передачу его *для полученія платежа* и послѣ срока; тутъ-то мы и встрѣчаемся съ той формой индоссамента, которая извѣстна подъ названіемъ препоручительной надписи; послѣдняя очень распространена въ нашей вексельной практикѣ и заключается въ порученіи со стороны индоссанта индоссату въ качествѣ повѣреннаго получить валюту по векселю ⁴⁾. Юридическія отношенія въ этомъ случаѣ будутъ, конечно, иныя, нежели тогда, когда вексель передается въ собственность: при индоссаментѣ, составляющемъ передачу векселя въ собственность, индоссатъ распоряжается имъ совершенно самостоятельно, между тѣмъ какъ при индоссаментѣ, составляющемъ лишь полномочіе на

¹⁾ Ст. 79 и 80 вексельнаго устава.

²⁾ Д. И. Мейеръ—Русское гражданское право (изд. 4-е, 1868 г.), Очеркъ вексельнаго права, § 4.

³⁾ Уставъ о векселяхъ, ст. 83.

⁴⁾ Въ сущности это только частный случай, ибо индоссаментъ вообще можетъ содержать спеціальное полномочіе на полученіе платежа.

полученіе платежа, онъ выполняетъ только порученіе и дѣйствуетъ, вообще, лишь въ предѣлахъ оказанной ему довѣренности.

Но какъ отличить индоссаментъ по передачѣ собственности отъ индоссаментъ по порученію? Это дѣйствительно не всегда легко. Въ практикѣ, заботящейся больше всего о краткости индоссаментовъ, мало принято указанное законодательствомъ въ примѣрныхъ формулахъ различіе между надписями передаточной и препоручительной: „Вмѣсто меня заплатить такому-то. Платежъ отъ него полученъ сполна. Мѣсто, дата. Такой-то“, или въ бланковой формѣ: „Такой-то“ (передаватель векселя). Вообще въ нашей практикѣ вексельнаго оборота собственно индоссаментъ и препоручительная надпись очень рѣдко различаются. Впрочемъ, съ этимъ явленіемъ знакома, повидимому, и иностранная практика. Такъ въ своемъ комментарий къ *code de commerce Dalloz et Vergé*, между прочимъ, говорятъ: „Malgré la régularité de l'endos le cessionnaire peut n'être, qu'un mandataire“. Въ роли какъ бы *gérant d'affaires* можетъ оказаться не только индоссатъ по порученію, но и лицо, получившее вексель по настоящему индоссаменту ¹⁾.

Поэтому, вполне рациональнымъ представляется рѣшеніе Гражданскаго Кассационнаго Департамента, гдѣ Сенатъ разъясняетъ, что сужденіе о томъ, есть ли данная надпись на векселѣ препоручительная или передаточная, относится къ существу дѣла ²⁾. Тотъ же взглядъ проводится Гражданскимъ Кассационнымъ Департаментомъ Сената и въ рѣшеніи 1879 г. № 175.

Вопросы, относящіеся до характера индоссаментъ, въ нашей практикѣ должны разрѣшаться не съ формальныхъ точекъ зрѣнія, а на основаніи совокупности другихъ доказательствъ, какъ письменныхъ (напр., торговыхъ книгъ), такъ и свидѣтельскихъ показаній и проч. Строгий формализмъ

¹⁾ Dalloz fils et Charles Vergé—„Codes annotés, code de commerce“, avec collaboration de Brésillion et Lanet, p. 296.

²⁾ Гражд. Касс. рѣш. 1868 г. № 569, по дѣлу Челпановой съ Томилинымъ.

могъ бы привести законъ къ вопіющимъ несправедливостямъ.

Положеніе индоссата по препоручительной надписи аналогично до нѣкоторой степени положенію комисіонера въ его двойственной роли—самостоятельнаго субъекта правоотношенія, дѣйствующаго *propter rem* въ отношеніи третьихъ лицъ, и повѣреннаго своего коммиттента. Самая передача векселя по препорученію является какъ бы однимъ изъ видовъ договора комисіи: индоссату довѣряется вексель для полученія валюты въ видѣ платежа, а иногда даже и взысканія, но всѣ обязанныя по векселю лица видятъ передъ собой обыкновеннаго держателя векселя безъ всякихъ характеризующихъ комисіонера квалификатовъ. Цитовичу эта внѣшняя черта сходства между инкассо-индоссатомъ и комисіонеромъ кажется настолько знаменательной, что онъ прямо отождествляетъ ихъ. „Между индоссатомъ (по препорученію) и индоссантомъ, говоритъ Цитовичъ ¹⁾, вексель не передается и не пріобрѣтается; онъ остается векселемъ индоссанта и къ индоссату поступаетъ лишь на комисію“. „Но для третьихъ лицъ, въ томъ числѣ и для плательщика, такой комисіонеръ есть векселедержатель,—т. е. съ нимъ они въ правѣ совершать всѣ дѣйствія по векселю, какія возможно только съ векселедержателемъ. Ему можетъ быть произведенъ платежъ, съ нимъ можетъ быть произведенъ зачетъ, онъ можетъ дать отсрочку, съ нимъ можно уничтожить вексель и до срока, съ нимъ можно и *litem contestare*; противъ него могутъ быть направлены и такія возраженія, которыя не имѣли бы мѣста ни противъ кого другого; наконецъ, отъ него можно пріобрѣсть вексель по индоссаменту именному или бланковому. Если векселедержатель воспользуется векселемъ вовсе не для тѣхъ цѣлей, которыя имѣлъ въ виду препоручитель, то передъ нимъ онъ отвѣчаетъ за злоупотребленіе довѣріемъ“ ²⁾. Такимъ образомъ, П. П. Цитовичъ чрезвычайно расширяетъ роль держателя векселя по препоруче-

¹⁾ П. П. Цитовичъ—Курсъ вексельнаго права, 1887 г., стр. 232.

²⁾ *Ibidem*.

нію, отождествляя ее съ положеніемъ коммерческаго коммисіонера. Шершеневичъ находитъ отношеніе между векселедержателемъ и надписателемъ-препоручителемъ такимъ же, какъ между повѣреннымъ и довѣрителемъ ¹⁾. Утверждая въ отличіе отъ Цитовича, что держателю векселя по препоручительной надписи могутъ быть противопоставлены всѣ возраженія, имѣющія силу въ отношеніи его довѣрителя, этотъ коммисіоналистъ дѣлаетъ отсюда такіе выводы: „1) въ случаѣ несостоятельности векселедержателя довѣритель имѣетъ право востребовать вексель изъ его имущества, а уже взысканныя деньги не поступаютъ въ конкурсную массу; 2) въ случаѣ несостоятельности довѣрителя должникъ не можетъ завѣдомо платить векселедержателю, котораго полномочіе теряетъ силу“ ²⁾.

Случаи несостоятельности препоручителя и его индоссата съ полною ясностью раскрываютъ истинный характеръ ихъ взаимныхъ отношеній: передъ нами оказываются обыкновенный довѣритель (*mandans*) и его повѣренный (*mandatarius*). Но не только *jus rationis* заставляеть насъ въ препорученіи видѣть юридическое отношеніе, создаваемое довѣренностью, а не коммисіей, но и *ratio juris* говоритъ въ пользу этого воззрѣнія. Законъ говоритъ о препорученіи, какъ объ уполномочіи получить платежъ; какое же мы имѣемъ основаніе расширять полномочіе инкассо-индоссата до правъ коммисіонера, установленныхъ спеціальнымъ закономъ? П. П. Цитовичъ, утверждая, что препоручительная надпись снабжаетъ коммисіонера всѣми принадлежащими надписателю правами и исками независимо отъ его отношеній къ индоссату, но что вмѣстѣ съ тѣмъ для третьихъ лицъ коммисіонеръ есть векселедержатель,—въ то же время указываетъ на то, что такой характеръ препорученія открываетъ широкую возможность злоупотребленій индоссаментомъ, какъ способомъ постановки лицъ для изытія векселя изъ конкурсной массы и для уклоненія отъ тѣхъ возраженій, которыя могли бы имѣть

¹⁾ Шершеневичъ—Курсъ торговаго права, т. I, ч. 2.

²⁾ *Ibidem*.

мѣсто противъ индоссанта. Съ этимъ неудобствомъ (прибавимъ, довольно печальнымъ), по мнѣнію Цитовича, можно мириться, такъ какъ оно достаточно компенсируется общими выгодами свободного вексельнаго обращенія. Несомнѣнно, возможно болѣе свободное обращеніе векселя имѣетъ громадное значеніе для торговаго оборота; но это соображеніе не должно насъ заводить слишкомъ далеко; препоручительная надпись вполнѣ достигаетъ своей настоящей цѣли и тогда, когда индоссантъ и индоссатъ остаются въ скромныхъ предѣлахъ обыкновеннаго договора довѣренности (*mandatum*); достаточно, если въ общихъ интересахъ торговаго оборота найдутъ оправданіе тѣ злоупотребленія, которыя дѣлаются посредствомъ индоссамента передаточнаго. Thöl такъ характеризуетъ отношеніе между препоручителемъ и инкассо-индоссатомъ: „Das Verhältniss zwischen dem Indossanten und dem Indossatar anlangend, sind sie Mandant und Mandatar. Sie sind nicht Indossant und Indossatar dem Rechtsgeschäft nach, sie sind es nur der Form nach“¹⁾.

Впрочемъ, необходимо отмѣтить одну особенность юридическаго положенія векселедержателя по препоручительной надписи; онъ имѣетъ право производить взысканіе отъ собственнаго имени. Эта особенность можетъ дѣйствительно вводить въ заблужденіе, представляя индоссата по препорученію — коммисіонеромъ со свойственною ему способностью, совершенно заслоняя коммиттента, самостоятельно, *proprío nomine*, дѣйствовать противъ третьихъ лицъ. Но насколько независимая роль коммисіонера въ сношеніяхъ съ третьими лицами всегда реальна и вполнѣ осязательна, настолько исксовая самостоятельность держателя векселя по препоручительной надписи призрачна и фивтерна. Правда, 4 Департаментъ Сената въ одномъ изъ своихъ рѣшеній категорически высказалъ, что на основаніи препоручительной надписи судъ долженъ присудить взысканіе въ пользу лица, на имя котораго сдѣлана надпись²⁾. Но эта съ виду полная самостоятельность со-

¹⁾ Thöl—Handelsrecht (Das Wechselrecht), В. II, SS. 413—414.

²⁾ Носенко—„Уставъ о векселяхъ“, изд. 1891 г., стр. 18.

вершенно парализуется тѣмъ, что противъ истца могутъ быть приведены всѣ тѣ возраженія, какія могли бы имѣть мѣсто только противъ индоссанта-препоручителя. Въ этомъ смыслѣ очень типичнымъ является рѣшеніе Сената по дѣлу Караяни съ княгиней Хованской ¹⁾. Въ этомъ рѣшеніи Кассационный Департаментъ разъяснилъ, что: 1) вопросъ о томъ, передаточная ли данная надпись или препоручительная, какъ относящійся къ фактической сторонѣ дѣла, не подлежитъ повѣркѣ въ кассационномъ порядкѣ; 2) юридическое значеніе препорученія заключается „въ установленіи между препоручителемъ и уполномоченнымъ на взысканіе отношенія довѣренности, и потому получающій вексель по препоручительной надписи не можетъ приобрѣсти никакихъ самостоятельныхъ правъ по векселю, а лишь тѣ права, которыя принадлежатъ лицу, уполномочившему его на взысканіе и продолжающему попрежнему оставаться собственникомъ векселя. Вслѣдствіе этого должникъ, при требованіи съ него платежа лицомъ, получившимъ вексель по препоручительной надписи, въ правѣ защищаться расчетами, бывшими у него съ настоящимъ собственникомъ векселя, т. е. съ лицомъ, передавшимъ вексель по препоручительной надписи, и погасить долгъ выданными послѣднимъ росписками“. Сущность любопытнаго дѣла, вызвавшего приведенное разъясненіе Сената, заключается въ слѣдующемъ:

Княгиня Хованская выдала срочный вексель Аннѣ Тихоцкой на 6000 рублей. Тихоцкая этотъ вексель передала Елизаветѣ Караяни по такой надписи: „1875 г. января 26 дня. По этому векселю заплатите вдовѣ генераль-маіора Елизаветѣ Караяни, отъ которой деньги сполна получила. Анна Тихоцкая“. Караяни вексель протестовала и предъявила ко взысканію. На судѣ Хованская, оспаривая искъ, указала на обстоятельства, при которыхъ ею выданъ вексель Тихоцкой. Хованская купила у послѣдней имѣніе и, при предварительныхъ счетахъ по этой покупкѣ, выдала продавщицѣ нѣсколько векселей; затѣмъ, когда дѣло о по-

1) Рѣшеніе Гражданскаго Кассационнаго Департамента 1879 г. № 175.

купкѣ имѣнія было окончено, то 19 января 1875 г. былъ произведенъ окончательный расчетъ Тихоцкой, которая выдала домашнюю росписку въ томъ, что всѣ бывшія между нею и Хованскою обязательства должны съ момента расчета считаться оплаченными. Означенныя обстоятельства подтверждались какъ показаніями свидѣтелей, такъ и совпадениемъ датъ предполагавшагося окончательнаго расчета и срока векселя,—и Харьковская судебная палата рѣшеніемъ своимъ, признаннымъ правильнымъ и Сенатомъ, найдя упомянутую надпись препоручительною, въ искѣ Караяни отозвала.

Миловидовъ ¹⁾ съ полною опредѣленностью высказывается по данному вопросу въ томъ смыслѣ, что препорученіе есть простой договоръ, извѣстный въ системѣ общаго гражданскаго права подъ именемъ *mandatum*; индоссать здѣсь является только повѣреннымъ индоссанта и, слѣдовательно, долженъ отвѣчать на всѣ возраженія *ex persona indossantis*. Что таковъ взглядъ и нашего законодательства, рѣшительное подтвержденіе тому Миловидовъ находитъ въ рѣшеніи Общаго Собранія Сената по дѣлу Маслова съ Иваницкимъ. Дѣло это, разрѣшенное С.-Петербургскимъ коммерческимъ судомъ и изъ 4 Департамента восходившее по всеподданнѣйшей жалобѣ въ Общее Собраніе первыхъ трехъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи Сената, представляется чрезвычайно любопытнымъ и типичнымъ, и мы рѣшаемся коротко привести его сущность.

Масловъ выдалъ Зефировой три срочныхъ векселя; два на 20 тысячъ рублей каждый и одинъ на 5 тысячъ рублей на опредѣленный срокъ; съ своей стороны Зефирова выдала росписку Маслову въ томъ, что по означеннымъ векселямъ она обязывается не взыскивать раньше истечения мѣсяца со дня полученія Масловымъ правительственной концессіи на постройку желѣзной дороги отъ Ландварова до Севастополя. Наступилъ срокъ векселямъ, Зефирова ихъ протестовала и затѣмъ передала ихъ Иваницкому по такой надписи на каж-

¹⁾ Миловидовъ—„Вексельное Право“, § 19.

домъ изъ документовъ: „право взысканія и полученія по векселю денегъ передано въ полную собственность Иваницкому“. Всѣ инстанціи, начиная съ коммерческаго суда и кончая Общимъ Собраніемъ Сената, нашли: 1) что приведенная надпись есть препоручительная, несмотря на сдѣланное Зефировою суду заявленіе о томъ, что она приведенною надписью намѣрена была передать векселя Иваницкому въ полную собственность; 2) что поэтому Масловъ можетъ защищаться противъ Иваницкаго всѣми тѣми возраженіями, которыя имѣютъ силу въ отношеніи Зефировой, и 3) что Масловъ не долженъ платить по векселямъ, обязанность платежа по которымъ, въ виду упомянутой росписки Зефировой, обусловлена извѣстнымъ фактомъ, не нашедшимъ осуществленія, именно выдачей Маслову желѣзнодорожной концессіи, которой онъ не получилъ ¹⁾.

Отмѣтимъ, однако, взглядъ совершенно противоположнаго свойства, высказанный въ научной литературѣ.

Д-г Borchardt очень широко смотритъ на исковую самостоятельность индоссата по препорученію. „Der Indossat-Mandatar,—читаемъ у него,—wird selbstständiger Kläger und wird im eigenen Namen zur Sache legitimirt“. И далѣе: „Das Indossament zur Eincassirung legitimirt zur Wechselklage und berechtigt zur Ausschliessung der vom verklagten Wechselschuldner beantragten Adcitation des Indossanten (Incasso-Mandanten)“ ²⁾.

Повидимому, встрѣчающіяся въ практикѣ затрудненія, по вопросу о характерѣ индоссамента и о правахъ индоссата по препорученію возникаютъ вслѣдствіе отсутствія въ законѣ строго установленной формулы для препоручительной надписи. Юридически индивидуализировать препоручительную надпись возможно лишь путемъ присвоенія ей опредѣленной спеціальной формы, изъ которой ясно было бы видно, съ какими кваліфикатами является передъ нами индоссатъ: мандатарія, повѣреннаго, исполняющаго чужое порученіе,

¹⁾ Практика С.-Петербургскаго коммерческаго суда за 1875 г. стр. 21.

²⁾ Borchardt—Allgemeine Deutsche Wechselordnung mit Commentar, SS. 131—132.

или собственника, дѣйствующаго *prorio jure* и *prorio nomine*, не отвѣчающаго ни за какія дѣйствія выше его стоящихъ участниковъ вексельнаго обязательства. Надо однако сознаться, что фактически ввести въ обиходъ вексельной практики желательную специальную формулу для поручительнаго индоссаментна—дѣло далеко нелегкое. Стоитъ только принять во вниманіе, что чисто внѣшнія, совершенно случайныя причины, какъ недостатокъ мѣста на вексель, предпочтеніе кратчайшихъ формулъ, привычка къ формуламъ, прежде употреблявшимся очень часто, побуждаютъ надписателей - поручителей (обыкновенно людей торговаго міра) дѣлать даже бланковые индоссаменты и въ такихъ случаяхъ, когда они имѣли намѣреніе передать вексель только для *incasso*.—Вотъ почему на практикѣ вопросъ о томъ, является ли данная надпись поручительной или передаточной,—можетъ быть разрѣшенъ лишь путемъ отдѣльнаго изслѣдованія всѣхъ фактическихъ условій передачи векселя. По мнѣнію Thöl'я, для поручительной надписи необходимо имѣть специальную формулу, которая давала бы возможность отличать прокура-индоссаментъ отъ собственно-индоссаментна. При настоящемъ же положеніи вексельной практики во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ (а они встрѣчаются нерѣдко), когда трудно различить истинный характеръ даннаго индоссаментна, самое правильное—подвергать его тщательному изслѣдованію. „Das richtigere ist gar nichts zu präsumiren. Das Indossament in seiner einfachen Form ist ein eigentliches Indossament“,—всякія же другія формулы должны быть толкуемы по буквальному смыслу ихъ, или на основаніи всѣхъ имѣющихся другихъ данныхъ ¹⁾.

Иностранныя законодательства однако указываютъ особыя выраженія для опредѣленія характера передачи векселя, какъ то: *in procura*, *zur Eincassirung*, *per mandato*, *pour encaissement*, *for the account*, *for collection*. Этимъ путемъ свидѣтельствуется намѣреніе передать вексель для полученія платежа или для взысканія его; но и этимъ еще не предупреждаютъ

¹⁾ Thöl, о. с. *ibidem*.

ся многочисленныя недоразумѣнія. Отсутствие же въ нашемъ законодательствѣ строго опредѣленной формулы для препоручительной надписи и вызываетъ множество неудобствъ на практикѣ.

Въ проектахъ новаго русскаго вексельнаго устава институтъ препорученія обрисовывается вполне ясными чертами: указана не только форма препоручительной надписи, но также и сущность ея. Ст. 35-я одного изъ проектовъ гласить: Векселедержатель имѣетъ право дать другому лицу вексельное препорученіе. Въ ст. 36-й того же проекта читаемъ: Вексельное препорученіе означается въ препоручительной надписи. Надпись сія должна быть сдѣлана на оборотѣ векселя, на копіи онаго или на алонжѣ и должна содержать въ себѣ: 1) имя или фирму того, кому препорученіе дается; 2) указаніе на полномочіе словами „вѣрю получить“, „для полученія денегъ“, „какъ повѣренному“ или инымъ образомъ; 3) подпись препоручителя ¹⁾. Конечно, этими правилами ин-

¹⁾ Въ проектѣ вексельнаго устава, представленномъ въ свое время въ Государственный Совѣтъ Министрами Юстиціи, стать секретаремъ Набоковымъ и Финансовъ, Н. Х. Бунге, институту препорученія посвящена глава VI: „Объ уполномочіи по препоручительной надписи“, состоящая изъ трехъ статей (32—34).

Ст. 32-ая. Препоручительная надпись должна быть сдѣлана на оборотѣ векселя, или вексельной копіи и должна содержать въ себѣ: 1) фамилію или фирму того, кому препорученіе дается; 2) указаніе на препорученіе словами „вѣрю получить“, „для полученія денегъ“, „какъ повѣренному“ или инымъ равнозначащимъ выраженіемъ; 3) подпись векселедержателя, дающаго препорученіе.

Ст. 33-ья. Уполномоченный по препоручительной надписи признается имѣющимъ право на предъявленіе векселя къ платежу, на совершеніе протеста въ неплатежъ, на полученіе причитающихся по векселю денегъ и на совершеніе всѣхъ необходимыхъ для взисканія ихъ дѣйствій, не исключая и тѣхъ, для которыхъ по закону требуется особая довѣренность. Онъ имѣетъ также право на полученіе вексельнаго образца или подлинника векселя, на учиненіе протеста въ неполученіи таковыхъ и на ходатайство о воспрещеніи платежа по утраченному векселю.

Уполномоченный по такой надписи можетъ, буде сіе въ надписи не в'о с'п'р'ещ'ено, передать вексель другому лицу съ препоручительной на его имя надписью.

Въ объяснительной запискѣ къ цитируемому проекту вексельнаго устава находимъ такіа замѣчанія по поводу сейчасъ приведенныхъ статей:

„(Ст. 32). Препоручительная надпись, по формѣ ея, сходна съ именною передаточною надписью и различается отъ сей послѣдней лишь въ томъ, что вмѣсто

ституту порученія какъ бы сообщается полное право гражданства въ нашемъ законодательствѣ; но на практикѣ несомнѣнно у насъ, какъ и вездѣ въ иностранной практикѣ, и послѣ принятія проекта будутъ возникать различные контрверсы при опредѣленіи характера индоссамента въ опредѣленныхъ конкретныхъ случаяхъ, — все разнообразіе которыхъ не можетъ предусмотрѣть ни одно законодательство. Требования составителями проекта означенія въ поручительной надписи имени инкассанта или воспрещенія бланкового порученія, допускаемаго иностранными законодательствами,

указанія на передачу векселя, поручительная надпись должна содержать въ себѣ указаніе на уполномочіе.

„Въ иностранныхъ законодательствахъ допускается и бланковая поручительная надпись, т. е. такая, въ которой не означено фамиліи или фирмы уполномоченнаго, но проектъ не признаетъ необходимымъ допускать такого рода поручительную надпись, которая не существуетъ и въ дѣйствующемъ уставѣ (ст. 557 и 561).

„(Ст. 33). Въ развитіе дѣйствующаго устава (ст. 557) проектъ, по примѣру иностранныхъ законодательствъ (Герм. ст. 17; Венгер. ст. 15; Швейц. ст. 755; Скандинав. ст. 16), въ точности опредѣляетъ объемъ уполномочія, предоставляемаго поручительною надписью.

„При этомъ, признано необходимымъ указать въ особенности на то, что уполномоченный по поручительной надписи въ правѣ совершать и тѣ дѣйствія, для которыхъ по закону требуется особая довѣренность (ст. 250 Устава гражданскаго судопроизводства) (см. объяснит. записку къ проекту устава о векселяхъ, стр. 93—94). Въ проектѣ „Устава Вексельнаго“, составленномъ членомъ совѣта Министра Финансовъ П. П. Цитовичемъ (Уставъ Вексельный, проектъ Министерства Финансовъ, стр. 6), поручительной надписи посвящено отдѣленіе третьей главы четвертой (ст. 51—55). Редакція важнѣйшихъ статей, трактующихъ о передаточной надписи неполной, такая: „51. Именная передаточная надпись, съ оговоркой передъ подписью надписателя, въ смыслѣ порученія, уполномочія, есть надпись неполная, поручительная.

„52. По неполной надписи уполномоченный имѣетъ право: а) получить платежъ и совершить всѣ дѣйствія, какія необходимы для полученія платежа, б) предъявлять иски по довѣренному ему векселю, отвѣчать по такимъ и вообще дѣйствовать во всѣхъ судебныхъ и другихъ учрежденіяхъ безъ особой довѣренности и въ частности принимать мѣры въ случаѣ утраты векселя, в) передать вексель другому по неполной надписи отъ себя или по надписи полной отъ имени поручителя, если право на ту или другую передачу ему предоставлено особою оговоркою за подписью поручителя.

„55. Значеніе передаточной надписи одинаково до протеста и послѣ протеста. Смерть надписателя неполной надписи не имѣетъ вліянія на выраженное въ надписи уполномочіе“.

стоит, очевидно, въ связи съ дѣйствующими у насъ законами о договорѣ довѣренности, бланковая форма которой совершенно неизвѣстна нашему юридическому быту. Что касается существа правъ инкассанта, то они опредѣляются самою цѣлью препорученія: собственникъ векселя передаетъ его другому лицу для получения валюты. Съ этой задачей, само собою разумѣется, связаны неразрывно такія права, какъ предъявленіе векселя къ платежу, учиненіе протеста въ неплатежъ и взысканіе слѣдующихъ по векселю денегъ судебнымъ порядкомъ, разъ только этимъ путемъ онѣ могутъ быть получены. Но гораздо важнѣе вопросъ о правоспособности индоссата по препорученію къ передачѣ векселя другому лицу. Цитовичъ, считая такого индоссата коммисіонеромъ, дѣйствующимъ совершенно самостоятельно по отношенію къ третьимъ лицамъ, категорически утверждаетъ, что отъ него можно приобрѣсть вексель по индоссаменту (именному или бланковому). Миловидовъ, смотрящій на препорученіе, какъ на простой договоръ *mandatum*, обыкновенное порученіе, даваемое повѣренному, тѣмъ не менѣе находитъ, что индоссать, какъ повѣренный, въ правѣ передать исполненіе даннаго ему порученія другому лицу, но что это отношеніе опредѣляется началами общегражданскаго права. При этомъ Миловидовъ указываетъ на нѣмецкій уставъ, который находитъ нужнымъ въ art. 17 упомянуть объ этомъ правѣ индоссата по препорученію, между тѣмъ какъ другія иностранныя законодательства о правѣ инкассанта къ дальнѣйшей передачѣ векселя, какъ о само собою подразумѣвающейся, вовсе умалчиваютъ. Повидимому, по тѣмъ же соображеніямъ и Шершеневичъ полагаетъ, что индоссать, которому поручено получить или взыскать деньги, можетъ осуществить свою задачу и посредствомъ передачи векселя другому лицу. „Довѣренный долженъ быть признанъ способнымъ передать вексель по индоссаменту, такъ какъ послѣдній представляетъ собою новую выдачу векселя, а выдача векселя можетъ входить въ кругъ юридическихъ дѣйствій, очерченный даннымъ повѣренному полномочіемъ“¹⁾.

¹⁾ Шершеневичъ, о. с. *ibidem*.

Такимъ образомъ, передача порученнаго векселя индоссатомъ другому лицу какъ поручительная, такъ и полная, признается возможною всѣми приведенными изслѣдователями; только Цитовичъ соединяетъ это положеніе съ юридическою самостоятельностью векселедержателя по порученію въ отношеніи третьихъ лицъ, а Миловидовъ и Шершеневичъ—съ правомъ повѣреннаго передовѣрять свое полномочіе. Намъ кажется, что объяснять право инкассанта на дальнѣйшую передачу порученнаго ему векселя легче и проще изъ началъ общегражданскаго права и именно изъ порученія, изъ довѣренности, и это гораздо рациональнѣе, чѣмъ прибѣгать къ искусственнымъ построеніямъ и презумпціямъ, которыя безъ натяжки не могутъ быть выведены изъ прямыхъ указаній закона. Полномочій же повѣреннаго, вообще, совершенно достаточно, какъ для передовѣрія своего порученія другому лицу, такъ и для выдачи новаго векселя. Аргументація Миловидова и Шершеневича въ общемъ имѣетъ за себя и то соображеніе, что право инкассанта передавать вексель другимъ лицамъ *по порученію* не сопряжено ни съ какими невыгодными послѣдствіями, какъ для первоначальнаго поручителя, такъ и для дальнѣйшихъ инкассантовъ. Такимъ образомъ, правило, разрѣшающее индоссату по порученію дальнѣйшую передачу векселя другому лицу по порученію же, являлось бы совершенно излишнимъ и бесполезнымъ бременемъ въ вексельномъ законодательствѣ. Но весь вопросъ здѣсь заключается въ другомъ—въ правоспособности инкассанта къ полной передачѣ порученнаго ему векселя, къ передачѣ его въ собственность. И замѣчательно—приводя art. 17 Allgemeine Deutsche Wechselordnung, ни Шершеневичъ, ни Миловидовъ, ни Цитовичъ не обращаютъ достаточно вниманія на то, что та часть цитируемаго ими закона, которая относится до права инкассо-индоссата передавать вексель другимъ лицамъ, имѣетъ главнымъ образомъ въ виду не разрѣшеніе поручительной передачи, а запрещеніе передачи по собственно-индоссаменту. „Ein solcher Indossatar,—такова редакція занимающей насъ части нѣмецкаго закона,—ist auch berechtigt diese Befugniß durch ein wei-

teres Indossament einem anderen zu übertragen. Dagegen ist derselbe zur weiteren Begebung durch eigentliches Indossament selbst dann nicht befugt, wenn dem Procura-Indossamente der Zusatz „oder Order“ hinzugefügt ist“. Держатель векселя по препорученію— не собственникъ векселя и не можетъ, поэтому, передавать его въ собственность другимъ лицамъ, а въ качествѣ повѣреннаго инкассанта уполномоченъ только на получение или взысканіе по векселю валюты, а не на отчужденіе его и во всякомъ случаѣ не на выдачу, путемъ отчужденія по передаточной надписи, новаго обязательства на своего довѣрителя. Именно это германскій законъ и запрещаетъ *verbis definitis*¹⁾. У насъ ни дѣйствующій законъ, ни судебная практика не даютъ никакого прямого отвѣта на вопросъ о правоспособности инкассанта къ передачѣ векселя по собственнo-индоссаменту. Объясняется это, повидимому, тѣмъ, что институтъ

¹⁾ Аналогичную цитированному art. 17 статью находимъ въ англійскомъ Bills of exchange Act, а именно:

„35(1) An indorsement is restrictive which prohibits the further negotiation of the bill or which expresses that it is a mere authority to deal with the bill as thereby directed and not a transfer of the ownership as, for example, if a bill be indorsed „Pay D. only“ or „Pay D. for the account of X“ or „Pay D. or order for collection“.

„35(2) A restrictive indorsement gives the indorsee the right to receive payment of the bill and to sue any party thereto that his indorser could have sued, but giving him no power to transfer his rights as indorsee, unless it expressly authorise him to do so“. Такимъ образомъ, англійское законодательство допускаетъ препоручительную надпись исключительно какъ порученіе получить по векселю платежъ безъ права какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ передачъ (*further negotiation*), за исключеніемъ, впрочемъ, того случая, когда такое право положительно оговорено въ самой передаточной надписи. Кромѣ получения платежа въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, препоручительною надписью (*restrictive indorsement*) предоставляется индоссату производить взысканіе съ лицъ, отвѣтственныхъ по векселю передъ индоссатомъ. (См. *Chalmers—The bills of exchange Act 1882 with explanatory notes and index. 4 edition. 1892. p. 112*). Въ приведенномъ нами выше проектѣ русскаго вексельнаго устава объемъ полномочій, предоставляемыхъ индоссату препоручительною надписью, очерченъ вполне опредѣленно: инкассантъ, какъ мы видѣли, признается уполномоченнымъ какъ на виѣсудебное, такъ и на судебное требованіе удовлетворенія по векселю и на всѣ съ этимъ требованіемъ связанныя дѣйствія; кромѣ того инкассо-индоссатъ можетъ, „*буде сіе не воспрещено въ препоручительной надписи, передоверить препорученіе другому лицу посредствомъ учиненія новой препоручительной надписи*“.

препорученія, вскользь лишь затронутый нашим законодательствомъ и сравнительно мало извѣстный въ нашемъ юридическомъ обиходѣ, не нашелъ себѣ обстоятельной и всесторонней интерпретаціи въ судебной практикѣ.

Всѣ вышеизложенныя соображенія сводятся къ слѣдующимъ четыремъ положеніямъ:

1) Въ практикѣ вексельнаго оборота собственно-индоссаментъ и индоссаментъ препоручительный рѣдко различаются.

2) Индоссать по препоручительной надписи юридически предполагается повѣреннымъ (*mandatarius*) съ одною особенностью—правомъ иска отъ собственного имени.

3) Юридическая индивидуализація препоручительнаго индоссаментъ можетъ быть достигнута присвоеніемъ ему спеціальной формы.

4) Индоссать по препорученію, по существу своего полномочія, правоспособенъ къ передачѣ векселя лишь по инкассо-индоссаменту; но въ нашемъ законодательствѣ и практикѣ вопросъ этотъ остается открытымъ.

ПЬЯНСТВО И ПРЕСТУПНОСТЬ ВЪ ШВЕЦИИ.

А. Г. Яковлева.

Во всеподданнѣйшихъ отчетахъ тюремнаго управленія въ Швеціи помѣщаются съ 1887 года свѣдѣнія объ арестантахъ, совершившихъ въ состояніи опьяненія или же въ трезвомъ видѣ, но будучи завѣдомыми пьяницами, преступленія, наказуемыя заключеніемъ въ смирительный домъ или тюрьму.

Къ числу этихъ преступленій принадлежать, прежде всего, всѣ вообще такъ называемыя „болѣе значительныя“, не совершенныя малолѣтними (до 15 лѣтъ) преступленія (*grofve brott, crimes*) противъ улож. о наказ., за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда виновныя въ нихъ лица приговариваются къ лишенію жизни или къ одному только исключенію изъ службы. Что касается номенклатуры означенныхъ преступленій, то приводимъ ее въ порядкѣ, принятомъ шведскимъ уложеніемъ о наказаніяхъ: преступленія религіозныя, преступленія противъ общественныхъ властей (государственныя и противъ порядка управленія), преступленія противъ общественнаго и частнаго спокойствія, подлоги и поддѣлки, жеприсяга, убійства, побои и увѣчья, дѣтоубійство, изгнаніе и скрытіе плода, изнасилованіе и другія преступленія противъ личной свободы, ложный доносъ и оскорбленіе чести, двоебрачіе, преступленія противъ нравственности, поджоги и истребленіе движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, кражи, насильственное похи-

щеніе имущества, мошенничество, злостное банкротство, болѣе важные случаи лѣсныхъ порубокъ и незаконныхъ охоты и рыбной ловли, сопротивленіе при совершеніи сихъ преступныхъ дѣяній и преступленія служебныя. Къ этой категоріи преступленій принадлежатъ также болѣе важные случаи нарушенія закона о свободѣ печати.

Общее число лицъ обоого пола, осужденныхъ за эти преступленія съ 1887 года по 1895 годъ, составило, за исключеніемъ малолѣтнихъ (218 челов.) и приговоренныхъ къ смертной казни (13 челов.),—16.655 челов.¹⁾ Случаевъ исключенія изъ службы, не соединеннаго съ другимъ наказаніемъ, не было.

Далѣе, къ преступленіямъ, относительно которыхъ тюремное управленіе собираетъ указанныя выше свѣдѣнія, принадлежатъ такъ называемыя „менѣ значительныя“, не совершенныя малолѣтними преступленія (*ringare brott, délits*) противъ уложенія о наказаніяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда за таковыя присуждается тюремное заключеніе, не могущее быть замѣненнымъ денежнымъ взысканіемъ (*urbot a fängelse*). Число этихъ случаевъ, сравнительно съ общимъ числомъ преступленій этой категоріи, весьма незначительно. Такъ, изъ общаго числа лицъ обоого пола, осужденныхъ за эти преступленія съ 1887 по 1895 г., было приговорено къ тюремному заключенію, за исключеніемъ малолѣтнихъ, всего 5.046 челов., или около 7%, остальные же лица были подвергнуты денежнымъ взысканіямъ. Приводимъ номенклатуру этого рода преступленій: преступленія религіозныя, противъ общественныхъ властей, противъ общественнаго и частнаго спокойствія, ложное свидѣтельство, убійство по неосторожности, легкіе побои и увѣчья по неосторожности, преступленія противъ личной свободы, ложный доносъ и оскорбленіе чести, преступленія противъ союза брачнаго (супружеская невѣрность) и нравственности, истребленіе имущества и нанесеніе другихъ убытковъ, мелкія кражи на сумму менѣ 15 кронъ (7 р. 80 к.),

¹⁾ Свѣдѣнія объ осужденныхъ взяты изъ отчетовъ Министерства Юстиціи въ Швеціи.

участіе въ незаконномъ присвоеніи имущества, торговля съ подозрительными лицами, присвоеніе или растрата коммунальнаго имущества, мошенничество и обманъ, неосторожное банкротство, порубки, недозволенные охота и рыбная ловля, преступленія служебныя. Къ числу этихъ же преступленій принадлежатъ болѣе легкіе случаи нарушенія закона о свободѣ печати.

Наконецъ, остается еще указать на нарушенія (förbrytelser, contraventions) общихъ законовъ (allmän lag), казенныхъ уставовъ, разнаго рода регламентовъ, постановленій и распоряженій административныхъ, полицейскихъ, общественной пользы и по государственному хозяйству. Но эти нарушенія лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ влекутъ за собою заключеніе въ смирительный домъ или тюрьму. За 1887—1895 г.г. было всего 104 такихъ приговора, что составитъ приблизительно 0,05% общаго ихъ числа. Остальныя лица были подвергнуты за эти нарушенія денежнымъ взысканіямъ. Кромѣ этихъ нарушеній слѣдуетъ еще упомянуть здѣсь о преступленіяхъ противъ военнаго уложенія о наказаніяхъ, за которыя виновныя въ нихъ лица заключаются въ общіе смирительные дома и тюрьмы и, благодаря этому обстоятельству, включаются въ свѣдѣнія тюремнаго управленія. Вовсе не касаются эти свѣдѣнія мелкихъ нарушеній (förseelser, contraventions) уложенія о наказаніяхъ и закона о свободѣ печати, за которыя виновные подвергаются исключительно денежнымъ взысканіямъ. Главный контингентъ этихъ нарушеній составляютъ: пьянство, драки, мелкія тѣлесныя поврежденія, нарушеніе общественной тишины, битье стеколъ, дурное обращеніе съ животными.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, свѣдѣнія шведскаго тюремнаго управленія объ арестантахъ, совершившихъ преступленія въ пьяномъ видѣ или же въ трезвомъ видѣ, но будучи завѣдомыми пьяницами, обнимаютъ проступки, имѣющіе наибольшій интересъ для уголовной статистики.

Въ настоящее время эти свѣдѣнія обнародованы за 9 лѣтъ. По многосторонности собранныхъ въ нихъ статистическихъ данныхъ и тщательности ихъ разработки, свѣдѣнія эти представляютъ весьма цѣнный матеріалъ по вопросу о пьянствѣ,

какъ одной изъ главныхъ причинъ преступности вообще и нѣкоторыхъ ея родовъ въ особенности. Для насъ же эти данныя имѣютъ еще то особое значеніе, что они касаются страны, которая въ отношеніи пьянства находится почти въ одинаковыхъ съ нами условіяхъ. Злоупотребленіе крѣпкими напитками достигло въ Швеціи такихъ размѣровъ, что, помимо энергичной дѣятельности обществъ трезвости, вызвало со стороны правительства особія законодательныя мѣры пресѣченія, проведеніемъ которыхъ озабочено въ настоящее время также и наше правительство. Поэтому ознакомиться поближе съ этими свѣдѣніями, какъ намъ кажется, не безполезно для насъ русскихъ тѣмъ болѣе, что у насъ въ обществѣ до сихъ поръ все еще не вполне ясно представляютъ себѣ всю пагубность этого по истинѣ народнаго бѣдствія и весьма снисходительно относятся къ пьянству, а присяжные засѣдатели въ своихъ приговорахъ по уголовнымъ преступленіямъ нерѣдко считаютъ пьянство смягчающимъ обстоятельствомъ, поощряя тѣмъ самымъ и пьянство и преступленія.

Какъ указано выше, свѣдѣнія объ арестантахъ, совершившихъ преступленія въ пьяномъ видѣ или же въ трезвомъ видѣ, но будучи завѣдомыми пьяницами, обнимаютъ 9-лѣтній періодъ, т. е. 1887—1895 г.г. За это время въ Швеціи поступило въ смирительные дома и тюрьмы въ общей сложности 21.704 лица, въ томъ числѣ 19.227 или 88,6% мужчинъ и 2.477 или 11,4% женщинъ, другими словами—безъ малаго въ 8 разъ болѣе мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Громадный процентъ арестантовъ-мужчинъ, въ сравненіи съ арестантами женскаго пола, усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Швеціи за тотъ же періодъ времени на 1.000 мужчинъ приходилось въ среднемъ 1.064 женщины, а въ городахъ—этихъ главныхъ центрахъ преступности—до 1189 женщинъ. Несомнѣнно, строгая нравственность и трудолюбіе женщины въ Швеціи въ связи съ широкимъ примѣненіемъ на ея родинѣ женскаго труда въ частной и общественной жизни, дающаго женщинѣ матеріальную независимость отъ мужчины, а также извѣстную самостоятельность и стойкость характера, отчасти объясняютъ это ненормальное численное превосходство муж-

чинъ среди арестантовъ. Но главную причину этого прискорбнаго явленія слѣдуетъ искать въ чрезмѣрномъ распространеніи пьянства среди мужчинъ, какъ намъ ясно покажутъ слѣдующія цифровыя данныя. Изъ числа 19.227 мужчинъ, заключенныхъ въ смирительные дома и тюрьмы, совершили преступленіе въ пьяномъ видѣ или въ трезвомъ видѣ, но будучи завѣдомыми пьяницами,—13.677 человекъ, или 1,1%, а изъ числа 2.477 заключенныхъ женщинъ только 276, или 11,1%, всего же тѣхъ и другихъ 13.953 лица, или 64,3% общаго числа арестантовъ. Если, такимъ образомъ, исключить изъ общаго числа арестантовъ тѣхъ лицъ, которыя совершили преступленія въ пьяномъ видѣ или будучи пьяницами, то процентное отношеніе арестантовъ мужскаго и женскаго пола опредѣлится для мужчинъ въ 71,6%, а для женщинъ въ 28,4%, т. е. мужчинъ будетъ всего около 2¹/₂ разъ болѣе, нежели женщинъ. Если же исключить изъ числа арестантовъ еще тѣхъ лицъ, которыя совершили преступленія, присущія почти исключительно тому или другому полу, какъ то: дѣтоубійство, изгнаніе и скрытіе плода, нарушенія военнаго уложенія о наказаніяхъ ¹⁾, то получится для мужчинъ 76,3%, а для женщинъ 23,7%, т. е. по общимъ обоимъ поламъ преступленіямъ мужчинъ будетъ немного болѣе 3 разъ, чѣмъ женщинъ. Эти цифры, какъ намъ кажется, указываютъ съ достаточною ясностью на ту первенствующую роль, которую играетъ въ Швеціи пьянство въ отношеніи преступности среди ея мужскаго населенія; тѣмъ не менѣе, для еще болѣе нагляднаго выясненія этого вопроса, мы приведемъ нѣкоторыя данныя относительно другихъ факторовъ, вліяющихъ на преступность, при чемъ, для сравненія, мы укажемъ также на данныя касательно женщинъ-преступницъ, хотя эти послѣднія цифры во многихъ случаяхъ настолько незначительны, настолько носятъ на себѣ

¹⁾ Арестантовъ по первымъ тремъ преступленіямъ было 526 женщинъ и 12 мужчинъ; по послѣднимъ 611 мужчинъ; въ этомъ числѣ совершившихъ преступленіе въ пьяномъ видѣ или будучи завѣдомыми пьяницами 462 человекъ.

отпечатокъ случайности, что основывать на нихъ какіе-либо выводы слѣдуетъ съ крайней осторожностью.

Главною соперницею пьянства по вліянію на преступность является, какъ извѣстно, нужда. Объ имущественномъ цензѣ арестантовъ у насъ, къ сожалѣнію, свѣдѣній не имѣется, но для освѣщенія этого вопроса будетъ вполне достаточно, если мы приведемъ находящіяся въ нашемъ распоряженіи данныя о лицахъ, осужденныхъ въ теченіе 1887—1895 г. г. за такъ называемыя „болѣе значительныя“ преступления (*gröfre brott, crimes*) противъ улож. о наказ. Эти лица составляли болѣе 76% общаго числа приговоренныхъ въ теченіе того же срока къ заключенію въ смирительный домъ или тюрьму (за исключеніемъ осужденныхъ на основаніи военн. улож. о наказ.). По этимъ даннымъ изъ числа осужденныхъ за названныя преступления мужчинъ (14.637 чел. ¹⁾) было лицъ обезпеченныхъ 22,5% (3.294 чел.), имѣвшихъ самое необходимое для своего существованія 47,6% (6.972 чел.) и лишенныхъ самаго необходимаго 25,9% (3.791 чел.) (о 580 лицахъ, или 4% свѣдѣній не имѣется). Какъ видно изъ этихъ цифръ, лишь относительно 25,9% осужденныхъ мы можемъ съ нѣкоторою увѣренностью высказать предположеніе, что главною, непосредственною причиною ихъ преступности явилась крайняя нужда. Нѣтъ сомнѣній, что лица, имѣвшія лишь самое необходимое для своего существованія, представляли также весьма благодарную почву для преступности, но только почву. Для того, чтобы впасть въ преступленіе, у такихъ лицъ необходима, кромѣ стѣсненнаго матеріальнаго положенія, наличность еще другихъ причинъ, къ числу которыхъ безспорно должно быть причислено, между прочимъ, также и пьянство. Затѣмъ да будетъ намъ позволено повторить здѣсь то старое общее мѣсто, что бѣдность въ большинствѣ случаевъ есть послѣдствіе того же пьянства.

¹⁾ Изъ этого числа не могли быть выдѣлены малолѣтніе преступники (218 чел.) и приговоренные къ смертной казни (13 чел.), такъ какъ въ свѣдѣніяхъ объ имущественномъ цензѣ они отдѣльно не показаны.

Оно вполне примѣнимо къ Швеціи, гдѣ вообще еще не знаютъ тѣхъ жгучихъ соціально-экономическихъ вопросовъ, которые составляютъ злобу дня въ остальной Западной Европѣ. Что же касается специально экономическихъ условій, господствовавшихъ въ Швеціи за разсматриваемый нами періодъ времени, то слѣдующія статистическія данныя представляютъ ихъ намъ въ весьма благоприятномъ видѣ ¹⁾. Такъ, приростъ національнаго капитала за 1886—1893 г. г. составилъ въ общемъ, по приблизительнымъ расчетамъ, 800 милл. кронъ ²⁾, затраченныхъ главнымъ образомъ: на возведеніе новыхъ зданій, подлежащихъ особой оцѣнкѣ въ городахъ и уѣздахъ, на желѣзныя дороги и другіе пути сообщенія, на сооруженіе портовъ, на торговый флотъ, на учрежденіе новыхъ заводовъ и фабрикъ, на покупку новыхъ машинъ и орудій для существующихъ фабрикъ и ремесленныхъ заведеній, на благоустройство въ городахъ, на расширеніе, осушеніе и улучшеніе полей, на увеличеніе скота и мертвого инвентаря, на сельско-хозяйственные постройки. За то же время приблизительная стоимость доходовъ съ капитала, личного труда, торговли и промысловъ увеличилась съ 348,8 милл. кронъ до 431,1 милл., а вклады въ сберегательныя кассы съ 226 милл. кронъ до 343 милл. Задолженность же Швеціи за-границей уменьшилась въ это время на 24 милл. кронъ. Что касается особо фабрикъ и мануфактуръ, то число ихъ возросло съ 2.976 въ 1885 году до 4.471 въ 1892 году, а число рабочихъ на нихъ съ 72.980 челов. до 114.852 челов. при одновременномъ увеличеніи числа лошадиныхъ силъ съ 41.349 до 104.109. Стоимость же производства увеличилась съ 191,5 милл. кронъ до 331,6 милл. О быстромъ развитіи добывающей промышленности свидѣлствуетъ добыча желѣзной руды, коей до-

¹⁾ Свѣдѣнія почерпнуты изъ сочиненія I. H. Palmé—„De hårda tiderna“ („Тяжелыя времена“), изданнаго въ Стокгольмѣ въ 1895 году и основаннаго на официальныхъ статистическихъ данныхъ.

²⁾ Одна крона = 52 коп.

быто въ 1893 году 1.481,487 тоннъ противъ 871.172 тоннъ въ 1885 году. Торговый флотъ увеличился за это время на 27%, вывозъ товаровъ за-границу на 50,4% (съ 246 милл. кронъ до 370 милл.), а ввозъ лишь на 6,8% (съ 340 милл. кронъ до 363 милл.). Народонаселеніе же увеличилось за 1885—1893 г. г. всего приблизительно на 3% (съ 4.682,769 чел. до 4.824,150 чел.). Такой незначительный приростъ народонаселенія произошелъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе громадной эмиграціи въ Америку, вызванной чрезвычайно благоприятными конъюнктурами въ Соединенныхъ штатахъ, при чемъ, какъ видно изъ данныхъ за 1881—1892 г. г., въ этой эмиграціи участвовали преимущественно лица въ возрастѣ отъ 15 до 35 лѣтъ. Такъ, въ общемъ числѣ лицъ, эмигрировавшихъ въ эти года (464.681 чел.), они составляли 70%. Наибольшаго развитія эмиграція достигла въ 1890—1893 г. г., когда изъ Швеціи выѣзжало приблизительно по 36,000 человѣкъ въ годъ. Правда, въ 1894 году число эмигрантовъ сразу упало до 15,000 человѣкъ вслѣдствіе наступившаго въ Америкѣ экономическаго кризиса. Во избѣжаніе недоразумѣній, считаемъ долгомъ оговорить, что на эмиграцію въ Америку не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на признакъ ухудшенія въ экономическихъ условіяхъ въ самой Швеціи. Вслѣдствіе скорости и дешевизны проѣзда изъ Швеціи въ Америку эта эмиграція должна быть разсматриваема какъ выгодный отхожій промыселъ, какъ спекуляція.

Въ заключеніе приводимъ еще одно обстоятельство, свидѣтельствующее о растущемъ народномъ благосостояніи въ Швеціи. По исчисленіямъ за 1881—1890 г. г., средняя жизнь человѣка въ Швеціи, несмотря на эмиграцію такого большаго количества людей въ возрастѣ отъ 15 до 35 лѣтъ, какъ указано выше, увеличилась въ теченіе этого времени съ 46, 95 лѣтъ до 50, 02.

Какъ мы видимъ изъ вышеизложеннаго, экономическія условія въ Швеціи, по крайней мѣрѣ за большую часть разсматриваемаго нами періода времени, были весьма благо-

приятны въ смыслѣ облегченія борьбы за существованіе, а, слѣдовательно, не мало уменьшали значеніе нужды, какъ фактора преступности. Кстатѣ, укажемъ здѣсь на весьма знаменательное совпаденіе процента арестантовъ мужскаго пола, совершившихъ преступленіе въ пьяномъ видѣ или будучи пьяницами (71,1%), съ процентомъ осужденныхъ мужчинъ, принадлежавшихъ къ разряду малообезпеченныхъ или немущихъ (73,5%).

Возвращаясь къ даннымъ объ имущественномъ цензѣ лицъ, осужденныхъ за болѣе значительныя преступленія, приводимъ, для сравненія съ данными о мужчинахъ, соответственныя цифры, касающіяся осужденныхъ женщинъ. Изъ общаго числа женщинъ, осужденныхъ въ 1887—1895 г. г. за болѣе значительныя преступленія (2.249 лицъ ¹⁾), было матеріально обезпеченныхъ 18,3% (411 женщинъ), имѣвшихъ самое необходимое для своего существованія 46,6% (1.048 женщинъ) и лишенныхъ самаго необходимаго 30,2% (679 женщинъ) (о 111 женщинахъ, или 4,9% свѣдѣній не имѣется).

Изъ этихъ данныхъ видно, что нужда, какъ вѣроятная причина преступленія, выступаетъ сильнѣе впередъ у женщинъ, нежели у мужчинъ.

Въ тѣсной связи съ только-что разсмотрѣннымъ факторомъ преступности находится другой, не менѣе значительный, а именно семейное положеніе преступниковъ, которое въ отношеніи нужды играетъ двоякую роль. Оно то усиливаетъ, то ослабляетъ дѣйствіе нужды, смотря по тому, обременено ли семействомъ или нѣтъ данное лицо. Наличие семьи несомнѣнно упорядочиваетъ жизнь человѣка, поддерживаетъ его въ борьбѣ съ соблазномъ, но съ другой стороны является, въ соединеніи съ нуждой, непреодолимою силою, влекущею къ преступленію даже тамъ, гдѣ-бы, можетъ быть, устоялъ одинокій человѣкъ. Разсматривая съ этой точки зрѣ-

¹⁾ См. примѣчаніе на стр. 114.

нїя данныя о семейномъ положенїи арестантовъ, нельзя не прїйти къ тому заключенію, что если у насъ явилось раньше сомнѣніе относительно нужды, какъ главной причины преступности, то оно еще болѣе укрѣпляется этими данными. Мы видимъ, напримѣръ, что среди арестантовъ мужскаго пола, заключенныхъ въ смирительные дома и тюрьмы въ теченіе 1887—1895 г. г., люди бездѣтные составляли 79, 8% (15.353 чел. изъ 19.227). У арестантовъ женскаго пола этотъ процентъ былъ нѣсколько меньше—78,6 (1.947 лицъ изъ 2.477). Такимъ образомъ отступаетъ на задній планъ одна изъ тѣхъ причинъ, которая могла оплодотворить, помимо пьянства, ту воспрїимчивую для преступности почву, которую образовывали 47, 6% осужденныхъ мужчинъ, имѣвшихъ лишь самое необходимое для своего существованія.

Намъ остается теперь лишь еще провѣрить, насколько могли способствовать вліянію нужды на преступность возрастъ, родъ занятія и образовательный цензъ арестантовъ.

Что касается возраста арестантовъ, то у насъ имѣются подробныя свѣдѣнія относительно лицъ, заключенныхъ въ смирительные дома (12.747 мужчинъ и 2.037 женщинъ), т. е. относительно 66,3% общаго числа арестантовъ мужскаго пола и 82,2% арестантовъ женскаго пола. Согласно этимъ даннымъ 63,4% мужчинъ (8.079 чел.) совершили преступленіе въ возрастѣ отъ 15 до 30 лѣтъ, въ томъ числѣ 21, 3% лицъ моложе 20 лѣтъ (2.718 чел.), 24,2% — въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ (3.076 чел.) и 17,9% въ возрастѣ отъ 25 до 30 лѣтъ (2.285 чел.). На долю лицъ въ возрастѣ отъ 30 до 35 лѣтъ приходилось 11,9% или 1.512 человекъ. Какъ мы видимъ, большинство преступленій наибольшей важности совершено арестантами въ лучшіе годы жизни, когда человекъ духомъ и тѣломъ бодрѣе и свѣжѣе, когда нужда и разныя превратности судьбы переносятся легче, когда борьба за существованіе не успѣла еще обостриться, но, правда, когда, съ другой стороны, соблазнъ, легкомысліе и склонность къ разнаго рода излишествамъ имѣютъ наибольшую власть надъ человекомъ. Эти цифры, какъ онѣ

есть, уже вполне подтверждают то, что нами было раньше сказано относительно нужды, какъ фактора преступности, но въ дѣйствительности онѣ имѣютъ еще гораздо большее значеніе, если припомнить данныя, приведенныя выше о возрастѣ эмигрировавшихъ въ Америку лицъ. Что касается арестантовъ женскаго пола, то изъ числа ихъ 58,6% (1.193 лица) находилось въ возрастѣ отъ 15 до 30 лѣтъ, въ томъ числѣ моложе 20 лѣтъ 15,5% (316 лицъ), въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ 22,2% (452 лица) и въ возрастѣ отъ 25 до 30 лѣтъ 20,9% (425 лицъ). На долю женщинъ въ возрастѣ отъ 30 до 35 лѣтъ приходилось 12,3%, или 261 лицо.

Обращаясь, затѣмъ, къ даннымъ о родѣ занятій преступниковъ, мы видимъ, что изъ общаго числа арестантовъ мужскаго пола, заключенныхъ въ теченіе 1892—1895 г. г. въ смирительные дома и тюрьмы, лишь 28,2% (2.588 чел. изъ 9.176) принадлежала къ разряду лицъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго занятія или мѣста служенія. Среди арестантовъ женскаго пола эти лица составляли 56,2% (676 лицъ изъ 1.202). За полное 9-тилѣтіе мы, къ сожалѣнію, не имѣли возможности привести этихъ данныхъ, такъ какъ хотя и имѣются свѣдѣнія о родѣ занятій арестантовъ за весь періодъ, но за первые 5 лѣтъ въ нихъ нѣтъ достаточныхъ указаній на лицъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго занятія или мѣста служенія. Но и приведенныхъ цифръ вполне достаточно для выясненія вопроса, ибо на нормальность ихъ, по крайней мѣрѣ, насколько онѣ касаются мужчинъ, указываетъ близкое совпаденіе процента заключенныхъ въ 1892—1895 г. г. лицъ безъ опредѣленнаго занятія или мѣста служенія (28,2%) съ процентомъ осужденныхъ въ теченіе всего рассматриваемаго періода, принадлежавшихъ къ разряду лишенныхъ самаго необходимаго для своего существованія (25,9%). Что же касается значительной разницы между процентомъ заключенныхъ женщинъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго занятія или мѣста служенія (56,2%), и процентомъ осужденныхъ женщинъ, лишенныхъ самаго необходимаго для своего существованія (30,2%), то она объясняется отчасти тѣмъ, что въ

число женщинъ безъ опредѣленнаго занятія или мѣста служенія вошли женщины, промышляющія проституціею, для которой нѣтъ отдѣльной графы при перечисленіи родовъ занятій. Кромѣ того, надо еще принять во вниманіе, что многіе изъ осужденныхъ мужчинъ (4%) и женщинъ (4,9%), объ имущественномъ положеніи которыхъ свѣдѣній не имѣется, очевидно, принадлежали къ разряду неимущихъ.

Согласно даннымъ объ образовательномъ цензѣ лицъ, осужденныхъ въ теченіе 1887—1895 годовъ за болѣе значительныя преступленія, 2,1% мужчинъ (300 челов.) и 0,7% женщинъ (160 лицъ) получили болѣе или менѣе хорошее образованіе, 81,1% мужчинъ (11.878 челов.) и 76,6% женщинъ (1.579 лицъ) умѣли читать и писать, 12,8% мужчинъ (1.877 челов.) и 19,7% женщинъ (443 лица) умѣли только читать и, наконецъ, 0,9% мужчинъ (127 челов.) и 1,4% женщинъ (32 лица) были совершенно неграмотны (о 3,1% мужчинъ (455 челов.) и 1,6% женщинъ (35 лицъ) свѣдѣній не имѣется). Раздѣляя, далѣе, осужденныхъ на группы по ихъ познаніямъ въ Законѣ Божіемъ, на которыя въ Швеціи обращается особое вниманіе, мы получаемъ слѣдующія цифры: лицъ съ хорошими познаніями 9,9% мужчинъ (1.449 челов.) и 12,1% женщинъ (272 лица), съ посредственными—59% мужчинъ (8.638 челов.) и 62% женщинъ (1.395 лицъ), съ слабыми—22,8% мужчинъ (3.329 челов.) и 19,9% женщинъ (448 лицъ), безъ всякихъ—0,9% мужчинъ (132 челов.) и 0,8% женщинъ (17 лицъ) [о 7,4% мужчинъ (1.089 челов.) и 5,2% женщинъ (117 лицъ) свѣдѣній не имѣется]. Итакъ мы видимъ, что большинство осужденныхъ принадлежало къ числу лицъ, имѣвшихъ возможность получить не только нѣкоторое образованіе, но и религиозно-нравственное воспитаніе, т. е. опять-таки не можетъ быть причислено къ разряду несчастныхъ, нравственно и матеріально заброшенныхъ и обездоленныхъ лицъ, составляющихъ язву современнаго культурнаго общества.

Подводя итогъ результатамъ изслѣдованія личности преступниковъ мужскаго пола, заключенныхъ въ Швеціи въ

смирительные дома и тюрьмы въ теченіе 1887—1895 г.г. или осужденныхъ за „болѣе значительныя“ преступленія въ теченіе того же времени, мы можемъ такъ охарактеризовать большинство ихъ. Это были люди, не терпѣвшіе крайней нужды (70,1% обезпеченныхъ или имѣвшихъ самое необходимое для своего существованія изъ числа осужденныхъ), люди холостые или бездѣтные (79,8% изъ общаго числа заключенныхъ), находившіеся въ лучшихъ годахъ жизни (63,4% въ возрастѣ отъ 15 до 30 лѣтъ изъ числа заключенныхъ въ смирительные дома), имѣвшіе опредѣленное занятіе или мѣсто служенія (71,8% изъ общаго числа заключенныхъ за 1892—1895 г.г.), получившіе извѣстное образованіе и воспитаніе (83,2% грамотныхъ и 68,9% имѣвшихъ хорошія или посредственныя познанія по Закону Божию изъ числа осужденныхъ), но люди, злоупотреблявшіе опьяняющими напитками (71,1% изъ общаго числа заключенныхъ). Другими словами, ближайшею причиною преступленій большинства, насколько говорятъ статистическія данныя, слѣдуетъ признать злоупотребленіе крѣпкими напитками. Мы, конечно, не хотимъ этимъ сказать, что вопросъ о причинахъ преступности вполне исчерпывается этими разсужденіями. Наоборотъ, мы думаемъ, что въ большинствѣ случаевъ причины преступленій лежали глубже, но съ этой стороны вопросъ не поддается статистической трактовкѣ и, потому, выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ родовъ преступленій съ точки зрѣнія вліянія пьянства, мы позволимъ себѣ привести еще нѣкоторыя данныя относительно лицъ, совершившихъ преступленіе въ пьяномъ видѣ или будучи пьяницами. Раздѣляя число сихъ лицъ на эти главныя группы, мы видимъ, что изъ числа мужчинъ 81% (11.070 челов.) совершили преступленіе въ пьяномъ видѣ и лишь 19% (2.607 челов.) въ трезвомъ видѣ, но будучи завѣдомыми пьяницами; у женщинъ это процентное отношеніе составляло 72,8 (201 лицо) и 27,2 (75 лицъ). Нѣтъ сомнѣнія, что большинство лицъ, совершившихъ преступленіе въ пьяномъ видѣ, были такіе же пьяницы, какъ и остальные

19%, и что состояніе опьяненія было для нихъ вещью совершенно обыденною, тѣмъ не менѣе такое совпаденіе преступленій съ состояніемъ опьяненія, какъ намъ кажется, не могло быть случайнымъ. Столь значительное численное превосходство этихъ лицъ указываетъ намъ скорѣе на то, что даже сами алкоголики, при всей своей физической и нравственной распатанности, въ большинствѣ случаевъ способны на преступленіе лишь подъ непосредственнымъ давленіемъ винныхъ паровъ. Но столь высокій процентъ лицъ, совершившихъ преступленіе въ пьяномъ видѣ, указываетъ намъ еще и на то, что въ числѣ ихъ было несомнѣнно не мало и чисто случайныхъ преступниковъ, которые, не будучи алкоголиками и не имѣя и въ помыслахъ ничего дурнаго, совершили преступленіе просто-на-просто съ пьяныхъ глазъ, не говоря ничего уже о лицахъ съ слабымъ характеромъ, съ слабо развитыми нравственными понятіями, которыя, напившись случайно, не устояли передъ соблазномъ. Нѣтъ сомнѣнія, что были, конечно, и такіе между ними, которые на мѣренно привели себя въ состояніе опьяненія передъ преступленіемъ, какъ говорится „для храбрости“ или чтобы заглушить въ себѣ послѣдніе протесты совѣсти. Подготавливая, съ одной стороны, почву для преступленій путемъ разрушенія физическихъ, умственныхъ и душевныхъ силъ чело-вѣка, вино, съ другой стороны, какъ мы видимъ, съ еще гораздо большею силою дѣйствуетъ непосредственно, какъ причина преступленій, и притомъ нерѣдко помимо воли чело-вѣка.

Распредѣляя, наконецъ, лицъ, совершившихъ преступленіе въ пьяномъ видѣ или же въ трезвомъ видѣ, но будучи завѣдомыми пьяницами, сообразно двумъ главнымъ родамъ наказанія, т. е. заключенію въ смирительный домъ, какъ болѣе строгому наказанію, и тюремному заключенію, какъ болѣе легкому,—мы видимъ, что 70,6% (9.003 челов.) изъ числа заключенныхъ въ смирительные дома мужчинъ (12.747 челов.) и 72,1% (4.674 челов.) изъ заключенныхъ въ тюрьмы (6.480 челов.) принадлежали къ этимъ лицамъ, т. е. что какъ важныя, такъ и маловажныя преступленія совершались

почти въ одинаковой мѣрѣ подѣ влияніемъ опьяняющихъ напитковъ. Вся разница заключалась въ томъ, что важныя преступленія учинялись рѣже въ пьяномъ видѣ (55,2% пьяныхъ или 7.031 челов. и 15,4% пьяницъ въ трезвомъ видѣ или 1.972 челов.), чѣмъ маловажныя (62,3% пьяныхъ или 4.039 челов. и 9,8% пьяницъ въ трезвомъ видѣ или 635 челов.). Что касается женщинъ, то изъ числа заключенныхъ въ смирительные дома (2.037 лицъ) совершили преступленія въ пьяномъ видѣ или же въ трезвомъ видѣ, но будучи пьяницами—10,7% или 218 лицъ, въ томъ числѣ 8,2% пьяныхъ или 167 лицъ и 2,5% пьяницъ въ трезвомъ видѣ или 51 лицо, а изъ числа заключенныхъ въ тюрьмы (440 лицъ) совершили преступленіе въ пьяномъ видѣ или же въ трезвомъ видѣ, но будучи пьяницами,—13,2% или 58 лицъ, въ томъ числѣ 7,7% пьяныхъ или 34 лица и 5,5% пьяницъ въ трезвомъ видѣ или 24 лица. Хотя эти цифры, по незначительности своей, и не имѣютъ особаго значенія, тѣмъ не менѣе обращаемъ вниманіе на весьма характерное явленіе, что женщины въ противоположность къ мужчинамъ совершали въ пьяномъ видѣ чаще важныя преступленія, чѣмъ маловажныя.

Обращаясь къ разсмотрѣнію вопроса о влияніи пьянства на отдѣльные роды преступленій, мы позволимъ себѣ привести, для всесторонняго освѣщенія этого вопроса, нижеслѣдующія таблицы:

І. Преступления, совершенныя арестантами мужскаго пола въ 1887—1895 годахъ:

	Общее число арестантовъ.		Изъ общаго числа арестантовъ совершили преступленіе.								Число арестантовъ тревога поведенія.		Относительная сила въ-дѣла на пятнава на преступленія, выраженная въ цифрахъ.
	Число	%	Въ пьяномъ видѣ.		Въ трезвомъ видѣ, но будучи завлечены пьяницами.		Всего пьяныхъ и пьяницъ.		Число	%	Число	%	
			4.	5.	6.	7.	8.	9.					
			Число	%	Число	%	Число	%					
І.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.		
Преступл. противъ обществ. и частнаго спокойствія	556	3,0	468	84,1	32	5,8	500	89,9	56	1,0	788		
Преступл. противъ обществ. властей	1599	8,3	1308	81,8	78	4,9	1386	86,7	213	3,8	573		
Убийство, поборъ	4326	22,5	3310	76,5	358	8,3	3668	84,8	658	11,9	496		
Насильствен. похищеніе имущества	103	0,5	66	64,1	14	13,6	80	77,7	23	0,4	328		
Преступл. противъ военнаго уважен. о наказаніяхъ	611	3,2	378	61,9	84	13,7	462	75,6	149	2,7	311		
Воровство и мелкія кражи	9442	49,1	4937	52,3	1501	15,9	6438	68,2	3004	54,1	238		
Другія преступленія (религозныя, служебныя, противъ части, нарушенія уставовъ и регламентовъ)	192	1,0	80	41,7	46	23,9	126	65,6	66	1,2	219		
Преступл. прот. нравственности и союза брачнаго	307	1,6	117	38,1	56	18,3	173	56,4	134	2,4	175		
Поджоги и истребленіе имущества	328	1,7	142	43,3	43	13,1	185	56,4	143	2,6	172		
Преступл. противъ личн. свободы	104	0,5	42	40,4	4	3,8	46	44,2	58	1,0	131		
Подлоги и поддѣлки	773	4,0	107	13,8	208	26,3	310	40,1	463	8,3	127		
Мошенничество и обманъ	603	3,1	94	15,6	129	21,4	223	37,0	380	6,9	118		
Ложные доносы и оскорбленія чести	126	0,7	13	10,3	27	21,4	40	31,7	86	1,6	115		
Лжеприсяга	137	0,8	8	5,1	32	20,4	40	25,5	117	2,1	100		
И Т О Г О	19,227	100,0	11,070	57,6	2,307	13,5	13,677	71,1	5,550	100,0	—		

Настоящая таблица показываетъ намъ вліяніе пьянства на отдѣльные роды преступленій, не дѣлая различія между преступленіями большей и меньшей важности въ каждой группѣ. Главная ея цѣль заключается въ опредѣленіи относительной силы этого вліянія на каждый отдѣльный родъ преступленій (графа 12). Исчислено это нами слѣдующимъ образомъ. Сравнивая процентное соотношеніе отдѣльных родовъ преступленій, совершенныхъ одними только арестантами трезваго поведенія (графа 11) съ процентнымъ соотношеніемъ тѣхъ же родовъ преступленій, но совершенныхъ этими арестантами со включеніемъ пьяныхъ и пьяницъ (графа 3), мы видимъ, въ какомъ направленіи и въ какой степени это соотношеніе измѣняется подъ вліяніемъ пьянства. Напримѣръ, преступления противъ общественнаго и частнаго спокойствія, составляющія въ графѣ 11-ой 1,0%, составляютъ въ графѣ 3-й уже 3,0%, т. е. процентное ихъ отношеніе къ общему числу преступленій увеличивается съ принятіемъ въ расчетъ пьяныхъ и пьяницъ въ 3 раза. Беремъ, далѣе, лжеприсягу, представляющую обратное явленіе. Процентное отношеніе этого преступленія къ общему числу преступленій понижается при включеніи преступниковъ нетрезваго поведенія съ 2,1% до 0,8%, т. е. уменьшается въ 2,625 разъ. Если далѣе принять вліяніе пьянства на лжеприсягу за единицу, то вліяніе это на преступления противъ общественнаго и частнаго спокойствія будетъ равняться $2,625 \times 3 = 7,875$. Такимъ же способомъ исчислена нами относительная сила вліянія пьянства и на остальные роды преступленій сравнительно съ лжеприсягой, которую мы избрали для этой цѣли въ виду наименьшаго числа случаевъ совершенія ея въ пьяномъ видѣ или пьяницами. Во избѣжаніе же десятичныхъ дробей, мы приняли вліяніе пьянства на лжеприсягу не за единицу, а за 100.

При разсмотрѣніи данныхъ, помѣщенныхъ въ указанной выше графѣ 12-ой, нельзя не замѣтить, что степень вліянія пьянства на отдѣльные роды преступленій не есть явленіе случайное, а находится въ строгой зависимости отъ самаго характера преступленій. Преступленія, совершаемыя чаще

всего безъ предумышленія, необдуманно, по внезапному побужденію, сгоряча, такъ сказать, преступленія аффективнаго характера, учиняются всего чаще подъ вліяніемъ опьяняющихъ напитковъ. По мѣрѣ же того, какъ преступленіями утрачивается этотъ характеръ и, взамѣнъ его, выступаютъ на первый планъ заранѣе обдуманное намѣреніе, хладнокровный расчетъ, —ослабѣваетъ и вліяніе пьянства. Такъ, на примѣръ, на первомъ мѣстѣ стоятъ преступленія противъ общественнаго и частнаго спокойствія, противъ общественныхъ властей, убійства и побои. Затѣмъ, среднее положеніе занимаютъ насильственное похищеніе имущества и кражи. Наконецъ, къ числу преступленій, къ коимъ пьянство имѣетъ всего меньше отношенія, принадлежатъ подлоги и поддѣлки, ложные доносы и оскорбленіе чести, мошенничество и лжеприсяга.

Къ тому же выводу приводитъ насъ сравненіе данныхъ, помѣщенныхъ въ графахъ 4, 5, 6 и 7 объ участіи пьяныхъ и пьяницъ (въ трезвомъ видѣ) въ совершеніи преступленій. Изъ этихъ цифръ мы видимъ, что чѣмъ меньше вообще вліяніе пьянства на какой-либо родъ преступленій, тѣмъ меньше процентъ пьяныхъ и тѣмъ больше процентъ пьяницъ, совершившихъ эти преступленія въ трезвомъ видѣ, другими словами—даже пьяницы не совершаютъ такихъ преступленій въ пьяномъ видѣ. Руководствуясь процентомъ пьяницъ, совершившихъ преступленіе въ трезвомъ видѣ, при группировкѣ родовъ преступленій, мы получимъ ту же послѣдовательность группъ, какъ и выше, но лишь въ обратномъ порядкѣ.

Все вышеизложенное подтверждаетъ еще разъ высказанный нами раньше взглядъ, что пьянство, какъ причина преступленій, дѣйствуетъ главнымъ образомъ непосредственно и помимо воли человѣка, въ чемъ и заключается главное зло.

Что касается вліянія пьянства на преступленія бѣльшей и меньшей важности въ каждомъ отдѣльномъ родѣ преступленій, то чтобы не вдаваться въ слишкомъ большія подробности, мы приводимъ данныя лишь относительно двухъ глав-

ныхъ родовъ, именно относительно 1) убійствъ и побоевъ и 2) кражъ.

При раздѣленіи преступленій по степени важности ихъ, мы руководствовались, какъ и раньше, родомъ присужденнаго за нихъ наказанія, т. е. заключеніемъ въ смирительный домъ или тюрьму.

Изъ общаго числа лицъ, заключенныхъ за преступленія противъ личности въ теченіе 1887—1895 г.г. въ смирительные дома, совершили убійство предумышленное (mord, assassinat) 68 человекъ или 3,5%, убійство въ запальчивости и раздраженіи (dråp, homicide) 219 человекъ или 11,1%, убійство по неосторожности (vållandetillannansdöd, homicide par imprudence) 22 человека или 1,1%, побои, отъ коихъ не послѣдовала смерть (misshandel, coups et blessures volontaires) 1.655 человекъ или 84,3%, итого 1.964 человекъ. Въ этомъ числѣ совершили преступленіе въ пьяномъ видѣ 1507 человекъ, или 76,7% и 180 человекъ, или 9,2%, хотя и въ трезвомъ видѣ, но будучи завѣдомыми пьяницами; итого тѣхъ и другихъ лицъ 1.687 или 85,9%. Изъ числа же лицъ, заключенныхъ за преступленія противъ личности въ тюрьмы, совершили убійство по неосторожности 32 человека, или 1,4% и побои безъ смертоубійства—2.330 человекъ, или 98,6%, всего 2.362 человекъ. Въ этомъ числѣ совершили преступленіе въ пьяномъ видѣ 1.803 человекъ, или 76,3% и 178 человекъ, или 7,5%, хотя и въ трезвомъ видѣ, но будучи завѣдомыми пьяницами; итого тѣхъ и другихъ лицъ 1.981 человекъ, или 83,8%. Какъ мы видимъ изъ этихъ цифръ, тяжкія и менѣе тяжкія преступленія противъ личности совершались въ почти одинаковой мѣрѣ преступниками въ пьяномъ видѣ. Весьма характерно лишь то, что болѣе тяжкія преступленія противъ личности учинялись чаще пьяницами (въ трезвомъ видѣ), нежели менѣе тяжкія.

Свѣдѣнія о возрастѣ, семейномъ положеніи и имущественномъ цензѣ преступниковъ противъ личности имѣются у насъ лишь относительно лицъ, осужденныхъ въ теченіе 1887—1895 г.г. за болѣе значительныя преступленія этого рода.

Изъ числа этихъ лицъ (2.713 челов.) находилось въ возрастѣ до 21 года 605 челов., или 22,3%, отъ 21 года до 30 лѣтъ—1.259 челов. или 46,4% и отъ 30 до 40 лѣтъ—387 челов., или 14,3%. На остальные возрасты приходилось 114 человекъ или 4,2% (о 203 лицахъ, или 7,5% свѣдѣній не имѣется). Затѣмъ, изъ этого же числа осужденныхъ было холостыхъ 2.074 челов., или 76,5%, женатыхъ 476 челов., или 17,5%, а вдовцовъ и разведенныхъ 41 челов., или 1,5% (о 122 лицахъ, или 4,5% свѣдѣній не имѣется). Наконецъ, по имущественному цензу эти лица распредѣлились такъ: обеспеченныхъ—904 чел., или 33,3%, жившихъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ—1.261 челов., или 46,5% и лишенныхъ самаго необходимаго для своего существованія 424 челов., или 15,6% (о 124 лицахъ, или 4,6% свѣдѣній не имѣется).

Сопоставляя эти данныя съ процентомъ заключенныхъ, совершившихъ преступленія противъ личности въ пьяномъ видѣ или же въ трезвомъ видѣ, но будучи завѣдомыми пьяницами, мы можемъ сказать, что около $\frac{3}{4}$ преступленій противъ личности имѣли главною причиною пьяный разгулъ холостой молодежи.

Шведское уголовное законодательство признаетъ два главныхъ вида воровства—собственно кражу (stöld, vol) съ обычными ея подраздѣленіями, а, затѣмъ, мелкую кражу на сумму до 15 кронъ (snattery, petit-vol). За первую было заключено въ смирительные дома въ 1887—1895 г.г. 8.345 лицъ. Въ этомъ числѣ совершили преступленіе въ пьяномъ видѣ 4.410 челов., или 52,8% и 1.376 челов., или 16,5% въ трезвомъ видѣ, но будучи завѣдомыми пьяницами, всего тѣхъ и другихъ лицъ—5.786 челов., или 69,3%. За кражи этого же рода (311 лицъ), а равно за мелкія кражи (786 челов.) было заключено за то же время въ тюрьмы всего 1.097 человекъ. Въ томъ числѣ совершили преступленіе въ пьяномъ видѣ 527 челов., или 48% и 125 челов., или 11,4% въ трезвомъ видѣ, но будучи завѣдомыми пьяницами, итого тѣхъ и другихъ 652 челов., или 59,4%. Менѣе значительныя кражи на сумму болѣе 15 кронъ и мелкія кражи были, та-

кимъ образомъ, совершены на 10% меньше пьяными и пьяницами (въ трезвомъ видѣ), чѣмъ болѣе значительныя.

Относительно возраста, семейнаго положенія и имущественнаго ценза преступниковъ противъ собственности имѣются свѣдѣнія лишь объ осужденныхъ за кражи на сумму болѣе 15 кронъ.

Въ теченіе 1887—1895 г.г. было осуждено за эти кражи 8.730 человекъ. Изъ этого числа 2.511 человек., или 28,8% находились въ возрастѣ до 21 года, 2.889 человек., или 33,1%—въ возрастѣ отъ 21 года до 30 лѣтъ, 1.822 человек., или 20,9%—отъ 30 до 40 лѣтъ, 858 человек., или 9,8%—отъ 40 до 50 лѣтъ. На остальные возрасты приходилось 6,8%, или 600 человек. (о 50 человек., или 0,6% свѣдѣній не имѣется). Изъ числа осужденныхъ было, затѣмъ, холостыхъ преступниковъ 6.977 человек., или 79,9%, женатыхъ—1.480 человек., или 17,0% и вдовцовъ и разведенныхъ—209 человек., или 2,4% (о 64 человек., или 0,7% свѣдѣній не имѣется). Наконецъ, изъ числа лицъ, совершившихъ кражи на сумму болѣе 15 кронъ, было матеріально обезпеченныхъ 1.455 человек., или 16,7%, малообезпеченныхъ—4.218 человек., или 48,3%, лишенныхъ самаго необходимаго для своего существованія—2.778 человек., или 31,8% (о 279 лицахъ, или 3,2% свѣдѣній не имѣется). Какъ мы видимъ, большинство остается и по этому роду преступленій за холостыми, злоупотребляющими крѣпкими напитками людьми; предѣльный возрастъ этого большинства, правда, нѣсколько выше, чѣмъ у преступниковъ противъ личности, а равно выступаетъ сильнѣе впередъ крайняя нужда, какъ причина преступленія, хотя и остается на второмъ планѣ.

О числѣ пьяныхъ и пьяницъ среди рецидивистовъ свѣдѣній не имѣется, такъ что этотъ важный вопросъ, къ сожалѣнію, не можетъ быть рассмотрѣнъ нами съ точки зрѣнія вліянія пьянства. Вообще же рецидивисты составили. за разсматриваемый нами періодъ времени около 36,8% общаго числа заключенныхъ за кражи на сумму болѣе 15 кронъ.

II. Преступления, совершенныя арестантами женскаго пола въ 1887—1895 годахъ:

НА ИМЕНОВАНИЕ ПРестУПЛЕНІЙ.	Общее число арестантокъ.		Изъ общаго числа арестантокъ совершили преступленіе.				Число арестантокъ трезваго поведенія.			
	Число	%	Въ пьяномъ видѣ.		Въ трезвомъ видѣ, но будучи заведенными пьяницами.		Всего пьяныхъ и пьяницъ.			
			Число	%	Число	%	Число	%		
Убийство, поборъ	106	4,3	11	10,4	9	8,5	20	18,9	86	3,9
Воровство и мелкія кражи	1488	60,1	171	11,5	50	3,4	221	14,9	1267	57,6
Преступленіе противъ нравственн. и союза брачнаго.	69	2,8	5	7,3	3	4,4	8	11,7	61	2,8
Джеприсяга	20	0,8	—	—	2	10,0	2	10,0	18	0,8
Поджоги и истребленіе имущества.	36	1,5	1	2,8	2	5,6	3	8,4	33	1,5
Ложные доносы и оскорбленіе чести	21	0,8	—	—	1	4,8	1	4,8	20	0,9
Мошенничество и обманъ	81	3,3	1	1,2	2	2,4	3	3,6	78	3,5
Подлоги и поддѣлки	105	4,2	1	0,9	2	1,8	3	2,7	102	4,6
Дѣтубійство, изгнаніе и скрытіе плода.	526	21,2	—	—	—	—	—	—	526	23,9
Другія преступленія (Преступленія противъ обществ. властей, обществен. и частн. спокойствія, личности, свободы, насильствен. похищеніе имущества, преступл. религіоз., нарушенія уставовъ)	25	1,0	11	44,0	4	16,0	15	60,0	10	0,5
ИТОГО	2477	100,0	201	8,1	75	3,0	276	11,1	2201	100,0

Какъ мы видимъ изъ этой таблицы, вліяніе пьянства на отдѣльные роды преступленій, совершенныхъ женщинами, весьма незначительно, какъ вообще и само число преступленій, за исключеніемъ кражъ, дѣтубійства, изгнанія и скры-

тія плода. Въ виду сего послѣдняго обстоятельства мы разберемъ подробнѣе лишь кражи.

За кражи на сумму болѣе 15 кронъ было заключено въ смирительные дома въ теченіе 1887—1895 г.г. 1.291 женщина. Въ этомъ числѣ совершили преступленіе въ пьяномъ видѣ 156 женщинъ, или 12,1%, а въ трезвомъ видѣ, но будучи завѣдомыми пьяницами, 40 женщинъ, или 3,1%. За менѣе значительныя кражи этой же категоріи было заключено въ тюрьмы 67 женщинъ, которыя вмѣстѣ съ заключенными въ тюрьму за мелкія кражи на сумму менѣе 15 кронъ (130 женщинъ) составили 197 лицъ. Изъ этого числа учинили преступленіе въ пьяномъ видѣ 15 лицъ, или 7,6% и 10 лицъ, или 5,1% въ трезвомъ видѣ, но будучи завѣдомыми пьяницами. Такимъ образомъ, болѣе значительныя кражи (15,2%) совершались женщинами, какъ и мужчинами, чаще пьяными и пьяницами (въ трезвомъ видѣ), чѣмъ менѣе значительныя и мелкія кражи (12,7%).

Затѣмъ, данныя о возрастѣ, семейномъ положеніи и имущественномъ цензѣ женщинъ, осужденныхъ въ 1887—1895 г.г. за кражи на сумму болѣе 15 кронъ, показываютъ намъ, что изъ числа ихъ (1.378 лицъ) 319 лицъ, или 23,2% находились въ возрастѣ до 21 года, 439 лицъ, или 31,9%—въ возрастѣ отъ 21 года до 30 лѣтъ, 281 лицо, или 20,3%—отъ 30 до 40 лѣтъ и 212 лицъ, или 15,3%—отъ 40 до 50 лѣтъ. На остальные возрасты приходилось 123 лица, или 9,0% (о 4 лицахъ или 0,3% свѣдѣній не имѣется). Относительно семейнаго положенія осужденныя распредѣлялись такъ: незамужнихъ—975 лицъ, или 70,8%, замужнихъ—299 лицъ, или 21,7% и вдовъ или разведенныхъ—104 лица или 7,5%. По имущественному же цензу осужденныя группировались слѣдующимъ образомъ: обеспеченныхъ—186 лицъ, или 13,5%, жившихъ въ стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ—629 лицъ, или 45,6%, лишенныхъ самага необходимаго для своего существованія—482 лица, или 34,9% (о 81 лицѣ, или 6% свѣдѣній не имѣется).

Сравнивая приведенныя выше цифры съ соответствующими данными относительно мужчинъ, нельзя не замѣтить,

что главною причиною преступленийъ противъ собственности является у женщинъ, въ противоположность мужчинамъ, стѣсненное матеріальное положеніе,—нужда, на что указываютъ не только болѣе высокій процентъ лицъ, лишенныхъ самаго необходимаго для своего существованія, но и болѣе равномерное распредѣленіе преступленийъ по возрастамъ и семейному положенію, а главнымъ образомъ незначительный процентъ лицъ, совершившихъ преступленіе въ пьяномъ видѣ или, если и въ трезвомъ, то будучи завѣдомыми пьяницами.

Кончая настоящій статистическій очеркъ, изъ коего видно, насколько велико вліяніе пьянства на преступность мужскаго населенія Швеціи, мы должны, съ другой стороны, отдать шведамъ полную справедливость въ томъ, что если у нихъ это вліяніе столь значительно, то и борьба общества и правительства съ пьянствомъ нигдѣ, можетъ быть, не ведется съ такою энергіею, настойчивостію и послѣдовательностію, какъ въ Швеціи. А что эта борьба не есть безплодная трата нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ силъ, доказываетъ намъ слѣдующая таблица, изъ которой явствуетъ постепенное пониженіе процента пьяныхъ и пьяницъ среди преступниковъ мужскаго пола:

ГОДЫ:	Среднее мужское народонаселеніе.	Среднее число арестантовъ, заключенныхъ въ смиренныя дома и тюрьмы.	На 10.000 мужчинъ народонаселенія приходилось арестантовъ.	Изъ средняго числа арестантовъ совершили преступленіе въ пьяномъ видѣ или—же въ трезвомъ, но будучи завѣдомыми пьяницами.
1887—1889	2.304.261	1.985	8,6	1431 (72,1%)
1890—1892	2.323.682	2.078	8,9	1489 (71,7%)
1893—1895 ¹⁾	2.363.416	2346	9,9	1638 (69,8%)

¹⁾ Болѣе значительное увеличеніе числа заключенныхъ за 1893—1895 г.г. сравнительно съ предыдущими трехлѣтіями произошло вслѣдствіе уменьшенія эмиграціи въ Америку, а главнымъ образомъ вслѣдствіе возвращенія изъ этой страны, гдѣ настала экономическій кризисъ, значительнаго числа эмигрантовъ обратно въ Швецію. Такъ напримѣръ, въ 1894 году вернулось въ Швецію изъ Америки 10.000 человекъ.

ХРОНИКА.

I.

ПО ПОВОДУ ЦИРКУЛЯРА УПРАВЛЕНІЯ МЕЖЕВОЮ ЧАСТІЮ О НАД- ЗОРЬ ЗА ЗАНЯТІЯМИ ЗЕМЛЕМЬРОВЬ.

(Жур. Мин. Юст., Май, 1899).

Въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала мы указали на значеніе недавно изданныхъ циркуляровъ межеваго управленія по дѣламъ о возобновленіи межъ и межевыхъ знаковъ. Въ майской книжкѣ журнала напечатали новый циркуляръ управленія межевою частью относительно надзора за занятіями землемьровъ и ихъ отчетности. Несмотря на различіе предметовъ, къ которымъ относятся приведенные выше и послѣдній циркуляры, между ними есть много общаго. Эта общность прежде всего проявляется въ самомъ приѣмѣ разработки вопросовъ,—путемъ тщательнаго изслѣдованія законодательныхъ источниковъ. Приѣмъ этотъ нельзя не признать единственно правильнымъ и дѣлесообразнымъ по отношенію къ межевому законодательству, такъ какъ непосредственное обращеніе къ своду дѣйствующихъ законовъ, составленному изъ разнохарактерныхъ постановленій, изданныхъ въ разное время и относящихся къ различнымъ видамъ межеванія, легко ведетъ къ недоразумѣніямъ и невѣрному истолкованію ихъ существа. Затѣмъ, всѣ эти циркуляры проникнуты одною и тою же мыслью—снять путы, которые наложило на современную межевую дѣятельность безусловное примѣненіе ко всѣмъ ея видамъ узаконеній генераль-

наго межеванія, явившееся слѣдствіемъ только-что указаннаго неправильнаго ихъ толкованія и, въ особенности, ревниваго ихъ охраненія единственною представительницею этого великаго, но уже отжившаго свое время, дѣла—межевою канцелярією. Наконецъ, въ сущности, одинаковы и результаты, къ которымъ направляются новыя, устанавливаемые предъидущими и послѣднимъ циркулярами, мѣры, именно—устраненіе созданнаго распространительнымъ толкованіемъ законовъ генеральнаго межеванія крайняго вреда для дѣла и приниженаго, но въ то же время почти безотвѣтственнаго положенія землемѣровъ.

Любопытна изложенная въ циркулярѣ исторія мѣръ, разновременно принимавшихся въ цѣляхъ обезпеченія успѣха занятій землемѣровъ въ теченіе періода полевыхъ работъ. Оказывается, что здѣсь, какъ и всюду въ узаконеніяхъ о самомъ генеральномъ межеваніи, т. е. въ межевыхъ инструкціяхъ 1766 года, были проведены въ высшей степени здравыя начала. Такъ, съ одной стороны, въ виду необходимости постоянно слѣдить за ходомъ генеральнаго межеванія, на землемѣровъ была возложена обязанность доставлять точныя свѣдѣнія о количествѣ исполнявшихся ими работъ. Такого рода свѣдѣнія, помимо ихъ прямого статистическаго значенія, конечно, могли служить и для опредѣленія успѣшности занятій землемѣровъ. Однако этотъ успѣхъ законодатель считалъ тогда обезпеченнымъ не столько канцелярской ревизіей цифровыхъ данныхъ, сколько непосредственнымъ сознаніемъ землемѣрами ихъ служебнаго долга. Слѣдуя этому началу, межевая экспедиція Правительствующаго Сената, руководившая генеральнымъ межеваніемъ, отвергла предположеніе межевой канцеляріи объ установленіи обязательной нормы ежемѣсячной работы землемѣровъ, усвоивъ ей исключительно примѣрный характеръ. Но съ теченіемъ времени норма эта стала примѣняться строже и строже и укрѣпилась въ такой степени, что при изданіи Свода законовъ получила законодательную санкцію. Возникшая такимъ путемъ система контроля занятій землемѣровъ, сопоставленіемъ отчетныхъ данныхъ о количествѣ исполненныхъ ими работъ съ установленною нормою, получила дальнѣйшее и чрезвычайное развитіе въ государственномъ спеціальному межеванію, благодаря, въ особенности, производству его въ первыя десятилѣтія землемѣрами, командироваемыми изъ межевой канцеляріи, лишенной всякихъ средствъ фактическаго контроля за ихъ занятіями. Въ сороковыхъ годахъ было издано особое урочное положеніе для зем-

землеустроителей, командированных на государственное специальное межевание, на основании которого требовался учет уже не только работы, исполненной землеустроителями в течение месяца, как было при генеральном межевании, а учет каждого дня, проведенного землеустроителями в командировке, даже четверти дня. Соответственно этому, и в отчетности землеустроителей преобладающее место заняли не статистические данные о ходе полюбовного специального межевания, а данные для оценки занятий землеустроителей, расположенные в систематическом, удобном для соображения их с урочным положением. Не трудно предвидеть, к каким результатам должны были привести и привели в действительности такие меры. Техники оказались не только стесненными, но решительно подавленными мелочным контролем их времени и занятий. Ища выхода из созданного для них положения, они, естественно, устремили все свое внимание на подтасовку в своих отчетах цифр, согласно требованиям урочного положения. С другой стороны, и ближайшее их начальство—губернские землеустроители—ставили для себя задачей не определять, посредством рассмотрения самых дел, достоинство работ и степень их успешности, а только устанавливать внешнее соответствие их количества урочному положению. За стеною, которую представляли отчеты, сотканная из множества цифр, удачно подобранных сообразно урочному положению изощренными в его применении на бумагах землеустроителями, легко помещались и оставались скрытыми и бездеятельность, и даже недобросовестность. В циркуляре приведены изумительные примеры таких ухищрений, к которым прибегали землеустроители, чтобы формально, на бумагах, исполнить урочное положение. Привычка к такому образу действий настолько укоренилась, что даже последовавшее в 1887 году изъятие межевого управления предписание об отмене урочного положения, как точной нормы, и обязанности губернских землеустроителей оценивать работы по их достоинству, оказалось, по результатам десятилетнего опыта, весьма мало действительным. Настоящий циркуляр, исходя из соображения, что при существующем характере исполняемых уездными землеустроителями дел, возникающих по просьбам владельцев, помещаемые в отчетах данные о количестве произведенной землеустроителями по каждому делу полевой и чертежной работы вовсе не представляют статистического материала, определяющего движение межевания, и, во всяком случае, при необходимости в них, могут быть извлечены в губернских чертеж-

ныхъ изъ письменныхъ производствъ землемѣровъ, отмѣнили цифровую отчетность землемѣровъ и обусловливавшійся ею учетъ каждаго дня, проведеннаго техникомъ въ командировкѣ, а непосредственному начальству землемѣровъ поставилъ въ обязанность оцѣнивать успѣхъ ихъ занятій чрезъ разсмотрѣніе самыхъ исполненныхъ ими дѣлъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ циркуляръ впервые твердо поставилъ и разрѣшилъ одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ для межеваго вѣдомства, именно вопросъ о занятіяхъ землемѣровъ частными работами. Извѣстно, насколько при нынѣшнихъ условіяхъ земельнаго владѣнія велика потребность владѣльцевъ въ различнаго рода съемочныхъ работахъ по ихъ имѣніямъ. Извѣстно также, насколько неудовлетворителенъ по своимъ качествамъ и недостаточенъ по численности составъ у насъ частныхъ землемѣровъ. Естественно поэтому, что владѣльцы постоянно ищутъ помощи у землемѣровъ межеваго вѣдомства. Идя на встрѣчу потребности владѣльцевъ въ съемочныхъ работахъ и побуждаемые понятнымъ стремленіемъ хотя сколько-нибудь восполнить свое скудное, получаемое по службѣ, вознагражденіе, землемѣры межеваго вѣдомства весьма часто и принимаютъ на себя исполненіе такихъ работъ. Обстоятельство это извѣстно всѣмъ и каждому, и, тѣмъ не менѣе, благодаря существовавшему въ межевомъ вѣдомствѣ возрѣнію о безусловномъ запрещеніи землемѣрамъ частныхъ землемѣрныхъ занятій, подъ страхомъ уголовной отвѣтственности, эти занятія скрывались землемѣрами въ отчетахъ, что еще болѣе, и даже главнымъ образомъ, увеличивало количество фиктивныхъ свѣдѣній въ отчетахъ и производствахъ землемѣровъ. Циркуляръ разсѣялъ наконецъ туманъ, окружавшій этотъ наболѣвшій вопросъ. Исслѣдовавъ относящіяся къ нему узаконенія, онъ выяснилъ, что запрещеніе производить частныя работы можетъ относиться только до землемѣровъ, производящихъ генеральное и спеціальное полюбовное межеваніе чрезъ посредниковъ, вполнѣ соотвѣтствуя государственному характеру этихъ межеваній и производству за второе изъ нихъ особой задѣльной платы, но вовсе не касается исполняемыхъ теперь уѣздными землемѣрами дѣлъ, возникающихъ по просьбамъ владѣльцевъ и изъ одной и той же потребности съ частными работами—приведенія земельныхъ имуществъ въ порядокъ и благоустройство. Въ виду этого циркуляръ предоставилъ наиболѣе усерднымъ землемѣрамъ, не занимающимся государственнымъ межеваніемъ, употреблять свободное отъ своевременнаго и правильнаго

исполненія служебныхъ порученій время на занятія частными землемѣрными работами.

Нельзя не пожелать полного успѣха въ примѣненіи на практикѣ принятыхъ циркуляромъ мѣръ,—но нельзя не оговорить, что успѣхъ въ этомъ дѣлѣ возможенъ только при твердомъ сознаніи чинами межеваго вѣдомства своего служебнаго долга и своей нравственной отвѣтственности за злоупотребленія предоставляемой имъ свободой...

С. Р.

II.

НЕЯВКА ЧАСТНАГО ОБВИНИТЕЛЯ ВЪ СУДѢ И ЕЯ ПОСЛѢДСТВІЯ.

(Статья 593 уст. угол. суд.).

Статья 593 уст. угол. суд. по точности и ясности своей редакціи почти не возбуждаетъ сомнѣній и нерѣдко примѣняется въ практикѣ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы означенную статью закона не надо было изложить иначе, ибо прежде всего она должна быть дополнена. Смыслъ этого процессуальнаго закона самъ по себѣ ясенъ: начатое въ окружномъ судѣ по частному обвиненію уголовное дѣло прекращается постановленіемъ того же суда, какъ скоро частный обвинитель, или его повѣренный, не явился въ судѣ „безъ законныхъ причинъ“. Достаточно для этого — отсутствіе и одной такой причины. Хотя законныя причины неявки въ 593 ст. не означены, но очевидно (такъ это и понимается въ судебной практикѣ), что законными причинами неявки или „непробытія въ судѣ“ слѣдуетъ признавать тѣ же причины, какія указаны въ 388 ст. уст. угол. суд. для обвиняемыхъ и свидѣтелей, вызываемыхъ къ предварительному слѣдствію, а кромѣ того и причины, указанныя въ 642 и 650 ст. уст. угол. суд. относительно свидѣтелей и присяжныхъ засѣдателей, вызываемыхъ въ судѣ.

Какъ прекращается дѣло по 593 ст. уст. угол. суд.—безусловно навсегда или условно, на время, до представленія частнымъ обвинителемъ суду хотя-бы одной, но законной причины своей неявки? Хотя объ этомъ ни въ 593 ст., ни въ другихъ статьяхъ устава ничего не сказано, но изъ самаго текста 593 ст. явствуетъ, что окружный судѣ обязанъ отмѣнить свое постановленіе

о прекращеніи дѣла, какъ скоро частный обвинитель представить суду надлежащее удостовѣреніе о существованіи законной причины его неприбытія къ сроку въ судебное засѣданіе, если только судъ признаетъ эту причину въ данномъ случаѣ заслуживающею уваженія. Съ отрицательною же постановленія суда о прекращеніи дѣла, то же самое дѣло въ процессуальномъ отношеніи какъ-бы *возобновляется*, — по крайней мѣрѣ, въ стадіи процесса передачи его отъ прокурора въ судъ по 511 ст. уст. угол. суд. Однако, *въ теченіе какого же времени* частный обвинитель, исполняющій по своему дѣлу въ отношеніи обвиненія обязанность прокурора въ правѣ ходатайствовать о возобновленіи, или, лучше сказать, о продолженіи дѣла, представивъ суду законную причину своего неприбытія или неявки въ судъ? И по этому вопросу существуетъ пробѣлъ въ уставѣ угол. суд. Но понятно, что *не во всякое же время*, ибо было бы незаконно и несправедливо возобновить дѣло, по представленіи частнымъ обвинителемъ такой законной причины, по истеченіи срока уголовной давности, — на примѣръ: нельзя было бы возобновить дѣло о нанесеніи, въ запальчивости, легкой раны (2 ч. 1483 ст. улож. наказ.), по истеченіи двухъ лѣтъ со дня постановленія суда о прекращеніи дѣла по 593 ст. уст. угол. суд., за неприбытіемъ въ судъ частного обвинителя, ибо уголовная давность по такому преступленію—два года (4 п. 158 ст. улож.). Впрочемъ, закономъ объ уголовной давности (ст. 158 улож.) обусловливается возможность только начатія и возбужденія уголовного дѣла, но не возобновленіе его, ибо для возобновленія уже прекращеннаго самимъ судомъ дѣла долженъ существовать особый процессуальный срокъ. Какой же это срокъ? Я полагаю, что это—*двухнедѣльный* срокъ, по соображеніи съ существующимъ въ 440 ст. уст. угол. суд. срокомъ для свидѣтелей, которые въ правѣ просить о сложеніи штрафа за неявку къ слѣдствію въ двухнедѣльный срокъ, и по соображеніи съ таковымъ же срокомъ въ 644 ст. уст. угол. суд.—по отношенію къ свидѣтелямъ, подвергнутымъ взысканію за неявку въ судъ, со дня объявленія имъ о наложенномъ взысканіи. Но только этотъ двухнедѣльный срокъ долженъ бы исчисляться для частного обвинителя не со дня извѣщенія или объявленія ему о прекращеніи дѣла, а съ того дня, въ который состоялось опредѣленіе суда о прекращеніи дѣла по 593 ст. уст. угол. суд.: вѣдь частный обвинитель,—этотъ уголовный истецъ по аналогіи съ истцомъ въ гражданскомъ процессѣ,—обязанъ самъ слѣдить за начатымъ въ уголовномъ судѣ дѣломъ

по его жалобѣ. Единственное уважительное основаніе для извѣщенія частнаго обвинителя окружнымъ судомъ о прекращеніи дѣла это было бы—неполученіе или несвоевременное полученіе частнымъ обвинителемъ повѣстки о вызовѣ въ судъ; но вѣдь въ этомъ случаѣ окружной судъ не имѣлъ бы права прекратить дѣло по 593 ст. уст. угол. суд. и долженъ былъ бы только *ex officio* отложить слушаніемъ дѣло, такъ какъ частный обвинитель—по вѣвѣли канцеляріи суда или полиціи—вовсе не получилъ или своевременно не получилъ повѣстку о вызовѣ въ судъ. Итакъ, частный обвинитель, если желаетъ возобновить дѣло, прекращенное по 593 ст., обязанъ представить на уваженіе суду законную причину своей неявки въ судъ въ двухнедѣльный срокъ со дня постановленія суда о прекращеніи дѣла или же со дня, слѣдующаго за днемъ такого постановленія, по аналогіи съ исчисленіемъ срока на обжалованіе приговоровъ, указаннымъ въ ст. 866 и 833 уст. угол. суд.

Такъ какъ прекращеніе и пріостановленіе дѣла въ процессуальномъ отношеніи—понятія не однозначачія по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ, а окружной судъ до истеченія двухнедѣльнаго срока, въ который можетъ быть представлена ему частнымъ обвинителемъ уважительная причина неприбытія въ судъ, не можетъ знать: подлежитъ ли дѣло прекращенію навсегда, по случаю отказа отъ уголовного иска, или же оно только пріостанавливается опредѣленіемъ отъ того числа, на какое оно было назначено къ судебному разбирательству, то въ текстѣ 593 ст. уст. угол. суд. законодателю слѣдовало бы выразиться такъ: „Неприбытіе въ судъ частнаго обвинителя ... и имѣеть послѣдствіемъ прекращеніе или пріостановленіе дѣла, если причина неприбытія будетъ признана судомъ уважительною для пріостановленія“.

Съ прекращеніемъ или пріостановленіемъ дѣла по 593 ст. уст. угол. суд., понятно, должна быть немедленно отмѣнена судомъ, какъ напрасное стѣсненіе личности обвиняемаго, и мѣра пресѣченія по 416 ст. уст. угол. суд.—навсегда или временно, до возобновленія или, правильнѣе, до продолженія дѣла, когда эта мѣра снова можетъ быть принята.

За неуказаніемъ въ 593 ст. уст. угол. суд., на чей счетъ принимаются *судебныя издержки* по дѣлу, прекращенному судомъ за неприбытіемъ въ судъ частнаго обвинителя,—такія издержки, по 976 ст. уст. угол. суд., принимаются на счетъ казны. Но за что же казна должна платиться и въ этомъ случаѣ? Вѣдь дѣло въ судъ

возникло по жалобѣ, а можетъ быть и по капризу и по произволу частнаго обвинителя: пусть же онъ и платится за судебныя издержки, по 593 ст. уст. угол. суд., происшедшія влѣдствіе его же неяви въ судъ безъ законной причины! Возложеніе судебныхъ издержекъ на частнаго обвинителя, а не на казну, по моему мнѣнію, было бы вполне умѣстно и справедливо: 1) по аналогіи съ тѣми издержками, которыя несетъ истецъ въ гражданскомъ процессѣ, ибо дѣла по частному обвиненію возникаютъ въ судъ по волѣ и инициативѣ частнаго обвинителя (ст. 5 уст. угол. суд.), и 2) въ виду 643 ст. уст. угол. суд. Последнее основаніе для возложенія судебныхъ издержекъ на частнаго обвинителя представляется мнѣ тѣмъ болѣе основательнымъ, что даже свидѣтели, вызываемые въ судъ *ex officio*, только въ интересахъ правосудія, кромѣ денежнаго взысканія (штрафа), подвергаются еще и платежу издержекъ, если чрезъ ихъ неявку отсрочено судебное засѣданіе.

А въ какомъ порядкѣ могутъ быть обжалуемы постановленія или опредѣленія суда о прекращеніи дѣла по 593 ст. уст. угол. суд. и объ отказѣ суда въ возобновленіи дѣла при наличности обнаружившейся впоследствии, но не принятой судомъ въ уваженіе, законной причины неявки частнаго обвинителя въ окружный судъ?

И по этому предмету замѣчается пробѣлъ въ нашемъ процессуальномъ уставѣ. Въ 893 и 894 ст. уст. угол. суд., исчисляющихъ случаи, когда могутъ быть подаваемы въ судебную палату частныя жалобы на опредѣленія суда, такого именно случая не указано (а между тѣмъ это случай нерѣдкій и очень обыкновенный), хотя по аналогіи и возможно было бы подводить обжалованіе частнымъ обвинителемъ постановленій суда по 593 ст. уст. угол. суд. подъ дѣйствіе законовъ, изложенныхъ въ 893 и 894 ст. уст. угол. суд.

По разъясненіямъ кассационнаго Сената, такое постановленіе суда, которымъ прекращается дѣло навсегда и по которому, слѣдовательно, уже не допускается переходъ этого дѣла въ высшую инстанцію, по своимъ послѣдствіямъ для жалобщика-истца, какъ и вообще для заинтересованной стороны, равносильно оправданію обвиняемаго или отказу въ искѣ, и посему обжалованіе такихъ постановленій, имѣющихъ значеніе приговора или рѣшенія, а не постановленія или частнаго опредѣленія, должно быть допускаемо, въ апеллиционномъ и въ кассационномъ порядкѣ. Съ такимъ возрѣніемъ кассационнаго Сената на прекращеніе дѣлъ и я совер-

шенно согласенъ, и, по моему мнѣнію, все постановленія окружнаго суда по 593 ст. уст. угол. суд., а равно и его же отказъ въ возобновленіи дѣла, могутъ быть обжалуемы въ судебную палату въ апелляціонномъ порядкѣ, а постановленія или опредѣленія палаты по этому же предмету—въ кассационномъ порядкѣ Правительствующему Сенату.

В. Волжинъ.

III.

ПО ВОПРОСУ О ПОДСУДНОСТИ УѢЗДНОМУ ЧЛЕНУ ДѢЛЪ, ПРЕДУСМОТРѢННЫХЪ 1059 СТ. УЛОЖ. НАКАЗ.

9 іюля 1898 года въ г. Борисоглѣбскѣ мѣстной полиціей былъ составленъ актъ о томъ, что на ново-строющейся паровой вальцевой мельницѣ 1-го товарищества обвалилась вновь сложенная каменная стѣна—брандмауэръ—и при паденіи разрушила находящійся рядомъ амбаръ сосѣдняго владѣльца, не предъявившаго однакожъ требованія о вознагражденіи за вредъ и убытки.

При полицейскомъ осмотрѣ оказалось: стѣна каменная, вышиною въ 15 ф., длиною 42 ф., толщиною въ основаніи 7 ф., при чемъ талбе толщины уменьшалась до 1½ кирпичей, постройка производилась безъ участія спеціалиста подрядчикомъ, подъ наблюдениемъ одного изъ компаньоновъ товарищества—крестьянина Клейменова, сумма убытковъ, понесенныхъ сосѣднимъ владѣльцемъ, не выяснялась.

По изложенному акту губернское правленіе по строительному отдѣленію поручило полиціи возбудить противъ виновныхъ преслѣдованіе по 1059 ст. улож. наказ., каковое дѣло и было направлено судебному слѣдователю, но послѣдній дѣло это передалъ, согласно 12, 13, 33 ст. уст. угол. суд., 29 ст. прав. объ устр. суд. ч. въ мѣстностяхъ, гдѣ введены уч. зем. нач., по подсудности уѣздному члену, которымъ и возбуждено было пререканіе.

Тамбовскій окружный судъ опредѣленіемъ своимъ отъ 19 октября 1898 года находилъ, что уѣздному члену подсудны, согласно 163 ст. прав. произв. суд. дѣла и 29 ст. устр. суд. ч., дѣла, подвѣдомственные мировымъ судьямъ, но не подсудныя городскимъ судьямъ и земскимъ начальникамъ, а такъ какъ, согласно прим. 33 ст. уст. угол. суд., мировымъ судьямъ, а слѣдовательно и уѣзднымъ

членамъ, подсудны изъ дѣлъ, караемыхъ по уложенію, лишь дѣла о нарушеніи уставовъ казенныхъ управленій, а также о повинностяхъ и торговлѣ, то настоящее дѣло, предусмотрѣнное 1059 ст. улож. наказ., подсудно общимъ судебнымъ установленіямъ.

Таковой взглядъ суда на подсудность сего дѣла общимъ судебнымъ установленіямъ совершенно неправиленъ по слѣдующимъ основаніямъ.

Ст. 1059 улож. наказ. трактуетъ: въ 1 части о взысканіяхъ съ архитекторовъ, помощниковъ или иныхъ техникувъ-строителей за неправильную постройку или же употребленіе матеріаловъ дурнаго качества и др.; во 2 части объ отвѣтственности оптоваго подрядчика, взявшаго на свою отвѣтственность всю работу, и въ 3 ч. о прочихъ лицахъ, распорядившихся непосредственно постройкой, безъ участія архитектора или иного техника-строителя, или подрядчика, и въ данномъ дѣлѣ для производившаго работу подрядчика влечетъ наказаніе, указанное 2 ч., а именно, такъ какъ преступленіе совершено въ 1 разъ, арестъ до 3 мѣсяцевъ.

Статья 1059 сохранена въ улож. наказ. въ виду того, что дѣйствию ея подлежатъ не только частныя, но и должностныя лица; что дѣла, предусмотрѣнныя означенной 1059 ст., подсудны мировому судѣ, а стало быть и уѣздному члену, согласно 163 ст. прав. произв. суд. дѣл. и 29 ст. прав. объ устр. суд. ч.,—это доказывается текстомъ 1221 ст. уст. угол. суд., по которой нарушенія устава строительнаго архитекторами, помощниками при постройкѣ частныхъ зданій и другихъ несостоящихъ въ вѣдомствѣ служенія сихъ лицъ, подлежатъ судебному преслѣдованію въ томъ же порядкѣ, какъ и нарушенія, сдѣланныя частными лицами, а что этотъ порядокъ есть порядокъ суда мирового,—это ясно вытекаетъ какъ изъ ст. 1218, 1219, прямо говорящихъ, что дѣйствія врачей, аптекарей и т. д. подсудны окружному суду, такъ и изъ 1222 ст., по силѣ которой означенныя въ ней нарушенія слѣдуютъ тому же порядку судебного преслѣдованія, какъ и нарушенія, означенныя въ ст. 1221; поименованныя же въ ст. 1222 нарушенія подлежатъ вѣдомству мировыхъ судей.

Такимъ образомъ, какъ по разуму закона, такъ и въ силу 12—13 и 33 ст. уст. угол. суд. и постановленій уст. наказ., 163 ст. прав. произв. суд. дѣл. и 29 ст. правилъ объ устр. суд. ч., настоящее дѣло, какъ предусмотрѣнное 2 ч. 1059 ст. улож. наказ., подсудно вѣдѣнію уѣзднаго члена окружнаго суда, что нисколько не противорѣчитъ и прим. къ ст. 33 уст. угол. суд. и 1 ст. уст. на-

каз., буквальный смысл которых приводит къ тому непреложному заключенію, что мировымъ судьямъ, а стало быть и уѣздному члену, подсудны и взысканія за нарушенія уставовъ, не выходящія изъ предѣловъ предоставленной имъ власти (рѣш. Угол. Касс. Деп. Сената 1867 г. № 122).

К. Золотовъ.

IV.

ЕЩЕ КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УСЛОВІЯХЪ ДЛЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ ПРАВА НА ВОЗНАГРАЖДЕНІЕ ПО 683 СТ. 1 Ч. X Т.

Въ 4-й книгѣ журнала Юридическаго Общества „Вѣстникъ Права“ за этотъ годъ помѣщена безъ подписи автора замѣтка: „Вознагражденіе за убытки по ст. 683 т. X ч. 1“, посвященная разбору нашего труда, напечатаннаго въ 11 № юридической газеты: „Право“.

Сущность содержащихся въ ней возраженій можетъ быть сведена къ слѣдующему:

1) *Право на вознагражденіе у потерпѣвшаго вредъ или убытокъ, вслѣдствіе смерти или поврежденія здоровья, не нуждается въ наличности какихъ-либо условій, кромѣ фактическаго вреда, или понесенныхъ убытковъ.* Въ какомъ бы видѣ эти убытки ни понесены—потерпѣвшій таковыя имѣетъ право на ихъ вознагражденіе. А посему и самый вопросъ (объ условіяхъ для возникновенія права на вознагражденіе) поставленъ нами неправильно ¹⁾;

2) Представляется положительно непонятнымъ (??), какъ можетъ возникнуть сомнѣніе относительно права на искъ о вознагражденіи за убытки, причиненные незаконными дѣйствіями и во всякомъ случаѣ по винѣ ответчика, приключившейся смерти (?) ²⁾; тѣмъ болѣе это непонятно, что мы ничѣмъ не доказали, что убытки могутъ быть только въ видѣ расходовъ и содержанія и ни въ чемъ иномъ;

3) Для подтвержденія нашего положенія мы цитируемъ лишь

¹⁾ Это возраженіе мы буквально выписали изъ рецензіи до слова: „А посему“ (смотри 291 стр.).

²⁾ Такова конструкція фразы въ подлинникѣ (стр. 285).

683, 657 и 658 ст. 1 ч. X т., совершенно упуская из виду 644 и 684 ст., въ силу которыхъ всякаго рода вредъ или убытокъ, причиненный потерпѣвшему, долженъ быть возмѣщенъ, и во всей своей статьѣ вопросъ о вознагражденіи съ удивительнымъ постоянствомъ отождествляемъ съ правомъ на содержаніе, которое, между тѣмъ, не подходитъ ни подъ *damnum emergens*, ни подъ *lucrum cessans*, такъ какъ это чисто личное право, и

4) Изъ того, что законъ устанавливаетъ обязанность вознагражденія и за лишеніе алиментовъ, не составляющихъ убытковъ въ тѣсномъ смыслѣ, дѣлать выводъ о томъ, что только это вознагражденіе можетъ быть отыскиваемо,—значить прямо идти противъ элементарныхъ толкованій закона.

Разберемъ эти возраженія по порядку.

Первое возраженіе по своей формулировкѣ и по своему существу свидѣтельствуетъ, что нашъ критикъ, съ одной стороны, не всегда съ должнымъ вниманіемъ обдумываетъ то, что онъ пишетъ, а съ другой—недостаточно ясно выражаетъ свою мысль.

Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли извѣдительно утверждать, что „право на вознагражденіе у потерпѣвшаго вредъ или убытокъ, вслѣдствіе смерти или поврежденія здоровья, не нуждается въ наличности какихъ-либо условій, кромѣ фактическаго вреда, или понесенныхъ убытковъ“?

Мы только подчеркиваемъ подобное возраженіе, не считая удобнымъ распространяться о такого рода азбучной истинѣ, что, кромѣ наличности вреда или убытка, для возникновенія у потерпѣвшаго права на вознагражденіе, еще должна существовать такъ называемая гражданская вѣрность дѣяній, причинившаго вредъ ¹⁾.

¹⁾ Для устраненія превратнаго толкованія словъ: „гражданская вѣрность“, укажемъ, въ видѣ примѣра, на 2 часть 8 ст. Союзнаго Швейцарскаго закона отъ 1 іюля 1875 г., въ силу которой убытокъ, происшедшій вслѣдствіе утраты такихъ вещей, которыя не были сданы ни въ видѣ груза, ни въ видѣ багажа, подлежитъ возмѣщенію лишь въ томъ случаѣ, если доказана вина транспортнаго предпріятія (за вещи зарегистрированныя послѣднее отвѣчаетъ и при отсутствіи вины, если только не докажетъ наличность вины потерпѣвшаго или непреодолимой силы). Такимъ образомъ здѣсь проведено различіе между убыткомъ, происшедшимъ отъ утраты вещей, сданныхъ агентамъ предпріятія и ими зарегистрированныхъ, и убытками, являющимися послѣдствіемъ пропажи вещей не сданныхъ. И такъ два вида убытковъ и для возникновенія права на возмѣщеніе каждаго изъ нихъ устанавливаетъ законъ разныя условія, т. е. разнаго рода гражданскую вѣрность.

Вторая часть перваго возраженія представляет собою мысль въ зародышѣ. Въ интересахъ истины разоведемъ ее и выразимъ точнѣе. Условія для возникновенія права на вознагражденіе дѣйствительно должны существовать, такъ какъ фактъ будетъ правопроизводящимъ только тогда, когда появленіе его на свѣтъ оставлено указанными въ законѣ условіями. Но тѣ условія, которыя мы считаемъ необходимыми для возникновенія права на вознагражденіе, не имѣютъ никакого значенія. Законъ не дѣлитъ убытки по категоріямъ и не говоритъ, что за такіе убытки слѣдуетъ отвѣчать, а за такіе—не слѣдуетъ: всякаго рода и всякаго вида понесенные убытки законъ обязываетъ вознаграждать, если существуютъ для того другія указанныя закономъ условія.

Конечно поставленное въ такомъ видѣ возраженіе представляется болѣе серьезнымъ, хотя и оно указываетъ на игнорированіе специальныхъ законовъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ за причиненіе личнаго и имущественнаго вреда. Въ статьѣ нашей: „Отвѣтственность желѣзной дороги за просрочку въ доставкѣ груза“, напечатанной во 2 № настоящаго журнала за этотъ годъ, можно найти полное подтвержденіе выставляемаго нами положенія, а потому здѣсь мы будемъ кратки. Возьмемъ, въ видѣ примѣра, случай, указанный въ 94 и 95 ст. уст. Росс. желѣз. дорогъ. Пассажиръ, положимъ извѣстный адвокатъ, ѣхавшій по желѣзной дорогѣ въ какой-либо губернской городъ, для защиты по уголовному дѣлу, задерживается въ пути, вслѣдствіе того, что примыкающій поѣздъ другой дороги уже отошелъ. Прождавши 12 часовъ слѣдующаго очереднаго поѣзда, онъ прибываетъ къ мѣсту назначенія, когда дѣло уже рассмотрѣно судомъ. Естественныя послѣдствія такого опозданія—это потеря болѣе или менѣе крупнаго гонорара, т. е. причиненіе извѣстнаго имущественнаго ущерба. Между тѣмъ 94 и 95 ст. означеннаго устава *допускаютъ только одинъ видъ вознагражденія.*—*Это возвращеніе платы за проѣздъ, если пассажиръ съ обратнымъ поѣздомъ со станціи, гдѣ былъ перерывъ движенія, возвратится на станцію отправленія.*

Такого вида ущерба въ приведенномъ нами примѣрѣ не было, такъ какъ пассажиръ доѣхалъ до станціи назначенія и слѣдовательно воспользовался своимъ билетомъ, а между тѣмъ ему причиненъ иного рода имущественный вредъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Купцу А неправильно отказали въ приемѣ хлѣбнаго груза къ немедленной отправкѣ, а между тѣмъ этотъ грузъ былъ проданъ и могъ придти въ срокъ на станцію
Жур. Мин. Юст. Іюнь 1899.

назначенія только при немедленномъ принятіи и отправленіи его дорогою. А несомнѣнно понесетъ имущественный ущербъ, если покупатель, за несвоевременностью доставки груза, откажется отъ его принятія. Между тѣмъ, согласно 100 ст. уст. Росс. желѣз. дорогъ и тѣхъ мотивовъ, на которыхъ статья эта основана, грузоходзинъ или отправитель имѣетъ право искать съ дороги только тѣ убытки, *которые понесены имъ вслѣдствіе доставки груза на станцію и обратнаго его отвоза.*

Мы ограничимся пока этими двумя примѣрами, такъ какъ и изъ нихъ можно убѣдиться, что не за всякаго рода убытки спеціальнѣй законъ обязываетъ вознаграждать потерпѣвшаго.

Итакъ первое возраженіе по своему существу является плодомъ недоразумѣнія, вызваннаго недостаточнымъ знакомствомъ съ спеціальною, особою отвѣтственностію желѣзныхъ дорогъ.

Перейдемъ теперь ко второму возраженію, которое по своему изложенію представляетъ какъ-бы неумѣлый переводъ съ иностраннаго на русскій (убытки, *причиненные незаконными дѣйствіями и во всякомъ случаѣ по винѣ отвѣтчика, приключившейся смерти* (?).

Уяснивши себѣ проводимое нами положеніе объ отвѣтственности желѣзной дороги въ извѣстныхъ случаяхъ только за извѣстнаго рода убытки, станетъ понятнымъ нашъ взглядъ объ отсутствіи у потерпѣвшаго права на вознагражденіе за причиненіе смерти его женѣ, доставлявшей семьѣ *лишь услуги, но не содержаніе.*

Чтобы не давалъ вновь повода къ недоразумѣніямъ, остановимся съ должнымъ вниманіемъ на вопросѣ о томъ: какаго рода убытки могутъ проистекать собственно отъ причиненія смерти данному лицу. На этотъ вопросъ вполне удовлетворительный отвѣтъ даетъ германское гражданское уложеніе отъ 1 іюня 1896 года. 844 и 845 параграфы указываютъ, что убытки, вслѣдствіе лишенія жизни, могутъ заключаться: во-1-хъ, въ потерѣ того содержанія, которое потерпѣвшій получалъ отъ убитаго, во-2-хъ, потерѣ тѣхъ услугъ, которыя убитый оказывалъ потерпѣвшему, въ-3-хъ, въ расходахъ на погребеніе и, въ-4-хъ, наконецъ въ расходахъ на леченіе убитаго до его смерти и на попеченіе о немъ во время болѣзни. Затѣмъ самый *фактъ причиненія собственно смерти* не можетъ повлечь за собою никакихъ другихъ имущественныхъ потерь¹⁾. Сто-

¹⁾ Правда, тутъ можетъ присоединиться какой-либо иной видъ убытка, но это — случайное явленіе. Такъ, напр., убитый не могъ исполнить возложеннаго на

ить лишь вдуматься въ утверждаемое нами положеніе, чтобы признать его безспорность.

Убитый и потерпѣвшій могутъ стоять другъ къ другу лишь въ двухъ отношеніяхъ: или первый будетъ кормильцемъ послѣдняго—и въ этихъ случаяхъ смерть перваго можетъ повлечь за собою для послѣдняго лишеніе того содержанія, которое онъ получалъ при жизни убитаго; или потерпѣвшій пользовался при жизни убитаго его услугами и тогда фактъ смерти послѣдняго лишитъ его тѣхъ услугъ, которыми онъ до того пользовался. Если не существуетъ этихъ двухъ отношеній между убитымъ и потерпѣвшимъ, то не можетъ быть и рѣчи о *причиненіи смерти* какихъ бы то ни было убытковъ.

Изъ этихъ четырехъ видовъ убытковъ желѣзная дорога отвѣчаетъ лишь за три, указанные нами въ 1-мъ, 3-мъ, и 4-мъ пунктахъ, или другими словами *желѣзная дорога освобождается отъ отвѣтственности за причиненіе смерти лицу, доставлявшему потерпѣвшему лишь услуги*. Что это такъ—докажемъ прежде всего германскими: уложеніемъ 1896 и закономъ о желѣзнодорожной отвѣтственности 7 іюня 1871 года.

Какъ извѣстно, составители гражданскаго уложенія 1896 года одновременно пересмотрѣли и желѣзнодорожный законъ 1871 г. и сдѣлали въ послѣднемъ лишь нѣкоторыя поправки, главнымъ образомъ редакціоннаго характера ¹⁾. Одновременное существованіе двухъ этихъ законоположеній прежде всего указываетъ на специальную отвѣтственность желѣзной дороги за причиненіе смерти и поврежденіе здоровья.

Теперь, если мы сопоставимъ 3-й параграфъ (въ исправленномъ видѣ) закона 1871 г. съ 844 ст. уложенія 1896 г., то мы увидимъ, что въ обоихъ этихъ правилахъ, въ сущности сходныхъ между собою, идетъ рѣчь о вознагражденіи за причиненіе смерти, *посред-*

него порученія, вслѣдствіе причиненія ему смерти. Здѣсь, при наличности убытка, отыскивается вознагражденіе не за причиненіе смерти, а за лишеніе убитаго возможности исполнить возложенное на него порученіе, каковое лишеніе могло имѣть мѣсто и вслѣдствіе, положимъ, насильственнаго задержанія убитаго въ пути. Слѣдовательно въ подобномъ случаѣ рѣчь идетъ объ убыткахъ не за лишеніе жизни, а за воспрепятствованіе довѣренному лицу исполнить данное ему порученіе.

¹⁾ У насъ подъ руками имѣется въ настоящее время Лейпцигское изданіе Вебера, въ которомъ уложеніе помѣщено на 1—454 страницахъ, а сдѣланныя въ законѣ 1871 года поправки на 468 и 469.

своём доставленія потерпѣвшему того содержанія, которое онъ получалъ отъ убитого и котораго онъ лишился вслѣдствіе смерти послѣдняго.

Слѣдовательно не 3-й параграфъ даетъ закону 1871 года право на особое существованіе, такъ какъ содержащееся въ немъ постановленіе повторяется въ 844 ст. уложенія. Но кромѣ 3-го параграфа, никакой другой въ этомъ специальномъ узаконеніи не говоритъ о вознагражденіи за причиненіе дорогою смерти. Почему же удержанъ тогда специальный законъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ 845 ст. уложенія. Въ ней установлено правило, въ силу котораго причинившій имущественный вредъ обязанъ вознаградить потерпѣвшаго и въ томъ случаѣ, когда убитый доставлялъ ему или обязанъ былъ по закону доставлять услуги въ домашнемъ его хозяйствѣ или въ промышленной его дѣятельности (Im Falle der Tödtung... hat der Ersatzpflichtige wenn der Verletzte kraft Gesetzes einem Dritten zur Leistung von Diensten in dessen Hauswesen oder Gewerbe verpflichtet war, dem Dritten für die entgehenden Dienste durch Entrichtung einer Geldrente Ersatz zu leisten).

Подобнаго правила въ законѣ 1871 года не содержится, а слѣдовательно оно и не примѣнимо къ ответственности желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ сохраненіе специального закона, при изданіи новаго гражданскаго уложенія 1896 г., не имѣло бы никакого логическаго оправданія. Конечно можно было бы говорить о недосмотрѣ со стороны составителей уложенія, если бы они одновременно не подвергли особому пересмотру и законъ 1871 года. Если же, несмотря на его пересмотръ, въ него намѣренно не введено правило 845 ст. уложенія, то ясно до очевидности, что по этому специальному закону и не допускается установленная въ 845 ст. имущественная отвѣтственность¹⁾.

Полагаемъ, что для нашего рецензента станетъ теперь еще болѣе понятнымъ наше сомнѣніе относительно права потерпѣвшаго на вознагражденіе по 683 ст. 1 ч. X т. за лишеніе его услугъ.

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь кстати, что отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ и за поврежденіе здоровья, въ силу измѣненнаго 3 параграфа а, ограничивается возмѣщеніемъ прямого имущественнаго ущерба, причиненнаго потерпѣвшему (такое же правило и въ 843 ст. уложенія), тогда какъ по 847 ст. уложенія (соотвѣтствующаго правила въ специальный законъ 1871 г. не включено) вознагражденію подлежатъ не только весь имущественный убытокъ, но и такого рода ущербъ, который не составляетъ имущественнаго вреда (... kann der Verletzte auch wegen des Schadens, der nicht Vermögensschaden ist, eine billige Entschädigung in Geld verlangen).

Но намъ могутъ сказать: да, по германскому спеціальному закону 1871 г. это такъ, но вѣдь мы имѣемъ свой особый законъ, изображенный въ 683 ст. 1 ч. X т., въ которой ничего подобнаго не говорится.

Конечно, для того, кто не идетъ далѣе 1 ч. X т. и не желаетъ заглянуть ни въ мотивы, на которыхъ основана 683 ст., ни на источникъ ея происхожденія, для того покажутся излишними и, пожалуй, утомительными наши изысканія въ области чуждыхъ для насъ законодательствъ. Но для того, кто въ спеціальномъ журналѣ (посвященномъ разработкѣ не только практическихъ, но и связанныхъ съ ними теоретическихъ вопросовъ права и процесса) берется за истолкованіе смысла закона, полагаемъ, недостаточно свои выводы строить только на 683 ст.

Какъ извѣстно, нашъ законъ отъ 14 февраля 1878 г., составившій собою нынѣ дѣйствующую 683 ст. 1 ч. X т., выработанъ былъ комиссіею, состоявшею подъ предѣтельствомъ статсъ-секретаря, сенатора, нынѣ члена Государственнаго Совѣта, Селифонта. Означенная комиссія въ своей объяснительной запискѣ неоднократно указываетъ, что основныя положенія проектированнаго ею правила всецѣло заимствованы изъ германскаго закона 1871 года объ отвѣтственности, между прочимъ, желѣзныхъ дорогъ за причиненія смерти и поврежденія здоровья. Эти заимствованія, какъ видно изъ журналовъ Государственнаго Совѣта, были привѣтствованы и признаны вполне цѣлесообразными, при чемъ самъ Государственный Совѣтъ дополнилъ проектированное комиссіею правило заимствованіемъ изъ германскаго закона болѣе короткихъ сроковъ давности, которые комиссія упустила изъ виду.

Если же нынѣшняя 683 ст. составлена по образцу германскаго закона 1871 года, то само собою разумѣется, что ею и не могла быть установлена отвѣтственность желѣзной дороги за лишеніе услугъ, посредствомъ причиненія смерти, такъ какъ подобная отвѣтственность не допускается и ея первоисточникомъ. Эта мысль проведена съ достаточною наглядностью и въ 683 ст. Прежде всего въ ней не сдѣлано ссылки ни на 644, ни на 684 ст. 1 ч. X т., содержащія въ себѣ общія начала отвѣтственности за причиненія имущественнаго вреда всякаго рода недозволенными дѣйствіями, являются ли они простыми гражданскими правонарушеніями, или же дѣяніями, караемыми уголовнымъ закономъ. Слѣдовательно общія начала отвѣтственности, выраженные въ 644 и 684 ст., и не примѣнимы къ спеціальному случаю, предусмотрѣнному 683

ст. На непримѣнимость этихъ общихъ началъ указалъ и Министръ Юстиціи въ своемъ представленіи въ Государственный Совѣтъ, къ которому приложено было проектированное комиссіею статсъ-секретаря Селифонтова законоположеніе (1—5 листы представленія).

Указывая въ своемъ представленіи на необходимость редакціонныхъ поправокъ, Министръ Юстиціи высказалъ, между прочимъ, что одна ссылка проекта на 657—662 ст. 1 ч. X т. недостаточна и можетъ подать поводъ лишь къ недоразумѣніямъ, такъ какъ проектируемое правило объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій построено совершенно на иныхъ началахъ, чѣмъ тѣ, которыя положены въ основу 657—662 ст. 1 ч. X т.

Затѣмъ ссылка въ 683 ст. сдѣлана лишь на 657—662 и 675 ст., при чемъ оговорено, что эти ссылочныя статьи имѣютъ примѣненіе настолько, насколько онѣ согласны съ правилами, изложенными во 2 и послѣдующихъ пунктахъ 683 ст.

Чтобы доказать наглядно существенную разницу между началами общей (по 644 и 684 ст.) и особой отвѣтственности (по 683 ст.), остановимся на 657 ст.

Въ ней установлено:

во-1-хъ) какія лица имѣютъ право на вознагражденіе—это родители, жена и дѣти (о правѣ мужа здѣсь не говорится);

во-2-хъ) порядокъ опредѣленія вознагражденія—по усмотрѣнію суда,сообразно съ имуществомъ виновнаго, а равно съ семейнымъ и общественнымъ положеніемъ потерпѣвшаго, и,

въ-3-хъ) наконецъ,—какого рода и при какихъ условіяхъ должно быть доставлено вознагражденіе—это содержаніе семейству убитаго, если послѣдній содержалъ его собственными трудами.

Однако въ силу 683 ст. не примѣнимо прежде всего указанное нами 1-е постановленіе 657 ст. 683 ст. прямо предписываетъ вознаграждать cadaго дѣйствительно потерпѣвшаго. По словамъ Министра Юстиціи (въ его представленіи въ Государственный Совѣтъ)—это начало справедливости должно быть выражено въ „положительномъ законѣ“.

Затѣмъ и 2-е указанное нами постановленіе 657 ст. не примѣнимо къ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ оно не согласуется съ 4 п. 683 ст., въ силу котораго, по словамъ составителей этого закона, вознагражденіе поставлено въ зависимость только отъ одного имущественнаго положенія потерпѣвшаго и должно сообразоваться съ понесенною имущественною потерю.

3-е, наконецъ, указанное нами, постановленіе 657 ст. и должно только примѣняться къ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ, т. е. дорога обязана доставить содержаніе тѣмъ, которые его лишились, но лишь тогда, когда убитый содержалъ ихъ собственными трудами и въ томъ лишь размѣрѣ, въ которомъ они его получали при жизни убитаго.

Такова противоположность началъ, на которыхъ построена 657 ст. (а равно и 644 ст., содержащая въ себѣ общія положенія), съ одной стороны, и 683 ст.—съ другой.

Различіе между началами общей отвѣтственности и специальной столь же наглядно выражено и въ объяснительной запискѣ, составленной комиссіею статсъ-секретаря Селифонтова, и въ представленіи Министра Юстиціи въ Государственный Совѣтъ. Въ той и другомъ, между прочимъ, выражено, *что причиненіе дорогою ущерба, являясь обыкновенно результатомъ несчастія и случайности, должно влечь за собою отвѣтственность постолько, поскольку это необходимо для потерпѣвшаго, которому можетъ быть предоставлено лишь то, что онъ потерялъ, и исключительно притомъ въ размѣрѣ дѣйствительно понесеннаго ущерба.*

Итакъ и второе возраженіе нашего рецензента совершенно неосновательно. Мы доказали, что фактъ причиненія смерти можетъ повлечь за собою собственно четыре вида убытковъ, изъ которыхъ одинъ (происходящій отъ лишенія услугъ, доставляемыхъ убитымъ) не можетъ подлежать вознагражденію по 683 ст.

Если нашъ противникъ вдумается въ тѣ доводы, которые только-что нами приведены, то онъ долженъ взять назадъ свое третье возраженіе.

Мы указали и доказали, что 683 ст. составляетъ собою законъ специальный и, какъ таковой, исключаетъ примѣненіе тѣхъ общихъ правилъ 1 ч. X т., которыя въ немъ не поименованы. Вотъ почему и въ помѣщенной въ газетѣ „Право“ статьѣ, въ подтвержденіе своихъ выводовъ, мы только и могли ссылаться на 683 ст., какъ основную, и 657 и 658, какъ тѣ, къ которымъ отсылаетъ основная статья. Такимъ образомъ ссылка на общіе принципы, установленные въ 644 и 684 ст., была и невозможна, во-1-хъ, потому, что 683 ст. построена на другихъ началахъ, а, во-2-хъ, и потому, что въ 683 ст. въ точности указаны, какія статьи (657 и 658 ст. по отношенію къ причиненію смерти) и въ какихъ предѣлахъ должны имѣть примѣненіе къ специальному случаю, въ ней предусмотрѣнному. Не было намъ надобности ссылаться и на

675 ст., о которой упомянуто въ 683 ст., такъ какъ она не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Самая ссылка на нее сдѣлана съ цѣлью пояснить, что количество вознагражденія во всѣхъ случаяхъ *назначается судомъ по изслѣдованіи происшествія и обстоятельствъ дѣла*, но въ ней не дано указаній, при какихъ условіяхъ и въ какомъ размѣрѣ назначается это вознагражденіе.

Затѣмъ, уяснивши себѣ какого рода или вида могутъ быть тѣ убытки, которые влечетъ за собою фактъ причиненія смерти, нельзя болѣе удивляться, что мы во всей своей статьѣ только и говорили о вознагражденіи за лишеніе содержанія, ни сколько при томъ не отождествляя право на вознагражденіе съ правомъ на алименты.

Если убытки отъ лишенія жизни слагаются изъ *лишенія содержанія и лишенія услугъ*, то о какихъ еще убыткахъ могла идти рѣчь?

Затѣмъ едва-ли возможно смѣшивать алименты съ вознагражденіемъ за лишеніе этихъ алиментовъ. То содержаніе, которое доставлялъ убитый потерпѣвшему, будучи алиментарною обязанностью, теряетъ свое юридическое бытіе посредствомъ факта смерти убитаго. То же содержаніе, которое присуждаетъ судъ, въ видѣ ли единовременной суммы, или срочныхъ пособій, носить совершенно иной юридическій обликъ—оно является *имущественнымъ вознагражденіемъ за лишеніе потерпѣвшаго тѣхъ алиментовъ, которые онъ получалъ отъ убитаго*. Разница между ними существенна и заключается въ томъ, что обязанность доставлять содержаніе до указаннаго въ законѣ срока (957 ст.) переходитъ и на наслѣдниковъ лица, причинившаго вредъ, тогда какъ на наслѣдниковъ лица, доставляющаго алименты, алиментарная обязанность не переходитъ (106 и 194 ст.). Нельзя утверждать, что вознагражденіе за лишеніе алиментовъ составляетъ личное право, а вознагражденіе за лишеніе услугъ право имущественное. Въдѣ доставленіе какъ алиментовъ, такъ и личныхъ услугъ обуславливается чисто-личными отношеніями между доставляющимъ и получающимъ эти алименты или услуги. Смерть доставляющаго какъ алименты, такъ и услуги, не причиняетъ въ строгомъ смыслѣ прямого имущественнаго вреда, такъ какъ погибаетъ не рабочая сила, а правоспособное живое существо. Вредъ или имущественный убытокъ проистекаетъ косвенно, вслѣдствіе лишенія: въ одномъ случаѣ лица, поддерживавшаго существованіе потерпѣвшаго, а въ другомъ—лица, оказывавшаго ему личныя услуги. Изъ этихъ двухъ

личнаго характера потерь обыкновенно признается болѣе важною— потеря кормильца, такъ какъ она и по общему, и по спеціальному закону подлежитъ возмѣщенію, тогда какъ вознагражденіе за потерю услугъ можно отыскивать лишь на основаніи общихъ правилъ.

Перейдемъ теперь къ четвертому возраженію.

По мнѣнію анонимнаго автора нашъ выводъ изъ 683 ст. 1 ч. X т. о томъ, что она допускаетъ отыскивать убытки, вслѣдствіе причиненія смерти, лишь за лишеніе содержанія и за издержки на леченіе убитаго и его похороны,—не согласенъ, будто-бы, съ элементарнымъ толкованіемъ закона.

Такое мнѣніе можно объяснить только недостаточнымъ усвоеніемъ нашего взгляда и приведенной въ подтвержденіе его аргументаціи, такъ какъ иначе пришлось бы приписать это незнакомству съ обычными приѣмами логическаго мышленія.

Мы утверждали, что изъ двухъ главныхъ видовъ ущерба (отъ лишенія содержанія и отъ лишенія услугъ) желѣзная дорога несетъ отвѣтственность только за одинъ. Такой взглядъ мы признаемъ и теперь единственно согласнымъ съ закономъ.

Доказывали мы это тѣмъ, что законъ о желѣзнодорожной отвѣтственности (683 ст. 1 ч. X т.) является закономъ исключительнымъ, построеннымъ притомъ на иныхъ началахъ, чѣмъ законъ объ отвѣтственности за недозволенные дѣйствія вообще. Какъ законъ исключительный, спеціальный, онъ не подлежитъ распространительному толкованію, допуская примѣненіе общихъ нормъ постолько, поскольку это въ немъ оговорено. А посему и такъ какъ въ 683 ст. 1 ч. X т. сдѣлана ссылка на 657 и 658 ст. (относительно ущерба за лишеніе жизни), то каждый потерпѣвшій имѣетъ право отыскивать вознагражденіе лишь за лишеніе содержанія и расходы, о которыхъ говорится въ 657 и 658 ст., и притомъ съ соблюденіемъ тѣхъ условій, которыя указаны во 2 и послѣдующихъ пунктахъ 683 ст.

Наши разсужденія такимъ образомъ представляютъ собою правильно построенный логическій силлогизмъ, въ которомъ составляютъ:

1) *большую посылку*: всякій спеціальный, исключительный законъ, устанавливая изъятіе изъ общихъ правилъ, подлежитъ примѣненію лишь къ случаямъ, въ немъ указаннымъ;

2) *малую посылку*: 683 ст. 1 ч. X т. законъ спеціальный и въ случаяхъ причиненія имущественнаго вреда, вслѣдствіе лишенія жизни, *предписываетъ* вознаграждать на основаніи 657

и 658 ст., съ соблюденіемъ притомъ условій, указанныхъ во 2-мъ и послѣдующихъ ея пунктахъ;

3) *заключеніе*: а посему и вознагражденіе можетъ быть отыскиваемо только за лишеніе содержанія, доставляемаго убитымъ (657 ст.), и за издержки на его леченіе и погребеніе (658 ст.), съ тѣмъ, чтобы содержаніе было присуждаемо въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно получалось потерпѣвшимъ отъ убитаго (4 п. 683 ст.).

Серьезное опроверженіе должно бы быть построено на приведеніи доказательствъ: или невѣрности общаго положенія, составляющаго собою большую посылку, или непримѣнимости частнаго случая къ общему положенію, т. е. неправильной постановки малой посылки; или, наконецъ, сдѣланія ненадлежащаго вывода изъ большой и малой посылокъ, т. е. невѣрности заключенія.

Разсмотримъ по порядку всѣ три составныя части нашего силлогизма:

Основное положеніе, составляющее у насъ большую посылку, представляетъ собою безспорную юридическую аксіому, а потому правильность его не должна подлежать сомнѣнію.

Затѣмъ малая посылка съ логической стороны поставлена правильно: приведегъ въ видѣ частнаго случая отдѣльный спеціальный законъ, говорящій о вознагражденіи за вредъ, вслѣдствіе причиненія смерти.

Къ сожалѣнію, у многихъ юристовъ-практиковъ существуетъ самое смутное представленіе о характерѣ закона, изображеннаго въ 683 ст. 1 ч. X т. По ихъ мнѣнію, законъ этотъ ничего исключительнаго не представляетъ, а усиливаетъ лишь отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ, вмѣняя имъ и случайно причиненный вредъ.

Недоразумѣніе въ данномъ случаѣ только и объясняется недостаточнымъ знакомствомъ съ спеціальною желѣзнодорожною отвѣтственностью вообще какъ у насъ, такъ и въ тѣхъ государствахъ Западной Европы, которыя имѣютъ особые желѣзнодорожные законы.

При сложности желѣзнодорожнаго дѣла и незнакомствѣ съ техническими его особенностями громаднаго большинства тѣхъ лицъ, которыя ежедневно и ежечасно вступаютъ въ договорныя и недоговорныя отношенія съ администраціею или отдѣльными агентами дороги, законодатель призналъ цѣлесообразнымъ, при причиненіи дорогою личнаго или имущественнаго вреда, переложить на дорогу все бремя доказательства, относительно причины случившагося несчастія. Такимъ образомъ не истецъ, предъяв-

ляющій требованіе о вознагражденіи за убытки, обязанъ доказать, что несчастіе, или катастрофа, причинившая ущербъ, должна быть вѣнена въ вину дороги, а эта послѣдняя, какъ отвѣтчица, несетъ обязанность установить, что событіе, вызвавшее ущербъ, наступило *не по ея винѣ, или вслѣдствіе воздѣйствія непреодолимой силы* (2 п. 683 ст. 1 ч. X т., 92, 96, 102 и др. статьи устава Росс. жел. дорогъ).

Та же самая особенность желѣзнодорожнаго хозяйства вызвала и другое отступленіе отъ общихъ нормъ—это установленіе годичной, а не десятилѣтней давности, для погашенія права на искъ (7 п. 683 ст. 1 ч. X т. и 135 ст. уст. Росс. жел. дорогъ).

Если послѣднее предписаніе закона, направленное къ огражденію интересовъ дороги, нельзя назвать облегченіемъ ея отвѣтственности, какъ вызываемое особымъ свойствомъ желѣзнодорожной дѣятельности, то точно также и первое постановленіе закона не можетъ быть разсматриваемо съ точки зрѣнія усиленія отвѣтственности дороги, такъ какъ оно вызвано тѣми же причинами и направлено для огражденія интересовъ пострадавшихъ.

Затѣмъ ограниченіе отвѣтственности дороги извѣстными предѣлами и строго указанными условіями не подлежитъ сомнѣнію и ясно выражено въ 92—110 ст. уст. Росс. жел. дорогъ, какъ мы уже доказали въ своей статьѣ, напечатанной во 2 № Журнала Министерства Юстиціи за этотъ годъ. Такая же ограниченная отвѣтственность дорогъ установлена въ Германіи, Австріи и Швейцаріи.

Итакъ значить нами доказано, что законы о желѣзнодорожной отвѣтственности вообще и 683 ст. 1 ч. X т. въ частности являются законами исключительными, специальными. Слѣдовательно первая часть малой посылки несомнѣнно правильно поставлена („683 ст. 1 ч. X т. законъ специальный и въ случаяхъ причиненія имущественнаго вреда, вслѣдствіе лишенія жизни, предписываетъ вознаграждать“.....). Но неизвѣстный авторъ замѣтки находитъ, что ссылка въ 683 ст. на 657 и 658 ст. сдѣлана единственно для указанія *способа назначенія вознагражденія и определенія его размѣра, но отнюдь не для установленія тѣхъ условій, при коихъ возникаетъ право на вознагражденіе* (285 и 286 стр. Вѣстника Права). Подобное возраженіе есть результатъ одного недоразумѣнія.

Какъ извѣстно, 1 п. 683 ст. говоритъ вообще о вознагражденіи за ущербъ, происшедшій отъ причиненія смерти и поврежде-

нія здоровья, отсылая затѣмъ за дальнѣйшими подробностями, съ одной стороны, къ 657—662 ст., а съ другой—ко второму и послѣдующимъ ея пунктамъ.

Спеціально о вознагражденіи уцѣрба, вслѣдствіе причиненія смерти, говорятъ 657 и 658 ст. Стоитъ лишь внимательно прочесть 657 ст., чтобы убѣдиться, что въ ней идетъ рѣчь не только о размѣрѣ и способѣ вознагражденія, но и объ условіяхъ, при которыхъ возникаетъ право на вознагражденіе. Въ самомъ же началѣ этой статьи говорится, что вознагражденіе назначается, *если признано, что убитый содержалъ собственными трудами...* Что же это такое, какъ не указаніе условія, для возникновенія права на вознагражденіе? То же указаніе условій во 2-й части 660 ст. и въ 1-й ч. 661 ст.

Но особенно подчеркнута условіе для возникновенія права на вознагражденіе въ 662 ст.—тутъ условіемъ для полученія вознагражденія за причиненіе обезображенія выставлено, чтобы обезображенная *не состояла въ замужествѣ или была вдовою* и не имѣла средствъ къ существованію.

Наконецъ и 2 п. 683 ст. 1 ч. X т., на который сдѣлана нами ссылка въ напечатанной въ газетѣ „Право“ статьѣ, также указываетъ условіе для возникновенія права на вознагражденіе.

Такимъ образомъ и послѣдняя 2 часть нашей *малой посылки* („на основаніи 657 и 658 ст. . . .“) вѣрна и по своему существу.

Для того, кто еще не забылъ элементарныхъ правилъ логики, казалось бы, не должно существовать сомнѣнія и въ правильности нашего заключенія.

Если по отношенію къ причиненію имущественнаго вреда, вслѣдствіе лишенія жизни, въ 683 ст. сдѣлана ссылка только на 657 и 658 ст.; если затѣмъ сама по себѣ 683 ст., какъ законъ исключительный, не подлежитъ распространительному толкованію и должна имѣть примѣненіе въ строго начертанныхъ ею же границахъ, то само собою разумѣется, что и вознагражденіе потерпѣвшимъ можетъ быть отыскиваемо лишь то, которое указано въ 657 и 658 ст., съ тѣми ограниченіями, которыя приведены во второмъ и послѣдующихъ пунктахъ 683 ст.

Въ заключеніе мы считаемъ необходимымъ указать и на невѣрное изложеніе фактической стороны по дѣлу Бѣлоивана.

По дѣлу установлено, и это даже подчеркнута въ засѣданіи департамента сенаторомъ-докладчикомъ, что никакой агентъ дороги не сталкивалъ жену Бѣлоивана съ поѣзда. Несчастіе произошло

при слѣдующихъ условіяхъ: Маркъ Бѣлоиванъ, его жена и дочь забрались въ товарный вагонъ и притомъ не только безъ билета, но и безъ разрѣшенія подлежащаго желѣзнодорожнаго начальства. Когда поѣздъ, на которомъ они находились, началъ приближаться къ станціи, то, для избѣжанія контроля дороги, на ходу поѣзда спрыгнулъ сначала Бѣлоиванъ, а затѣмъ его жена. Для перваго прыжокъ былъ благополучный, а вторая, попавши подъ колеса вагона, погибла. На крикъ дочери, послѣ несчастнаго случая съ матерью, прибѣжалъ кондукторъ и поѣздъ былъ остановленъ.

При такихъ условіяхъ едва-ли основательно утверждать, что отмѣна рѣшенія палаты является возданіемъ должнаго справедливости. Вѣдь въ данномъ случаѣ судебная палата, не касаясь даже вопроса о правѣ на искъ, имѣла достаточныя основанія устранить исковыя притязанія Бѣлоивана, установивъ наличность собственной вивы убитой въ случившемся съ нею несчастіи.

Затѣмъ едва-ли умѣстно по поводу даннаго дѣла возбуждать вопросъ о стоимости русской женщины, или проводить параллель между ущербомъ, происходящимъ отъ причиненія смерти коровъ или лошади, и убыткомъ, являющимся послѣдствіемъ смерти жены. И германскій законъ 1871 года, и германскій имперскій судъ находятъ, что мужъ не имѣетъ права иска къ дорогѣ за причиненіе смерти его женѣ, но никому въ голову не приходитъ видѣть въ этомъ что-либо удивительное. Точно также и у насъ Прав. Сенатъ по Уголов. Касс. Д-ту, по дѣлу парохода „Владимиръ“ (за 1896 г. № 4), высказалъ тотъ же взглядъ. Собственно и рѣшеніе Харьковской палаты находитъ полное оправданіе въ рѣшеніи Гражд. Касс. Д-та Сената по дѣлу Пакутиной (нами разобраннымъ въ Журналѣ М-ва Юстиціи за 1896 г. № 1), гдѣ проведена та же точка зрѣнія. И эти рѣшенія вызывали лишь критику мотивовъ, но не основныхъ положеній.

Такимъ образомъ можно возбуждать вопросъ лишь о цѣлесообразности существующаго закона объ ограниченіи отвѣтственности желѣзной дороги за причиненіе смерти и поврежденіе здоровья.

И подобный вопросъ едва-ли можетъ быть разрѣшенъ отрицательно, но мы не будемъ на немъ останавливаться, такъ какъ это выходитъ за предѣлы нашей задачи.

К. Змирловъ.

V.

ПОРЯДОКЪ ПРЕСЛѢДОВАНІЯ ЗА САМОВОЛЬНУЮ ПАСТЬБУ ВЪ КАЗЕННЫХЪ ДАЧАХЪ И ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ ИЗМѢНЕНІЕ ЕГО.

Въ настоящее время никто не сомнѣвается, что чины судебного вѣдомства, получающіе весьма скромное содержаніе, не хватающее на удовлетвореніе насущныхъ потребностей, хотя и надѣленные повышеннымъ классомъ должности, обременены непосильной работой, сравнительно съ чинами другихъ вѣдомствъ, что несомнѣнно отражается на качествѣ работы. Подготовка дѣлъ къ засѣданію и исполненіе формальностей послѣ постановленія рѣшенія или приговора отнимаетъ много времени на переписку, подчасъ излишнюю, а потому и непроизводительную, въ особенности по дѣламъ казеннаго управленія. Въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ для этого существуетъ канцелярія съ цѣлымъ штатомъ служащихъ, въ мировыхъ же вся эта работа лежитъ на судѣ, ибо онъ одинъ является отвѣтственнымъ лицомъ, а потому за всякой мелочью долженъ наблюдать самъ. Правда, циркуляръ г. Министра Юстиціи, изданный въ 1895 году, рекомендуетъ чинамъ судебного вѣдомства по возможности сократить излишнюю переписку въ дѣлопроизводствѣ, но это касается сокращенія изложенія актовъ и отношеній и не можетъ касаться самаго дѣлопроизводства, разъ не будетъ узаконено такое сокращеніе, ибо гдѣ нужно составить протоколъ, опредѣленіе или постановленіе, послать извѣщеніе или копію, это должно быть сдѣлано, въ противномъ случаѣ будетъ нарушеніе статей закона, что повлечетъ за собою отміну рѣшенія или приговора, не говоря уже о томъ, что могутъ быть и болѣе серьезныя послѣдствія для самого нарушителя. Между тѣмъ, среди дѣлъ, производящихся въ мировыхъ учрежденіяхъ, нельзя не обратить вниманія на дѣла о самовольной пастьбѣ въ казенныхъ лѣсахъ и вообще дачахъ. Дѣла эти отнимаютъ у судьи много времени, въ виду значительнаго количества ихъ; между тѣмъ, судебская обязанность при производствѣ ихъ сводится только къ написанію приговора на основаніи составленнаго чинами лѣсной стражи протокола безъ провѣрки его, остальное же время идетъ на переписку велѣдствіе исполненія формальностей.

Въ подтвержденіе изложеннаго обратимся къ существующему порядку производства дѣлъ о потравахъ въ казенныхъ дачахъ.

Составленный чинами лѣсной стражи протоколъ препровождается къ лѣсническому, который, не провѣряя его, вычисляетъ по таксѣ, составленной губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, вознагражденіе съ виновнаго въ пользу казны, затѣмъ протоколъ при особомъ отношеніи съ приложеніемъ уполномочія отъ управляющаго государственными имуществами препровождаетъ участковому мировому судѣ. Послѣдній заводитъ дѣло, посылаетъ извѣщеніе лѣсническому о днѣ засѣданія и вызываетъ одного только обвиняемаго; чины лѣсной стражи, составлявшіе протоколъ и бывшіе очевидцами нарушения, въ силу 1187^а ст. уст. угол. суд., не вызываются для допроса въ качествѣ свидѣтелей, дабы лѣса не оставались безъ охраны, и судья постановляетъ приговоръ только на основаніи одного протокола лѣсной стражи. Въ засѣданіе обвиняемые обыкновенно не являются, какъ равно не является никто для поддержанія обвиненія, хотя въ послѣднемъ и не представляется надобности. Постановляется заочный обвинительный приговоръ, и копіи съ него препровождаются лѣсническому и осужденному, послѣднему при особой повѣсткѣ. Отзывы на заочный приговоръ осужденные подаютъ рѣдко. Если поданъ отзывъ, то повторяется прежній порядокъ, начиная съ посылки извѣщенія лѣсническому и кончая посылкой копіи приговора ему же. Если въ первое засѣданіе обвиняемый является, то на вопросъ, почему не уполнено имъ добровольно вознагражденіе казны за убытки по таксѣ, получается отвѣтъ, что или никто съ него не требовалъ вознагражденія, или же что по заявленію лѣсной стражи дѣло должно пойти въ судъ; при этомъ обвиняемый крайне сожалѣетъ о потерянномъ времени на явку въ судъ. По вступленіи приговора въ законную силу посылается исполнительный листъ сельской или общей полиціи, о чемъ опять увѣдомляется лѣсничій. Полиція, исполнивъ приговоръ, увѣдомляетъ объ этомъ судью и лѣсничаго.

Таковъ порядокъ производства дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ о потравахъ въ казенныхъ дачахъ.

Спрашивается, въ чемъ же заключается судейская обязанность при производствѣ дѣлъ сего рода?

Какъ видно изъ предыдущаго, обязанность эта, если не считать написанія и объявленія приговора въ засѣданіи, состоитъ въ исполненіи формальностей, т. е. въ перепискѣ, и притомъ отнимающей у судьи много времени, что при массѣ работы ло-

жится тяжкимъ бременемъ и отвлекаетъ судью отъ болѣе серьезныхъ дѣлъ, гдѣ необходимо на основаніи данныхъ, добытыхъ въ засѣданіи допросомъ свидѣтелей, объясненіемъ сторонъ и разсмотрѣніемъ документовъ, постановитъ рѣшеніе или приговоръ, согласный съ чувствомъ справедливости и съ законами. Между тѣмъ въ дѣлахъ о потравахъ въ казенныхъ дачахъ обязанность судьи, какъ судьи, сводится къ написанію одной резолюціи на основаніи протокола безъ провѣрки его, иначе говоря, разъ протоколъ составленъ чинами лѣсной стражи—долженъ слѣдовать обвинительный приговоръ. Если протоколу, составленному чинами лѣсной стражи и притомъ низшей, дается такое довѣріе, то и порядокъ производства дѣлъ долженъ быть иной. Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда явившійся въ засѣданіе обвиняемый опровергаетъ составленный лѣсной стражей протоколъ; тогда только по этимъ дѣламъ судья выступаетъ въ своей настоящей роли: вызываетъ составителей протокола, допрашиваетъ ихъ въ качествѣ свидѣтелей и уже на основаніи показаній ихъ въ засѣданіи, данныхъ публично и при извѣстной обстановкѣ, постановляетъ приговоръ. Но это бываетъ очень рѣдко. Самая неявка обвиняемыхъ въ засѣданіе и неподача ими отзыва на заочное рѣшеніе указываютъ на признаніе ими своей вины и подчиненіе приговору. Если бы дѣлъ о потравахъ было немного, то указанный порядокъ производства ихъ не былъ бы обременителенъ, но такъ какъ казенныя дачи разбросаны повсемѣстно по Имперіи, а чины лѣсной стражи составляютъ протоколъ, какъ только животное ступить на казенную землю и при немъ былъ хозяинъ, то и дѣла эти, начиная съ ранней весны и до поздней осени, поступаютъ въ судъ въ значительномъ количествѣ.

Нужно еще сказать, что наказаніе за самовольную пастьбу незначительное: до 10 р. денежное взысканіе съ замѣною до 3 сутокъ арестомъ плюсъ взысканіе по таксѣ въ пользу казны въ возмѣщеніе убытковъ; при этомъ обыкновенно не бываетъ такихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, чтобы примѣнялась къ виновному высшая мѣра наказанія: опредѣляется денежное взысканіе, какъ наказаніе, въ минимальномъ размѣрѣ, тѣмъ болѣе, что взысканіе по таксѣ всегда почти превышаетъ дѣйствительные убытки и уже одно это взысканіе само по себѣ служитъ какъ-бы наказаніемъ.

Существующій порядокъ производства дѣлъ о потравахъ въ казенныхъ дачахъ можетъ быть измѣненъ безъ ущерба для инте-

ресовъ казны, но съ значительнымъ облегченіемъ для виновныхъ и для суда, при чемъ правосудіе отъ этого не пострадаетъ. Стѣитъ только дать дѣламъ сего рода ходъ въ административномъ порядкѣ, каковой существуетъ уже давно для дѣлъ паспортныхъ и по нѣкоторымъ нарушеніямъ акцизнаго устава, а въ 1897 г. введенъ и для дѣлъ о порубкахъ въ казенныхъ лѣсахъ. Если возможно было дѣламъ послѣдняго рода дать ходъ въ административномъ порядкѣ, когда лѣса, въ виду повсемѣтнаго истребленія ихъ, раходятся подъ особымъ покровительствомъ и охраной закона, вслѣдствіе чего и наказаніе за порубки значительно строже, то тѣмъ болѣе умѣстенъ такой порядокъ взысканій по дѣламъ о потравахъ, гдѣ уголовное правонарушеніе близко подходитъ къ гражданскому. При новомъ порядкѣ дѣла о потравахъ поступали бы въ судъ только тогда, когда виновные не пожелали бы подчиниться постановленію чиновъ лѣснаго вѣдомства относительно наложеннаго на нихъ взысканія. Можно съ увѣренностью сказать, что при новомъ порядкѣ дѣлъ о потравахъ въ казенныхъ лѣсахъ поступало бы не болѣе 5—10%, такъ какъ виновные охотно будутъ уплачивать наложенное на нихъ денежное взысканіе по таксѣ, какъ возмѣщеніе убытковъ, въ особенности, если взысканіе ограничится только взысканіемъ по таксѣ безъ денежнаго взысканія, какъ наказанія, а это возможно установить безъ ущерба для правосудія, ибо, какъ сказано раньше, взысканіе по таксѣ почти всегда превышаетъ дѣйствительный убытокъ и само по себѣ служить какъ-бы наказаніемъ. При нежеланіи виновныхъ подчиниться добровольно постановленію административныхъ властей имъ, въ случаѣ направленія дѣла въ судъ, будетъ угрожать еще наказаніе по 148 ст. уст. наказ., да кромѣ того убытки вслѣдствіе отвлеченія отъ занятій на явку въ судъ и путевые расходы.

Могутъ замѣтить, что при новомъ порядкѣ трудъ съ чиновъ судебного вѣдомства перенесется на администрацію лѣснаго вѣдомства и завалитъ ихъ новой работой? Опасенія эти неосновательны, работа чиновъ лѣсной стражи не увеличится, а по дѣламъ сего рода упростится. Протоколы и теперь составляются ими, какъ равно о потравахъ извѣщается сельскій староста, а передъ посылкой дѣла въ судъ они же высчитываютъ вознагражденіе казнѣ за убытки по таксѣ. Къ этому прибавится извѣщеніе виновныхъ чрезъ полицію о наложенномъ на нихъ взысканіи и самое взысканіе чрезъ ту же полицію, но въ то же время отбросится вся

Жур. Мин. Юст. Іюнь 1899.

переписка съ судебными учрежденіями по тѣмъ дѣламъ, по которымъ виновные подчиняются постановленію администраціи. Какъ видно изъ изложеннаго, дѣло идетъ не о перенесеніи труда съ судей на администрацію, а объ избавленіи суда отъ излишней и непроизводительной работы безъ ущерба для интересовъ казны и правосудія, а потому и желательно, чтобы измѣненіе порядка производства дѣлъ о потравахъ въ казенныхъ лѣсахъ получило осуществленіе путемъ законодательнымъ. Въ этомъ и заключается цѣль настоящей статьи.

Г. Проснянченко.

VI.

МЕЖЕВАНІЕ ВО ФРАНЦІИ И ВЪ АВСТРІИ.

И. Е. Германъ. Кадастръ, межеваніе и ипотека во Франціи. Москва, 1897 г.—
Кадастръ, межеваніе и земельныя книги въ Австріи. Москва, 1898 г.

Наша межевая литература очень бѣдна трудами даже по вопросамъ отечественнаго законодательства. Иностранное же межеваніе въ ней почти и не затрогивалось¹⁾; изслѣдованы лишь съ достаточною полнотою стоящіе въ связи съ этимъ межеваніемъ вопросы кадастра и ипотеки въ Западной Европѣ (достаточно указать, кромѣ учебниковъ гражданскаго и финансоваго права, спеціальныя труды Горбъ-Ромашкевича, Башмакова и др.). Поэтому двѣ приведенныя брошюры не могутъ не вызывать большаго интереса въ той ихъ части, которая касается межеванія. Въ дальнѣйшемъ мы и остановимся на этой сторонѣ дѣла. Впрочемъ, имѣя въ виду упомянутую тѣсную связь между межеваніемъ, кадастромъ и ипотечными порядками Западной Европы, вполне разъединять эти вопросы нѣтъ никакой возможности.

Въ отдѣлѣ о французскомъ кадастрѣ, которымъ начинается первая брошюра, заслуживаютъ наибольшаго вниманія свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о кадастровомъ межеваніи. На этотъ вопросъ, какъ требующій техническихъ познаній, совершенно не обращается

¹⁾ Въ официальномъ изданіи Матеріаловъ для преобразованія межевой части въ Россіи 1866 года третья часть посвящена межеванію въ иностранныхъ государствахъ; собранный въ этой части богатый матеріалъ къ настоящему времени, конечно, значительно устарѣлъ.

вниманія въ сочиненіяхъ о кадастрѣ, пишущихся юристами или экономистами, не знакомыми съ межевою спеціальною. Между тѣмъ, межеваніе, какъ актъ юридическій, опредѣляющій границы поземельной собственности, возникло во Франціи (какъ, напримѣръ, и въ Россіи) изъ тѣхъ измѣреній земель, которыми сопровождался кадастръ. Авторъ не только подробно описываетъ кадастровыя межеванія, прослѣживая ихъ исторію до самаго послѣдняго времени, но знакомитъ читателя съ характеромъ и условіями службы французскихъ землеѣровъ. Кадастровое межеваніе слагается изъ трехъ отдѣльныхъ работъ: отграниченія общинъ, подлежащихъ кадастру, составленія тригонометрической сѣти на все, подлежащее кадастру, пространство земли и парцеллярной съемки для изображенія на планѣ всѣхъ мельчайшихъ подраздѣленій общины—сельско-хозяйственныхъ и юридическихъ. Отграниченіе производится землеѣромъ при участіи мэровъ общинъ межуемой и смежныхъ, контролера прямыхъ налоговъ и указателей границъ общины; это не есть юридическое разграниченіе собственности, а лишь установленіе административныхъ предѣловъ общинной территоріи; поэтому и споры о границахъ, возникающіе при отграниченіи, подлежатъ разрѣшенію въ административномъ же порядкѣ. Триангуляція имѣетъ чисто техническое значеніе: доставить съемкѣ надежныя опорныя пункты для связи и повѣрокъ работъ; такъ какъ триангуляція, въ смыслѣ пригготовительной къ межеванію работы, имѣетъ очень важное значеніе, то авторъ подробно остановился на описаніи французской триангуляціи; въ виду, однако, спеціальнаго характера этого вопроса, мы не коснемся его. Когда протоколъ отграниченія будетъ утвержденъ, а триангуляція повѣрена и наложена на бумагу, землеѣръ, въ присутствіи владѣльцевъ и указателей границъ, измѣряетъ послѣдовательно каждую парцеллу общины, т. е. каждую „долю земли, болѣе или менѣе значительную, расположенную въ одномъ и томъ же полѣ или урочищѣ, представляющую одну и ту же природу культуры и принадлежащую одному и тому же собственнику“. По первоначальнымъ кадастровымъ правиламъ предполагалось, что эти измѣренія парцеллъ будутъ служить и къ опредѣленію границъ поземельной собственности. Но, за отсутствіемъ точныхъ указаній въ законѣ, практика рѣшила вопросъ иначе („къ несчастію французскаго землевладѣнія“, говоритъ авторъ): землеѣры снимали на планъ границы только владѣнія, только видимыя предѣлы парцеллъ, предоставляя собственникамъ разрѣшать ихъ споры въ общихъ судебныхъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ, кадастровое межеваніе представляетъ первый, но весьма несовершенный видъ французскаго межеванія. Хорошо опредѣленное съ технической стороны кадастровыми инструкціями, оно мало принесло пользы юридическому разграниченію поземельной собственности. Совершаемое безъ непремѣннаго участія владѣльцевъ, безъ постановки на границахъ формальныхъ межевыхъ знаковъ, безъ предъявленія землемѣрамъ какихъ-либо документовъ, безъ надлежащаго исправленія сообразно измѣненіямъ въ земле-владѣніи,—оно устанавливало только предѣлы финансовыхъ единицъ, а не единицъ собственности. Планъ кадастра съ межевой точки зрѣнія „есть только простой фактъ, настолько пригодный къ опредѣленію межъ и къ разрѣшенію граничныхъ споровъ, насколько онъ признается къ тому достаточнымъ обѣими спорящими сторонами“ (стр. 44).

Другой видъ французскаго межеванія—полюбовное межеваніе. Не опредѣленное какими-либо законами или инструкціями, оно совершается по обычаямъ каждой мѣстности, имѣя въ основаніи только то общее положеніе о договорахъ, по которому всякое соглашеніе сторонъ, а слѣдовательно и соглашеніе о границѣ смежныхъ земель, является для сторонъ обязательнымъ и защищается закономъ отъ произвольныхъ нарушеній. Такимъ образомъ, многія отдѣльныя владѣнія во Франціи имѣютъ полюбовныя межи, установленныя по договорамъ, засвидѣтельствованнымъ нотаріусами или мировыми судьями, обставленныя прочными межевыми знаками и защищаемыя уголовнымъ закономъ противъ порчи и истребленія. Но и помимо отдѣльныхъ владѣній, полюбовное межеваніе часто примѣняется къ цѣлымъ общинамъ и служитъ для уничтоженія чрезполосныхъ и общихъ владѣній, съ запискою вновь созданныхъ правъ въ земельную книгу и съ передѣлкой стараго кадастра. Здѣсь все принадлежитъ частной инициативѣ владѣльцевъ, которые, при наличности согласія на размежеваніе двухъ третей ихъ, составляютъ письменное условіе своего соглашенія и выбираютъ изъ своей среды комиссію для управленія и надзора за всѣми подробностями будущаго межеванія. Комиссія уполномочивается своими довѣрителями вчинать межевые иски противъ несогласныхъ на размежеваніе, зачастую сама разрѣшаетъ споры въ качествѣ третейскаго суда, нанимаетъ землемѣра, опредѣляетъ права участія каждаго собственника въ дачѣ, распределяетъ излишки или недостатки земли пропорціонально этимъ правамъ, нарѣзаетъ участки, проводитъ дороги и т. д. Въ результатѣ работъ границы новыхъ участ-

ковъ обставляются межевыми знаками, составляется планъ, позволяющій возобновить эти знаки во всякое время, а каждому собственнику выдается особый билетъ, съ означеніемъ въ немъ всѣхъ свѣдѣній о принадлежащихъ ему въ общинѣ участкахъ. Полюбовное межеваніе, выполненное съ успѣхомъ во многихъ восточныхъ департаментахъ Франціи, считается тамъ, какъ видно изъ приведенныхъ авторомъ выдержекъ изъ отзывовъ специалистовъ, однимъ изъ лучшихъ способовъ межеванія.

Третій и послѣдній, указываемый авторомъ, видъ французскаго межеванія названъ имъ судебнымъ межеваніемъ. Оно основывается на той статьѣ гражданскаго кодекса, которая гласитъ, что „каждый собственникъ можетъ принудить своего сосѣда къ разграниченію признаками ихъ смежныхъ собственности“. Разрѣшеніе вопроса о границѣ принадлежитъ мировому судѣ; но если возникаетъ споръ о правѣ собственности, то мировой судья перестаетъ быть компетентнымъ, и дѣло подлежитъ общему гражданскому суду первой инстанціи. Рѣшенія мировыхъ судей основываются на протоколѣ экспертовъ, которые разсматриваютъ планы, изслѣдуютъ старые признаки, выслушиваютъ стариковъ страны, измѣряютъ земли и допрашиваютъ стороны; иногда мировой судья предпринимаетъ и собственный осмотръ на мѣстѣ въ присутствіи сторонъ и экспертовъ. Разбирательство спора въ гражданскихъ судахъ происходитъ или въ обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства, или въ особомъ сокращенномъ порядкѣ, на основаніи письменныхъ объявленій сторонъ.

Вотъ и всѣ виды французскаго межеванія. „Можно даже сказать,—замѣчаетъ авторъ,—что въ томъ его смыслѣ, какъ это принято понимать у насъ, межеванія во Франціи почти не существуетъ. Здѣсь нѣтъ ни межевыхъ учреждений, ни законовъ межевыхъ; здѣсь правительство никогда не предпринимало государственныхъ межеваній въ цѣляхъ юридическаго разграниченія поземельныхъ владѣній, а межеванія частныя здѣсь могутъ совершаться исключительными заботами самихъ владѣльцевъ, на полный ихъ счетъ и при условіи широкой интерпретаціи законовъ обще-гражданскихъ. Разумѣется, по силѣ вещей, Франція не могла остаться безъ разграниченія ея поземельныхъ владѣній; но все, что здѣсь сдѣлано въ этомъ направленіи,—все это имѣетъ характеръ скорѣе простаго факта, чѣмъ правильнаго установленія въ благоустроенномъ государствѣ“ (стр. 58).

Однако, попытки общаго размежеванія страны начались во

Франціи еще въ половинѣ настоящаго столѣтія. Авторъ указываетъ на проекты межеванія 1837, 1846 и 1876 годовъ. Всѣ эти проекты не увѣнчались успѣхомъ: ихъ осуществленію мѣшали и боязнъ огромныхъ расходовъ, и трудность дѣла, и, наконецъ, предположеніе, что обязательное межеваніе породить множество споровъ и можетъ поколебать спокойствіе въ странѣ. Тѣмъ не менѣе „вопросъ о межевой реформѣ далеко не заглохъ во Франціи“ (стр. 60). „Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1890 г. министру финансовъ Рувье удалось провести чрезъ парламентъ запрошенный имъ кредитъ въ одинъ милліонъ франковъ на новыя изслѣдованія вопросовъ давно ожидаемаго во Франціи преобразованія кадастра, межеванія и ипотеки. Вслѣдъ за симъ, для самаго исполненія предстоящихъ работъ, декретомъ президента Карно отъ 30 мая 1891 г., была учреждена въ Парижѣ при министерствѣ финансовъ особая кадастровая коммисія въ числѣ около 80 лицъ, изъ сенаторовъ, депутатовъ, извѣстныхъ знаніемъ вопроса чиновниковъ, профессоровъ, юристовъ, геометровъ, публицистовъ и проч.“ (стр. 78). Главные результаты работъ этой коммисіи заключаются въ предположенной передѣлкѣ или обревизованіи всѣхъ документовъ существующаго кадастра, съ составленіемъ плановъ, основанныхъ на точныхъ измѣреніяхъ, и съ юридическимъ разграниченіемъ отдѣльныхъ собственности, въ измѣненіи земельныхъ книгъ, съ раздѣленіемъ ихъ на двѣ части, изъ которыхъ въ первой будутъ помѣщены описанія собственности, а во второй—собственниковъ, и въ сообщеніи записямъ въ книгу значенія полного и единственнаго доказательства права собственности.

Улучшеніе кадастроваго, межеваго и ипотечнаго дѣла, находящееся во Франціи еще въ области проектовъ,—въ Австріи осуществлено уже законами. Причину этого, можетъ быть, слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельстве, что австрійскій кадастръ почти на сто лѣтъ старше французскаго. „Австрійскому правительству,—начинаетъ И. Е. Германъ вторую брошюру,—принадлежитъ честь перваго введенія въ Западной Европѣ точнаго поземельнаго кадастра, основаннаго на геометрическихъ измѣреніяхъ и на опредѣленіи чистаго дохода съ земель“. Такимъ именно кадастромъ былъ Миланскій кадастръ 1718 года, введенный въ принадлежащей тогда Австріи итальянской Ломбардіи. Однако, въ самой Австріи точный кадастръ начать только чрезъ сто лѣтъ послѣ его введенія въ сѣверной Италиі. Сопровождавшее этотъ кадастръ межеваніе опредѣлялось подробными инструкціями 1818, 1824,

1856, 1865 и 1887 годовъ. Эти инструкціи предписывали производить не только кадастровую съемку и оцѣнку всѣхъ земель, но и разграниченіе ихъ межевыми знаками какъ по окружнымъ границамъ общинъ, такъ и по границамъ отдѣльныхъ владѣній. Кадастровое межеваніе слагалось, такимъ образомъ, изъ слѣдующихъ дѣйствій: а) установленія межевыхъ знаковъ на границахъ общинъ; б) описанія этихъ знаковъ, и в) установленія знаковъ на границахъ участковъ, составляющихъ общину. Первое дѣйствіе лежало на обязанности самихъ общинъ, которымъ уѣздное присутствіе предлагало обойти сообща свои границы, исправить старыя или установить новыя межевые знаки, согласить, по возможности, всѣ споры, а при отсутствіи соглашеній точно означить спорные отводы. Второе дѣйствіе—описаніе границъ—совершается уже особой разграничительной комиссіей. Въ составъ ея входятъ: правительственный комиссаръ отъ уѣзднаго присутствія, назначаемый мѣстнымъ финансовымъ присутствіемъ землемѣръ, старосты межуемой и смежной общинъ и по два выборныхъ отъ каждой общины члена. Землемѣръ, пользуясь пунктами составленной предварительно триангуляціи, изготовляетъ чертежъ описываемыхъ границъ, а комиссаръ, по даннымъ этого чертежа, ведетъ протоколъ обхода. Возникающіе споры комиссаръ долженъ стараться устранять соглашеніемъ сторонъ. Неустранимые споры разрѣшаются въ административномъ порядкѣ уѣздными и финансовыми присутствіями, если затрогиваются интересы общины, какъ податной единицы, и въ общемъ порядкѣ гражданскаго судопроизводства по искамъ заинтересованныхъ сторонъ, если касаются вопросовъ собственности и владѣнія. Послѣ описанія окружныхъ межъ владѣльцы общины приглашаются къ установленію между собою межевыхъ знаковъ на границахъ каждаго отдѣльнаго владѣнія. Наконецъ, землемѣромъ, при участіи выбранныхъ общиною указателей границъ, производится подробная съемка всѣхъ парцеллъ, за которою слѣдуетъ уже окончательная отдѣлка плановъ общины. Австрійскій кадастръ имѣетъ, такимъ образомъ, дѣло лишь съ фактическимъ владѣніемъ и не разрѣшаетъ вопросовъ права собственности, предоставляя это судамъ. Тѣмъ не менѣе, межевое его значеніе гораздо выше, чѣмъ соотвѣтствующее значеніе французскаго кадастра. Авторъ указываетъ, что въ результатѣ кадастроваго межеванія въ Австріи границы почти всѣхъ имѣній получили прочныя знаки на мѣстѣ, что судебныя установленія нашли въ планахъ кадастра значительное подспорье къ раз-

рѣшенію вопросовъ межеваго права, что, констатируя фактъ наличности владѣнія въ извѣстное время, кадастръ служитъ къ установленію той эпохи, отъ которой можно вести сроки давности.

Второй видъ австрійскаго межеванія—размежеваніе чрезполосныхъ владѣній—основанъ на обще-имперскомъ законѣ 1883 года, по которому „всѣ чрезполосныя владѣнія, въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго веденія сельскаго хозяйства и при условіи согласія на то большинства владѣльцевъ, могутъ быть соединяемы къ однимъ мѣстамъ при содѣйствіи опредѣленныхъ для сего правительственныхъ установленій“ (стр. 42). Такими установленіями служатъ: присяжные мѣстные комиссары, провинціальныя комиссіи при провинціальныяхъ управленіяхъ и комиссія при министерствѣ земледѣлія. Когда по крайней мѣрѣ половина соучастниковъ чрезполоснаго владѣнія пожелаетъ свести свои участки къ однимъ мѣстамъ, ея заявленіе разсматривается комиссіей, которая и назначаетъ для содѣйствія собственникамъ комиссара. Этотъ послѣдній, вмѣстѣ съ избраннымъ владѣльцами изъ своей среды комитетомъ, землемѣромъ и свѣдущими людьми, обходитъ окружныя границы области размежеванія, производитъ съемку ихъ, выясняетъ права собственниковъ и оцѣниваетъ земли. Въ результатѣ этихъ дѣйствій получается проектъ передѣла чрезполоснаго владѣнія. Утвержденіе означеннаго проекта совершается голосованіемъ собственниковъ межуемыхъ земель и окончательнымъ разсмотрѣніемъ всего дѣла въ комиссіи. Затѣмъ утвержденный проектъ приводится въ исполненіе посредствомъ: а) установленія межевыхъ знаковъ на границахъ новыхъ участковъ, б) составленія новыхъ документовъ на земли и в) передачи новыхъ участковъ въ распоряженіе ихъ владѣльцевъ. О произведенномъ размежеваніи комиссія сообщаетъ въ подлежащія кадастровыя и вотчинныя учрежденія для передѣлки прежнихъ документовъ кадастра и составленія на размежеванную общину новой земельной книги. „Со времени записи документовъ передѣла въ земельную книгу всѣ вновь созданныя размежеваніемъ права считаются вполне установленными“ (стр. 54).

Въ описаніи этого вида межеванія авторъ, по нашему мнѣнію, не обратилъ вниманія на одинъ весьма существенный вопросъ: какіе способы устанавливаютъ австрійскіе законы для опредѣленія предѣловъ территорій, подлежащихъ размежеванію на указанныхъ основаніяхъ? Слѣдуетъ ли разумѣть подъ такими территоріями административныя единицы, т. е. общины, или совокупности вла-

дѣній, связанныхъ между собою какими-либо заранее установленными юридическими или хозяйственными отношеніями? Въ концѣ концовъ вѣдь вся территория государства есть не что иное, какъ совокупность смежныхъ владѣній. Гдѣ же та граница, за которой владѣлецъ земли не обязанъ участвовать въ межеваніи, предстоящемъ его сосѣду? Для названія межуемой территоріи авторъ пользуется неопредѣленными обозначеніями: чрезполосное владѣніе, область размежеванія, территорія размежеванія, область межуемой чрезполосности, дача, территорія чрезполосности, а владѣльцевъ называетъ то соучастниками чрезполоснаго владѣнія, то собственниками межуемыхъ земель, т. е. такими же неопредѣленными выраженіями. Въ заключеніе авторъ говоритъ, что составляется земельная книга на размежеванную „общину“. Едва ли это, однако, не простая неточность слова. Если бы, дѣйствительно, понятія межуемой территоріи и общины совпадали, то авторъ и сказалъ бы объ этомъ съ самаго начала; трудно допустить также совпаденіе въ каждомъ случаѣ столь разнородныхъ условій, какъ чрезполосность землевладѣнія и предѣлы административнаго дѣленія; на стр. 47 самъ авторъ говоритъ о владѣльцахъ общины, участки которыхъ „не могутъ быть втянуты въ размежеваніе помимо воли владѣльцевъ“; наконецъ, на стр. 42, авторъ устраняетъ всякое сомнѣніе въ отрицательномъ рѣшеніи вопроса о томъ, не представляется ли именно община той земельной единицей, которая можетъ быть размежевана при согласіи на то большинства владѣльцевъ, такъ какъ, по его словамъ, вопросъ, „что должно принимать за область размежеванія“, „общій законъ относитъ на опредѣленіе мѣстныхъ законовъ“. Этого-то опредѣленія мы и не видимъ въ трудѣ г. Германа. Между тѣмъ только при твердомъ разрѣшеніи этого вопроса каждый отдѣльный владѣлецъ можетъ подчиниться или не подчиниться дѣйствіямъ, въ результатѣ которыхъ является въ большинствѣ случаевъ перемѣщеніе его владѣнія и образованіе для него совершенно новыхъ хозяйственныхъ условій.

Австрійскіе гражданскіе законы предусматриваютъ особый видъ межеванія—раздѣлъ, который производится судьей по требованію хотя-бы одного изъ участниковъ общаго имущества. Закономъ 1883 года этотъ раздѣлъ очень приблизился по своему характеру къ описанному размежеванію чрезполосныхъ владѣній. Совершенные раздѣлы надлежитъ измѣрять и наносить на планъ чрезъ правительственныхъ землеѣровъ, которые поступаютъ по указа-

ніямъ присутствующихъ владѣльцевъ или руководствуясь установленными ими межевыми знаками. Въмѣсто практиковавшагося прежде совершенія раздѣла общими судебными установленіями, теперь установлено ближайшее участіе въ этомъ дѣлѣ специально межевыхъ учреждений, т. е. тѣхъ самыхъ комиссаровъ и коммисій, о которыхъ говорено выше. Разъ просьба о раздѣлѣ принята ими, они дѣйствуютъ во всемъ согласно съ описаннымъ выше порядкомъ размежеванія чрезполосностей.

Послѣдній видъ австрійскаго межеванія—возобновленіе границъ. Оно всецѣло относится къ компетенціи судебныхъ установленій—участковыхъ судовъ. Каждый владѣлецъ можетъ подавать въ нихъ прошенія о возобновленіи своей границы, которое и совершается въ присутствіи заинтересованныхъ сосѣдей.

При этомъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ должны быть установлены межевые знаки въ случаѣ ненахожденія слѣдовъ ихъ и возникшихъ о положеніи границы споровъ, изложенъ авторомъ, къ сожалѣнію, очень неясно, такъ что не представляется возможности придти къ твердому заключенію относительно того, какимъ именно доказательствамъ отдается въ этомъ случаѣ судами преимущество. Число же этихъ доказательствъ, какъ видно изъ приводимаго авторомъ перечня ихъ, весьма значительно, а именно судами должны быть приняты во вниманіе: послѣднее состояніе владѣнія, данныя измѣреній и описаній межъ, прежніе межевые знаки, земельныя книги и другіе документы, показанія свидѣтелей и мнѣнія экспертовъ, основанныя на осмотрѣ мѣстности.

Въ заключеніи своей второй брошюры авторъ даетъ общую оцѣнку кадастра, межеванія и земельныхъ книгъ въ Австріи и отмѣчаетъ, что теперешнее ихъ соотвѣтствіе между собою способствуетъ точному опредѣленію поземельной собственности, содержанію ея въ постоянной извѣстности и предоставляетъ землевладѣльцамъ возможность къ полученію наибольшихъ выгодъ съ земли. Въ настоящее время, съ 1883 года, кадастръ въ Австріи слагается изъ двухъ частей: 1) оцѣнокъ сплошныхъ, повторяющихся чрезъ каждыя 15 лѣтъ, и 2) оцѣнокъ текущихъ, производимыхъ соотвѣтственно обычнымъ измѣненіямъ въ земляхъ и владѣльцахъ. Первые производятся уѣздными и провинціальными оцѣночными комиссіями, а вторыя—землемѣрами. Слѣдуетъ отмѣтить, что какъ тѣ, такъ и другія въ мѣстностяхъ, не измѣрившихся ранѣе, сопровождаются нынѣ точными способами съемки. Являющіяся въ результатъ сплошныхъ и текущихъ оцѣнокъ данныя вносятся по-

датными присутствіями въ кадастровыя книги, служація основа- ніями ежегодныхъ раскладокъ налога. Данныя о владѣльцахъ и ихъ правахъ берутся при этомъ изъ земельныхъ книгъ вотчин- ныхъ учреждений. Въ эти книги собственники имѣній обязаны, подъ угрозой штрафа и ничтожности сдѣлокъ, вносить всѣ пере- ходы ихъ правъ.

За недостаткомъ статистическихъ свѣдѣній, авторъ не опре- дѣляетъ, до какихъ размѣровъ доведено теперь въ Австріи со- гласованіе земельныхъ книгъ съ кадастромъ. Но онъ полагаетъ, „что громадное большинство если не цѣлыхъ книгъ, то записей въ нихъ уже подведены теперь подъ требованія закона 1883 года“.

Въ заключеніе, мы позволимъ себѣ обратить вниманіе автора на нѣкоторые недостатки изложенія, которыхъ легко можно было бы избѣгнуть. Сюда относятся: а) несистематичность изложенія (объ одномъ и томъ же, напр., кадастровомъ межеваніи во Фран- ции авторъ говоритъ въ разныхъ частяхъ своей первой брошюры: на стр. 14—20 и 41—45; о проектахъ преобразования межевой части—на стр. 38—40, 57—60 и 78—87; кадастру посвящена первая глава, а въ третьей главѣ—объ ипотекахъ—приводится длин- ная выдержка изъ сочиненія E. Besson'a, касающаяся опять ка- дастра же и межеванія; во второй брошюрѣ на стр. 36—39 по- вторяется сказанное на стр. 6—8, а на стр. 75—78 авторъ опять возвращается къ тому же вопросу о кадастровомъ межеваніи); б) соединеніе разнородныхъ предметовъ и главнаго съ деталями, встрѣчающееся на каждомъ шагу въ этихъ брошюрахъ (описаніе той или другой работы авторъ вдругъ прерываетъ подробнымъ описаніемъ учреждений, исполняющихъ эту работу; излагая „лишь въ самыхъ крупныхъ чертахъ“ результаты работъ французской коммисіи по преобразованію кадастра, авторъ сообщаетъ и о томъ, цинкъ или фотографію, и почему, признано полезнымъ употреб- лять для изданія кадастровыхъ плановъ—стр. 78 второй и 82 первой брошюры); в) неудовлетворительность встрѣчающагося мѣ- стами перевода съ иностраннаго языка (послѣдняя фраза 77 стр. первой брошюры, напр., совсѣмъ непонятна, что происходитъ отъ невѣрно переведеннаго соответствующаго мѣста книги E. Bes- son'a, стр. 418; кромѣ того, авторъ употребляетъ такія неуклю- жія слова, какъ, напр., бециркъ или аррондисманъ, вмѣсто округа); г) неправильность русской рѣчи (авторъ пишетъ—въ гарантію предварительныя отмѣтки это будутъ тѣ, когда....., австрій- скій кадастръ имѣетъ дѣло лишь съ фактическимъ владѣніемъ и

не устраняетъ частно-правовыхъ отношеній, земельныя книги упрощать собственность и упразднять мѣсто множеству судебныхъ процессовъ и т. д.), и д) наконецъ, испещреніе текста такими старинными оборотами и словами, какъ на этотъ предметъ, сей, по-сему и пр. Все это мелочи, но совокупность ихъ крайне затрудняетъ чтеніе интересныхъ брошюръ г. Германа.

Слѣдуетъ прибавить, что брошюры И. Е. Германа напечатаны въ Трудахъ топографо-геодезической комисіи въ Москвѣ, въ которыхъ вообще находится много интересныхъ статей по межеванію.

Р.-Х.

VII.

НАДЗОРЪ ЗА СЛѢДСТВЕННЫМИ ДѢЙСТВІЯМИ ПОЛИЦЕЙСКИХЪ ЧИНОВЪ.

Судебная реформа 20 ноября 1864 г., какъ извѣстно, сузила поле прокурорскаго надзора. Изъ ока Царева, наблюдающаго за соблюденіемъ закона во всѣхъ сферахъ суда и администраціи, она обратила прокурора въ чисто-судебное должностное лицо; и если послѣдующее законодательство ввело прокурора въ качествѣ члена въ составъ губернскихъ судебно-административныхъ присутствій, то этимъ оно не измѣнило основнаго взгляда нашего устава уголовнаго судопроизводства на преступленія должности въ административныхъ вѣдомствахъ какъ на дѣло административное, въ которое не должна вторгаться судебная власть, пока не пригласитъ ее заняться этимъ дѣломъ сама администрація.

Твердо усвоивъ себѣ этотъ взглядъ, наша прокуратура или препровождаетъ согласно ст. 1085 уст. угол. суд. всѣ поступающія къ ней заявленія о преступленіяхъ должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ къ подлежащимъ начальствамъ на благоусмотрѣніе, или, что врядъ-ли правильно даже съ точки зрѣнія этого взгляда, возвращаетъ бумаги заявителямъ, указывая имъ, что они согласно ст. 1085 уст. угол. суд. могутъ обратиться къ подлежащему начальству. Критическому разбору процедуры привлеченія къ отвѣтственности должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства мы посвятили въ 1895 году ¹⁾ статью въ Жур-

¹⁾ Ноябрь, Декабрь.

налѣ Министерства Юстиціи, нынѣ же имѣемъ въ виду болѣе узкую цѣль: не входя въ критику закона, указать на необходимость соблюденія его такого, какъ онъ есть.

Дѣло въ томъ, что и дѣйствующій законъ изъ общаго правила привлеченія должностныхъ лицъ къ отвѣтственности ихъ административнымъ начальствомъ устанавливаетъ исключеніе для полицейскихъ чиновъ, совершившихъ неправильности при производствѣ дознаній и слѣдствій. Составители Судебныхъ Уставовъ полагали, что если надзоръ за производствомъ слѣдствій и самое разсмотрѣніе слѣдственныхъ дѣлъ принадлежитъ судебной власти, то ей же необходимо предоставить извѣстныя права и по привлеченію къ отвѣтственности за упушенія, безпорядки и злоупотребленія по слѣдственной части.

О всякомъ происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія или проступка, полиція обязана немедленно сообщить судебному слѣдователю и прокурору (ст. 250 уст. угол. суд.), а если ихъ нѣтъ на мѣстѣ, то приступаетъ къ негласному дознанію (ст. 252), а въ опредѣленныхъ случаяхъ и къ производству слѣдствія (ст. 258), послѣ же передачи дѣла судебному слѣдователю должна оказывать дѣятельное пособіе въ раскрытіи дѣла, собирать и сообщать слѣдователю дополнителныя свѣдѣнія (ст. 255, 483). Наблюденіе за производствомъ слѣдствій возложено на прокурорскій надзоръ (ст. 278), которому и приносятся жалобы на слѣдственные дѣйствія полиціи (ст. 493). За упушенія и безпорядки по слѣдственной части полицейскіе чины всѣхъ наименованій привлекаются къ отвѣтственности прокуроромъ, подъ наблюденіемъ коего слѣдствіе производилось, при чемъ прокуроръ, смотря по важности упушеній и безпорядковъ или только предостерегаетъ неисправныхъ, или предлагаетъ дѣйствія ихъ на разсмотрѣніе суда (ст. 485). Въ томъ случаѣ, если судъ усмотритъ въ дѣйствіяхъ полиціи по слѣдственной части важныя безпорядки или злоупотребленія, опредѣленіе суда препровождается прокуроромъ къ административному начальству для привлеченія къ отвѣтственности, а въ случаѣ разномыслія между начальствомъ и прокурорскимъ надзоромъ дѣло поступаетъ на окончательное разрѣшеніе Правительствующаго Сената, въ Соединенномъ Присутствіи Перваго и Уголовнаго Кассационнаго Департаментовъ (ст. 487, 488).

Таковы постановленія закона. Согласно же многолѣтней практикѣ упомянутаго присутствія Правительствующаго Сената самое разномысліе въ подобныхъ случаяхъ можетъ имѣть предметомъ лишь

оцѣнку новыхъ обстоятельствъ, не бывшихъ въ виду суда, или споръ о томъ, принадлежать ли данныя дѣйствія полиціи къ числу слѣдственныхъ, подлежащихъ преслѣдованію въ особомъ порядкѣ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ Правительствующій Сенатъ оставляетъ представленія административнаго начальства безъ разсмотрѣнія и разъясняетъ, что для него безусловно обязательна квалифікація, данная окружнымъ судомъ дѣйствіямъ полиціи.

Но съ каждымъ годомъ все рѣже и рѣже обращается самъ прокурорскій надзоръ къ этому порядку, все чаще и чаще въ числѣ препровождаемыхъ къ административному начальству и возвращаемыхъ просителямъ жалобъ и заявленій находятся такія, которыя вызваны неправильными дѣйствіями полиціи по слѣдственной части. Око, которому возбранено видѣть извѣстную часть горизонта, мало по малу привыкаетъ не видѣть все большее и большее пространство, отворачивается ранѣе, чѣмъ успѣетъ разглядѣть, чтобы не увидѣть какой-нибудь неправды, хотя и подлежащей уголовной карѣ, но не по инициативѣ прокурорскаго надзора. Таковы естественныя послѣдствія той частичной слѣпоты, на которую обрекла прокурорское око судебная реформа 1864 года.

Однако не все то, что естественно съ житейской точки зрѣнія, оказывается столь же естественнымъ и безобиднымъ, если стать на почву закономъ установленнаго порядка разрѣшенія дѣлъ и взвѣсить всѣ результаты, которые приносятъ отступленіе отъ этого порядка. Въ лучшемъ случаѣ, само губернское правленіе, въ которое прокурорскій надзоръ неправильно направитъ жалобу на дѣйствія полиціи по слѣдственной части, отклонитъ обещденіе ея, основываясь на ст. 470 общ. губ. учр. т. II Свод. зак. изд. 1892 г., которая гласитъ: „Относительно мѣстъ полицейскихъ, губернское правленіе принимаетъ жалобы на медленность, проволочку, безпорядки и неправильныя дѣйствія ихъ и имѣетъ право преслѣдовать, остановить и отмѣнить всякое дѣйствіе полиціи, если оно не касается производства дознаній о преступныхъ дѣяніяхъ, по коему полицейскіе чины находятся въ непосредственной зависимости отъ прокуроровъ и ихъ товарищей“. Однако на практикѣ, если и бывають случаи такого образа дѣйствія губернскихъ правленій, то лишь какъ рѣдкія исключенія, въ большинствѣ же случаевъ губернскія правленія, не справляясь со ст. 470 общ. губ. учр., принимаютъ къ своему разсмотрѣнію жалобы на слѣдственные дѣйствія полиціи, какъ препровождаемыя прокурорскимъ надзоромъ, такъ и обращенныя къ нимъ самими потерпѣвшими,

Сплошь и рядомъ губернскія правленія обсуждаютъ въ своихъ постановленіяхъ, имѣлъ ли полицейскій чинъ достаточный поводъ и законное основаніе произвести у подозрѣваемаго обыскъ, выемку, правильно ли онъ поступилъ, взявъ подозрѣваемаго подъ стражу для пресѣченія ему способовъ уклониться отъ слѣдствія и скрыть слѣды преступленія, заключало ли заявленіе потерпѣвшаго лица указаніе на признаки преступленія, по которымъ полицейскій чинъ былъ обязанъ произвести разслѣдованіе, или же заявленіе это сводилось на гражданскую претензію, и т. п. вопросы, входящіе по закону въ компетенцію судебной, а не административной власти. О многихъ постановленіяхъ губернскихъ правленій, разрѣшающихъ подобныя вопросы, не доходятъ и свѣдѣнія до прокурорскаго надзора и суда.

Просители, не удовлетворенные постановленіемъ губернскаго правленія, приносятъ на него жалобы, согласно ст. 586 общ. губ. учр., въ Первый Департаментъ Правительствующаго Сената, при чемъ въ большинствѣ изъ нихъ оспариваютъ правильность рѣшенія губернскаго правленія по существу, но иногда указываютъ и на нарушеніе законнаго порядка передачею ихъ жалобъ прокурорскимъ надзоромъ на разрѣшеніе административной власти. Первый Департаментъ обыкновенно разсматриваетъ жалобы эти по существу, руководствуясь приблизительно слѣдующими соображеніями: дѣло тянется давно, обращеніе къ законному порядку затянетъ его еще дольше, наблюденіе прокурора надъ слѣдствіемъ имѣетъ смыслъ, пока оно производится, послѣ же его окончанія, когда вопросъ идетъ исключительно объ отвѣтственности полиціи и, притомъ, за дѣйствія, не обратившія на себя своевременно вниманія прокурора, послѣдній представляется лицомъ вовсе незаинтересованнымъ; что же касается губернскаго правленія, то за нимъ, какъ за начальственнымъ надъ полиціею мѣстомъ, нельзя отрицать права разслѣдовать, повѣрять правильность ея дѣйствій и привлечь за нихъ къ отвѣтственности виновныхъ. Въ иныхъ случаяхъ (напр., опр. 25 ноября 1898 г. по дѣлу Эймонта) Правительствующій Сенатъ указываетъ, впрочемъ, что просителю, если онъ считаетъ передачу прокуроромъ суда его жалобы на разрѣшеніе губернскаго правленія неправильною, слѣдуетъ жаловаться на него прокурору судебной палаты. Намъ неизвѣстно случая, чтобы Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ постановленіе губернскаго правленія, состоявшееся по жалобѣ на слѣдственныя дѣйствія полиціи, какъ незаконное и выходящее изъ предѣловъ

вѣдѣнія правленія. А между тѣмъ, въ цѣляхъ возстановленія систематически нарушаемаго порядка, именно такой образъ дѣйствія представляется намъ необходимымъ.

Всякое дѣло, имѣющее предметомъ своимъ неправильныя дѣйствія полицейскихъ чиновъ по слѣдственной части, можетъ дойти законнымъ путемъ до Перваго Департамента Сената лишь въ порядкѣ разномыслія между прокурорскимъ надзоромъ и административною властью относительно привлеченія ихъ къ отвѣтственности. Всякій другой путь, которымъ такое дѣло достигаетъ Перваго Департамента Сената, долженъ быть признанъ обходнымъ и отвергнутъ. Разсматривать дѣло въ высшей инстанціи, когда оно не прошло законнымъ порядкомъ черезъ всѣ низшія инстанціи,—значитъ наращивать беззаконіе на беззаконіе: этотъ путь не ведетъ къ торжеству правды и закона. Только компетентная, призванная закономъ, власть можетъ установить правильный взглядъ на дѣло, дать ему правильное направленіе—это *praesumptio juris et de jure*, которое нельзя колебать, не колебля правомѣрности государственнаго строя. Все, что высказано и рѣшено по дѣлу некомпетентною властью, должно быть признано ничтожнымъ и не происшедшимъ, *nil et non aveni*, какъ говорятъ на французскомъ юридическомъ языкѣ. Недостаточно ограничиться указаніемъ, что проситель можетъ жаловаться на прокурора суда прокурору палаты, такъ какъ указаніемъ этимъ не уничтожается ни неправильное направленіе, полученное дѣломъ, ни завершившее это дѣло постановленіе губернскаго правленія, вошедшее вопреки закону въ законную силу. Разсмотрѣніе же Правительствующимъ Сенатомъ по существу жалобъ на постановленія губернскихъ правленій, состоявшіяся съ нарушеніемъ компетенціи, придаетъ этимъ постановленіямъ еще новую силу, покрываетъ ихъ авторитетомъ сенатскаго опредѣленія и указа.

На неправильномъ пути, какъ бы гладокъ и ровень онъ ни казался, легко можно споткнуться. Допустимъ, что какой-либо проситель, жалоба котораго на слѣдственныя дѣйствія полиціи передана прокуроромъ суда на разсмотрѣніе губернскаго правленія и имъ оставлена безъ послѣдствій, принесетъ изъ предосторожности двѣ жалобы: одну прокурору палаты на неправильное направленіе, данное дѣлу прокуроромъ суда, другую Правительствующему Сенату на состоявшееся постановленіе губернскаго правленія. Представимъ себѣ, что прокуроръ палаты предпишетъ прокурору суда возстановить законный порядокъ, прокуроръ суда истребуетъ отъ

полиціи объясненіе, предложить дѣло суду, который усмотритъ составъ преступленія, влекущаго уголовную отвѣтственность, но губернскае правленіе, ссылаясь на состоявшееся постановленіе свое, возбудить разномысліе. Когда это послѣднее дойдетъ до Правительствующаго Сената, дѣло по жалобѣ просителя можетъ оказаться уже разрѣшеннымъ въ Сенатѣ въ смыслѣ оставленія жалобы безъ послѣдствій. Будетъ ли состоявшееся опредѣленіе Сената препятствіемъ для разсмотрѣнія разномыслія? Если будетъ, то разномысліе не разрѣшится установленнымъ въ законѣ порядкомъ; если не будетъ, то Сенатъ будетъ вынужденъ перерѣшить свое опредѣленіе, несмотря на запрещеніе ему не только отмѣнять, но и приступать къ пересмотру своихъ рѣшеній, вошедшихъ въ законную силу (ст. 212 учр. Сенат.). Единственный выходъ изъ такого положенія—просить Высочайшаго соизволенія на отмѣну опредѣленія, коимъ разрѣшена по существу жалоба, не подлежащая разсмотрѣнію Правительствующаго Сената по существу. Но въ такомъ случаѣ не лучше ли съ самаго начала не разсматривать, изъ какихъ бы то ни было соображеній, по существу дѣлъ, которыя по существу разсмотрѣнію не подлежатъ и, давая такой примѣръ подчиненнымъ мѣстамъ, требовать и отъ нихъ того же.

М. Лозина-Лозинскій.

ОБЪ ОГРАНИЧЕНІЯХЪ ВЪ ОТНОШЕНІИ ОТЧУЖДЕНІЯ ОДНОДВОРЦЕ- СКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

Одnodворцевъ въ смыслѣ отдѣльнаго сословія нынѣ болѣе не существуетъ. Въ прежнее же время сего рода людей,—какъ это усматривается изъ примѣчанія къ статьѣ 700 т. IX Свод. зак. о сост. изд. 1876 г.,—было три группы. Во-1-хъ, одnodворцы, которымъ закономъ особеннаго наименованія, связаннаго съ мѣстомъ ихъ жительства, присвоено не было; во-2-хъ, одnodворцы западныхъ губерній, изъ бывшей шляхты въ сіе званіе переименованные, и, въ-3-хъ, одnodворцы бывшей Бессарабской области, переименованные въ это званіе изъ Мазыловъ и Рупташей. Самая значительная масса одnodворцевъ принадлежала къ первой группѣ. Главная ихъ часть, по словамъ г. Я. Соловьева (см. статью его объ одnodворцахъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1850 г., № 3, отд. II, стр. 81), находилась въ восьми губерніяхъ: Курской, Воронежской, Тамбовской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Харьковской и Тульской. Въ этихъ губерніяхъ, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ тѣмъ же авторомъ, по исчисленію академика Кепена, числилось одnodворцевъ 1.053.026 душъ. А такъ какъ поименованныя губерніи относятся къ числу великороссійскихъ, то главную массу одnodворцевъ, въ отличіе отъ остальныхъ разрядовъ сихъ людей, обыкновенно называютъ великороссійскими. Однако, въ настоящее время всѣ указаные разряды одnodворцевъ утратили уже свое прежнее наименованіе, такъ какъ они, какъ это и значитъ въ вышеупомянутомъ примѣчаніи къ ст. 700 зак. о сост., вошли въ состояніе сельскихъ обывателей.

Хотя по общему правилу, выраженному въ тѣхъ же зак. о сост., въ ст. 715 и въ ст. 33 общ. пол. о кр., каждый сельскій

обыватель можетъ приобрѣтать въ собственность недвижимыя и движимыя имущества, а также отчуждать оныя, отдавать ихъ въ залогъ и вообще распоряжаться ими, съ соблюденіемъ общихъ узаконеній, на сей предметъ установленныхъ, тѣмъ не мѣнѣ, въ дѣйствующемъ Сводѣ законовъ понинѣ сохранились особыя постановленія, на основаніи которыхъ права бывшихъ однодворцевъ на собственныя ихъ земли подлежатъ нѣкоторымъ ограниченіямъ.

Постановленія эти заключаются въ примѣчаніи къ ст. 776 т. IX зак. о сост., по прод. 1890 г., и въ примѣчаніи къ ст. 658 т. X ч. 2 зак. меж., изд. 1893 г., текстъ коихъ изложенъ слѣдующимъ образомъ:

Примѣчаніе къ ст. 776 т. IX. „При совершеніи бывшими однодворцами крѣпостныхъ актовъ на продажи и передачи ихъ земель, должны быть представлены отъ продавца тѣ законныя документы, по коимъ земля досталась ему или предку его въ частную собственность (для усмотрѣнія, можетъ ли по существующимъ объ однодворческихъ земляхъ правиламъ быть совершена предполагаемая сдѣлка), и сверхъ того свидѣтельство волостнаго правленія, что такая продаваемая или уступаемая земля состоитъ въ дѣйствительномъ владѣніи продавца; безъ сихъ доказательствъ не совершать и крѣпостныхъ актовъ. Но если переселяющійся однодворецъ просилъ о совершеніи акта на такую землю, на которую онъ имѣетъ документы, самая же земля состоитъ въ общественномъ владѣніи, то въ семь ему надлежитъ отказывать, ибо онъ можетъ токмо уступать право свое на отысканіе земли, а не на самую землю“.

Примѣчаніе къ ст. 658 т. X ч. 2. „Въ 1852 году постановлено было: принадлежащія выслужившимся изъ однодворцевъ до штабъ и оберъ-офицерскихъ чиновъ и въ общемъ или чрезполосномъ владѣніи съ другими однодворцами состоящія земли, могутъ, при полюбовномъ размежеваніи, быть выдѣляемы особыми участками; но по отмежеваніи оныхъ, на выдаваемыхъ планахъ на земли: а) пожалованныя нѣкоторымъ изъ однодворцевъ въ вотчину до 1724 года, т. е. до введенія ихъ въ подушный окладъ, б) купленные и другимъ образомъ приобрѣтенныя однодворцами у постороннихъ людей до времени воспрещенія таковой покупки межевою инструкціею, и в) приобрѣтенныя отъ равныхъ имъ однодворцевъ прежде и послѣ изданія межевой инструкціи, должно быть означено, что владѣльцы не имѣютъ права продавать или переуступать ихъ другимъ лицамъ, кромѣ однодворцевъ“.

Первое изъ приведенныхъ постановленій составляло, по изданію 1857 года, статью 780 т. X ч. 1 законовъ гражданскихъ и перенесено, по продолженію 1890 года, въ законы о состояніяхъ съ наименованіемъ при этомъ однодворцевъ „бывшими однодворцами“, а второе постановленіе, составлявшее, по изданію 1857 г., примѣчаніе къ ст. 816 т. X ч. 3 законовъ межевыхъ, перешло цѣликомъ въ примѣчаніе къ статьѣ 658 тѣхъ же законовъ изданія 1893 года, съ изложеніемъ лишь такового въ исторической формѣ, именно съ прибавкою въ началѣ словъ: „Въ 1852 году постановлено было“.

По содержанію этихъ постановленій нельзя, прежде всего, не замѣтить, что въ примѣчаніи къ ст. 776 т. IX, по прод. 1890 г., сдѣлано, между прочимъ, только ссыльное указаніе на существованіе въ отношеніи однодворческихъ земель особыхъ ограничительныхъ правилъ, которыя, однако, въ Сводѣ законовъ не изложены. Правила эти заключались въ статьяхъ 753—756 и 758 т. IX законовъ о состояніяхъ изданія 1857 г., но эти статьи показаны въ изданіи тѣхъ же законовъ 1876 года исключенными. Къ тому же и ограниченіе касательно принадлежащихъ выслужившимся изъ однодворцевъ до штабъ и оберъ-офицерскихъ чиновъ земель, содержащееся въ примѣчаніи къ статьѣ 658 законовъ межевыхъ изданія 1893 г., изложено въ послѣднемъ, какъ пояснено уже выше, въ исторической формѣ, а это обстоятельство, насколько извѣстно по установившимся у насъ при кодификаціи законовъ пріемамъ, въ свою очередь, указываетъ на то, что составители названнаго изданія сомнѣвались въ сохраненіи еще понынѣ за сказаннымъ ограниченіемъ, въ виду произошедшихъ въ законодательствѣ въ послѣднее время разныхъ измѣненій, его силы. При такомъ положеніи естественно возникаетъ вопросъ: могутъ ли вообще въ настоящее время почитаться дѣйствующими всѣ прежнія по указанному предмету ограничительныя постановленія?

Кромѣ сего, такъ какъ, съ одной стороны, въ упомянутыхъ выше примѣчаніи къ ст. 776 т. IX законовъ о сост., по прод. 1890 г., и примѣчаніи къ ст. 658 т. X ч. 2 законовъ межевыхъ, изд. 1893 г., не говорится, о какихъ однодворцахъ идетъ въ нихъ рѣчь, а съ другой стороны—статья 776 законовъ о состояніяхъ, изданія 1876 года, подъ которою помѣщено первое изъ означенныхъ примѣчаній, основана вмѣстѣ съ послѣдующими (777—781) статьями тѣхъ же законовъ на Высочайше утвержденномъ 19 февраля 1868 г. (2-е Полн. Собр. Зак., № 45505) мнѣніи Государ-

ственного Совѣта о введеніи однодворцевъ и гражданъ *Западныхъ губерній* въ общій составъ сельскихъ или городскихъ обывателей, то возникаетъ также вопросъ и о томъ, какихъ именно однодворцевъ имѣла въ виду законодательная власть при установленіи вышесказанныхъ ограниченій?

Во всѣхъ вошедшихъ въ Полное Собраніе Законовъ узаконеніяхъ, касающихся однодворцевъ губерній: Западныхъ—изъ бывшей польской шляхты и Бессарабской—изъ бывшихъ Мазыль и Рупташей, а именно, въ изъясненномъ уже мнѣніи Государственного Совѣта отъ 19 февраля 1868 г., а также въ законоположеніяхъ: а) отъ 19 октября 1831 г. (2-е Полн. Собр. Зак., № 4869)—о разборѣ шляхты въ Западныхъ губерніяхъ и объ устройствѣ сего рода людей; б) отъ 15 декабря 1841 года (2-е Полн. Собр. Зак., № 15121),—объ устройствѣ быта однодворцевъ Западныхъ губерній, живущихъ на казенныхъ земляхъ; в) отъ 10 марта 1847 года (2-е Полн. Собр. Зак., № 20987)—о правахъ состоянія жителей Бессарабской области, а въ томъ числѣ, между прочимъ, о переименованіи Мазыловъ и Рупташей въ однодворцы, и г) отъ 17 іюня 1857 года (2-е Полн. Собр. Зак., № 32000)—объ устройствѣ быта лицъ бывшей польской шляхты, не утвержденныхъ въ дворянствѣ и пропустившихъ сроки для записки въ окладъ,—никакихъ въ отношеніи продажи или иной уступки земель ограниченій, о коихъ говорилось въ исключенныхъ нынѣ изъ Свода законовъ статьяхъ тома IX законовъ о состояніяхъ изданія 1857 г., а равно въ примѣчаніи къ ст. 658 дѣйствующихъ межевыхъ законовъ, не содержалось.

Изъ сего, очевидно, слѣдуетъ, что при установленіи помянутыхъ ограниченій однодворцы изъ бывшей польской шляхты, а равно изъ Мазыловъ и Рупташей вовсе не имѣлись въ виду законодательною властью, а такимъ образомъ ясно, что къ категоріи сихъ однодворцевъ ограниченія, о коихъ идетъ рѣчь, примѣненія имѣть не могли.

Что же касается вопроса о томъ, сохраняютъ ли вообще сіи ограниченія и нынѣ силу дѣйствующаго закона, то для правильнаго разрѣшенія этого вопроса необходимо, конечно, въ точности выяснить, въ чемъ собственно сказанныя ограниченія заключались и на какихъ соображеніяхъ они были основаны.

Но прежде, чѣмъ приступить къ сему предмету казалось бы излишнимъ для надлежащаго его уразумѣнія, предварительно, въ общихъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ, изложить исторію главной

группы однодворцевъ, т. е. тѣхъ именно изъ нихъ, кои обитаютъ въ великороссійскихъ губерніяхъ и которыхъ, согласно изложенному, исключительно могли касаться означенныя ограниченія. Исторія эта довольно подробно разсказана въ Сенатскомъ указѣ, послѣдовавшемъ 24 сентября 1798 года (1-ое Полн. Собр. Зак., № 18676) по Высочайше утвержденному докладу объ удовлетвореніи однодворцевъ 15-ти десятиною пропорціею земли, а потому вполнѣ, кажется, умѣстно привести здѣсь тѣ данныя, которыя по сказанному предмету и содержатся въ означенномъ указѣ.

Однодворцы, по словамъ того указа, изстари составляли особый родъ подъ названіемъ стрѣльцовъ, пушкарей, казаковъ, боярскихъ дѣтей, станичниковъ и воротниковъ, которымъ, какъ видно изъ строельныхъ книгъ 155 и 156 года, даны были земляныя участки на каждого человѣка особо. Они поселялись особливыми дворами и потому приняты наименованіе однодворцевъ. Въ число ихъ поступили нѣкоторые старинныя дворянскіе роды, ибо, по размноженію семействъ, отъ раздробительныхъ раздѣловъ стали весьма мелкопомѣстными. Въ царствованіе Императора Петра Великаго много дворянъ, имѣвшихъ за собою 100 и 200 дворовъ, отбывая отъ службы, записались добровольно въ однодворцы. Всѣ сіи разныхъ наименованій служилые люди во время первой переписи, повелѣнной въ 1712 году, писаны въ одну статью, а въ 1724 году какъ однодворцы, такъ и всѣ старыхъ служебъ служилые люди причтены въ число государственныхъ крестьянъ. До 1711 года однодворцы употреблялись въ разныя внутреннія городовыя и уѣздныя службы, охраняли границы и отправляли службу пѣшую и конную, но въ этомъ году, въ указѣ о ландмилицкихъ солдатахъ, повелѣно, чтобы они во время только непріятельскаго наступленія на рубежахъ своихъ для защищенія земли стояли, а когда такой нужды не бываетъ, опредѣлено было имъ жить въ домахъ своихъ и всякую работу помѣщикову работать, а отъ взятія на службу и отъ полковыхъ походовъ дана была имъ свобода. Съ 1723 года изъ однодворцевъ составлены были разныя ландмилицкіе полки, кои содержались изъ податей, съ нихъ же собиравшихся. Сперва учреждено было такихъ полковъ 6, затѣмъ въ 1729 году набрано 11, а въ 1731 году сдѣлано 20. Полки эти поселены были тогда слободами на Украинской линіи, и въ 1763 году изъ тѣхъ Украинскихъ полковъ повелѣно было сформировать по новому штату 10 пѣхотныхъ и одинъ драгунскій полкъ, комплектуя ихъ изъ тѣхъ же однодворцевъ, чрезъ каждыя 5 лѣтъ, а

дабы однодворцы съ вящею ревностью службу отправляли, то оныхъ, по прошествіи 15 лѣтъ, ежели въ сіе время никакому наказанію себя не подвергнули, вѣльно было отъ службы отставлять и отпускать на прежнія ихъ жилища для вступленія съ прочими въ прежнее свое хлѣбопашество и состояніе. Право сіе имъ подтверждено было Высочайшимъ указомъ, послѣдовавшимъ 30 генваря 1797 года, съ таковымъ прибавленіемъ, чтобы отставныхъ отъ воинской службы однодворцевъ, положенное время выслужившихъ и на прежнія жилища возвратившихся, но въ полевой работѣ неспособныхъ, израненныхъ и увѣчныхъ, въ окладъ не писать и отъ всякихъ личныхъ податей освободить. Полки сіи въ 1799 году изъ Украинскихъ ландмилицкихъ переименованы армейскими и въ концѣ 1770 года сравнены съ прочими полками. То же потомъ послѣдовало съ ландмилицкими Закамскими полками и съ 1773 года стали съ однодворцевъ брать рекрутъ по генеральному расположенію, равно какъ съ прочихъ казенныхъ поселянъ. Подати, однодворцами платимыя, хотя возышались по временамъ, но не были одинаковы съ тѣми, кои взыскивались съ государственныхъ, экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ до указа 1783 года мая 3 дня, которымъ всѣ поселяне, въ вѣдомствѣ директора домоводства тогда состоявшіе, въ окладныхъ сборахъ сравнены.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что и въ литературѣ мнѣніе о происхожденіи однодворцевъ отъ служилыхъ людей, которые поселены были на окраинахъ государства съ цѣлью защиты границы отъ набѣговъ непріятелей, раздѣляется всѣми писавшими по сему предмету ¹⁾. По утвержденію изслѣдователей, самый родъ службы на окраинахъ требовалъ постоянныхъ жилищъ для военныхъ людей. Кромѣ сего, выдача имъ постоянного жалованья и продовольствія, а равно доставка ихъ изъ отдаленныхъ концовъ государства въ пограничныя, въ то время ненаселенныя,

¹⁾ См. Соловьевъ (Отечеств. Зап. 1850 г., № 3, стр. 82), Неволинъ (Полю. собр. соч. Спб. 1857 г., т. IV, стр. 298), Домонтовичъ (Земледѣльская газета 1857 г., №№ 102 и 103), Побѣдоносцевъ (Жур. Мин. Юст. 1863 г., кн. 1, стр. 85), Александровъ (Воронежскій Листокъ 1865 г., № 45), Висковскій (Судебный Вѣстникъ 1870 г., № 352), Семевскій (Русская Старина 1879 г., кн. 4, стр. 622), Григорьевъ (Русская Мысль 1884 г., № 12, стр. 56), Томилинь (Новости 1884 г., № 12), Панкѣевъ (Русская Мысль 1886 г., № 3, стр. 42), В. В. („Итоги экономического изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики“. Москва 1892 г., т. I, стр. 21) и др.

мѣста, носившія названіе *Украины, украинскихъ городовъ и польской* (отъ слова *поле*) *Украины*, представлялись по современнымъ тогда условіямъ невозможными. Эти причины побуждали правительство, вмѣсто выдачи продовольствія натурою, раздавать въ украинскихъ городахъ земли не только дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, но и вообще всѣмъ служилымъ людямъ, обязаннымъ оберегать предѣлы государства отъ набѣговъ хищниковъ. Въ свою же очередь, „*порубезникъ*“, уливая трудовымъ потомъ благодатную ниву“,—какъ краснорѣчиво пишетъ одинъ изъ поименованныхъ выше (въ подстрочномъ примѣчаніи) авторовъ (г. Томилинь),— „зорко и усторожливо слѣдилъ за каждой тѣнью, прислушивался къ каждому колыханію порывистаго вѣтерка, изучалъ каждую „яружку“, дабы, въ моментъ нападенія на него врага, тотчасъ обнажать свой мечъ и отдать должное возмездіе; или, завидѣвъ его въ большемъ числѣ, донести кому слѣдуетъ и сохранить свой дорогой семейный очагъ гдѣ либо въ лѣсу или въ оврагѣ отъ поруганій дикой звѣрствующей орды“. Взамѣнъ сего, служившіе на окраинахъ получали землю не только въ видѣ жалованья, а также въ награду за особыя заслуги на военномъ поприщѣ, но весьма вѣроятно, что предки однодворцевъ занимали землю и самовольно. При этомъ, такъ какъ отводившаяся имъ земля измѣрялась по *четвертямъ*, составлявшимъ старинную мѣру, равную почти двумъ десятинамъ, то служилые эти люди, получившіе впоследствии названіе однодворцевъ, извѣстны также и подъ наименованіемъ *четвертныхъ крестьянъ*, которые, представляя собою чистый типъ великоросса, съ добродушнымъ юморомъ, въ виду своего происхожденія отъ привилегированнаго сословія, сами величаютъ себя нынѣ „лапотными дворянами“. Помѣстные оклады для дѣтей боярскихъ украинскихъ городовъ были назначаемы въ размѣрѣ отъ 40 до 350 четвертей, смотря по городу и по статьѣ, въ которой принадлежалъ служилый человѣкъ, но нерѣдко поземельные участки, данные предкамъ однодворцевъ, были въ дѣйствительности и менѣе значительны. Часть служилыхъ людей, составлявшая низшій разрядъ, получала за службу землю въ общинное владѣніе, а другая—дѣти боярскіе получали ее лично, по именнымъ жалованнымъ грамотамъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ каждый изъ нихъ могъ совершенно независимо отъ сосѣда пользоваться жалованною землею, которая сначала могла находиться въ семъ пользованіи только до тѣхъ поръ, пока они отправляли свои служебныя обязанности, но уже съ конца XVII вѣка многія

помѣстья стали обращаться въ потомственное владѣніе, при Петрѣ же I-омъ, какъ извѣстно, помѣстья окончательно уравнины были съ вотчинами.

Переходя засимъ къ изложенію содержанія тѣхъ узаконеній, которыми въ прежнее время установлены были разныя ограниченія въ отношеніи однодворческихъ земель, надлежитъ замѣтить, что, послѣ уравнинія помѣстій съ вотчинами, однодворцы стали свободно распродавать свои земли жителямъ другихъ городовъ, въ томъ числѣ и лицамъ, не принадлежавшимъ къ ихъ сословію. Однако, такую свободою имъ пришлось пользоваться не долго, такъ какъ правительство вскорѣ нашлось вынужденнымъ вмѣшиваться въ ихъ землевладѣніе съ цѣлю, предупрежденіемъ ихъ обезземеленія, обезпечить исправное выполненіе лежавшихъ на нихъ повинностей. Первый въ этомъ смыслѣ законодательный актъ состоялся въ царствованіи императора Петра II, именно, въ указѣ отъ 14 августа 1727 года (1-ое Полн. Собр. Закон., № 5138), которымъ хотя и признаны дѣйствительными уступки земель, сдѣланныя однодворцами до того, но вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было: „впредь съ сего указа въ 16 заказныхъ городахъ у однодворцевъ, которые по переписи въ поголовной окладъ положены и содержать ландмилицкіе полки, изъ дачи ихъ земель, которыми они владѣютъ, никому не покушать и никакими образы не крѣпить и не записывать, чтобъ отъ того въ платежѣ подушныхъ денегъ и въ содержаніи ландмилицкихъ полковъ помѣшательства не было“.

Приведенное запрещеніе, касавшееся однодворцевъ только 16 заказныхъ городовъ, впослѣдствіи примѣнялось ко всѣмъ вообще однодворцамъ. Такъ, Высочайше утвержденнымъ 20 іюня 1730 г. (1-ое Полн. Собр. Зак., № 5579) докладомъ Сената, въ коемъ обсуждался вопросъ о наслѣдованіи въ однодворческихъ недвижимыхъ имѣніяхъ, Сенатъ, разсуждая, что „ежели по указу 1714 года оставшееся послѣ отцовъ отдавать одному по первенству, то прочимъ его братьямъ подушныхъ денегъ платить и ландмилицкихъ полковъ содержать будетъ не съ чего“, и заключивъ, посему, что „послѣ умершихъ однодворцевъ, которые положены въ подушный окладъ, оставшія ихъ земли надлежитъ раздѣлять дѣтямъ ихъ по жеребьямъ, противъ того, какъ напредъ сего раздѣлы были, а одному изъ нихъ въ наслѣдство не отдавать, а буде послѣ такого однодворца дѣтей не останется, то между ближними родственниками раздѣлы чинить такимъ же образомъ, и кому тѣ земли отданы будутъ, тѣмъ съ той земли подуш-

ныя деньги платить и ландмилицкую службу служить“, между прочимъ, выразилъ мнѣніе, что „имъ, *однодворцамъ* (т. е. всѣмъ, а не только опредѣленныхъ заказныхъ городовъ), по силѣ прежнихъ указовъ, тѣхъ земель никому не продавать и не закладывать и въ иски не отдавать и никакимъ подлогомъ ни за кѣмъ не укрѣплять“.

Сила запретительныхъ постановленій 1727 и 1730 годовъ подтверждена была Сенатскимъ указомъ 21 октября 1737 г. (1-ое Полн. Собр. Зак., № 7409), коимъ, вслѣдствіе донесенія прокурора Казанской губерніи, что „въ той губерніи являются въ покупкѣ и въ закладѣ земли отъ однодворцевъ и иновѣрцевъ шляхетству, которые, купя и не справя за собою, поселили на тѣхъ земляхъ деревни, а на тѣхъ де земляхъ продавцы положены въ подушной окладъ и содержать ландмилицію, отъ чего де чинится въ подушномъ окладѣ доимка“, Сенатъ приказалъ, чтобы „на такія однодворческія и иновѣрческія земли купчихъ и закладныхъ отнюдь не писали, подъ опасеніемъ немалаго штрафа“. Точно также въ Сенатскомъ указѣ отъ 2 августа 1739 г. (1-ое Полн. Собр. Зак., № 7864), о продажѣ въ С.-Петербургской губернской канцеляріи отписныхъ за иски движимыхъ и недвижимыхъ имѣній, установлено въ семъ отношеніи исключеніе для имѣній однодворческихъ, которыя по указу 1730 года въ иски отдавать не велѣно.

Однако, несмотря на изъясненныя запрещенія, отчужденія и залоги однодворческихъ земель на практикѣ не прекращались, почему правительству приходилось неоднократно издавать новыя по указанному предмету ограничительныя постановленія, главнѣйшія изъ которыхъ приведены въ послѣдующемъ изложеніи.

Такія постановленія находятся, между прочимъ, въ главѣ XXIII инструкціи межевщикамъ 13 мая 1754 г. (1-ое Полн. Собр. Зак., № 10237), въ которой по предмету землевладѣнія однодворцевъ содержатся, въ числѣ другихъ, и слѣдующія правила: 1)... отмежевать къ ихъ (однодворческимъ) слободамъ, селамъ и деревнямъ на наличное число положенныхъ по нынѣшней ревизіи въ подушной окладъ, считая на всякой дворъ по 4 души, по 10 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, на усадьбы, на животный выпускъ, и на сѣнные покосы, и на лѣсныя угодыя, гдѣ лѣсовъ нѣтъ; а гдѣ лѣсъ будетъ, то изъ лѣсу по 15 десятинъ, всего 30 десятинъ; и по намѣреніи толикаго числа земли на всякія 4 души отмежевать къ слободамъ, селамъ и деревнямъ, въ одну окружную межу отъ всякаго чина помѣщичьихъ земель особо, а

въ той общей межѣ дѣлить имъ ту землю для содержанія себя по пропорціи, и изъ той общей межи имъ, однодворцамъ, земель своихъ никому, въ силу 1727 года указа, не продавать, и не закладывать, и въ наемъ не отдавать, а ежели кто продастъ или заложитъ, то онимъ купчимъ и закладнымъ недѣйствительнымъ быть. 2) Ежели изъ живущихъ въ слободахъ, селахъ и деревняхъ однодворцевъ, кто изъ слободы, села или изъ деревни изъ дачъ своихъ, въ которыхъ кто жителство имѣеть, продалъ послѣ запретительнаго 1727 года указу свою дачу, или той его дачи нѣсколько четвертей, а нынѣ при обмежеваніи въ ту округу той деревни или села на число душъ земли не достанетъ: то тѣ проданныя ими земли примѣривать и межевать къ тѣмъ однодворческимъ слободамъ, селамъ и деревнямъ, отбирая отъ всякаго чина людей безденежно: а ежели тѣ проданныя ими, однодворцами, земли за размежеваніемъ на число душъ къ той деревнѣ земли сверхъ вышеписаннаго распредѣленія останутся въ излишествѣ, и на тѣхъ земляхъ явится тѣхъ людей, кому оныя проданы, поселеніе: то тѣмъ землямъ быть по учиненнымъ отъ нихъ, однодворцевъ, продажамъ, и межевать тѣ земли за тѣми людьми, кому оныя проданы..... 5) А которые однодворцы послѣ состоянія 1727 года августа 14 дня именнаго указа, сверхъ своихъ дачъ, на которыхъ они положены въ подушной окладъ, и содержать ландмилицію, отсутственныя свои земли въ другихъ селахъ и деревняхъ и уѣздахъ всякаго чина людямъ, кому по указамъ деревни и земли имѣтъ повелѣно, а по первой и по нынѣшней новой ревизіямъ въ подушномъ окладѣ на тѣхъ ими проданныхъ земляхъ не положены, и тѣми землями сами они, однодворцы, не владѣли, а лежали впускѣ; а иные, у кого въ насильномъ владѣніи, продали или заложили, и по тѣмъ ихъ продажамъ тѣ проданныя отсутственныя земли за тѣми людьми, кому проданы, за нѣкоторыми справлены, и по посланнымъ изъ вотчинной коллегіи указамъ отказаны, и отмежеваны, и на тѣхъ земляхъ деревни поселены, а за иными не справлены и не отказаны: и такія проданныя отъ однодворцевъ отсутственныя ихъ земли разныхъ чиновъ людямъ писать, мѣрять и межевать за тѣми помѣщиками, кому отъ нихъ проданы, по числу четвертей, и писать тѣ земли въ межевыхъ книгахъ помѣщичьими, а не однодворческими. 6) Остальныя жъ отсутственныя однодворческія земли, которыя напредъ сего именовались помѣстьемъ, а отъ нихъ, однодворцевъ, никому не проданы и не заложены; также оставшія въ слобо-

дахъ, селахъ и деревняхъ за распредѣленіемъ земли жъ, на которыхъ ихъ однодворческаго и людей и крестьянъ ихъ поселенія нѣтъ: мѣрять и межевать въ порозжія земли и въ ландкартахъ, какія тѣ земли, и на какихъ водахъ, и гдѣ можно быть усадьбамъ, назначивать и описывать особо..... 7) А у которыхъ однодворцевъ явятся покупныя ими или предками ихъ земли у дворянъ и у однодворцевъ, или данныя предкамъ же ихъ за службу изъ помѣстья въ вотчину, и на тѣхъ земляхъ явятся въ поселеніи люди ихъ и крестьяне, и по прежней переписи и по минувшей новой ревизіи на тѣхъ земляхъ за ними написаны, или хотя на такихъ земляхъ и поселенія никакого нѣтъ: такія земли межевать, и на нихъ поселенныхъ людей и крестьянъ писать за ними, однодворцами..... 9) Ежели кто изъ нихъ, однодворцевъ, дослужились до офицерскихъ и выше чиновъ, а другіе остались и понынѣ въ однодворцахъ же, а къ раздѣленію вышеписанныхъ остальныхъ, за расположеніемъ отсутственныхъ или покупныхъ предками ихъ, и данныхъ предкамъ же ихъ за службы изъ помѣстья въ вотчину земель единственное право имѣли, съ такими при нынѣшнемъ межеваніи поступать такимъ образомъ: тѣмъ людямъ, которые уже изъ однодворческаго расположенія вышли, намѣривать и отмежевывать особо отъ однодворцевъ на однѣ полныя ихъ дачи; а прочую того села или деревни землю межевать на дачи прочихъ однодворцевъ и чинить съ тѣми землями противъ вышеписаннаго 7 пункта..... 11) Впредь имъ, однодворцамъ, земель и крестьянъ не покупать, кромѣ собственныхъ ихъ однодворческихъ земель, въ разсужденіи таковомъ, что они по владѣнію своей земли и по достатку и подушныя деньги платить должны будутъ равномѣрно, какъ и государственные крестьяне.

Правила объ однодворческихъ земляхъ, включенныя въ инструкцію межевщикамъ 1754 года, повторены отчасти и въ инструкціи межевымъ губернскимъ канцеляріямъ и провинціальнымъ конторамъ 25 мая 1766 года (1-ое Полн. Собр. Зап., № 12659), которою, между прочимъ, по сказанному предмету въ главѣ XIX предписано: 1) Всѣ состоящія за однодворцами и прежнихъ служебъ людьми, яко то, казаками, стрѣльцами, затинщиками, пушкарями, воротниками, рейторами, пашенными солдатами, черкасами и другихъ подобныхъ сему названій, которые написаны въ подушный окладъ, также и за засѣчными сторожами слободы, села, деревни и пустоши и прочія угоды утверждать по писцовымъ и межевымъ книгамъ, по всякимъ дачамъ и крѣпостямъ не каждому порознь,

но вообще всё въ одной слободѣ, села или деревни съ принадлежащими къ нимъ пустошми ко всякому селенію особо. 2) Поселившимся однодворцамъ и прежнихъ служебъ служилымъ людямъ безъ дачъ на порозжихъ государственныхъ земляхъ и дикихъ поляхъ, равноѣрно жъ и тѣмъ, которые по недостатку въ настоящихъ ихъ жилищахъ, на таковыхъ же порозжихъ земляхъ пожелаютъ селиться, намѣривать на число мужеска пола душъ, написанныхъ по послѣдне поданнымъ къ ревизіи сказкамъ въ настоящія дачи, то есть на пашню, лѣса и сѣнные покосы, также подъ усадьбы и на выгонъ на каждую душу по 8 десятинъ, а на дворъ, полагая въ немъ по 4 души, по 32 десятины, и къ тому еще, для размножающихся впредь изъ такихъ же государственныхъ земель, если оныя будутъ, давать по 28, а всего чтобъ было по 60 десятинъ на каждый дворъ, которыя и отмежевать въ одну общую жъ округу, а не порознь; на живущихъ же въ однодворческихъ и прежнихъ служебъ служилыхъ людей селеніяхъ, записанныхъ изъ сего званія въ купечество, земель не намѣривать за тѣмъ, что они не яко поселяне, а какъ уже мѣщане должны довольствоваться не отъ пашни, но отъ торговъ и промысловъ, и жительство имѣть въ городахъ. 3) Владѣльцамъ, кои въ селеніяхъ однодворческихъ и прежнихъ служебъ служилыхъ людей, гдѣ они въ подушной окладъ положены, послѣ запретиельнаго 727 года указа, покупали земли, или на таковыхъ земляхъ и самовольно поселились, первымъ изъ нихъ по показаннымъ крѣпостямъ число четвертей, а вторымъ по положенной на число душъ пропорціи отмежевать безденежно; однакожъ таковымъ посторонне поселившимся въ противность указовъ владѣльцамъ платить ежегодно въ сумму, на содержаніе ландмилицкихъ полковъ, за каждую десятину по 5 копѣекъ.... Кто же изъ оныхъ постороннихъ владѣльцевъ сихъ положенныхъ на ихъ землю денегъ платить не похочетъ, или не станетъ, тѣмъ селенія свои съ тѣхъ земель свести, отъ времени неплатежа положенныхъ денегъ, въ полгода неотмѣнно; а кто въ оный срокъ селеній не снесетъ, тѣ самыя селенія губернскимъ канцеляріямъ причислить въ число настоящихъ однодворцевъ, а прежнимъ владѣльцамъ въ такомъ случаѣ отъ нихъ уже отказывать. 4) Напротиву жъ того проданныя и заложенные до указа 727 года, межевать за тѣми людьми, кому они проданы и по закладнымъ просрочены, безъ всякаго за то платежа и взысканія, однакожъ не больше, какъ то число четвертей, сколько тѣмъ продавцамъ и предкамъ ихъ по

писцовымъ книгамъ и по дачамъ принадлежало. 5) Отсутственныя однопороческія и прежнихъ служебъ служилыхъ людей въ дру-гихъ селахъ и въ деревняхъ и въ уѣздахъ земли, на которыхъ они въ подушный окладъ не положены, и отъ нихъ тѣ земли проданы жъ, утверждать по тѣмъ продажамъ. 6) Оставшія за тѣмъ отсутственныя жъ земли, которыя никому не проданы и ни чьего поселенія нѣтъ и въ положенную имъ на каждую душу пропорцію не войдутъ, межевать особо..... 11) Если изъ такихъ земель, которыя владѣльцамъ розданы и за то хотя и деньги взяты, но донныѣ окружными межами не обмежеваны и плановъ не дано и владѣльческаго на нихъ поселенія нѣтъ, то все возвратитъ по прежнему во владѣніе однопорочцевъ и прежнихъ служебъ служилыхъ людей, а владѣльцамъ деньги, что съ нихъ взято было, отдать изъ собираемыхъ за проданныя земли денегъ..... 14) За однопорочцами жъ и прежнихъ служебъ служилыми людьми покупныя ими и предками ихъ, и данныя предкамъ ихъ за службы изъ помѣстья въ вотчину земли, и съ поселенными на нихъ собственными ихъ людьми и крестьянами оставлять за нынѣшними ихъ владѣльцами, но за тѣхъ людей и крестьянъ государственную подать собирать по тому окладу, въ какой оныя по послѣдному узаконенію положены, и всехъ тѣхъ людей и крестьянъ съ имѣющимися подъ ними землями, также и покупныя однопорочцами, и жалованныя жъ предкамъ ихъ пустыя земли, оставить въ волю владѣльцевъ, до будущаго о самихъ тѣхъ однопорочцахъ и прежнихъ служебъ служилыхъ людей и о ихъ людяхъ и крестьянахъ впредъ по полученіи уѣздныхъ плановъ разсмотрѣнія. 15) Сихъ людей и крестьянъ съ землею и безъ земли дозволяется имъ продавать, но не инымъ кому, какъ только равнымъ же себѣ однопорочцамъ и прежнихъ служебъ служилымъ людямъ и съ тѣмъ точно, ежели покупатель обяжется за тѣхъ проданныхъ людей и крестьянъ государственныя подати платить, а безъ того купчихъ не совершать; особо жъ земель, хотя бъ и отсутственныя были, до будущаго по генеральнымъ планамъ разсмотрѣнія постороннимъ владѣльцамъ не продавать, и въ наемъ, кромѣ того, какъ погодно, не отдавать. 16) Кто изъ однопорочцевъ и прежнихъ служебъ служилыхъ людей дослужились офицерскихъ и выше чиновъ, и особо покупныхъ предками ихъ и данныхъ предкамъ же ихъ за службу изъ помѣстья въ вотчину земель не имѣютъ, а живутъ въ общественныхъ съ однопорочцами и прежнихъ служебъ служилыми людьми селеніяхъ, таковымъ особо не межевать, а межевать еъ общественнымъ всехъ

товарищей ихъ селеніямъ безъ различности..... 18) Впредь однодворцамъ и прежнихъ служебъ служилымъ людямъ земель и крестьянъ, кромѣ того, какъ выше положено, не покупать, и тѣхъ земель, на коихъ они въ подушный окладъ положены, не только постороннимъ, но и равнымъ себѣ отнюдь не продавать, и въ наемъ, кромѣ какъ погодно, также за долги и въ иски никому не отдавать; а ежели кто продастъ или заложитъ, то купчимъ и закладнымъ быть недѣйствительнымъ; а и отхожія свои земли, которыя въ ихъ владѣніи состоятъ, сверхъ положенной на число душъ пропорціи, дозволяется имъ до предбудущаго разсмотрѣнія продавать единственно равнаго себѣ состоянія людямъ, а не постороннимъ другаго какого званія владѣльцамъ. 19) Послѣ умершихъ такихъ однодворцевъ и прежнихъ служебъ служилыхъ людей, слѣдуя вышеписанному порядку, оставшихъ ихъ земель, на которыхъ они въ подушный окладъ положены, изъ которыхъ ландмилицію содержать, наслѣдникамъ ихъ и женамъ на части не дѣлить, и по наслѣдству жъ дочерямъ и въ приданія, выходящимъ въ замужество другаго званія за людей и за однодворцевъ же и прежнихъ служебъ служилыхъ людей въ другія селенія, не отдавать, а оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ оныя будутъ отмежеваны. 20) Ежели жъ послѣ которыхъ однодворцевъ и прежнихъ служебъ служилыхъ людей сыновей не останется, а останутся дочери, и выйдутъ въ замужество за однодворцевъ же и прежнихъ служебъ служилыхъ людей, кои пожелаютъ жить на тѣхъ принадлежащихъ имъ земляхъ, то тѣ земли оставлять тѣмъ оставшимъ послѣ однодворцевъ и служилыхъ людей дочерямъ и ихъ мужьямъ; имѣющіяся жъ за таковыми поженившимися въ прежнихъ селеніяхъ земли оставлять прочимъ того селенія жителямъ.

Основанія, принятія въ изложенныхъ узаконеніяхъ относительно пространства правъ однодворцевъ на владѣемые ими земли, получили дальнѣйшее разъясненіе и отчасти были дополнены ниже слѣдующими, вошедшими въ Полное Собраніе Законовъ, постановленіями:

1) Упомянутымъ уже выше указомъ Сената отъ 24 сентября 1798 года, въ которомъ сверхъ приведенныхъ тамъ данныхъ, касающихся исторіи однодворцевъ, содержатся, между прочимъ, еще свѣдѣнія о томъ, что „положеніе однодворцевъ, жительствующихъ большею частью въ изобильнѣйшихъ Россійскихъ губерніяхъ и составляющихъ по нѣкоторымъ изъ нихъ знатнѣй-

шую половину казенныхъ поселянъ, по малоземелью не столько занимаются хлѣбопашествомъ, сколько бы требовала прибыль ихъ собственная, польза общественная и способность климата“, и что „видимый недостатокъ въ земляхъ и оскудѣніе въ хлѣбопашествѣ отъ того главнѣйше корень свой воспріяло, что вспомоствуемые различными злоупотребленіями однодворцы во многіе годы послѣ запретительныхъ указовъ, закладывая и продавая постороннимъ не однажды, но часто по нѣскольку разъ тѣ же самые участки свои въ разныя руки, завели множество судныхъ и исковыхъ дѣлъ, и какъ по сей причинѣ, такъ и по умножившемуся числу собственныхъ и крестьянъ своихъ семействъ, стали малоземельны, и вышель счетъ работниковъ несоразмѣрно съ дѣйствительнымъ пространствомъ земли, ими владѣемой“. Вслѣдствіе сего и въ виду объявленнаго уже нѣкоторымъ отъ однодворцевъ повѣреннымъ Монаршаго повелѣнія, что предполагается удовлетвореніе землею въ 15 десятинную пропорцію распространить на всѣ вообще казеннаго вѣдомства селенія, экспедиція государственнаго хозяйства проектировала: назначенное число земли намѣрить имъ (однодворцамъ) въ собственность, съ тѣмъ, чтобъ они не властны были тѣ участки, въ собственность имъ данныя, ни мѣнять, ни закладывать, ни продавать и ни кому, подъ какимъ бы то видомъ ни было, отдавать какъ въ постороннія руки, такъ и равнымъ себѣ, дабы сами не оскудѣвали, сохраняя на всегда земли свои, и не приходили въ несостояніе платить подати государственныя. У таковыхъ же однодворцевъ, у которыхъ найдется болѣе 15 десятинъ на ревизскую душу, у тѣхъ излишество отбирать для удовлетворенія другихъ малоземельныхъ положенною пропорціею, и сверхъ оной однодворцамъ и ихъ крестьянамъ не имѣть, не просить и не отыскивать. Прочимъ изъ нихъ, кои поселены на казенныхъ пустопорожнихъ земляхъ безъ дачъ, намежевать опредѣленное число десятинъ не въ собственность, не каждому особенно, но всему селенію общею межею; такимъ же точно образомъ сдѣлать нарѣзку и тѣмъ однодворцамъ, которые въ нынѣшнихъ селеніяхъ землею нуждаются и нѣтъ въ смежности, или въ близкомъ разстояніи для отвода имъ достаточнаго количества казенныхъ земель, но должны быть переведены на новыя мѣста. Сими средствами,—по заключенію вышеназванной экспедиціи,—однодворцы и ихъ крестьяне, снабженные землею, ободренные къ обработанію оной и къ умноженію хлѣбопашества и сельскихъ произрастеній, отъ избытковъ своихъ полу-

чаемою прибылью, будутъ исправны въ безостановочномъ взносе сборовъ, казны принадлежащихъ; уничтоженіемъ же навсегда просьбъ и требованій однодворческихъ въ отыскиваніи земель по стариннымъ ихъ дачамъ, кои они многократно продавали и опять отыскивали, прекратится великое число спорныхъ дѣлъ, обременяющихъ межевыя правительства и другія судебныя мѣста; ибо таковыя дѣла имѣютъ основаніемъ по большей части несостоятельность затѣянныхъ прошеній, беспокойный духъ и склонность къ злоупотребленіямъ со стороны однодворцевъ. Сенатъ въ Общемъ первыхъ четырехъ и Межеваго Департаментовъ Собраніи, разсмотрѣвъ прописанныя обстоятельства, находилъ полезнымъ, дабы однодворцамъ и ихъ крестьянамъ, не имѣющимъ земли по 15 десятинъ на душу по 5-й ревизіи, прибавить къ владѣемой ими изъ казенныхъ земель, сколько для составленія означеннаго количества потребно будетъ, и таковую прибавку произвести согласно во всемъ положенію экспедиціи государственнаго хозяйства, а равномѣрно и по отводѣ земли, какъ нынѣ владѣемою, такъ и тою, которая впредь отдана будетъ, владѣть на предписываемомъ въ ономъ положеніи основаніи. Относительно же таковыхъ однодворцевъ, у которыхъ во владѣніи болѣе 15 десятинъ на душу, но сіи земли принадлежали предкамъ ихъ по дачамъ, или приобрѣтены ими по прежнимъ узаконеніямъ покупкою, Сенатъ опредѣлилъ такія излишнія земли, какъ собственность законноприобрѣтенную, оставить за однодворцами, съ тѣмъ однако-же, чтобы и сими участками владѣли на основаніи законовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ, въ разсужденіи дѣлъ, производящихся въ гражданскихъ и межевыхъ правительствахъ, о земляхъ однодворцевъ съ дворянами и съ казенными разнаго званія поселянами, постановилъ, въ излагаемомъ опредѣленіи, особыя правила, направленныя какъ къ уничтоженію сихъ дѣлъ, такъ равно и къ пресѣченію на будущія времена споровъ и тяжбъ съ однодворцами.

2) Именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 12 декабря 1801 года (1-е Полн. Собр. Зак., № 20075), коимъ въ поощреніе земледѣлію и промышленности народной соразмѣрно способамъ, какіе Россія по пространству и положенію своему имѣетъ, признано нужнымъ право приобрѣтенія всякихъ подъ разными именами извѣстныхъ земель безъ крестьянъ и владѣнія всѣмъ тѣмъ, что на поверхности и въ нѣдрахъ ихъ находится, распространить на всѣхъ Россійскихъ подданныхъ, кромѣ тѣхъ, кои причислены къ помѣщичьимъ владѣніямъ. И вслѣдствіе сего предоставлено не только

купечеству, мѣщанству и всѣмъ городскимъ правомъ пользующимся, но и казеннымъ поселянамъ, къ какому бы они вѣдомству ни принадлежали (въ томъ числѣ, слѣдовательно, и однодворцамъ), равнобѣрно и отпущеннымъ на волю отъ помѣщиковъ пріобрѣтать покупкою земли отъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ по законамъ право на продажу, и утверждать таковыя пріобрѣтенія за собою совершеніемъ купчихъ каждому отъ своего имени въ учрежденныхъ на то мѣстахъ законнымъ порядкомъ, собственность ихъ пенарушимо ограждающимъ.

3) Высочайше утвержденнымъ 16 ноября 1816 года (1-е Полн. Собр. Зак., № 26579) мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, о правилахъ возстановленія однодворцевъ въ дворянскомъ достоинствѣ. Въ правилахъ сихъ заключаются, между прочимъ, слѣдующія относящіяся къ разсматриваемому предмету статьи:... 4) По вступленіи ими (однодворцами) въ оберъ-офицеры, они, на основаніи Высочайше дарованной дворянству грамоты, должны пользоваться правомъ дворянства и вступать во владѣніе и распоряженіе принадлежащей имъ части имѣнія на правѣ дворянства; такимъ образомъ сіе имѣніе дѣлается дворянскимъ. 5) Если кто изъ нихъ владѣетъ одною землею по крѣпостямъ и купчимъ, или по пожалованнымъ грамотамъ, а не отъ казны намежеванною: тѣмъ оставить на волю удерживать оную за собою, или, на основаніи межевой инструкціи 18 пункта (XIX главы), продать равнымъ себѣ людямъ, а не постороннимъ другаго какого званія владѣльцамъ.

4) Высочайше утвержденнымъ 10 апрѣля 1823 года (1-е Полн. Собр. Зак., № 29414) мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, коимъ сила приведенной въ предшедшемъ пунктѣ статьи 4 закона 16 ноября 1816 г. распространена была и на тѣхъ однодворцевъ, которые возведены въ дворянское достоинство или дослужились до штабъ и оберъ-офицерскихъ чиновъ прежде состоянія означеннаго (1816 года) закона, при чемъ Государственный Совѣтъ въ семъ случаѣ руководствовался признаннымъ имъ правильнымъ заключеніемъ по сему дѣлу Комисіи Составленія Законовъ, которая, въ свою очередь, между прочимъ, нашла, что „хотя 15, 18 и 19 пунктами XIX главы межевой инструкціи 1766 года и было запрещено продавать таковыя (однодворческія) имѣнія кому другому, кромѣ лицъ того же однодворческаго званія; однако-жъ правило сіе не было распространено на тотъ случай, когда однодворецъ, владѣющій имѣніемъ, возведенъ въ дворянское достоинство, и вообще положеніе сіе, какъ въ тѣхъ же самыхъ пунктахъ сей

инструкціи изображено, было только временное и установленное впредь до разсмотрѣнія“.

5) Указомъ Сената отъ 1 декабря 1828 г. (2-е Полн. Собр. Зак., № 2474), въ коемъ прописано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, о разсматриваніи въ судебныхъ мѣстахъ дѣлъ о раздѣленіи земель, по числу душъ, когда однодворцы и другіе поселяпе, имѣющіе оныя во владѣніи по крѣпостямъ, не согласятся отдать ихъ въ раздѣлъ на общество, но будутъ считать принадлежащими въ частную каждаго изъ нихъ собственность. Изъ означеннаго мнѣнія, между прочимъ, усматривается, что министръ финансовъ, въ 1820 г., далъ казеннымъ палатамъ циркулярное предписаніе, чтобы тѣхъ только однодворцевъ и казенныхъ поселянъ считать частными владѣльцами земель по крѣпостямъ, кои при межеваніи поименованы въ планахъ и книгахъ особенно отъ общества владѣльцами внутри окружной дачи; по мнѣнію же Совѣта, Правительствующій Сенатъ весьма правильно призналъ, что поселянъ, имѣющихъ въ общественныхъ селеніяхъ свои земли, по грамотамъ, писцовымъ книгамъ и купчимъ имъ отдѣльно принадлежащія, не можно ни въ какомъ случаѣ лишать сихъ земель, какъ собственности ихъ.

6) Высочайше утвержденнымъ 29 апрѣля 1831 года (2-ое Полн. Собр. Зак., № 4524) мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, о земляхъ, какія могутъ однодворцы продавать или передавать въ частное владѣніе. Узаконеніе это, послужившее главнымъ источникомъ ограничительныхъ постановленій объ однодворческихъ земляхъ, которыя вошли въ законы о состояніяхъ изд. 1857 г., заключается въ слѣдующемъ: Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ докладъ Правительствующаго Сената общаго первыхъ трехъ департаментовъ собранія, по вопросу, какія земли могутъ переселяющіеся однодворцы продавать или передавать въ частное владѣніе и кому именно, къ разрѣшенію онаго принялъ въ соображеніе: а) что земли, владѣмыя однодворцами, по различію правъ пробрѣтенія оныхъ, могутъ быть съ основательностью раздѣлены на два главные разряда: во-1-хъ, на общественныя, и, во-2-хъ, на жалованныя за службу въ вотчину, и покупкою, или инымъ образомъ въ частную собственность пріобрѣтенныя. б) Что первыя изъ оныхъ, по натурѣ своей, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть переводимы въ частныя руки, но должны оставаться въ распоряженіи общества, и притомъ безъ всякаго вознагражденія переселяющихся однодворцевъ со стороны

общества, за оставляемыя въ пользу онаго земли, какъ казенныя, такъ и купленныя на деньги цѣлаго общества на правѣ собственности, поелику: во-1-хъ, переселяющійся получаетъ уже отъ казны, въ новомъ мѣстѣ своего поселенія, преимущественное количество земли, съ избыткомъ вознаграждающее его за участокъ въ землѣ общественной; во-2-хъ, удовлетвореніе его за таковой участокъ не можетъ не быть отяготительно для остающихся на мѣстахъ однодворцевъ; и въ-3-хъ, самый расчетъ въ вознагражденіи, по причинѣ измѣнившагося числа душъ въ семействахъ и вообще въ народонаселеніи цѣлой волости или селенія, неудобенъ и сопряженъ съ затрудненіями. в) Что земли втораго разряда составляютъ частную собственность, и потому переселяющіеся однодворцы не могутъ быть лишены предоставленнаго имъ законами, межевою инструкціею и Высочайшимъ указомъ 1801 года, права продавать и передавать земли сіи въ частное же владѣніе. г) Что по силѣ межевой инструкціи (п.п. 15 и 18) дозволено однодворцамъ пріобрѣтенныя самими ими земли, по пожалованію и покупкеамъ до 1801 года, продавать и передавать только равнымъ себѣ однодворцамъ; къ отмѣнѣ же сего закона не представляется никакихъ уваженій; но, напротивъ, цѣль онаго, дабы сосредоточеніемъ однодворческихъ земель избѣгнуть чрезполоснаго владѣнія съ посторонними, столь вреднаго для успѣховъ земледѣлія и благосостоянія поселянъ, сообразна съ производимымъ во всей Россіи отдѣленіемъ вообще однодворческихъ земель отъ помѣщичьихъ и другаго состоянія людей, и сверхъ того допущеніе продажи таковыхъ земель въ постороннія руки было бы противно и самому намѣренію переселеній: умножить количество земель остающимся на мѣстахъ. И, наконецъ, д) что не должно лишать однодворцевъ права уступать посторонняго званія людямъ тѣ токмо земли, кои куплены ими на основаніи указа 1801 года, такъ какъ оныя съ одной стороны пріобрѣтены ими на правѣ безусловной собственности, а съ другой, будучи большею частью внѣ общественныхъ однодворческихъ дачъ, не влекутъ за собою чрезполосности владѣній. Вслѣдствіе сихъ соображеній, Государственный Совѣтъ *положилъ*: 1) Всѣ земли, составляющія собственность казны или общества, какъ то: а) данныя однодворцамъ отъ Правительства, для первоначальнаго поселенія и для исправленія службы, въ помѣстьѣ прежде 1724 года, т. е. прежде обращенія ихъ въ подушный окладъ; б) заселенныя самими однодворцами изъ дикопорожныхъ земель и во время межеванія утвержденныя за ними въ указную

пропорцію на душу; и в) купленные обществомъ цѣлой волости или селенія (на основаніи указовъ 1788 г. января 29 и 1823 г. февраля 28) у помѣщиковъ съ правомъ собственности,—переселяющіеся однодворцы обязаны оставить въ распоряженіи общества, безъ всякаго со стороны онаго вознагражденія. 2) Земли, составляющія частную собственность: а) пожалованныя до 1724 года нѣкоторымъ изъ однодворцевъ въ вотчину; б) купленные и другимъ образомъ прибрѣтенныя нѣкоторыми изъ нихъ у постороннихъ людей до 1765 года, т. е. до времени воспрещенія таковой покупки межевою инструкціею; и в) прибрѣтенныя отъ равныхъ себѣ однодворцевъ прежде и послѣ 1765 года,—дозволить переселяющимся однодворцамъ продавать и передавать (по силѣ 15 и 18 п.п. меж. инстр.) только равнымъ себѣ однодворцамъ, кому они найдутъ выгоду. 3) Затѣмъ прибрѣтенныя однодворцами земли, на основаніи указа 1801 года декабря 12, дозволить имъ, при переселеніи, переуступать и продавать не только однодворцамъ, но и всѣхъ прочихъ званій людямъ. 4) При совершеніи крѣпостныхъ актовъ на сіи продажи и передачи, должны быть представлены отъ продавца тѣ законные документы, по коимъ земля досталась ему или предку его въ частную собственность, и сверхъ того свидѣтельство волостнаго правленія, что таковая продаваемая или уступаемая земля состоитъ въ дѣйствительномъ продавца владѣніи, безъ каковыхъ доказательствъ не совершать и крѣпостныхъ актовъ. Но если бы переселяющійся однодворецъ просилъ о совершеніи акта на такую землю, на которую имѣеть онъ только документы, самая же земля состоитъ въ общественномъ владѣніи; то въ семъ ему отказывать: ибо онъ можетъ токмо уступать право свое на отысканіе, а не на самую землю.

7) Высочайше утвержденнымъ 2 января 1850 г. (2-ое Полн. Собр. Зак., № 23791) мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, о оставленіи отбираемыхъ во владѣніе казны или общества розданныхъ однодворцамъ помѣстныхъ земель въ пользованіи ихъ потомковъ изъ платежа оброка. Государственный Совѣтъ разсматривалъ дѣло, по разногласію въ общемъ собраніи Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, государственной крестьянки Воронкиной, о землѣ Курской губерніи, Обоянскаго уѣзда, въ селѣ Вышнемъ Реутцѣ. По выслушаніи сего дѣла, Министръ Государственныхъ Имуществъ, въ присутствіи Государственнаго Совѣта, объяснилъ, что, руководствуясь точною силою существующихъ узаконеній, онъ, во всѣхъ случаяхъ, подобныхъ настоящему, дол-

женъ настаивать на обращеніи во владѣніе казны помѣстныхъ земель однодворцевъ потому, что земли сіи, розданныя имъ только подъ условіемъ отправления служебной повинности, никогда собственности ихъ не составляли. Но, принимая въ соображеніе, что потомки жалованныхъ помѣстными землями однодворцевъ, по не-вѣдѣнію законовъ и давнему владѣнію, считая оное неотъемлемымъ достояніемъ своимъ, не требовали уже надѣла изъ другихъ общественныхъ земель, а равно, что и общество казенныхъ поселенъ, отъ присоединенія четвертныхъ помѣстныхъ земель къ общественнымъ, не получить значительныхъ выгодъ,—Министръ Государственныхъ Имуществъ полагалъ бы возможнымъ, какъ въ дѣлѣ Воронкиной, такъ и въ другихъ, подобныхъ оному случаяхъ, принять за правило, чтобы обращаема въ общественное владѣніе помѣстныя земли однодворцевъ оставляемы были за потомками ихъ изъ платежа оброка, равнаго платимому крестьянами за другія общественныя земли, по цѣнности ихъ, и, лишь тогда, когда нынѣшніе владѣльцы на сіе не согласятся, отдаваемы были безусловно въ распоряженіе общества. Государственный Совѣтъ, находя и съ своей стороны, что земли, данныя однодворцамъ до 1724 года, для первоначальнаго поселенія и для исправленія службы, составляютъ собственность казны или общества, не могъ не согласиться съ заключеніемъ по настоящему дѣлу Министра Юстиціи и сенатора, съ нимъ согласнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не признавать правильности настояній Министра Государственныхъ Имуществъ, чтобы земли такого рода всегда были обращаемы во владѣніе казны. Но какъ генераль-адъютантъ графъ Киселевъ призналъ возможнымъ оставлять оныя на изясненномъ основаніи въ пользованіи потомковъ тѣхъ однодворцевъ, которымъ онѣ были даны, то Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: 1) Утвердить по сему дѣлу заключеніе Министра Юстиціи и сенатора, принявшаго его предложеніе. 2) На будущее время принять по управленію государственными имуществами за правило, чтобы при отобраніи во владѣніе казны или общества розданныхъ однодворцамъ помѣстныхъ земель, земли сіи оставляемы были въ пользованіи потомковъ ихъ изъ платежа оброка, равнаго платимому крестьянами за другія общественныя земли по цѣнности ихъ, и, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда потомки однодворцевъ на сіе не согласятся, отдаваемы были безусловно въ пользу общества, для раздѣла по положенію.

8) Высочайше утвержденнымъ 24 мая 1852 (2-ое Полн. Собр.

Зак., № 26304) мнѣніемъ Государственнаго Совѣта о томъ, какъ поступать при полюбовномъ размежеваніи земель, владѣльцы коихъ изъ однодворческаго сословія выслужились въ штабъ и оберъ-офицеры. Мнѣніемъ этимъ, въ дополненіе подлежащихъ статей Свода законовъ, постановлено было то правило, которое вошло въ приведенное выше въ началѣ настоящей статьи примѣчаніе къ ст. 658 т. X ч. 2 зак. меж., изд. 1893 года.

9) Высочайше утвержденнымъ 20 декабря 1854 года (2-е Полн. Собр. Зак., № 28848) мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, о правахъ однодворцевъ на земли, данныя имъ отъ правительства во владѣніе и пользованіе. Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ Департаментахъ Гражданскомъ и Законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ внесенное, по разногласію въ общемъ собраніи Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, дѣло о правахъ дворянъ Лучаниновыхъ на владѣемую ими землю въ дачѣ деревни Мачулицъ, не могъ не признать, что, по разуму дѣйствующихъ законовъ объ однодворческихъ земляхъ, земли, данныя однодворцамъ отъ правительства для первоначальнаго поселенія, или для отправленія службы, въ помѣстье, и неотчужденныя по совершеннымъ, до изданія межевой инструкціи, въ законномъ порядкѣ, актамъ, составляютъ собственность казны или общества. Означенныя земли не теряютъ своего свойства и тогда, когда кто-либо изъ поселенныхъ на нихъ однодворцевъ, вступивъ въ военную службу, дослужился до офицерскаго чина. Но, для поощренія однодворцевъ къ достиженію сего отличія, кажется, справедливо предоставить имъ, въ видѣ монаршей милости, за службу, пользованіе прежними ихъ землями, съ платежемъ слѣдующихъ за оныя, по общей раскладкѣ, поземельныхъ сборовъ изъ состоящаго въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ особаго вспомогательнаго для отставныхъ военныхъ нижнихъ чиновъ капитала. А какъ товарищъ Министра Государственныхъ Имуществъ, въ присутствіи Государственнаго Совѣта, объявилъ, что Министерство Государственныхъ Имуществъ къ приведенію сей мѣры въ исполненіе не встрѣтитъ затрудненія, то Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: 1) однодворческія незаселенныя крестьянами земли, находящіяся во владѣніи однодворцевъ, дослужившихся въ военной службѣ до офицерскихъ чиновъ, оставить и на будущее время, если они не могутъ доказать на нихъ право собственности, *въ пользованіи* ихъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующая за то въ казну поземельная плата производима была изъ суммъ Министерства Го-

сударственныхъ Имуществъ, и 2) на семь основаніи разрѣшить и домогательство Лучаниновыхъ, давшее поводъ къ настоящему постановленію.

Наконецъ, 10) Высочайше утвержденнымъ 18 октября 1871 г. (2-ое Полн. Собр. Зак., № 50054) мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, коимъ,—по разсмотрѣніи представленія Министра Финансовъ объ отмѣнѣ статьи 757 законовъ о состояніяхъ (Свод. зак., т. IX, изд. 1857 г.), для которой источникомъ послужило приведенное въ предшедшемъ пунктѣ узаконеніе отъ 20 декабря 1854 г.,—положено: настоящее представленіе утвердить и, вслѣдствіе того: статью 757 законовъ о состояніяхъ (Свод. зак. т. IX) отмѣнить, съ тѣмъ, чтобы для тѣхъ однодворцевъ, которые нынѣ пользуются установленною въ той статьѣ льготою, сохранить сію льготу пожизненно или до переуступки ими своихъ участковъ другимъ лицамъ.

Въ основаніе сего закона, вошедшаго въ статью 775 т. IX зак. о сост. изд. 1876 г., приняты были,—какъ это видно изъ отчета по Государственному Совѣту за 1871 годъ (стр. 108 и 109),—слѣдующія соображенія:

На основаніи ст. 757 Свод. зак. т. IX зак. о сост., однодворческія незаселенныя крестьянами земли, находившіяся во владѣніи однодворцевъ, дослужившихся въ военной службѣ до офицерскихъ чиновъ, оставлялись, если они не могли доказать на нихъ права собственности, въ пользованіи ихъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдовавшая за то въ казну поземельная плата производилась изъ суммъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Поводомъ къ установленію для однодворцевъ, дослужившихся до офицерскихъ чиновъ, означенной льготы послужило то, чтобы поощрить однодворцевъ къ достиженію такого отличія. Между тѣмъ, по Высочайше утвержденному 24 ноября 1866 года положенію о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, отведенныя симъ крестьянамъ, по владѣннымъ записямъ, земли поступаютъ въ ихъ собственность, такъ что они могутъ ихъ продавать постороннимъ лицамъ, даже такимъ, которыя, какъ напримѣръ дворяне, не подлежатъ никакимъ повинностямъ лично, но, съ приобрѣтеніемъ этихъ земель, согласно упомянутому положенію, обязаны наравнѣ съ крестьянами вносить оброчные платежи. На семь основаніи и дослужившіеся до офицерскихъ чиновъ однодворцы, владѣвшіе участками земли, также должны были считаться собственниками, подлежащими платежу причитающагося за землю оброка. Вслѣд-

ствіе сего представился вопросъ, можно ли сохранить въ своей силѣ означенную статью 757 законовъ о состояніяхъ. По предварительномъ обсужденіи сего вопроса въ Министерствахъ Государственныхъ Имуществъ, Финансовъ и Военномъ, а равно во Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Государственнымъ Совѣтомъ не найдено достаточныхъ основаній къ сохраненію въ силѣ упомянутого правила. Но при этомъ принято было во вниманіе, что, съ отмѣною сего закона, не только тѣ изъ однодворцевъ, которые дослужатся до офицерскихъ чиновъ, обязаны были бы вносить за владѣмыя земли установленную поземельную подать, но и тѣ, которые пользовались землями бесплатно, слѣдовательно, въ отношеніи къ послѣднимъ законъ получилъ бы нѣкоторымъ образомъ обратное дѣйствіе и лишилъ бы ихъ той льготы, которая была имъ предоставлена. Въ виду сего, Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ, при отмѣнѣ статьи 757 законовъ о состояніяхъ, постановить,—какъ и указано выше,—чтобы для тѣхъ однодворцевъ, которые пользовались уже установленною въ той статьѣ льготою, льгота сія сохранена была пожизненно или до переуступки ими своихъ участковъ другимъ лицамъ.

Изученіе изложеннаго законодательнаго матеріала, прежде всего, показываетъ, что земли, находившіяся во владѣніи однодворцевъ, пріобрѣтены были ими въ общественную или частную собственность, или же были даны имъ отъ правительства въ помѣстье, для первоначальнаго поселенія или для отправленія службы, при чемъ земли послѣдняго рода, т. е. данныя въ помѣстье, составляли собственность казны. Но изъ хода законодательства объ однодворческихъ земляхъ усматривается, что на практикѣ въ старыя времена бывали попытки къ обращенію въ распоряженіе казны и такихъ земель однодворцевъ, которыя достались имъ и на правѣ собственности. Такъ, экспедиція государственнаго хозяйства, какъ мы видѣли выше, предположила у тѣхъ однодворцевъ, у которыхъ найдется болѣе 15 десятинъ на ревизскую душу, излишество отобрать для удовлетворенія другихъ малоземельныхъ положенною пропорціею; но Правительствующій Сенатъ, въ 1798 г., по Высочайше утвержденному докладу, призналъ, что такія излишнія земли, принадлежація предкамъ однодворцевъ по дачамъ, или пріобрѣтенныя ими по прежнимъ узаконеніямъ покупкою, надлежитъ, какъ законно пріобрѣтенную собственность, оставить за однодворцами. Засимъ, въ 1820 г., Министръ Финансовъ циркулярно

предписалъ казеннымъ палатамъ: тѣхъ только однодворцевъ и казенныхъ поселянъ считать частными владѣльцами земель по крѣпостямъ, кои при межеваніи поименованы въ планахъ и книгахъ особенными отъ общества владѣльцами внутри окружной дачи; однако, Государственный Совѣтъ съ симъ не согласился, одобливъ заключеніе Сената о томъ, что поселянъ, имѣющихъ въ общественныхъ селеніяхъ свои земли, по грамотамъ, писцовымъ книгамъ и купчимъ отдѣльно имъ принадлежація, ни въ какомъ случаѣ невозможно лишать сихъ земель, какъ ихъ собственности. Впрочемъ, попытки къ признанію казенными однодворческихъ земель, доставшихся имъ по крѣпостнымъ актамъ, имѣли также мѣсто и въ новѣйшее время, какъ это усматривается, на примѣръ, изъ дѣла общества государственныхъ крестьянъ села Кутафина, разрѣшеннаго Гражданскимъ Кассационнымъ Департаментомъ въ 1872 г. (рѣш. № 232), въ каковомъ дѣлѣ,—которое, какъ полагать надо, вовсе не было единственнымъ въ своемъ родѣ,—вѣдомство Государственныхъ Имуществъ доказывало, что приобрѣтенная названнымъ обществомъ крестьянъ, въ бытность ихъ однодворцами, въ 1793 г., отъ помѣщиковъ, на свой счетъ, по купчей крѣпости, земля составляетъ, будто, по закону собственность казны. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что, хотя, на основаніи разновременныхъ изданныхъ узаконеній, однодворцамъ, какъ это и выражено было въ ст. 752 т. IX зак. о сост. изд. 1857 г. (а по изд. 1876 г. ст. 774), дозволялось удерживать въ своей собственности земли, купленные ими и ихъ предками, или жалованныя симъ послѣднимъ въ вотчину, тѣмъ не менѣе на практикѣ это право однодворцевъ на приобрѣтенныя ими законнымъ путемъ земли не всегда почиталось непоколебимымъ.

Далѣе, надлежитъ замѣтить, что, по силѣ ст. 754 т. IX зак. о сост. изд. 1857 г., однодворцамъ дозволялось переуступать и продавать людямъ всѣхъ вообще званій земли, приобрѣтенныя ими въ собственность на основаніи указа 12 декабря 1801 года, коимъ всѣмъ свободнаго состоянія людямъ разрѣшено приобрѣтеніе незаселенныхъ земель; прочія же собственныя земли, хотя они и могли переуступать и продавать, но не другому кому, какъ только равнымъ себѣ однодворцамъ. При этомъ какъ въ означенной статьѣ, такъ и въ другихъ предписаніяхъ касательно однодворческихъ земель, содержащихся въ Сводѣ законовъ о состояніяхъ изданія 1857 г. и нынѣ изъ онаго (по изданію 1876 г.) исключенныхъ, не упоминалось ни о запрещеніи закладывать означен-

ныя земли, ни о недопущеніи обращенія ихъ въ продажу для удовлетворенія могущихъ пасть на владѣльцевъ оныхъ взысканій. Между тѣмъ, изъ законодательныхъ постановленій объ однодворческихъ земляхъ, приведенныхъ въ настоящей статьѣ, обнаруживается, что оными запрещалось не только продавать и переуступать сіи земли постороннимъ лицамъ, но также отдавать ихъ кому-либо въ залогъ или за долги и по искамъ, а равно даже и въ наемъ срокомъ болѣе, чѣмъ на годъ. Умолчаніе же въ Сводѣ законовъ о послѣднихъ запрещеніяхъ могло повлечь за собою на практикѣ совершенный обходъ всѣхъ запретительныхъ узаконеній относительно отчужденія сказанныхъ земель. И дѣйствительно,—какъ и сообщаетъ г. Панкѣевъ въ составленной по даннымъ Рязанской земской статистики статьѣ его о четвертномъ землевладѣніи („Русская Мысль“ 1886 г., № 2, стр. 57 и 58),—у однодворцевъ (четвертныхъ крестьянъ) практиковался, повидимому, уже издавна замаскированный способъ продажи посредствомъ заклада земли подъ сумму, превышающую стоимость ея.

Но не говоря уже о томъ, что запретительные законы объ однодворческихъ земляхъ потеряли свое значеніе въ дѣйствительной жизни въ виду частаго ихъ обхода, нельзя не указать и на то, что законы эти должны, вообще, почитаться въ настоящее время утратившими свою силу и за несогласіемъ ихъ съ содержаніемъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ постановленій законодательной власти.

Однодворцы, какъ извѣстно, еще въ прошломъ столѣтіи причислены были къ разряду казенныхъ (государственныхъ) поселенцевъ, среди коихъ они, по нѣкоторымъ губерніямъ, составляли, какъ это значитъ, между прочимъ, въ указѣ отъ 24 сентября 1798 г., „знатнѣйшую половину“. Къ разряду сихъ крестьянъ однодворцы отнесены были и по Своду законовъ о состояніяхъ изданія 1857 года (т. IX ст. 614 п. 9). Затѣмъ государственные крестьяне *всѣхъ наименованій*,—слѣдовательно, въ томъ числѣ, какъ это и разъяснено 2-ымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената въ опредѣленіи отъ 30 апрѣля 1891 г. за № 2640 (ст. „Положенія о сельскомъ состояніи“ изд. Данилова, Спб. 1894 г., ч. 3, стр. 223), и *бывшіе однодворцы*,—подчинены съ 1866 года вѣдѣнію общихъ губернскихъ и уѣздныхъ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ. При этомъ, по силѣ статьи 1 положенія о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ (т. IX особ. прил. VII), основанной на законѣ 18 января 1866 г. (2 Полн. Собр. Зак. № 42899), названнымъ крестьянамъ сохранены всѣ тѣ права, коими они доселѣ пользо-

вались, а равно и не отмѣнены и тѣ особыя преимущества, которыя дарованы нѣкоторымъ изъ состоявшихъ въ вѣдѣніи управленія государственныхъ имуществъ разрядамъ сельскихъ обывателей, на основаніи особыхъ о каждомъ изъ нихъ положеній. Такимъ образомъ, по прямому смыслу закона 18 января 1866 г., нѣкоторые разряды государственныхъ крестьянъ, которые, по особымъ о нихъ положеніямъ, пользовались до того извѣстными преимуществами или привилегіями, сохранили таковыя и послѣ изданія сего закона. Что же касается ограниченій въ правахъ, которыя существовали прежде для опредѣленныхъ разрядовъ казенныхъ поселенъ, то о сохраненіи таковыхъ ограниченій на будущее время въ означенномъ законѣ никакого постановленія не содержалось. Поэтому, если подобныя ограниченія оказываются при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи несовмѣстными съ тѣми правами, которыя присвоены *всѣмъ безъ исключенія* государственнымъ крестьянамъ при новомъ ихъ устройствѣ, то, очевидно, что таковыя ограниченія отнюдь не могутъ уже почитаться имѣющими обязательную силу. Исходя изъ этой мысли и принимая вмѣстѣ съ тѣмъ во вниманіе, что, на основаніи статей 2 и 12—15 полож. о бывш. госуд. кр., крестьяне эти сохранили всѣ предоставленныя имъ состоявшія до 1866 г. въ ихъ пользованіи казенныя земли и угодья, съ выдачею на владѣніе оными каждому сельскому обществу особаго акта, именуемаго *владѣнною записью*, при чемъ, по прошествіи трехъ лѣтъ со времени выдачи этихъ записей, какъ общества, такъ и хозяева подворныхъ участковъ приобрѣли право отчуждать земли своего надѣла, дозволенными въ законахъ способами, не только односельцамъ, но и постороннимъ лицамъ, съ соблюденіемъ лишь условій, обезпечивающихъ поступленіе въ казну платежей, причитающихся съ проданной земли,—надлежитъ, безъ сомнѣнія, придти къ тому выводу, что ограничительныя постановленія прежняго времени въ отношеніи отчужденія собственныхъ земель однодворцевъ въ настоящее время болѣе уже не существуютъ, ибо нельзя же на самомъ дѣлѣ допустить, будто однодворцамъ (четвертнымъ крестьянамъ), получившимъ, согласно примѣчанію къ ст. 7 приложенія къ ст. 17 пол. о бывш. госуд. кр., какъ и всѣ прочіе государственные крестьяне, владѣнныя записи на находившіяся въ ихъ пользованіи до 1866 года казенныя земли, предоставлено новымъ закономъ о поземельномъ ихъ устройствѣ больше правъ на надѣленные отъ казны земли, чѣмъ на тѣ, которыя съ издавна принадлежали имъ на правѣ собственности. До-

пущеніе сего несоотвѣтствовало бы и тѣмъ соображеніямъ, изъ которыхъ исходило правительство при поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ.

По удостовѣренію бывшаго Министра Государственныхъ Имуществъ во всеподданѣйшемъ отчетѣ его за 1881 г., напечатанномъ, въ извлеченіи, въ №№ 22 и 23 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1883 г., „въ 1866 г., послѣ передачи государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе общихъ учреждений, съ прекращеніемъ особаго надъ ними попечительства, признано было необходимымъ приступить къ поземельному устройству этого населенія, т. е. къ окончательному закрѣпленію за этими крестьянами правъ на земли, находившіяся въ ихъ пользованіи подъ условіемъ платежа оброчной подати и особаго налога за лѣсные надѣлы“. „Осуществленіе этой важной задачи, *предпринятой правительствомъ*,—говорится далѣе въ томъ же отчетѣ,—*въ видахъ примѣненія къ крестьянамъ, водвореннымъ на казенныхъ земляхъ, основныхъ началъ положеній 19 февраля 1861 г.*, возложено было на Министерство Государственныхъ Имуществъ, въ вѣдѣніи коего продолжали числиться, въ составѣ прочихъ государственныхъ имуществъ, казенно-крестьянскія земли“. Въ силу сего и такъ какъ, по основнымъ началамъ общаго положенія о крестьянахъ (ст. 32 и 33), каждый крестьянинъ можетъ пріобрѣтать и отчуждать недвижимыя и движимыя имущества, при чемъ за ними укрѣпляются окончательно и тѣ даже имущества, которыя пріобрѣтены ими въ прежнее время на имя ихъ помѣщиковъ, нельзя, казалось бы, не признать справедливымъ высказанное относительно ограниченій, касающихся однодворческихъ земель, еще въ 1866 г., въ № 325 „Биржевыхъ Вѣдомостей“, авторомъ напечатанныхъ въ томъ же году въ этой газетѣ статей о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ мнѣніе о томъ, что „ограниченіе права продажи (однодворческихъ земель) только подобнымъ же однодворцамъ не должно уже существовать, потому что съ устройствомъ поземельнаго крестьянскаго дѣла не должно быть не только однодворцевъ, какъ особаго званія, но даже государственныхъ, удѣльныхъ или другаго рода крестьянъ,—должно быть только одно сельское сословіе, составившееся изъ сліянія всѣхъ прежнихъ видовъ его: крестьяне-собственники“.

Это мнѣніе не потеряло значенія и за изданіемъ закона отъ 14 декабря 1893 г. (Собр. уз. за 1894 г. № 15 ст. 94) о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ зе-

мель, такъ какъ симъ послѣднимъ закономъ установлены опредѣленные ограниченія въ отношеніи отчужденія лишь *надѣльной* земли крестьянъ, вслѣдствіе чего законъ этотъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ имѣть примѣненія къ собственнымъ землямъ сельскихъ обывателей, не входящимъ въ составъ надѣльныхъ и, слѣдовательно, въ томъ числѣ ко всѣмъ однодворческимъ землямъ, которыя достались имъ, однодворцамъ, въ прежнее время на правѣ собственности, а нынѣ въ выданныя имъ владѣныя записи не вошли.

Итакъ, на основаніи всего вышесказаннаго, можно, кажется, безошибочно заключить, что изданныя въ прежнее время ограничительныя постановленія о *собственныхъ* земляхъ однодворцевъ, какъ несогласныя съ позднѣйшими узаконеніями о правахъ сельскихъ обывателей на *внѣ-надѣльныя* недвижимыя имущества, являюся въ настоящее время уже не дѣйствующими.

Если же, однако, за всѣмъ тѣмъ не согласиться съ приведеннымъ заключеніемъ, то и въ такомъ случаѣ необходимо все-же признать, что ограничительныя узаконенія, о которыхъ идетъ рѣчь, должны оставаться на практикѣ безъ всякаго примѣненія, въ виду еще слѣдующаго обстоятельства. Ограниченія эти изданы были въ отношеніи *однодворцевъ*. Между тѣмъ, въ настоящее время *однодворцевъ* въ дѣйствительности вовсе не имѣется. Подчиненные, со времени учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ, одному и тому же съ государственными крестьянами въ административномъ отношеніи управленію, они по времени,—какъ писалъ еще въ 1865 году г. Александровъ въ „Воронежскомъ Листкѣ“ (№ 45),—утратили свое наименованіе, такъ, что дѣля селенія, по происхожденію своему принадлежащія къ однодворческимъ родамъ, стали писаться во всѣхъ бумагахъ и судебныхъ актахъ государственными. Но въ особенности исчезло названіе однодворцевъ въ послѣднее тридцатилѣтіе, когда всѣ бывшіе государственные крестьяне, на точномъ основаніи ст. 16 положенія о нихъ (т. IX особ. прил. VII), причислены къ разряду *крестьянъ-собственниковъ*. Вслѣдствіе сего, въ настоящее время нотаріальныя установленія, при совершеніи актовъ о продажѣ или иной передачѣ отъ крестьянъ собственныхъ ихъ внѣнадѣльныхъ земель, лишены въ большинствѣ случаевъ всякой возможности провѣрять, не принадлежатъ ли крестьяне-продавцы, по своему происхожденію, къ потомкамъ однодворцевъ, а равно имѣютъ ли или не имѣютъ покупщики, по своему же происхожденію, право приобрѣтать однодворческія земли. Независимо отъ сего, даже установленіе и

самого факта принадлежности отчуждаемой крестьянами собственной ихъ земли по историческому ея происхожденію къ разряду именно однодворческой, т. е. къ тому виду земельной собственности, которую однодворцы по прежнимъ законамъ не имѣли права отчуждать другому кому, какъ только равнымъ себѣ однодворцамъ, теперь на практикѣ, кажется, почти невозможно. При отчужденіи крестьянами принадлежащей имъ вѣнадѣльной земли, въ доказательство принадлежности имъ таковой старинныя грамоты или иные акты, которые уяснили бы историческое происхожденіе отчуждаемой земли, вообще, вовсе не представляются, ибо таковые могли бы быть потребованы нотаріальными установленіями лишь въ томъ случаѣ, если бы отчуждающіе землю были первопріобрѣтателями оной, но очевидно, что нынѣ таковыхъ владѣльцевъ и не имѣется. Поэтому и согласно разуму ст. 168 полож. о нот. части, нотаріальныя учрежденія требуютъ отъ стороны, отчуждающей недвижимое имущество, доказательства на принадлежность такового именно ей и, слѣдовательно, отнюдь не могутъ довольствоваться актами и документами, выданными въ давно прошедшее время на имя лицъ, преемственную связь съ которыми продавцевъ въ большинствѣ случаевъ трудно даже со стороны мелкихъ собственниковъ чѣмъ-либо подтвердить. При такомъ положеніи, насколько извѣстно, подобные собственники или отчуждаютъ свое имущество на практикѣ посредствомъ неформальныхъ актовъ, или выдачею покупщикамъ срочныхъ заемныхъ или иныхъ денежныхъ обязательствъ, на основаніи коихъ имущество продается впослѣдствіи съ публичныхъ торговъ, или же, наконецъ, предварительно, продавцы утверждаютъ за собою предполагаемое ими къ отчужденію имущество, доказавъ свое давностное онымъ владѣніе въ порядкѣ, установленномъ въ извѣстномъ рѣшеніи Гражданскаго Кассационнаго Департамента по дѣлу Молошиковой (1873 г. № 792), и засимъ, по полученіи въ томъ же порядкѣ свидѣтельства, замѣняющаго актъ укрѣпленія, а равно и по вводѣ ихъ во владѣніе укрѣпленнымъ за ними такимъ образомъ имуществомъ, уже безпрепятственно отчуждаютъ таковое безъ всякой ссылки на старинные документы. Изъ всего этого, кажется, вполне ясно, что дѣйствіе ограничительныхъ узаконеній объ однодворческихъ земляхъ, если даже не признавать ихъ отмѣненными позднѣйшими узаконеніями объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, само собою, устранилось на практикѣ за силою указанныхъ обстоятельствъ современной дѣйствительности.

По всѣмъ приведеннымъ даннымъ и имѣя также въ виду, что и главные мотивы, послужившіе поводомъ къ установленію разсмотрѣнныхъ въ настоящей статьѣ ограничительныхъ объ однодворческихъ земляхъ узаконеній, именно, стремленіе законодателя воспрепятствовать, чтобы свободнымъ отчужденіемъ сказанныхъ земель не было помѣшательства въ платежѣ однодворцами подушныхъ денегъ и въ содержаніи ими ландмилициехъ полковъ, равнымъ образомъ, давно уже утратили всякое значеніе,—казалось бы, что слѣдуетъ придти къ окончательному выводу о томъ, что сказанныя ограниченія могли бы подлежать совершенному исключенію изъ дѣйствующаго Свода законовъ, въ порядкѣ кодификаціонномъ, не испрашивая даже на сіе новаго законодательнаго опредѣленія.

Впрочемъ, нельзя, въ заключеніе, не присовокупить, что при той редакціи, въ которой упомянутыя ограниченія изложены въ Сводѣ Законовъ, именно, въ примѣчаніи къ ст. 776 т. IX зак. о сост. (по прод. 1890 г.) и въ примѣчаніи къ ст. 658 т. X ч. 2 зак. меж. (изд. 1893 г.), этимъ ограниченіямъ, повидимому, присвоено лишь значеніе, такъ сказать, отживающихъ постановленій, такъ какъ, согласно смыслу перваго примѣчанія, дѣйствіе онаго распространяется исключительно на *бывшихъ* однодворцевъ, т. е. на тѣхъ только лицъ этого сословія, кои непосредственно *сами* именовались однодворцами, но вовсе не на ихъ потомство, не принадлежащее къ сему сословію, какъ болѣе не существующему. Точно также и въ примѣчаніи къ ст. 658 межевыхъ законовъ, помимо той исторической формы, въ которой оно редактировано и на что указано уже выше, говорится, согласно съ текстомъ закона 1852 г., единственно объ однодворцахъ, выслужившихся до штабъ и оберъ-офицерскихъ чиновъ, но не объ ихъ *потомкахъ*, которые, въ качествѣ дворянъ, пользуются, конечно, всѣми правами, дарованными сему высшему въ государствѣ сословію.

М. Шафиръ.

КАССАЦИОННАЯ ПРАКТИКА.

ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ ОБЩИМЪ СОБРАНІЕМЪ КАССАЦИОННЫХЪ И СЪ УЧАСТИЕМЪ ПЕРВАГО И ВТОРАГО ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ВЪ 1898 ГОДУ.

(Окончаніе).

Составилъ Н. Н. Быстровъ.

53. 1 декабря. Т. XVI ч. 1 Свод. зак. изд. 1892 г. Уст. гражд. суд., ст. 2.

Требованіе обратной выдачи зачисленной *въ доходъ казны*, въ качествѣ акциза съ питей, суммы является требованіемъ о возвратѣ взысканнаго казною акциза. Удовлетвореніе подобнаго требованія предполагаетъ отмѣну распоряженія административныхъ мѣстъ, каковая отмѣна судебнымъ установленіямъ по закону не предоставлена, такъ какъ, за силою 422 ст. полож. взыск. гражд. (Свод. зак. т. XVI ч. 2, ср. ст. 102 и 152 т. X ч. 2 изд. 1857 г.), имѣющей примѣненіе и въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы (рѣш. Гражд. Кассац. Деп. 1878 г. № 178), жалобы на незаконное взиманіе государственныхъ податей, пошлинъ и разнаго рода сборовъ разбираются въ административномъ порядкѣ. Въ виду этой статьи, основанныя на указанныхъ жалобахъ требованія о восстановленіи правъ, нарушенныхъ распоряженіемъ казеннаго управленія, не могутъ быть предъявляемы въ видѣ исковъ, предусмотрѣнныхъ во 2 ст. Уст. гражд. суд., которая вообще, какъ это слѣдуетъ изъ соображенія со ст. 1 и примѣчаніемъ къ ней, имѣетъ въ виду восстановленіе лишь *гражданскихъ правъ* истца, а не

правъ *публичныхъ*, каковыми являются въ частности права его, какъ плательщика установленныхъ въ пользу казны сборовъ. Въ виду сего и руководствуясь рѣшеніями Гражд. Кассац. Деп. Правительствующаго Сената 1876 г. № 391 и Общаго Собранія Кассац. Деп. 1888 г. № 26, Правительствующимъ Сенатомъ признано, что дѣла о возвращеніи изъ казны суммъ, зачисленныхъ въ доходъ ея, въ качествѣ акциза съ питей, не подсудны судебнымъ установленіямъ (№ 31).

54. 4 мая. Т. V Свод. зак. Уст. пошл. по прод. 1895 г., ст. 225 п. 2.

Право судебныхъ палатъ на распоряженіе о возвращеніи, по ходатайству покупателя недвижимаго имѣнія съ публичнаго торга, излишне внесенныхъ имъ въ окружный судъ крѣпостныхъ пошлинъ прямо вытекаетъ изъ смысла 225 ст. уст. пошл. (т. V Свод. зак. по прод. 1895 г.), второе примѣчаніе къ которой должно имѣть примѣненіе только къ случаямъ, когда просители съ ходатайствами своими о возвращеніи имъ излишне внесенныхъ ими крѣпостныхъ пошлинъ сами обращаются непосредственно въ административныя учрежденія (№ 19).

55. Примѣч. 2 къ 225 ст. уст. пошл. (по прод. 1895 г.) должно имѣть примѣненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда просители, не довольствуясь исчисленіемъ крѣпостныхъ пошлинъ, составленнымъ въ судебныхъ установленіяхъ, обратятся въ казенныя палаты съ ходатайствомъ о возвратѣ сихъ пошлинъ, взысканныхъ съ нихъ во исполненіе опредѣленій о томъ судебныхъ мѣстъ, а въ Царствѣ Польскомъ, сверхъ того, и въ случаяхъ, указанныхъ въ 1 и 2 п. п. 225 ст. уст. пошл. (т. V Свод. зак. по прод. 1895 г.) (№ 19).

56. 4 мая. Т. XVI ч. 1. Свод. зак. изд. 1892 г. Уст. гражд. суд., ст. 853^о.

Статья эта не можетъ быть понимаема въ смыслѣ изъятія изъ общаго порядка возвращенія излишне внесенныхъ лишь для однихъ судебныхъ пошлинъ. Вообще опредѣленіе количества крѣпостныхъ пошлинъ, подлежащихъ внесенію за купленное съ торговъ имѣніе, въ виду разъясненія Общаго Собранія Перваго и Кассац. Деп. Правительствующаго Сената (сборн. рѣш. 1888 г. № 26) относится къ вѣдѣнію судебныхъ установленій; возникающія же по сему предмету пререканія между окружными судами и казенными палатами, должны подлежать разрѣшенію судебныхъ

палаты, а не могутъ быть подвѣдомственны административнымъ финансовымъ учрежденіямъ. Поэтому распоряженіе о возвращеніи излишне внесенныхъ въ окружный судъ крѣпостныхъ пошлинъ покупщикомъ недвижимаго имѣнія съ публичнаго торга, согласно ходатайству сего покупателя, должно исходить отъ судебной палаты, какъ отъ присутственнаго мѣста, установившаго, по принесенной покупщикомъ жалобѣ, размѣръ указанныхъ пошлинъ, препятствіемъ къ каковому возвращенію не можетъ служить зачисленіе сихъ пошлинъ въ государственный доходъ, такъ какъ право судебныхъ мѣстъ на возвращеніе изъ казны излишне внесенныхъ въ нее пошлинъ прямо вытекаетъ изъ смысла 225 ст. уст. пошл. по прод. 1895 г. и 853⁶ ст. уст. гражд. суд. (№ 19).

57. 4 мая. Т. XVI ч. 1 Свод. зак. изд. 1892 г. Учр. суд. уст., ст. 249 и 462.

Судебная палата, входя въ разсмотрѣніе частной жалобы на опредѣленія ипотечныхъ отдѣленій окружныхъ судовъ губерній Царства Польскаго по предмету исчисленія крѣпостныхъ пошлинъ за купленные съ публичныхъ торговъ недвижимыя имѣнія, поступаетъ вполнѣ правильно и согласно съ точнымъ смысломъ 249 и 462 ст. учр. суд. уст. и 1482, 1483 ст. уст. гражд. суд. (№ 19).

58. 5 октября. Т. XIII Свод. зак. изд. 1892 г. Уст. общ. призр., ст. 588.

Вопросъ о томъ, подлежатъ ли вѣдѣнію волостныхъ судовъ Прибалтійскихъ губерній разсмотрѣніе требованій волостной полиціи о присужденіи способныхъ къ работамъ членовъ волости, не исполнившихъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, общественныхъ своихъ повинностей, во временное услуженіе, или въ общественныя работы для зарабатыванія числящихся на нихъ недоимокъ (ст. 588 уст. общ. призр., т. XIII Свод. зак. изд. 1892 г.),—

разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, въ виду того, что, за силою 2 п. 128 ст. Высочайше утвержденныхъ 9 іюня 1889 г. правилъ о приведеніи въ дѣйствіе законоположеній о преобразованіи судебной части и крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, со дня введенія въ дѣйствіе волостнаго судебного устава, волостные суды въ указанныхъ губерніяхъ принимаютъ къ своему разсмотрѣнію *только дѣла*, подлежащія,

на основаніи волостнаго судебнаго устава, его вѣдомству. По сему же уставу (отд. II разд. I ст. 7—по производству гражданскихъ дѣлъ) вѣдомству волостнаго суда подлежатъ иски между крестьянами и другими членами волостныхъ обществъ о движимости по договорамъ и объ убыткахъ, не превышающіе ста рублей, а также иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія и нарушеннаго пользованія сервитутами въ предѣлахъ волости. За силою 9 ст. отд. III волостнаго судебнаго устава, вѣдомству волостныхъ судовъ подлежатъ дѣла о проступкахъ, указанныхъ во временныхъ правилахъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостными судами, когда обвиняемые и потерпѣвшіе состоятъ членами волостныхъ обществъ и проступки совершены въ мѣстностяхъ, входящихъ въ составъ волостныхъ судебныхъ участковъ. По статьѣ 1 приведенныхъ временныхъ правилъ, волостные суды губерній Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, впредь до общаго пересмотра законоположеній о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостными судами, вѣдають дѣла о проступкахъ, предусмотрѣнныхъ 1033, 1036, 1038, 1042, 1049, 1051, 1054—1061, 1069—1075, 1078, 1079, 1081, 1082, 1086 и 1095—1102 ст. ст. положенія о крестьянахъ Лифляндской губерніи, въ каковыхъ статьяхъ не предусмотрѣнъ случай, упомянутый въ 588 ст. уст. общ. призр., а именно—требованіе волостной полиціи, обращенное къ волостному суду о присужденіи способныхъ къ труду членовъ волости, не исполнившихъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, общественныхъ своихъ повинностей, во временное услуженіе или общественныя работы для зарабатыванія числящихся на нихъ недоимокъ, почему подобныя требованія полиціи въ настоящее время не подлежатъ вѣдѣнію волостныхъ судовъ Прибалтійскихъ губерній (№ 15).

59. Ст. 588 уст. общ. призр. (т. XIII Свод. зак. изд. 1892 г.), какъ видно изъ приведенныхъ подъ нею цитатъ, основана на законахъ, предшествовавшихъ Высочайше утвержденному 9 іюля 1889 г. положенію о преобразованіи крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ Прибалтійскихъ губерній, и въ ней дословно повторено содержаніе § 19 Высочайше утвержденныхъ 4 іюня 1866 г. правилъ объ общественномъ благосостояніи въ волостяхъ Остзейскихъ губерній (№ 15).

60. 5 октября. Военно-судебн. устав., ст. 1261.

По вопросу о томъ, какому суду—гражданскаго или военнаго вѣдомства—подсудно дѣло по обвиненію лица гражданскаго вѣдом-

ства и военно-служащаго въ совершеніи общаго преступленія при томъ условіи, что въ отношеніи перваго дѣло прекращается примиреніемъ и подлежитъ разсмотрѣнію въ порядкѣ, для дѣлъ частнаго обвиненія установленномъ, а въ отношеніи втораго, въ виду правилъ ст. 276 XXII кн. Свод. военн. пост. 1869 г. изд. 2, должно быть произведено въ порядкѣ обвиненія публичнаго, Правительствующимъ Сенатомъ установлено, что, по основному началу смѣшанной подсудности, дѣла по обвиненію лицъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ въ совершеніи общихъ преступленій являются подсудными гражданскому, а не военному суду, даже и въ томъ случаѣ, если военно-служащимъ совершено при этомъ преступленіе менѣе важное, чѣмъ общее преступленіе. Единственное исключеніе изъ этого правила установлено для тѣхъ случаевъ, когда военно-служащимъ учинено нарушеніе законовъ дисциплины и военной службы, караемое болѣе строго, чѣмъ преступленіе общее (рѣш. Общ. Собр. Перваго и Кассац. Д.—товъ 1870 г. № 21; 1871 г. № 69 и др.) (№ 21).

61. 30 ноября. Т. XIII ч. 1 Свод. зак., Уст. гражд. суд., ст. 1316—1330.

По точному и не возбуждающему никакого сомнѣнія смыслу 1318 ст. уст. гражд. суд., опредѣленный въ ней трехмѣсячный срокъ для предъявленія исковъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные неправильными дѣйствіями должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства, долженъ быть исчисляемъ со времени объявленія истцу того распоряженія, въ коемъ онъ усматриваетъ нарушеніе его правъ, служащее поводомъ къ предъявленію сего иска, а не со времени объявленія ему опредѣленія начальства отвѣтчика о признаніи распоряженія послѣдняго неправильнымъ; въ законоположеніяхъ, опредѣляющихъ порядокъ производства по дѣламъ о взысканіи вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные неправильными распоряженіями должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства (ст. 1316—1330 уст. гражд. суд.), для возбужденія такихъ дѣлъ на судѣ не требуется предварительнаго признанія распоряженія отвѣтчика неправильнымъ со стороны его начальства; и статьи 1320, 1321 и 1322 уст. гражд. суд. положительно указываютъ на то, что необходимость въ означенномъ признаніи устраняется тѣмъ, что въ составъ судебного присутствія, разрѣшающаго подобныя дѣла, входятъ и лица админи-

стративнаго вѣдомства и въ томъ числѣ представители того вѣдомства, къ которому принадлежитъ отвѣтчикъ.

62. 26 января. Т. V Свод. зак. изд. 1893 г. Уст. пошл., ст. 153 п. 2.

Вопросъ о томъ, распространяется ли установленное въ п. 2 ст. 153 уст. пошл. изд. 1893 г. правило объ освобожденіи земель, отведенныхъ въ надѣль лицамъ сельскаго состоянія, отъ оплаты пошлиною при переходѣ по наслѣдству также и на участки крестьянской (повинностной) земли въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, приобрѣтенные наслѣдодателемъ въ собственность,—

разрѣшенъ въ смыслѣ утвердительномъ въ виду того, что, хотя крестьяне частныхъ землевладѣльцевъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, не были надѣлены землею въ собственность, но тѣмъ не менѣе, для обезпеченія ихъ быта, изъ состава помѣщичьихъ имѣній были выдѣлены участки такъ называемой *повинностной* или *крестьянской арендной* земли, которые должны были оставаться въ ихъ владѣніи путемъ предоставленія имъ оной или въ аренду, или въ собственность. Этою землею помѣщикъ, несмотря на то, что сохранилъ на нее право собственности, могъ пользоваться не иначе, какъ посредствомъ отдачи оной крестьянамъ въ арендное содержаніе съ предоставленіемъ крестьянамъ права приобрѣтать таковую землю въ собственность. Такого рода сдѣлки по арендѣ крестьянами указанной земли и по приобрѣтенію ея въ собственность имѣли цѣлю служить къ устройству и обезпеченію быта крестьянскаго сословія, въ виду чего Правительствующій Сенатъ пришелъ къ заключенію, что приобрѣтенныя при такихъ условіяхъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ лицами крестьянскаго сословія въ собственность земли, по свойству и назначенію своему, *должны быть приравнены* къ тѣмъ землямъ, которыя были въ другихъ случаяхъ и мѣстностяхъ Имперіи обязательно даны въ надѣль крестьянамъ, изъ каковаго вывода необходимо вытекаетъ заключеніе о необходимости распространить на случаи наслѣдованія вышеозначенныхъ земель правило, изображенное во 2 п. 153 ст. уст. пошл. (т. V Свод. зак. по изд. 1893 г.), съ соблюденіемъ выговореннаго въ сей статьѣ условія, чтобы земля переходила по наслѣдству къ лицамъ того же крестьянскаго положенія (№ 22).

63. 2 ноября. Т. X Свод. зак. гражд. ч. 1, ст. 684 и 693.

Предъявленный рабочимъ, получившимъ увѣчье на казенныхъ работахъ въ портовомъ адмиралтействѣ, къ казнѣ искъ о присужденіи ему вознагражденія за убытки, которые истецъ несетъ вслѣдствіе увѣчья, полученнаго на означенныхъ работахъ, есть споръ о правѣ гражданскомъ и подлежитъ разсмотрѣнію судебныхъ установленій, а не является требованіемъ вознагражденія въ видѣ пенсіи, назначеніе которой возможно по закону въ порядкѣ административномъ, а не судебномъ (№ 23).

64. 2 ноября. Т. XVI ч. 1 Свод. зак. Уст. гражд. суд., ст. 1.

Предъявленный рабочимъ, получившимъ увѣчье на казенныхъ работахъ въ портовомъ адмиралтействѣ, къ казнѣ искъ о вознагражденіи за вредъ, ущербъ и убытки, возникшіе для него отъ сего увѣчья, составляя споръ о правѣ гражданскомъ, подлежитъ разсмотрѣнію гражданскихъ судебныхъ мѣстъ въ виду того, что назначеніе, въ силу закона, въ порядкѣ административномъ (ст. 138 кн. V Свод. морск. пост. изд. 1886 г. и ст. 147² той же книги по прод. 1892 г.), получившимъ увѣчье на казенныхъ работахъ портовымъ рабочимъ пенсіи начальствомъ порта только въ томъ случаѣ могло бы служить доводомъ за неподвѣдомственность судебнымъ установленіямъ требованій получившими на казенныхъ работахъ увѣчья портовыми рабочими вознагражденія отъ казны по общимъ гражданскимъ законамъ, если бы въ вышеуказанномъ законѣ о пенсіяхъ портовымъ рабочимъ, получившимъ увѣчье на казенныхъ работахъ, было упомянуто, что судебный путь для ходатайства такихъ рабочихъ о назначеніи имъ вознагражденія за убытки въ порядкѣ, указанномъ гражданскими законами, закрытъ для нихъ и если бы по дѣлу обнаружилось, что указанными рабочими вознагражденіе требуется за трудъ, имѣющій характеръ государственной службы, а не личнаго найма по договору (№ 23).

ОБОЗРЪ ИНОСТРАННАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Французскій законъ о водномъ правѣ 8 апрѣля 1898 г.—Постановленія датскаго законодательства, касающіяся причиненія насилій, нанесенія ударовъ и пораненій.

Французскій законъ о водномъ правѣ 8 апрѣля 1898 г.

Раздѣлъ первый. Дождевыя и ключевыя воды.

Ст. 1. Статьи 641, 642 и 643 гражданскаго уложенія замѣняются слѣдующими.

„Ст. 641. Собственникъ имѣетъ право пользоваться и распоряжаться дождевыми водами, падающими на его участокъ.

„Если пользованіе этими водами или направленіе, данное ихъ стоку, отягчаетъ естественный сервитутъ стока, установленный ст. 640, то собственникъ нижняго участка имѣетъ право на вознагражденіе.

„То же правило примѣняется и къ ключевой водѣ, рождающейся на какомъ-нибудь участкѣ.

„Если путемъ буренія или подземныхъ работъ собственникъ добываетъ на своемъ участкѣ ключевую воду, то собственники нижнихъ участковъ не должны препятствовать ея стоку на ихъ участокъ, но имѣютъ право на вознагражденіе въ случаѣ, если имъ отъ этого стока понесены какіе-либо убытки.

„Отягченію естественнымъ сервитутомъ стока, предусмотрѣннымъ въ предшествующемъ параграфѣ, ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ дома, дворы, сады, парки и огороженныя пространства, примыкающія къ жилымъ помѣщеніямъ.

„Разсмотрѣніе споровъ, могущихъ возникнуть по поводу учрежденія или осуществленія сервитутовъ, предусмотрѣнныхъ въ этихъ параграфахъ, а также и опредѣленіе размѣровъ вознагражденія, слѣдующаго собственникамъ нижнихъ участковъ, предоставляется, въ первой инстанціи, кантональному мировому судѣ, который въ своихъ рѣшеніяхъ долженъ согласовать интересы земледѣлія и промышленности съ уваженіемъ къ собственности.

„Если экспертиза будетъ признана необходимою, можетъ быть назначенъ и одинъ только экспертъ.

„Ст. 642. Обладающій источникомъ въ своемъ участкѣ можетъ всегда пользоваться его водами по своему усмотрѣнію въ предѣлахъ своего участка и для надобностей этого участка.

„Собственникъ источника не можетъ распоряжаться имъ въ ущербъ собственникамъ нижнихъ участковъ, если эти послѣдніе уже болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ совершили на участкѣ, гдѣ возникаетъ источникъ, работы явныя и существующія еще, для того, чтобы пользоваться водами этого источника или же для того, чтобы облегчить имъ доступъ на ихъ участки.

„Не можетъ собственникъ также пользоваться этими водами такъ, чтобы обитатели коммуны, деревни или поселка лишались изъ-за этого необходимой для нихъ воды; но если жители этихъ мѣстъ не приобрѣли на нихъ право пользованіемъ или же потеряли на нихъ право по давности, то собственникъ источника имѣетъ право требовать отъ нихъ вознагражденія, размѣры котораго опредѣляются экспертомъ.

„Ст. 643. Если немедленно послѣ выхода изъ-подъ земли ключевыя воды приобретаютъ отличительныя черты текущихъ водъ публичнаго характера, то собственникъ ключа не имѣетъ права измѣнить ихъ естественнаго направленія въ ущербъ пользующимся ими вдоль ихъ теченія“.

Раздѣлъ второй. О теченіи водъ несудоходныхъ и негодныхъ для сплава лѣса.

Глава I. О правахъ бережныхъ владѣльцевъ.

Ст. 2. Прибрежные владѣльцы имѣютъ право пользоваться текучею водою, граничащею съ ихъ участкомъ или проходящею чрезъ него, только въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ. Они обязаны сообразоваться при осуществленіи этихъ правъ съ распоряженіями и съ разрѣшеніями, исходящими отъ администраціи.

Ст. 3. Ложе текучихъ, несудоходныхъ и негодныхъ для сплава лѣса водъ принадлежитъ прибрежнымъ владѣльцамъ двухъ береговъ.

Если земли на двухъ берегахъ принадлежатъ различнымъ собственникамъ, то каждый изъ нихъ имѣетъ право собственности на половину ложа, раздѣленного идеальной линіею, проходящею по срединѣ теченія водъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда противное установлено въ законѣ или же когда одному изъ прибрежныхъ собственниковъ принадлежитъ большее право.

Каждый прибрежный владѣлецъ имѣетъ право извлекать изъ принадлежащей ему части ложа всѣ естественныя богатства, въ немъ заключающіяся, а также—иль, песокъ и камни съ тѣмъ, чтобы водное хозяйство рѣки отъ этого не измѣнилось и чтобы при извлеченіи были соблюдены правила, указанные въ главѣ 3-ей этого раздѣла.

Права, пріобрѣтенныя прибрежными владѣльцами или же другими заинтересованными лицами на тѣ части текучихъ водъ, которыя служатъ для снабженія водою ихъ участковъ, за ними сохраняются.

Ст. 4. Если, вслѣдствіе естественныхъ причинъ или же вслѣдствіе предпринятыхъ на законномъ основаніи работъ, ложе текучей воды покинуто ею, каждый изъ прибрежныхъ владѣтелей овладѣваетъ тою частью его, которая обозначена въ предыдущей статьѣ.

Ст. 5. Если несудоходныя и негодныя для сплава лѣса воды измѣняютъ теченіе, то собственники участковъ, чрезъ которые проходитъ новое теченіе, не имѣютъ никакихъ правъ на вознагражденіе, но могутъ, въ теченіе года, слѣдующаго за измѣненіемъ теченія, принять необходимыя мѣры для возстановленія прежняго теченія. Тѣмъ же правомъ обладаютъ и прибрежные владѣтели прежняго ложа, которые могутъ, въ теченіе года, предпринять работы, необходимыя для возстановленія прежняго теченія.

Ст. 6. Если, вслѣдствіе законно предпринятыхъ работъ, окажется необходимымъ расширить ложе или же провести новое, то собственники занятыхъ земельныхъ участковъ имѣютъ право на вознагражденіе за отнятую у нихъ землю. Для опредѣленія размѣровъ этого вознагражденія будетъ принято въ соображеніе положеніе каждаго изъ прибрежныхъ владѣтелей по отношенію къ оси новаго ложа, при чемъ предѣлы ихъ владѣній должны опредѣляться сообразно параграфу 2-му 3-й статьи, за исключеніемъ

случая, если будетъ оговорено противное. Для проведенія или измѣненія ложа нельзя пользоваться участкомъ застроеннымъ, ни дворомъ или садомъ, примыкающимъ къ жилью. Споры по поводу примѣненія втораго параграфа этой статьи, а также опредѣленіе размѣровъ вознагражденій должны быть разсматриваемы въ первой инстанціи кантональнымъ мировымъ судьею.

Въ случаѣ экспертизы можетъ быть назначенъ и одинъ только экспертъ.

Ст. 7. Права на нанесенную теченіемъ землю и песокъ, на примоины, на острова и островки, которые образуются вдоль теченія несудоходныхъ и негодныхъ для сплава лѣса водъ, опредѣляются по прежнему ст. 556, 557, 559, 561 и 562 гражд. улож.

Глава II. Водная полиція и сохраненіе водъ.

Ст. 8. На администрацію возлагаются обязанности по сохраненію и надзору за теченіемъ несудоходныхъ и негодныхъ для сплава водъ.

Ст. 9. Декретами въ формѣ административныхъ распоряженій, по производствѣ разслѣдованій, опредѣляется водное хозяйство рѣки такъ, чтобы интересы земледѣлія и промышленности были согласованы съ неприкосновенностью частной собственности, а также съ сохраненіемъ правъ и обычаевъ, уже существующихъ.

Ст. 10. Прибрежный собственникъ по теченію несудоходныхъ и негодныхъ для сплава водъ можетъ предпринимать работы вверхъ по теченію и вдоль его только въ томъ случаѣ, когда этимъ онъ не препятствуетъ теченію этихъ водъ и не причиняетъ никакихъ убытковъ сосѣднимъ участкамъ.

Ст. 11. Безъ разрѣшенія администраціи не можетъ быть принято ни построеніе запруды, ни какая бы то ни была работа для устройства шлюзовъ, мельницы или фабрики вдоль по теченію несудоходныхъ и негодныхъ для сплава водъ.

Ст. 12. По производствѣ разслѣдованія, префекты разрѣшаютъ просьбы по слѣдующимъ предметамъ:

- 1) предпринятіе работъ, которыя могутъ повліять на водное хозяйство рѣки и на теченіе водъ;
- 2) опредѣленіе условий существованія заводовъ и установленій, учрежденныхъ безъ разрѣшенія и безъ законнаго права;
- 3) отобраніе или измѣненіе разрѣшенія, прежде даннаго.

Форма разслѣдованія, долженствующаго предшествовать поста-

новленіямъ префектовъ, опредѣлена административнымъ распоряженіемъ.

Ст. 13. Жалобы заинтересованныхъ на постановленія префекта разрѣшаются декретомъ президента, по выслушаніи мнѣнія государственнаго совѣта, при чемъ, въ случаѣ превышенія власти, за заинтересованными сохраняется право административнаго иска.

Ст. 14. Разрѣшенія могутъ быть отобраны или измѣнены, безъ вознагражденія за убытки, согласно требованіямъ общественнаго здравія или же съ цѣлью предупрежденія и пресѣченія наводненій или же, наконецъ, въ случаяхъ измѣненій общаго характера въ регламентаціи водъ согласно ст. 9.

Ст. 15. Собственники или арендаторы мельницъ и заводовъ, даже разрѣшенныхъ и существующихъ на законномъ основаніи, ответственны за убытки, причиненные дорогамъ и сосѣднимъ участкамъ.

Ст. 16. Мэры могутъ предпринимать, подъ надзоромъ префектовъ, всѣ мѣропріятія, необходимыя для наблюденія за теченіемъ водъ.

Ст. 17. Во всѣхъ случаяхъ права третьихъ лицъ соблюдаются.

Глава III. Очистка, расширеніе и выпрямленіе теченія.

Ст. 18. Подъ очисткою понимаются всѣ тѣ работы, которыя предпринимаются для возстановленія естественной ширины и глубины водъ, не нарушая при этомъ правилъ о наносной землѣ, опредѣленныхъ ст. 556 и 557 Code Civil.

Ст. 19. Мѣропріятія, необходимыя для очистки водъ несудоходныхъ и негодныхъ для сплава, а также содержаніе всего, для этой цѣли учреждаемаго, опредѣляются прежними регламентами или же мѣстными обычаями.

На префектахъ, подъ наблюденіемъ компетентнаго министра, лежитъ обязанность принимать мѣры, необходимыя для приведенія въ исполненіе означенныхъ регламентовъ и обычаевъ.

Ст. 20. Въ случаяхъ отсутствія прежнихъ регламентовъ или мѣстныхъ обычаевъ или же если примѣненіе этихъ регламентовъ и очистка, согласно установившемуся обычаю, представляютъ затрудненія или же еще, если измѣненные обстоятельства требуютъ новыхъ мѣръ, во всѣхъ этихъ случаяхъ поступаютъ согласно закону 21 іюня 1865 г. и 22 декабря 1888 г. о синдикатахъ.

Ст. 21. Въ случаяхъ, когда попытки къ образованію синдиката свободнаго или съ разрѣшенія правительства не приводятъ ни къ

какимъ результатамъ, издается декретъ по предварительномъ разсмотрѣніи его въ государственномъ совѣтѣ.

Каждому декрету предшествуетъ разслѣдованіе въ формѣ, которая опредѣляется административнымъ распоряженіемъ.

Ст. 22. Декретомъ опредѣляется способъ веденія работъ, предѣлы территорій, заинтересованные собственники которыхъ, бережные или небережные, и заводчики могутъ быть привлечены къ участию въ этихъ работахъ, а также указываются, если это представляется нужнымъ, основные принципы распредѣленія издержекъ, сообразно со степенью заинтересованности каждаго въ исполненіи работъ.

Ст. 23. Записи распредѣленія суммъ необходимыхъ для уплаты за работы по очисткѣ и по веденію работъ составляются подъ наблюденіемъ префекта и имъ приводятся въ исполненіе.

Взиманіе этихъ суммъ производится въ той же формѣ и съ тѣми же обезпеченіями, какія практикуются при взиманіи прямыхъ налоговъ.

Преимущественное право, созданное такимъ образомъ, занимаетъ второе мѣсто послѣ правъ фиска.

Ст. 24. Всѣ споры, относительно исполненія работъ и распредѣленія издержекъ, а также просьбы объ уменьшеніи или же освобожденіи отъ издержекъ, разрѣшаются совѣтомъ префектуры съ правомъ апелляціи въ государственный совѣтъ.

Ст. 25. Работы по расширенію, по упорядоченію и по выпрямленію теченія несудоходныхъ и негодныхъ для сплава водъ, которыя будутъ признаны необходимыми какъ дополненія работъ по очисткѣ, опредѣляются, какъ и эти послѣднія, предыдущими статьями.

Ст. 26. Если возникаетъ вопросъ о земляхъ, не подлежащихъ сервитуту пропуска, и если, при отсутствіи добровольнаго соглашенія, возникнетъ необходимость въ экспропріаціи, эта послѣдняя, а также размѣры вознагражденія опредѣляются сообразно закону 3 мая 1841 и параграфамъ 2-ому и слѣдующимъ 16-ой ст. закона 21 мая 1836 г.

Ст. 27. Во время производства работъ собственники земель обязаны предоставлять свободный проходъ на ихъ земляхъ чиновникамъ и надсмотрщикамъ, а также предпринимателямъ и рабочимъ.

Всѣ эти лица должны будутъ проходить, по мѣрѣ возможности, вдоль берега рѣки.

Ст. 28. Если работы по очисткѣ, расширенію, упорядоченію и выпрямленію затрагиваютъ интересы общественнаго здравія, де-

креть или постановленіе, опредѣляющее эти работы, можетъ, по выслушаніи мнѣнія генеральныхъ совѣтовъ и заинтересованныхъ муниципальныхъ совѣтовъ, возложить часть издержекъ на коммуны, территорія которыхъ этими работами оздоровлена.

Въ этомъ случаѣ декретъ или постановленіе опредѣляютъ, какія коммуны заинтересованы въ работахъ и также какая доля общихъ издержекъ должна быть возложена на каждую изъ нихъ.

Ст. 29. Отмѣняется законъ 14 floréal'я XI года.

Раздѣлъ третій. О рѣкахъ годныхъ для сплава лѣсовъ розсыпью.

Ст. 30. Рѣки и воды, годныя для сплава лѣсовъ розсыпью, регулируются правилами, содержащимися въ предыдущемъ раздѣлѣ, а также и слѣдующими спеціальными правилами.

Ст. 31. Сплавъ лѣсовъ розсыпью не можетъ быть терпимъ на водахъ, гдѣ онъ не практикуется въ данное время, безъ особаго на то декрета, изданнаго послѣ разслѣдованія и по выслушаніи мнѣнія генеральныхъ совѣтовъ департаментовъ, пересѣкаемыхъ теченіемъ рѣки.

Декретъ этотъ долженъ быть опубликованъ въ Bulletin des lois.

Декретъ этотъ опредѣляетъ сервитуты, необходимые для осуществленія сплава, а также и соотвѣтствующія обязанности бережныхъ собственниковъ, заводчиковъ и сплавщиковъ.

Ст. 32. Вознагражденіе за убытки, причиняемые этимъ сервитутомъ, опредѣляется въ первой инстанціи кантональнымъ мировымъ судьей.

При опредѣленіи вознагражденія принимаются во вниманіе преимущества и выгоды, осуществляемые благодаря сплаву лѣса.

Ст. 33. Всѣ спеціальныя регламенты, относительно рѣкъ и теченій водъ, на которыхъ совершается сплавъ розсыпью, сохраняются въ силѣ, доколѣ они не будутъ пересмотрѣны согласно ст. 31 и 32 этого раздѣла.

Раздѣлъ четвертый. О рѣкахъ и рѣчкахъ судоходныхъ и годныхъ для сплава.

Глава I. О правахъ государства и бережныхъ собственниковъ.

Ст. 34. Рѣки и рѣчки, по которымъ могутъ плавать судна, баржи и плоты, составляютъ собственность государства отъ того пункта, гдѣ онѣ становятся судоходными или годными для сплава, и до устья ихъ.

Составляютъ также собственность государства: 1) притоки, даже и несудоходные и негодные для сплава, если они берутъ начало ниже того пункта, отъ котораго рѣки и рѣчки начинаютъ быть судоходными или годными для сплава; 2) небольшіе рукава и стоячія воды вдоль теченія рѣкъ, если они питаются этими рѣками и рѣчками.

Ст. 35. Отводы водъ или искусственные запруды, устроенные на частныхъ земляхъ, не составляютъ собственности государства, кромѣ случая, когда они были устроены государствомъ въ интересахъ судоходства и сплава.

Надзоръ за этими отводами опредѣляется въ тѣхъ актахъ, которыми они были разрѣшены.

Ст. 36. Распоряженія префектовъ, на основаніи предварительнаго разслѣдованія, утвержденныя министромъ общественныхъ работъ, опредѣляютъ предѣлы рѣкъ и рѣчекъ судоходныхъ и годныхъ для сплава, принимая при опредѣленіи предѣловъ во вниманіе высоту водъ, поднявшихся до самаго края берега передъ разливомъ.

Распоряженія, опредѣляющія предѣлы водъ, могутъ быть предметомъ административнаго иска. Ни въ какомъ случаѣ они не могутъ быть издаваемы въ нарушеніе правъ собственности.

Ст. 37. Статья 563 Code Civil отмѣнена и замѣнена слѣдующею:

„Ст. 563. Если рѣка или рѣчка судоходная и годная для сплава измѣняетъ направленіе теченія, покидая свое прежнее ложе, бережные собственники могутъ пріобрѣсть право собственности на это послѣднее, каждый съ своей стороны до линіи, проходящей вдоль середины ложа. Цѣна земли, составлявшей прежнее ложе, опредѣляется экспертами, назначаемыми предсѣдателемъ мѣстнаго суда, по требованію префекта департамента.

„Если бережные собственники не заявятъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со времени полученія префекторальнаго извѣщенія, объ ихъ желаніи пріобрѣсть эту землю по цѣнѣ, установленной экспертами, земля эта продается по правиламъ продажи государственныхъ домѣновъ.

„Цѣна, вырученная отъ продажи, идетъ на вознагражденіе собственниковъ земли, занятой новымъ теченіемъ рѣки, пропорціонально цѣнности участковъ, отнятыхъ новымъ теченіемъ у каждаго изъ нихъ“.

Ст. 38. Если, вслѣдствіе совершенныхъ въ законномъ порядкѣ работъ, часть бывшаго ложа перестаетъ составлять часть публич-

наго домена, бережные собственники могут приобрести ее согласно предыдущей 37 статьѣ.

Ст. 39. Собственность на наносныя земли и песокъ, на приионы, острова и островки, образующіеся естественнымъ путемъ по теченію рѣкъ и рѣчекъ, составляющихъ государственную собственность, опредѣляется правилами, начертанными ст. ст. 556, 557, 560 и 562 Code Civil.

Глава II. О концессіяхъ и разрѣшеніяхъ.

Ст. 40. Никакія работы не могутъ быть совершены и никакія запруды установлены вдоль рѣкъ и рѣчекъ судоходныхъ и годныхъ для сплава безъ разрѣшенія правительства.

Ст. 41. Префекты разрѣшаютъ, послѣ предварительнаго разслѣдованія и по выслушаніи мнѣнія инженеровъ, съ правомъ для заинтересованныхъ жалобы на нихъ министру, просьбы объ отводѣ водъ путемъ машинъ, если будетъ установлено, что отъ этого не пострадаетъ водное хозяйство рѣки.

Ст. 42. Также, по выслушаніи мнѣнія инженеровъ и съ правомъ для заинтересованныхъ обжаловать рѣшеніе министру, префекты разрѣшаютъ просьбы о разрѣшеніи временныхъ построекъ на водахъ судоходныхъ и годныхъ для сплава, даже если бы въ этомъ случаѣ уровень и водное хозяйство измѣнились.

Они же опредѣляютъ въ этихъ случаяхъ срокъ разрѣшенія, который никогда не долженъ превышать двухъ лѣтъ.

Ст. 43. Всѣ же прочія разрѣшенія не могутъ быть даваемы иначе, какъ декретомъ президента, послѣ предварительнаго разслѣдованія и по выслушаніи мнѣнія государственнаго совѣта.

Ст. 44. Концессионеры должны платить государству известную плату, опредѣляемую регламентомъ администраціи.

Ст. 45. Отводы воды и другія приспособленія, даже и разрѣшенныя, могутъ быть измѣнены и уничтожены во всякое время. Вознагражденіе уплачивается лишь въ томъ случаѣ, когда эти отводы водъ и приспособленія существуютъ по закону.

Во всякомъ случаѣ, никакое запрещеніе или измѣненіе не можетъ быть сдѣлано безъ соблюденія формъ и обезпеченій, установленныхъ предыдущими статьями.

Глава III. Сервитуты.

Ст. 46. Бережные собственники рѣкъ и рѣчекъ судоходныхъ и годныхъ для сплава должны оставлять, въ интересахъ судо-

ходства и повсюду, гдѣ существуетъ бечевникъ, свободное пространство; шириною въ 7 метровъ 80 сантим., вдоль берега этихъ рѣкъ и рѣчекъ и вдоль берега острововъ, если это окажется нужнымъ. Они не могутъ сажать деревьявъ или ставить изгородей ближе, чѣмъ въ 9,75 метр. отъ берега съ той стороны, гдѣ есть бечевникъ, и въ 3,25 метр. со стороны, гдѣ его нѣтъ.

Ст. 47. Если интересы судоходства позволяютъ, то, по министерскому циркуляру, разстоянія, установленныя предыдущею статьею, могутъ быть уменьшены.

Ст. 48. Побережные собственники, желающіе строить, сажать деревья или ставить изгороди вдоль рѣкъ и рѣчекъ судоходныхъ и годныхъ для сплава, могутъ просить, предварительно, администрацію опредѣлить границы сервитута.

Если, въ предѣлахъ трехъ мѣсяцевъ со дня просьбы, администрація не опредѣлитъ границы, — постройки, насажденія и изгороди, поставленныя побережными собственниками, могутъ быть снесены только съ уплатою вознагражденія.

Ст. 49. Если рѣка или часть рѣки становится судоходною или годною для сплава и обстоятельство это объявляется декретомъ, побережные собственники должны подчиниться сервитутамъ, установленнымъ ст. 46, но они имѣютъ право на вознагражденіе, вычисляемое соотвѣтственно несомымъ ими убыткамъ и получаемымъ выгодамъ отъ установленія судоходства и сплава.

Побережные собственники судоходной или годной для сплава рѣки будутъ имѣть право на вознагражденіе также, если, для надобностей судоходства, будетъ установленъ бечевникъ тамъ, гдѣ раньше его не было.

Ст. 50. Споры, возникающіе изъ за опредѣленія вознагражденія собственниковъ, при учрежденіи бечевника, разбираются въ первой инстанціи мировымъ судьей кантона.

Если есть надобность въ экспертизѣ, можетъ быть назначенъ также и одинъ экспертъ.

Ст. 51. Въ случаѣ, если администрація полагаетъ, что сервитутъ бечевника недостаточенъ, и желаетъ установить вдоль рѣки или рѣчки постоянную дорогу, то она должна, если побережные собственники не дадутъ добровольно своего согласія, пріобрѣтать землю, необходимую для учрежденія дороги, сообразуясь съ законами объ экспроприаціи по государственнымъ надобностямъ.

Ст. 52. Запрещено вывозить, безъ особаго разрѣшенія, землю, песокъ и прочія вещества съ участка, отстоящаго меньше, чѣмъ

на 11,70 метр. отъ границы рѣкъ и рѣчекъ судоходныхъ или годныхъ для сплава.

Ст. 53. Очистка теченій судоходныхъ и годныхъ для сплава водъ, а также и находящихся въ зависимости отъ нихъ притоковъ и отводовъ, если эти послѣдніе принадлежать государству, лежитъ на заботахъ государства; тѣмъ не менѣе, административный регламентъ можетъ, по выслушаніи заинтересованныхъ, заставить принять участіе въ очисткѣ коммуны, заводчиковъ и концессионеровъ отводовъ, а также и сосѣднихъ собственниковъ, если, благодаря исключительному и спеціальному пользованію этими водами, издержки на очистку становятся болѣе значительными.

М. С. Маргуіесъ.

Постановленія датскаго законодательства, касающіяся причиненія насилій, нанесенія ударовъ и пораненій.

Вопросъ о томъ, насколько карательныя мѣры нашего законодательства, касающіяся насильственныхъ дѣйствій, оказывались удовлетворительными при преслѣдованіи этой категоріи преступковъ, ревностно обсуждался за послѣдніе годы. Результатомъ работъ по сему вопросу является новый законъ 11 мая 1897 г., содержащій постановленія о насиліяхъ, причиненныхъ лицамъ, которыя сами не подали повода къ нападенію.

До вступленія въ силу помянутаго закона у насъ по этому предмету имѣлись лишь слѣдующія постановленія, изложенныя въ статьяхъ 200—204 уголовного кодекса 10 февраля 1866 года:

Статья 200.

Кто нанесетъ удары другому лицу, или совершитъ надъ нимъ иного рода насиліе, не причинивъ этому лицу, однако, ни ранъ, ни иного вреда, подлежитъ, въ случаѣ жалобы потерпѣвшаго, наказанію денежнымъ взысканіемъ; смотря по обстоятельствамъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда насиліе было совершено съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ, виновный можетъ быть подвергнутъ тюремному заключенію.

Статья 201.

Если такого рода насилія совершены надъ родственниками по восходящей линіи, то виновный подвергается тюремному заключе-

нію на срокъ не менѣе 4 мѣсяцевъ, или же заключенію въ исправительномъ домѣ, связанному съ тяжкими работами, на срокъ не свыше двухъ лѣтъ.

Статья 202.

Супругъ, виновный въ причиненіи насилія другому супругу, вмѣстѣ съ которымъ онъ живетъ, подвергается тюремному заключенію, даже въ томъ случаѣ, если его дѣйствія не повлекли за собою ни ранъ ни иного вреда; при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ виновный подлежитъ заключенію въ исправительномъ домѣ, связанному съ тяжкими работами, на срокъ не свыше 2 лѣтъ.

Такому же наказанію подвергается виновный въ жестокомъ обращеніи съ дѣтьми, какъ съ собственными, такъ и съ чужими, поученными его попеченію.

Статья 203.

Кто нанесетъ другому лицу рану, или причинитъ вредъ его здоровью, не столь тяжкіе, однако, какъ предусмотрѣнные въ статьѣ 204, тотъ приговаривается за сіе къ заключенію въ тюрьмѣ, или же, при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, къ тяжкимъ работамъ, при чемъ это послѣднее наказаніе можетъ быть назначено на срокъ до 4 лѣтъ въ случаяхъ, упомянутыхъ въ статьяхъ 201 и 202.

Если такого рода насильственные дѣйствія не были совершены съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ, наказаніе, если сверхъ того имѣются налицо смягчающія вину обстоятельства, можетъ быть замѣнено денежнымъ взысканіемъ, но не ниже 40 кронъ ¹⁾. Въ случаяхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, если того пожелаетъ потерпѣвшій и если причиненный ему вредъ не великъ, преслѣдованіе виновнаго можетъ быть прекращено.

Статья 204.

Нанесшій увѣчые другому лицу, лишившій его зрѣнія, слуха или совершившій надъ нимъ такое насильственное дѣйствіе, послѣдствіемъ котораго явилась потеря способности пользоваться рукою, ногою, глазомъ или другимъ столь же важнымъ органомъ, или же ослабленіе физическихъ и умственныхъ силъ потерпѣвшаго въ такой степени, что онъ окажется неспособнымъ зани-

¹⁾ 1 крона=100 бр.=1 фр. 39 сант.

маться своею профессіей и вообще не въ состояніи будетъ зарабатывать средства для пропитанія, безразлично—навсегда или же на неопредѣленное время, приговаривается къ тяжкимъ работамъ до 12 лѣтъ, хотя-бы виновный и не желалъ причинить такого рода увѣче, но долженъ былъ, однако, предвидѣть вѣроятныя или возможныя послѣдствія своего поступка.

Постоянно возрастающее число насильственныхъ дѣйствій указывало безъ сомнѣнія на то, что постановленій, содержащихся въ вышеупомянутыхъ статьяхъ, было недостаточно; въ виду сего рѣшено подвергнуть ихъ пересмотру для выясненія главнѣйшихъ недостатковъ. Прежде всего было замѣчено, что за послѣдніе годы получилъ большое распространеніе новый, дотолѣ почти неизвѣстный, видъ насильственныхъ дѣйствій, а именно: нападенія на людей совершенно мирныхъ, ничѣмъ ихъ не вызвавшихъ. Въ столицѣ—въ особенности—гдѣ вслѣдствіе быстрого возрастанія населенія (за послѣднія 20 лѣтъ число жителей почти удвоилось) пролетаріатъ, не имѣющій работы и не желающій трудиться, значительно увеличился, внезапныя нападенія со стороны бродягъ повторяются почти каждый вечеръ, весьма часто среди улицы, при чемъ единственнымъ къ тому поводомъ служить лишь удовольствіе, испытываемое отъ такого рода новаго спорта. Въ борьбѣ съ подобными проступками вышеупомянутыя постановленія уголовного кодекса оказались безсильными, ибо въ большинствѣ случаевъ такія нападенія не причиняютъ ни ранъ ни увѣчий, а потому могутъ быть караемы лишь по ст. 200; въ силу же этой статьи преслѣдованіе такихъ проступковъ можетъ начаться лишь по жалобѣ потерпѣвшаго, да кромѣ того виновные подвергаются только денежному штрафу или заключенію въ тюрьмѣ. Виновные слѣдовательно часто избѣгаютъ наказанія, такъ какъ потерпѣвшіе нерѣдко отказываются отъ преслѣдованія, въ случаяхъ же привлеченія къ отвѣтственности примѣняемая мѣра наказанія не въ состояніи исправить этихъ нарушителей закона: послѣдніе, обыкновенно, лишены возможности уплатить причитающійся денежный штрафъ и потому подвергаются тюремному заключенію. Между тѣмъ нашъ тюремный режимъ не возлагаетъ на узниковъ обязанности работать, и вслѣдствіе того большинство бродягъ смотрятъ на тюремное заключеніе какъ на пріятный отдыхъ, въ особенности зимою, когда нерѣдко весьма трудно бываетъ заработать на хлѣбъ.

Этотъ-то двойной недостатокъ новый законъ и имѣетъ въ виду

устранить, постановляя: 1) что во многихъ случаяхъ преслѣдованіе указанныхъ проступковъ должно производиться *ex officio*, особенно если дѣянія эти нарушаютъ общественный порядокъ, и 2) что виновные подвергаются болѣе строгому, чѣмъ заключеніе въ тюрьмѣ, наказанію, а именно тяжкимъ работамъ въ рабочемъ домѣ. Во время преній въ Рикседагѣ по поводу этого закона нѣсколько лицъ предложили ввести тѣлесное наказаніе какъ кару за упомянутые проступки, но мѣра эта была отклонена большинствомъ членовъ Рикседага, ибо, по ихъ мнѣнію, тяжкія работы представляются въ данномъ случаѣ достаточно дѣйствительнымъ наказаніемъ. Время, конечно, покажетъ, насколько взгляды этотъ правленъ. Мѣстомъ помянутыхъ тяжкихъ работъ служатъ такъ называемые рабочіе дома (по датски: *Tvangsarbejdsanstalter*), подробное описаніе которыхъ мною помѣщено въ № 6 русскаго журнала „Тюремный Вѣстникъ“ за 1896 г., стр. 370—376. Сущность этой карательной мѣры въ томъ, что заключенные подвергаются почти такой же строгой дисциплинѣ, какъ и въ пенитенціаріяхъ, и принуждены исполнять соотвѣтствующія работы въ теченіе всего срока наказанія. До сихъ поръ наказаніе это примѣнялось лишь къ бродягамъ и нищимъ, а также къ публичнымъ женщинамъ за нарушение послѣдними изданныхъ для нихъ обязательныхъ постановленій. Наибольшій срокъ, въ теченіе котораго лицо можетъ быть подвергаемо разсматриваемаго рода тяжкимъ работамъ, составляетъ 6 мѣсяцевъ.

Новый законъ содержитъ три слѣдующія статьи:

Статья 1.

Кто причинитъ насиліе другому лицу, безъ всякаго со стороны сего послѣдняго разумнаго повода, преслѣдуется *ex officio*, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти насильственные дѣйствія не причинили ни ранъ, ни иного вреда (статья 200 уголовного кодекса), если подобными дѣйствіями было нарушено общественное спокойствіе или полицейскія правила, или если виновный проникъ въ домъ, въ которомъ проживаетъ потерпѣвшій, или на землю, ему принадлежащую, или въ какое-либо другое мѣсто, гдѣ потерпѣвшій занимается своими обычными дѣлами, или же отказывался удалиться изъ этихъ мѣстъ.

Въ этихъ случаяхъ обвиняемый подлежитъ суду полиціи; по желанію потерпѣвшаго дѣло прекращается производствомъ.

Статья 2.

Кто совершитъ, при указанныхъ въ статьѣ 1 обстоятельствахъ, насиліе надъ другимъ лицомъ, безъ всякаго со стороны этого лица повода, при чемъ насильственные дѣйствія не причинили, однако, ни ранъ, ни иного вреда, приговаривается, вмѣстѣ денежнаго штрафа или заключенія въ тюрьмѣ, къ тяжкимъ работамъ на срокъ до 6 мѣсяцевъ, если дѣянія обвиняемаго свидѣтельствуютъ о грубыхъ и жестокихъ его наклонностяхъ и если онъ уже ранѣе сего подвергался за насиліе болѣе строгому наказанію, чѣмъ денежное взысканіе.

При опредѣленіи срока тяжкихъ работъ должно обращать особенное вниманіе на то, участвовало ли въ совершеніи насильственныхъ дѣйствій нѣсколько лицъ, или только одно.

Статья 3.

Если насильственные дѣйствія, предусмотрѣнныя въ статьяхъ 201—203 датскаго уголовного кодекса, причинены лицу, не вызвавшему ихъ своимъ поведеніемъ, то виновный можетъ быть приговоренъ къ тяжкимъ работамъ въ рабочемъ домѣ, вмѣстѣ денежнаго штрафа и заключенія въ тюрьмѣ, согласно постановленіямъ, изложеннымъ въ статьѣ 2.

Копенгагенъ, 23 февраля 1899 г.

А. Гоосъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

К. Д. Анциферовъ. Сборникъ статей и замѣтокъ по уголовному праву и судопроизводству. Изданъ Юридическимъ Обществомъ при Императорскомъ Спб. Университетѣ подъ наблюденіемъ дѣйствительныхъ членовъ общества В. М. Володимирова и А. Ѳ. Кони. Спб. 1898 г.

Считаемъ своимъ долгомъ обратить особое вниманіе читателей Журнала Министерства Юстиціи на изданный С.-Петербургскимъ Юридическимъ Обществомъ сборникъ статей покойнаго Конст. Дм. Анциферова. Сборникъ этотъ имѣетъ значеніе не только какъ собраніе юридическихъ изслѣдованій талантливаго юриста, ясность мысли и свѣтлыя взгляды котораго не остались безъ вліянія на судебную жизнь нашего отечества,—но въ то же время онъ является и какъ-бы духовнымъ памятникомъ преждевременно отошедшаго въ вѣчность уважаемаго труженика на тяжеломъ поприщѣ служенія правосудію.

К. Д. Анциферовъ началъ службу въ 1866 г.—въ первые дни судебной реформы—и былъ постепенно товарищемъ прокурора Владимірскаго и Петербургскаго окружныхъ судовъ, прокуроромъ Курскаго окружнаго суда, членомъ Московской судебной палаты, товарищемъ оберъ-прокурора и наконецъ предсѣдателемъ департамента Варшавской судебной палаты. К. Д. умѣлъ соединить со службой и научныя занятія; такъ, не говоря уже о значительныхъ трудахъ его въ качествѣ члена юридическихъ обществъ и о работахъ въ юридическихъ журналахъ, онъ, въ бытность свою членомъ Московской судебной палаты, занималъ въ Московскомъ университетѣ кафедру уголовного судопроизводства.

Въ разсматриваемомъ сборникѣ помѣщены лишь важнѣйшія

изъ написанныхъ покойнымъ статей и замѣтокъ и именно тѣ изъ нихъ, которыя изложены съ большей полнотой и законченностью, при чемъ почтенныя имена редакторовъ сборника, взявшихъ на себя трудъ собрать во едино разбросанныя въ журналахъ замѣтки К. Д. Анциферова, служатъ гарантіей тщательности исполненія принятой ими на себя работы.

Систематичный способъ изложенія, логическая послѣдовательность мысли автора, ясная его аргументація, а главное полное безпристрастіе и убѣжденность произвести пріятное впечатлѣніе на всякаго, кто внимательно просмотритъ книгу Анциферова.

Въ сборникѣ найдется не мало положеній и мыслей, значеніе которыхъ утратится еще не скоро, не говоря уже о томъ, что многія статьи и теперь могутъ служить комментариемъ къ дѣйствующимъ законамъ, давая отвѣты на возбуждаемые практикою юридическіе вопросы. Въ замѣткахъ К. Д. Анциферова читатель найдетъ весьма подробныя толкованія законовъ: „о побояхъ“, „объ умыслѣ“, „о прекращеніи уголовного преслѣдованія“, „объ отмѣнѣ опредѣленій о преданіи суду“, „о вызовѣ свидѣтелей“ и т. д.; а наряду съ этими практическими замѣтками въ книгѣ содержится и нѣсколько весьма интересныхъ изслѣдованій, каковы: „къ ученію о тайныхъ обществахъ“, „о взяточничествѣ“, „о несмѣняемости судей“ и т. п.

Чтобы убѣдиться въ ясности взгляда К. Д. на задачи уголовного правосудія, достаточно пробѣжать нѣсколько страницъ, заключающихъ въ себѣ отзывъ его о неправильности передачи въ вѣдѣніе суда многихъ нарушеній уставовъ казенныхъ управленій (стр. 278), составляющій окончаніе статьи его о мировой юстиціи.

Познакомившись ближе со взглядами и мыслями К. Д. нельзя не пожалѣть о преждевременной его кончинѣ, такъ какъ его участіе въ производящихся нынѣ работахъ по пересмотру законовъ о судопроизводствѣ было бы весьма плодотворно, какъ лица, совмѣщавшаго въ себѣ солидныя теоретическія познанія съ обширной практической опытностью.

Уважаемые редакторы разсматриваемаго сборника, обрисовывая личность и дѣятельность К. Д. Анциферова, приводятъ отзывъ профессора Вульфберта, который говоритъ, что К. Д. въ своихъ сужденіяхъ являлся противникомъ слишкомъ радикальныхъ реформъ уголовного процесса, въ какую бы сторону онѣ ни клонились. Онъ стоялъ за то, что нашъ отечественный уголовный процессъ представляетъ счастливую гармонію, въ видѣ справедливаго

уравновѣшенія интересовъ публичной репрессіи—съ одной стороны и охраны и защиты личной свободы—съ другой.

С.

Библиографическіе матеріалы. Опись книгъ, брошюръ и статей библиотеки Сенатора Н. П. Смирнова. Палеографія, книгопечатаніе и законы о цензурѣ и печати. Библиографія. Библиотеки. Музеи и Архивы. Книжная торговля. Спб. 1898 г. Тип. А. А. Пороховщикова. II, XVI и 690 стр. 8°.

Періодическая печать наша отнеслась весьма сочувственно къ настоящему труду сенатора Н. П. Смирнова, признавая изданіе это весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу библиографическую литературу и рекомендуя ее какъ настольную книгу для каждой хорошо поставленной библиотеки. Трудъ г. Смирнова имѣетъ ту особенность въ сравненіи съ другими библиографическими трудами, что составитель не ограничился простымъ библиографическимъ перечнемъ книгъ своей библиотеки, но систематизировалъ описываемые отдѣлы, указалъ содержаніе каждой книги и статьи и многимъ сдѣлалъ критическую оцѣнку. Въ изданіе это вошло 2905 книгъ и статей, а если считать книги и статьи, указанные и разобранныя въ объясненіяхъ, то много болѣе 3000 названій. У г. Смирнова, какъ бывшаго товарища оберъ-прокурора Св. Синода и какъ у владѣльца большой юридической библиотеки, собрано много малоизвѣстныхъ и даже вовсе неизвѣстныхъ въ библиографіи матеріаловъ по духовной и юридической литературѣ. Въ настоящей статьѣ мы намѣрены ознакомить читателей специально съ юридической литературой, которая въ этомъ изданіи представляетъ большой интересъ. Все сочиненіе раздѣлено на 5 означенныхъ въ заголовкѣ отдѣловъ.

Отдѣлъ I. Палеографія. Въ первой рубрикѣ этого отдѣла помѣщены сочиненія, дающія общія понятія о письменности и ея развитіи у разныхъ народовъ, сочиненія о дипломатіи, сфрагистикѣ и о возникновеніи палеографіи, какъ самостоятельной науки. Палеографія, какъ часть археологіи, необходима для юриста; главнѣйшая цѣль палеографіи—установленіе условий къ опредѣленію времени происхожденія рукописи и критики какъ самаго текста, такъ и внѣшней формы рукописи. Дипломатика имѣетъ цѣлю опредѣленіе подлинности документа. Сфрагистика—наука о

печатахъ, объясняющая образованіе гербовъ и печатей и значеніе знаковъ, замѣнявшихъ подписи. Въ древней Руси знаки эти могли служить основаніемъ для печатей нашихъ предковъ. Подъ № 43 помѣщено „Чтеніе профессора В. Макушева о старопольской письменности“. Во 2-мъ отдѣлѣ этой статьи разобраны памятники польскаго письма второй половины XIV в., а именно: Флорентинскій псалтырь и Роты (1386—1399). Слово „рота“ древнее, общеславянское и означаетъ клятву, присягу. У вѣхъ славянъ существовалъ искони судъ поротный, т. е. судъ присяжныхъ, не какъ заимствованный, но какъ народный институтъ. Поротный судъ (судъ присяжныхъ) былъ и у русскихъ, по „Русской Правдѣ“ дѣла по многимъ маловажнымъ проступкамъ рѣшались ротою свидѣтелей. Въ этой же рубрикѣ помѣщены изданія съ образцами древней письменности. Въ числѣ ихъ приведены изданія, не выпущенныя въ свѣтъ, но служившія руководствомъ при чтеніи актовъ для воспитанниковъ лицея и училища правовѣдѣнія. Въ означенныхъ руководствахъ заключаются снимки съ судебного письма Новгородскаго, Литовскаго, Московскаго, Полоцкаго, Русскаго и Малороссійскаго XII—XVII вв. Во 2-й и 3-й рубрикѣ № 77—315 разсмотрѣно собраніе рукописей и актовъ въ Россіи и сочиненія, посвященныя разсмотрѣнію отдѣльныхъ рукописей. Вторая рубрика начинается описаніемъ „Собранія Государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ“. Содержаніе каждаго изъ 5 томовъ этого собранія указано въ трудѣ г. Смирнова. Изъ юридическихъ рукописей вошли: подъ № 127. Описаніе рукописей Императорскаго Общества древней письменности. Въ этомъ описаніи значатся: Бѣлорусская судная грамота 1479 г. Руководство къ познанію законовъ Иларіона Васильева. Часть III, которая не была издана. Подъ № 154 „Собраніе Историко-Юридическихъ актовъ“ И. Д. Бѣляева. Подъ № 166 Рукописи гр. О. А. Толстова. Въ этомъ описана рукопись по правовѣдѣнію, помѣщенная въ особомъ отдѣлѣ. Подъ № 145 и 146 описаны русскія рукописи въ государственныхъ архивахъ Стокгольма и Копенгагена, заключающія акты дипломатическихъ сношеній Россіи съ Швеціей и Даніей. Подъ № 276 разобраны В. Васильевскимъ между прочимъ два списка земледѣльческихъ законовъ: одинъ, отнесенный Маттеемъ (*Accuratum codicum graecorum*) къ XI вѣку, содержитъ текстъ „Крестьянскихъ законовъ“ и другой—помѣщенный въ сборникѣ XV в. и хранящійся въ Московской синодальн. библиотекѣ подъ заглавіемъ

„Византійскіе крестьянскіе законы“. Сравнивая эти двѣ рукописи, г. Васильевскій приходитъ къ заключенію, что если ихъ и нельзя считать непосредственно оригиналомъ русскаго устава Ярослава Мудраго „о земскихъ дѣлахъ“, то съ другой стороны несомнѣнно, что въ Русскомъ памятникѣ нѣтъ ни одной статьи, которая не была бы въ греческомъ подлинникѣ. Подъ № 286 описаны законоположенія древней руси: „Судная Ярославова грамота. Безсудная Мстиславова грамота и Уставъ Ярослава о мостахъ въ Новгородѣ“. Настоящій отдѣлъ, равно какъ и отдѣлъ II, представляетъ собою ту особенность, что авторъ, излагая содержаніе разсматриваемыхъ книгъ и статей, выписываетъ дословно дѣлаемые учеными различныя опредѣленія палеографіи, дипломатики и сфрагистики, приводитъ взгляды ученыхъ на спорныя въ палеографіи вопросы, указываетъ на важнѣйшія сочиненія, которыхъ нѣтъ въ его библиотекѣ, и такимъ образомъ передъ читателемъ рисуется почти вся исторія науки и ея развитіе.

Отдѣлъ II. Книгопечатаніе и законы о цензурѣ и печати. Въ первыхъ двухъ рубрикахъ приведены сочиненія, трактующія о началѣ книгопечатанія и его распространеніи; о славянскомъ и русскомъ книгопечатаніи и типографіяхъ; объ образцахъ шрифтовъ и русскихъ граверахъ. Въ третьей рубрикѣ законы о цензурѣ и печати. Изъ сочиненій и статей, вошедшихъ въ эту рубрику, большая часть въ цензурномъ отдѣлѣ состоитъ изъ документовъ недоступныхъ публикѣ, печатавшихся въ ограниченномъ числѣ заномерованныхъ въ типографіи экземпляровъ. Документы эти, какъ справедливо замѣчаетъ рецензентъ „Новаго Времени“, читаются какъ интереснѣйшій фельетонъ. Группа сочиненій о литературной собственности и законахъ о цензурѣ и печати описана такъ, что знакомитъ читателя и съ исторіей и съ различными взглядами правительства и ученыхъ на означенные предметы. Пять томовъ „Матеріаловъ, собранныхъ особой комиссіей, учрежденной въ 1869 г. для пересмотра постановленій о цензурѣ и печати“ описаны чрезвычайно подробно, съ указаніемъ содержанія каждаго тома этого рѣдкаго изданія. Въ 3-мъ томѣ матеріаловъ сгруппированы судебные процессы по дѣламъ печати. Въ 4-мъ перепечатаны дословно отзывы и мнѣнія современной литературы, по вопросамъ печати—всего 23 сочиненія. Г. Смирновъ привелъ не только заголовки этихъ статей, но изложилъ и сущность взглядовъ авторовъ на обсуждаемые вопросы. Правительственная брошюра, озаглавленная: „Историческія свѣдѣнія о цен-

зурѣ въ Россіи“, имѣла въ 1862 г. два изданія. Въ настоящемъ трудѣ разсказано ихъ содержаніе и указано, чѣмъ одно изданіе отличается отъ другаго. Сюда же вошли законы о печати и цензурѣ въ Германіи, Австріи, Франціи и Тосканѣ. Всего въ этой рубрикѣ приведено 50 сочиненій; кромѣ того въ отдѣлѣ III помѣщено 21 изданіе о книгахъ, рассмотрѣнныхъ и запрещенныхъ цензурой (№№ 649—671). Большая часть этихъ сочиненій принадлежитъ къ числу рѣдкихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя едва ли извѣстны въ нашей библіографіи.

Отдѣлъ III. Библіографія. Въ этомъ отдѣлѣ, раздѣленномъ на 6 рубрикъ, содержится 1245 книгъ и статей, изъ нихъ въ рубрикѣ 4-й—„Библіографія по разнымъ отраслямъ знаній“ помѣщено 240 сочиненій по юридической библіографіи. Въ трудѣ г. Смирнова библіографія правовѣдѣнія собственно въ русской литературѣ представляетъ совершенно полный обзоръ всѣхъ вышедшихъ въ Россіи книгъ, брошюръ и статей по этому предмету, что объясняется, какъ тѣмъ, что главная библіотека г. Смирнова состоитъ изъ книгъ по правовѣдѣнію, такъ и тѣмъ, что онъ самъ трудился надъ составленіемъ полнаго библіографическаго указателя русской юридической литературы, какъ объ этомъ сказано въ введеніи. Изъ означенныхъ 240 сочиненій по юридической библіографіи укажемъ важнѣйшія. Первые попытки къ составленію русской юридической библіографіи относятся къ 1830 г. и принадлежатъ приватъ-доценту Дерптскаго университета доктору правъ Фридриху Георгу ф. Бунге и доктору правъ Павлу Дегаю. Первый изъ нихъ помѣстилъ въ 1830 и 1831 г.г. двѣ статьи въ издаваемомъ Миттермайеромъ и Цахаріею журналѣ „*Kritis. Zeitschr. für Rechtswissenschaft*“. Въ этихъ статьяхъ г. Бунге предпосланъ „Библіографіи правовѣдѣнія въ Россіи“ историческій очеркъ „возникновеніе въ Россіи правовѣдѣнія какъ науки“. П. Дегай въ 1831 г. въ сочиненіи своемъ: „Пособія и правила къ изученію російскихъ законовъ“ помѣстилъ въ хронологическомъ порядкѣ перечень всѣхъ изданныхъ въ Россіи юридическихъ сочиненій и переводовъ; въ этотъ указатель вошли сочиненія по русскому праву, изданныя въ Остзейскихъ губерніяхъ. Съ 1830 по 1852 г. включительно библіографическій указатель по правовѣдѣнію былъ составленъ профессоромъ Казанскаго университета А. Станиславскимъ. Указатель матеріаловъ и изслѣдованій по исторіи русскаго права, изданныхъ съ 1856 по 1860 г., былъ помѣщенъ въ „Арх. и истор. и практ. свѣдѣній“ Н. Калачова. Дополненіемъ къ этому указателю слу-

жить изданное въ 1891 г. профессоромъ Казанскаго университета Н. Загоскинымъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Наука исторіи русскаго права“. Указатель этотъ составленъ по 31 декабря 1890 г. Въ 1861 г. К. П. Побѣдоносцевъ помѣстилъ (въ *Арх. истор. и практ. свѣдѣній*) обзорѣніе частныхъ трудовъ по собранію законовъ и по составленію указанныхъ словарей до изданія полнаго собранія законовъ. Въ 1865 г. былъ составленъ и изданъ докторомъ правъ В. Пфафомъ „Систематическій каталогъ книгъ на русскомъ языкѣ Императорской Публичной бібліотеки по части правовѣдѣнія, политическихъ и статистическихъ наукъ“ (№ 918). Литература русскаго правовѣдѣнія, съ 1859—1861 г., была составлена В. И. Межовымъ и издавалась какъ приложеніе къ *Журналу Министерства Юстиціи* (№ 869). Указатели русской литературы по русскому гражданскому праву, по русскому судоустройству и судопроизводству были составлены М. Шимановскимъ и А. Поворинскимъ (№№ 870, 871 и 872). Изъ старинныхъ указателей юридической литературы въ бібліотекѣ г. Смирнова имѣются между прочимъ весьма рѣдкіе и цѣнные по содержанію даже въ настоящее время, такъ, напр., „*Burcardi Gotthelfi Struvii bibliotheca juris selecta 1710 г.*“ (№ 940) *Martini Sipeii bibliotheca realis juridica 1757 г.* Кроме того въ обстоятельномъ описаніи 240 сочиненій по бібліографіи, правовѣдѣнію и политическимъ наукамъ содержатся историческія свѣдѣнія о древнѣйшихъ юридическихъ памятникахъ, какъ, напр., о собраніяхъ и ученomъ обработываніи церковныхъ законовъ въ Греціи и Россіи К. Неволіна, о военныхъ законахъ Петра Великаго, сочиненіе Бобровскаго о Литовскомъ статутѣ, объ Уложеніи 1649 г. и др., статьи Я. Есиповича и И. Забѣлина (№№ 280—288).

Отдѣлъ IV. Библіотеки, музеи и архивы. Первая рубрика—библіотеки—состоитъ изъ 554 номеровъ. Для юриста въ этомъ отдѣлѣ имѣетъ значеніе описаніе отчетовъ Императорской Публичной бібліотеки. Первые года этихъ отчетовъ составляютъ бібліографическую рѣдкость. За каждый отчетный годъ бібліотека помѣщаетъ интересныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ приобрѣтеніяхъ и пожертвованіяхъ. Всѣ книги и рукописи по правовѣдѣнію въ трудѣ г. Смирнова приведены подробно, вмѣстѣ съ бібліографическими замѣтками, дѣлаемыми бібліотекой о каждой книгѣ и рукописи. Въ отчетѣ публичной бібліотеки за 1877 годъ г. Смирновъ привелъ дословно описанное бібліотекой пожертвованіе сына сенатора Рѣпинскаго, состоящее изъ собранія собственноручныхъ писемъ, бумагъ, законо-

дательныхъ работъ, докладныхъ записокъ и журналовъ покойнаго графа М. М. Сперанскаго. Въ этомъ описаніи, занимающемъ въ трудѣ г. Смирнова 5 страницъ, содержатся интересныя для юриста документы и изслѣдованія, которые до появленія отчета библіотеки не были извѣстны. Каталоги библіотекъ подъ №№ 2048—2051, 2118, 2133, 2134, 2145, 2147 и 2157 состоятъ изъ книгъ исключительно юридическаго содержанія. Подъ № 2267 описанъ интересный каталогъ юридической библіотеки Эдинбургскихъ адвокатовъ, изданный въ 3 томахъ съ 1742 по 1787 г. Подъ № 2267 описанъ *Catologue des livres imprimés de la bibliothèque du Roi. Jurisprudence*. Томъ I. Парижъ 1753 г. Каталогъ этотъ раздѣленъ на два отдѣла: въ первомъ право каноническое, во второмъ естественное и народное право; по удостовѣреніямъ Брюне, во второмъ томѣ предполагалось помѣстить право гражданское, но печатаніе этого тома не было окончено. Въ рубрикѣ 2-й—музеи—при описаніи отчетовъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ переписаны тоже, какъ и въ отчетѣ Императорской Публичной библіотеки, всѣ важнѣйшія пріобрѣтенія и пожертвованія по правовѣднію и политическимъ наукамъ. Въ рубрикѣ 3-й этого отдѣла описаны архивы: Государственный разрядный, Государственный старыхъ дѣлъ, Московскіе Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи, Государственнаго Совѣта, Св. Синода, Пр. Сената, Министерствъ Военнаго, Морскаго, Финансовъ, Государственныхъ Имуществъ, Виленскаго и Оренбургскаго генералъ-губернаторовъ и Малороссійской Коллегіи. Архивы иностранныя, заключающіе рукописи по русской исторіи, описаны въ отдѣлѣ Палеографіи подъ №№ 181—206. Архивный матеріалъ необходимъ для всякихъ историческихъ изслѣдованій вообще и тѣмъ болѣе для исторіи права; но пользованіе ими представляетъ уже то затрудненіе, что большая часть описаній архивовъ состоитъ изъ нѣсколькихъ томовъ; такъ, напр., Синодальный архивъ въ 17 томахъ, Сенатскій 11 томовъ, архивъ Государственнаго Совѣта 12 томовъ, архивъ Морскаго и Военнаго Министерствъ 16 томовъ. Ориентироваться въ этихъ многотомныхъ изданіяхъ требуетъ много времени и труда. Въ изданіи г. Смирнова каждый томъ архива описанъ отдѣльно съ указаніемъ его содержанія, что значительно облегчаетъ трудъ изслѣдователей. Къ тому же нерѣдко необходимыя для изслѣдованія матеріалы заключаются въ такихъ изданіяхъ, о которыхъ изслѣдователь и не предполагаетъ. Такъ, напр., въ Артиллерійскомъ архивѣ Военнаго Министерства заключается много

свѣдѣній интересныхъ для изслѣдователей по духовной литературѣ (№ 2370). При описаніи архивовъ г. Смирновъ не ограничивается простымъ перечнемъ содержанія, но мѣстами указываетъ на значеніе заключающихся въ каждомъ томѣ матеріаловъ и дѣлаетъ, гдѣ нужно, библиографическія замѣтки. Такъ, напр., при описаніи IV тома архива Государственнаго Совѣта (№ 2360), въ которомъ перепечатаны 5 изданій проектовъ гражданскаго, уголовнаго и торговаго уложенія и указаны два изданія, изъ которыхъ одно находится въ Императорской Публичной библіотекѣ, а другое въ библіотекѣ II-го Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи, г. Смирновъ приводитъ 8-е изданіе 1810—1812 г., находящееся въ его библіотекѣ. Въ началѣ этой рубрики подъ №№ 2304 и 2305 приведены два изданія Н. Тихменева „Объ устройствѣ архивовъ упраздненныхъ и существующихъ судебныхъ учреждений“.

Въ отдѣлѣ V описана книжная торговля и книжныя лавки.

Изъ настоящаго краткаго перечня труда г. Смирнова можно видѣть наглядно то значеніе его въ области юридическихъ наукъ, на которое мы указали въ началѣ статьи; нѣкоторымъ подтвержденіемъ вѣрности нашего взгляда служить то, что вниманіе ученыхъ юристовъ уже обращено на этотъ трудъ. Въ появившемся недавно изслѣдованіи профессора Императорскаго Казанскаго университета Н. П. Загоскина—„Исторія Права русскаго народа“. Казань, 1899 г., стр. 502—трудъ г. Смирнова цитируется въ числѣ матеріаловъ по исторіи русскаго права.

Е. Д—ский.

Сводъ узаконеній и распоряженій правительства по врачебной и санитарной части въ Имперіи ¹⁾. Изданіе Медицинскаго Департамента (Подъ редакцію директора департамента Л. Ф. Рагозина).

Выпускъ I, 1895—1896 г., стр. VIII+402+272 (приложеніе); выпускъ II, 1896—1897 г., 547 стр.+324 (прил.); выпускъ III, 1897—1898 г., 287 стр.+327 (прил.).

Отзываясь на давно созрѣвшую потребность въ собраніи крайне разбросаннаго законодательнаго матеріала по медицинской части для кодификаціи медицинскихъ законовъ, сообразно требованіямъ современной науки, бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ образо-

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ обозначать разбираемое изданіе сокращенно: Сводъ.

валъ въ 1894 г. при медицинскомъ департаментѣ комисію, совершившую и издавшую разбираемый нами трудъ. Комисія собрала: „1) всѣ узаконенія, касающіяся устройства и веденія медицинской части въ Имперіи, изложенныя, главнымъ образомъ, въ т. XIII Свода законовъ и разъясненныя почти по всѣмъ частямъ Свода законовъ и Полнаго Собр. Зак.; 2) относящіяся къ медицинской области многочисленныя распоряженія, инструкціи, правила и наставленія и, наконецъ, 3) относящіяся сюда разъясненія и кассационныя рѣшенія Сената“ (предисловіе къ 1-му выпуску Свода, стр. 1). Матеріаль этотъ расположенъ комисіею въ слѣдующемъ порядкѣ: подъ каждою статью устава врачебнаго (т. XIII, уставъ врачебный, изданіе 1892 г., по продолженію 1895 г.) приведены относящіяся къ ней: 1) статьи Свода зак. изъ другихъ уставовъ и учреждений; 2) Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденныя положенія Комитета Министровъ и отдѣльныя Высочайшія повелѣнія; 3) рѣшенія, опредѣленія, разъясненія, указы Правительствующаго Сената по общимъ его собраніямъ и отдѣльнымъ департаментамъ; 4) циркулярныя распоряженія министерствъ и главныхъ управленій и, наконецъ, 5) циркуляры департаментовъ, разъясненія медицинскаго совѣта и т. п. При этомъ весь матеріаль, по каждой изъ указанныхъ категорій, сгруппированъ въ хронологическомъ порядкѣ. Наконецъ, въ концѣ каждого тома, въ особомъ отдѣлѣ „приложеній“ помѣщены таблицы, формы отчетныхъ вѣдомостей, отдѣльные уставы, программы и т. п., а также и законодательный и административный матеріаль по нѣкоторымъ вопросамъ, когда по изобилію его, а отчасти и по характеру, являлось неудобнымъ помѣщеніе его въ текстъ (см., на примѣръ, всѣ разъясненія, касающіяся мѣръ противъ распространенія любово-страстныхъ болѣзней, сгруппированныя въ „приложеніи“ къ 164 ст., выпускъ I, стр. 63—175 прил.). Если принять во вниманіе обиліе матеріала, его крайнюю разбросанность, отсутствіе какихъ бы то ни было указателей для большинства источниковъ, необыкновенную трудность группировки, классификаціи всей этой разношерстной массы законовъ, указовъ, распоряженій, трудность, обусловленную столько же отсутствіемъ въ уставѣ врачебномъ многихъ положеній общаго характера, сколько и разбросанностью въ немъ самомъ законоположеній однородныхъ, если принять во вниманіе всѣ эти обстоятельства, нельзя будетъ не удивляться незначительности времени (1894—1898 г.), затраченнаго комисіею на такой обширный

трудъ, и замѣчательной успѣшности, систематичности его разработки.

Но при характерѣ устава врачебнаго, пользованіе Сводомъ комисіи все же нѣсколько затруднительно; ориентироваться въ этомъ огромномъ матеріалѣ въ высшей степени трудно; отсутствіе нѣкоторыхъ положеній въ самомъ уставѣ неизбежно должно было повлечь за собою нѣсколько искусственное, иной разъ, отнесеніе къ той или другой статьѣ матеріала, имѣющаго къ содержанию статьи лишь отдаленное отношеніе, а сходство иныхъ статей устава врачебнаго—необходимость разбивать относящіеся къ нимъ матеріалъ. Такъ, напримѣръ, законодательство о безумныхъ и сумасшедшихъ помѣщено отчасти подъ 38 ст. устава врачебнаго, отчасти же въ „приложеніи“ къ ст. 1316 того же устава; постановленія о гипнотизмѣ, очень важныя по содержанию, помѣщены—одно подъ 82 ст. устава врачебнаго, говорящей объ обязанности хирурга приглашать къ операціи врачей ассистентовъ, другое—подъ 93 ст., опредѣляющей условія для пріобрѣтенія права врачебной практики въ Россійской Имперіи вообще; далѣе, постановленія о положеніи врача-эксперта при экспертизѣ на предварительномъ слѣдствіи, соответствующія болѣе всего по смыслу—1326 ст. устава врачебнаго, помѣщены отчасти подъ 1330 ст., отчасти подъ 1329 и 1440 ст. устава врачебнаго и т. д. Изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, насколько подчасъ трудно разобратся въ матеріалѣ, собранномъ въ Сводѣ, несмотря на безукоризненную систематичность его обработки; мы думаемъ, что предметный указатель уничтожилъ бы совершенно эти затрудненія.

Сдѣлать хотя-бы самый бѣглый очеркъ всѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ при чтеніи трудовъ комисіи, намѣтить всѣ реформы, уже давно назрѣвшія, ждущія своего разрѣшенія,—въ краткой рецензій представляется абсолютно невозможнымъ; мы постараемся, поэтому, намѣтить современное состояніе лишь нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ, съ которыми придется несомнѣнно встрѣтиться будущимъ кодификаторамъ устава врачебнаго.

„Никто какъ изъ російскихъ подданныхъ, такъ и изъ иностранцевъ, не имѣющихъ диплома или свидѣтельства отъ университетовъ и военно-медицинской академіи, не имѣетъ права заниматься никакою отраслью врачебной или ветеринарной практики въ Россіи“.... ст. 93 устава врачебнаго. Итакъ, формальнымъ основаніемъ для права медицинской практики въ Россіи служатъ, согласно этой статьѣ, дипломы или свидѣтельства отъ университетовъ и медицинской

академіи. Для полученія такого диплома или свидѣтельства требуется испытаніе, опредѣленное въ прилож. къ ст. 596 устава врачебнаго (п. 1—23), 581 ст. и прилож. къ ней въ Сводѣ ¹⁾. И лишь по 94 ст. устава врачебнаго нѣкоторые изъ врачей, окончившихъ курсъ на иностранныхъ медицинскихъ факультетахъ, получаютъ, по заключенію медицинскаго совѣта, утверждаемаго Министеромъ Внутреннихъ Дѣлъ, право на практику въ Россіи безъ всякаго экзамена или послѣ словеснаго испытанія (colloquium). Для облегченія надзора за тѣмъ, чтобы врачебною практикою занимались исключительно лица, обладающія вышеуказанными условіями, и для „отвращенія вреда, происходящаго отъ врачеванія производимаго людьми несвѣдущими и непризнанными въ Россіи въ званіи медицинскомъ, составляется ежегодно въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ по медицинскому департаменту общій списокъ или календарь, въ которомъ помѣщаются всеѣ врачи, какъ въ службѣ состоящіе, такъ и вольнопрактикующіе“ (ст. 95 уст. врач.). Списокъ этотъ, согласно циркуляра Министра Внутреннихъ Дѣлъ по медицинскому департаменту 13 апрѣля 1889 г. № 659 ²⁾, составляется по карточной системѣ, взамѣнъ дѣйствовавшей до того времени системы донесеній, подъ надзоромъ уѣздныхъ и городскихъ врачей и контролемъ губернскихъ врачебныхъ управленій. Если, къ этимъ постановленіямъ устава врачебнаго прибавимъ, что, согласно 98 ст. устава врачебнаго, каждый врачъ, желающій практиковать въ данной мѣстности, обязанъ заявить о томъ въ губернское врачебное правленіе или уѣздному или городскому врачу и, что, согласно 96, 534 ст. устава врачебнаго, аптекаря могутъ отпускать лѣкарства лишь по рецептамъ врачей,—станетъ очевиднымъ, что законодателемъ приняты тщательныя мѣры для упроченія за врачами, и одними лишь врачами,—практики врачебной въ предѣлахъ Имперіи и что эмпиризмъ, даже и руководимый гуманными задачами, права на существованіе, на ряду съ официальной медициною, имѣть не можетъ. Не такъ, однако, смотритъ на это дѣло Правительствующій Сенатъ, разбиравшій въ 1-омъ Департаментѣ 21 марта 1891 г. ³⁾ вопросъ о томъ, имѣетъ ли право медицинскій департаментъ воспретить право практики не-врачамъ, въ извѣстныхъ условіяхъ. Тобольская врачеб-

¹⁾ Сводъ, выпускъ III, „прилож.“ къ ст. 581, стр. 218—240.

²⁾ Сводъ, выпускъ I, стр. 204—205, § 602.

³⁾ Сводъ, выпускъ I, стр. 201—202, § 592.

ная управа, а вслѣдъ за нею и медицинскій департаментъ сдѣлали распоряженіе о томъ, чтобы нѣкто Гашинскій прекратилъ лѣченіе больныхъ по системѣ барона Вревскаго; этотъ послѣдній обжаловалъ распоряженіе, и Правительствующій Сенатъ постановилъ: принимая во вниманіе, что баронъ Вревскій лѣчитъ больныхъ „цѣлебною водою“, которая по химическому анализу, произведенному по распоряженію медицинскаго совѣта, оказалась безвредною и совершенно тождественною съ обыкновенною невскою водою, что лѣченіе этою водою больныхъ въ С.-Петербургѣ барону Вревскому не воспрещено и что, наконецъ, Гашинскій лѣчилъ бесплатно, рѣшеніе медицинскаго департамента неправильно. Свое рѣшеніе Сенатъ подтвердилъ слѣдующаго рода соображеніями:

1) По дѣйствующему законодательству, помогать больнымъ по челоуѣколюбію, безвозмездно, совѣтомъ и „извѣстными средствами“ никому не воспрещено, какъ это явствуетъ изъ журнала Общаго Собранія Государственнаго Совѣта отъ 17 февраля 1875 г., по поводу измѣненія постановленій ст. 104 и 106 уст. наказ. налаг. мир. суд. Въ этомъ журналѣ не только признано возможнымъ дозволить частнымъ лицамъ, не получившимъ медицинскаго образованія, заниматься безвозмездно лѣченіемъ средствами безвредными для здоровья больныхъ, но признавалось необходимымъ не стѣснять такихъ лицъ въ продажѣ ими безвредныхъ для здоровья лѣкарствъ.

2) Хотя ст. 93 устава врачебнаго воспрещаетъ заниматься врачебною практикою лицамъ, не имѣющимъ дипломовъ, а ст. 974 устава врачебнаго возлагаетъ на медицинскій департаментъ обязанность всемірно наблюдать, дабы лѣченіе людей производимо было не иначе, какъ врачами,—но законоположеніемъ этимъ не исключается возможность допущенія къ лѣченію больныхъ лицъ, не имѣющихъ дипломовъ, средствами безвредными для здоровья, и въ немъ не содержится указанія на то, что медицинскій департаментъ имѣетъ право собственною властью воспрещать занятіе лѣченіемъ больныхъ безвозмездно такими лицами. Наконецъ,

3) Гашинскаго можно было бы привлечь къ отвѣтственности, либо по п. 2 ст. 174 уст. наказ. налаг. мир. суд., если бы было доказано, что онъ эксплуатировалъ невѣжество своихъ кліентовъ, либо—по обвиненію въ проступкѣ противъ народнаго здравія (по какой статьѣ?), если бы было доказано, что лѣченіе его наноситъ вредъ здоровію, но безусловное воспрещеніе лѣченія въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, шло бы въ разрѣзъ съ букваль-

нымъ смысломъ 2 ч. 104 ст. уст. наказ. налаг. мир. суд. и съ соображеніями Общ. Собр. Госуд. Совѣта отъ 1875 г.

Центромъ Сенатской аргументаціи является понятіе „безвредности“ употребляемыхъ эмпириками средствъ, при чемъ, безвредность эта будто бы считается законодательствомъ нашимъ достаточною, при наличности безкорыстности, для безпрепятственнаго врачеванія не-врачами. Намъ кажется, что мнѣніе Сената не находитъ себѣ достаточнаго основанія въ законѣ и что проведеніе его на практикѣ трудно, за неустойчивостью принятаго имъ критерія.

Изъ сличенія 2-ой части ст. 104 уст. наказ. со ст. 871 улож. наказ. 1885 г. можно заключить лишь то, что врачеваніе бесплатное, въ видахъ гуманности, даже и при употребленіи сильно-дѣйствующихъ и ядовитыхъ веществъ, когда отъ того не послѣдовало вреда, статьями этими не наказуется; ясно, что будь эти статьи единственными изъ опредѣляющихъ вопросъ о врачеваніи, бесплатное и безвредное врачеваніе эмпириками стало бы, если не прямо дозволеннымъ, то по крайней мѣрѣ, терпимымъ; но существующая въ уст. врач. 93 ст., какъ мы выше указали, перечисляетъ категоріи лицъ, которымъ право практики въ Россіи дозволено; такимъ образомъ, не подлежа наказаніямъ, опредѣленнымъ въ 104 ст. уст. наказ. и 871 ст. улож. наказ., врачеваніе эмпириками является нарушеніемъ ст. 93 уст. врач., т. е. пользованіе извѣстными лицами правами, закономъ имъ не предоставленными; если же принять во вниманіе, что уставъ врачебный присвоиваетъ въ ст. 97 медицинскому департаменту функціи общаго надзора за эмпириками и шарлатанами, то станетъ очевиднымъ, что распоряженіе этого послѣдняго о томъ, чтобы эмпирикъ не присвоивалъ себѣ права, которое за нимъ законъ не признаетъ, не преступитъ предѣловъ данныхъ ему закономъ полномочій, а потому и пользуется защитой 29 ст. уст. наказ., какъ то призналъ Правительствующій Сенатъ по Угол. Касс. Департаменту 1885 года № 19 ¹⁾ по поводу воспрещенія продажи секретныхъ средствъ лицами, не получившими на то разрѣшенія, согласно 552 ст. уст. врач. Но и помимо этого, если бы дѣйствительно безвредность лѣченія была бы условіемъ для пріобрѣтенія эмпириками права на врачеваніе, то врядъ-ли представлялось бы возможнымъ такъ понимать эту безвредность, какъ Сенатъ ее понимаетъ, т. е.

¹⁾ Сводъ, выпускъ II, стр. 194 § 475.

признавать безвредность въ тѣхъ случаяхъ, когда лѣкарство не заключаетъ въ себѣ опасныхъ элементовъ. Такое пониманіе безвредности при врачеваніи противорѣчитъ какъ тексту указанныхъ статей устава врачебнаго, такъ и современнымъ научнымъ медицинскимъ даннымъ; и самая чистая вода можетъ принести вредъ больному, если она употребляется не въ надлежащемъ количествѣ или не въ надлежащее время, а еще большій вредъ проистекаетъ изъ того, что больной, пользуемый эмпирикомъ, часто упускаетъ моментъ, когда внимательство врача могло бы спасти ему здоровье или жизнь. Итакъ, очевидно, что не все, что не вредно *an und für sich*,—безвредно и въ примѣненіи къ опредѣленному случаю и что безвредность, о которой говоритъ Сенатъ, какъ понятіе крайне относительное и опредѣляемое въ каждомъ данномъ случаѣ лишь результатами лѣченія, не можетъ быть признано основаніемъ для разрѣшенія лѣченія по той или другой методѣ вообще. Есть, наконецъ, и еще одно соображеніе, говорящее въ пользу нашего толкованія закона. Очевидно, что, желая разрѣшить врачеваніе въ цѣляхъ гуманности и не-врачамъ, Государственный Совѣтъ имѣлъ въ виду тѣ случаи, гдѣ, при отсутствіи врачебной помощи, лица, знакомыя болѣе или менѣе съ употребляемыми въ медицинѣ средствами ¹⁾, были бы поставлены въ необходимость выбирать между отвѣтственностью по закону за незаконное врачеваніе и отказомъ отъ подачи помощи лицу, въ ней нуждающемуся. Что такая помощь желательна и рациональна въ тѣхъ многихъ случаяхъ когда, какъ это часто бываетъ, въ деревняхъ, на работахъ въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстностяхъ, на своевременную врачебную помощь рассчитывать нельзя, въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ; но заключить отсюда, что на ряду съ научною медициною Государственный Совѣтъ разрѣшалъ существованіе эмпирики, что гуманность и реальныя нужды народа требуютъ безпрепятственнаго существованія и развитія этой эмпирики, что достаточно, чтобы данное средство было безвреднымъ для того, чтобы не считалось бесполезною поддержка его пропаганды,—толковать такъ мнѣніе Государственнаго Совѣта врядъ-ли представляется возможнымъ.

Итакъ, на основаніи всѣхъ приведенныхъ нами соображеній, можно, кажется, придти къ рѣшенію, противоположному Сенатско-

¹⁾ Выраженіе закона „известными имъ средствами“ (ст. 104 уст. наказ. и 99 ст. уст. врач.) въ иномъ смыслѣ понимаемы быть не могутъ.

му: медицинскій департаментъ имѣетъ право запрещать эмпирикамъ врачеваніе, даже когда они врачуютъ бесплатно и употребляютъ повидимому безвредныя средства. Но все же, для избѣжанія недоразумѣній, желательна болѣе точная формулировка правъ и полномочій медицинскаго департамента ¹⁾.

Одинъ изъ наименѣ выясненныхъ и наиболѣе наболѣвшихъ вопросовъ врачебнаго міра—это вопросъ о судебно-медицинской экспертизѣ. Какова роль эксперта, каковы его права и обязанности? На эти вопросы судебная практика и судебная жизнь отвѣчали въ разное время разное и всегда въ высшей степени неудовлетворительно. Два противоположныхъ и враждующихъ мнѣнія борются за преобладаніе: согласно одному изъ нихъ „врачъ, производящій судебное освидѣтельство, яко чиновникъ, долженствующій по сему предмету имѣть особенныя свѣдѣнія, считается въ семъ случаѣ первымъ лицомъ“ (ст. 1326 уст. врач.); согласно второму—принимая во вниманіе активную роль, присвоенную судебнымъ слѣдователямъ ст. 328, 332, 336, 338, 343, 345—346 уст. угол. суд., „хозяиномъ“ судебно-медицинскаго осмотра и освидѣтствованія является судебный слѣдователь. Антагонизмъ, порожденный не столько существующими въ законѣ противорѣчіемъ или неясностями, сколько тѣмъ естественнымъ психологическимъ фактомъ, что при столкновеніи двухъ различныхъ компетенцій и правомочій, на какой бы то ни было почвѣ, а тѣмъ болѣе на официальной, каждой изъ нихъ свойственна тенденція сохранить за собою первенствующее значеніе, антагонизмъ этотъ легко устранимъ, какъ это показалъ Правительствующій Сенатъ въ указѣ Общ. Собр. 1-го и Касс. Д-товъ 17 ноября 1883 г. ²⁾. Указавъ на то, что производя осмотръ и освидѣтельство черезъ врача, судебный слѣдователь не ограничивается исполненіемъ одной обрядовой стороны слѣдственныхъ дѣйствій, какъ это явствуетъ изъ 319, 332, 343, 345, 467, 468 ст. уст. угол. суд., Сенатъ замѣчаетъ, что и врачъ, съ своей стороны, дѣйствуетъ вполне самостоятельно: онъ пользуется правомъ требовать отъ слѣдователя

¹⁾ Аналогичные оспариваемымъ взгляды Правительствующій Сенатъ проводитъ и въ рѣшеніяхъ Уголовнаго Департамента 1889 г. № 20 (Св. вып. I стр. 201 § 591), указѣ по 1-му Департаменту 1892 г. № 1181 (Св. вып. I стр. 202 § 593) и указѣ по 1-му Департаменту 1883 г. № 9208 (Св. вып. III стр. 193 § 476).

²⁾ Сводъ, вып. II, стр. 494—95, § 939.

всѣ нужныя ему свѣдѣнія по дѣлу (ст. 341), онъ относится къ слѣдствію совершенно независимо, не стѣсняясь взглядами и мнѣніями слѣдователя (ст. 333), и составляетъ протоколъ слѣдствія, подъ которымъ обязанъ подписаться слѣдователь. Такимъ образомъ, если слѣдователь и является „хозяйномъ дѣла“ въ томъ смыслѣ, что отъ него зависитъ вся фактическая сторона слѣдствія:—выборъ дня, выборъ врача и надзоръ за правильнымъ ходомъ освидѣтельствованія,—врачъ не менѣе его „хозяйинъ“ въ научной, технической сферѣ, сообразуясь при осмотрѣ лишь правилами устава врачебнаго и собственнымъ опытомъ. При такомъ точномъ разграниченіи функций не можетъ и не должна быть рѣчь объ антагонизмѣ. Та же мысль о равенствѣ судебного слѣдователя и судебного врача при судебно-медицинской экспертизѣ высказана и въ рѣшеніи Общ. Собр. 1-го и Касс. Д-та Прав. Сената 1886 г. № 17 ¹⁾: „здѣсь судебный врачъ дѣлается самостоятельнымъ участникомъ осмотра“—говоритъ указъ Сената—„составляетъ отъ себя протоколъ..... Судебный врачъ участвуетъ въ осмотрахъ не какъ случайный экспертъ-техникъ, а какъ одинъ изъ факторовъ правосудія и участіе его въ слѣдствіи имѣетъ значеніе совѣщательнаго участія лица, подготовленнаго къ тому наукою“. Но, несмотря на точность этихъ опредѣленій Сената, неустойчивость во взглядахъ на врача-эксперта существуетъ; обстоятельство это объясняется многими причинами и, между прочимъ,—неясностью и неудовлетворительностью нѣкоторыхъ положеній закона, относящихся къ вопросу о судебно-медицинской экспертизѣ.

Къ числу такихъ статей закона относятся 1329 ст. уст. врач., 331, 342 и 343 ст. уст. угол. суд.

1329 ст. уст. врач. постановляетъ, что протоколы судебно-медицинскаго осмотра, составленные отдѣльно врачомъ и судебнымъ слѣдователемъ, должны быть сличены между собою: „буде окажется, что въ одномъ или другомъ изъ сихъ протоколовъ что-либо забыто или пропущено, то немедленно *прибавляется* и, такимъ образомъ, предупредятся могущія оказаться разнорѣчія между протоколомъ слѣдствія и врача.....“ Эта статья крайне неловко уничтожаетъ установленное указанными разъясненіями Сената естественное различіе между протоколомъ судебного слѣдствія и врача; она превращаетъ слѣдователя во врача, требуя очевидно отъ перваго внесенія въ протоколъ различныхъ моментовъ техни-

¹⁾ Сводъ, выш. II, стр. 537, § 990.

ческаго характера, отнимая у врача ту почву, на которой зиждется его самостоятельность при слѣдствіи. Статьи 331, 342—343 уст. угол. суд. опредѣляютъ право присутствующихъ при медицинской экспертизѣ понятыхъ, а также и слѣдователя задавать вопросы врачу и обязанность этого послѣдняго отвѣчать на эти вопросы,¹ при чемъ сомнѣнія понятыхъ относительно объясненій врача записываются въ протоколъ. Такое положеніе вещей противорѣчить элементарнымъ требованіямъ экспертизы, при которой, по словамъ Девержи, „экспертъ долженъ закрыть уши и открыть глаза“. Присутствіе постороннихъ лицъ, а въ особенности совершенно къ дѣлу непрічастныхъ и въ большинствѣ случаевъ въ медицинѣ абсолютно невѣжественныхъ, право ихъ отрывать своими вопросами и замѣчаніями врача отъ работы, требующей полной сосредоточенности, не можетъ не отразиться вредно какъ на ходѣ экспертизы, такъ и на положеніи врача; будучи „хозяйномъ фактической стороны“ слѣдствія, слѣдователь, а тѣмъ болѣе понятые, должны предоставить хозяйничанье въ техническомъ отношеніи врачу.

Но на ряду съ указанными недостатками закона въ числѣ обстоятельствъ, обусловливающихъ неопредѣленность положенія врача-эксперта, нужно указать и на неустойчивость самой сенатской практики, которая колеблется между признаніемъ за врачами-экспертами роли помощниковъ судей, дополнителей технической стороны ихъ компетентности и отведеніемъ ихъ въ разрядъ простыхъ свидѣтелей. Такъ, по рѣшенію Угол. Кассац. Д.—та Правительствующаго Сената 1868 г. № 943 ¹) цѣль вызова экспертовъ не отличается существенно ничѣмъ отъ цѣли вызова свидѣтелей; послѣдніе должны сообщеніемъ того, что видѣли и слышали до суда, а эксперты—тѣхъ результатовъ, къ которымъ сами пришли, способствовать правильному рѣшенію дѣла. Такой же взглядъ высказывается тѣмъ же д.—томъ Правительствующаго Сената въ рѣшеніи 1874 г. № 439 ²), гдѣ устанавливается, что эксперты должны дать заключеніе по вопросу, непосредственно относящемуся къ данному случаю, стороны же не въ правѣ обобщать вопросъ и требовать отъ эксперта заключеній по предмету, выходящему изъ предѣловъ даннаго случая. Въ этомъ же рѣшеніи, впрочемъ, Сенатъ признаетъ, что значеніе эксперта на судѣ значительно разнится отъ значенія

¹) Сводъ, выпускъ II, стр. 495, § 940.

²) Сводъ, выпускъ II, стр. 496, § 946.

свидѣтелей тѣмъ, что свидѣтели не могутъ быть замѣняемы, тогда какъ эксперты—могутъ. Но это далеко не единственное различіе между экспертомъ и свидѣтелемъ: экспертъ, вызванный на судъ для предьявленія заключенія по встрѣчающимся въ дѣлѣ специальнымъ вопросамъ, допускается, по его требованію, къ обзорѣ дѣла во время приготовительныхъ къ суду распоряженій (Угол. Кассац. Дѣла Правительствующаго Сената рѣш. 1868 г. № 944) ¹⁾; если врачи, производившіе освидѣтельство на предварительномъ слѣдствіи, вызваны въ качествѣ свидѣтелей, то составленные ими на предварительномъ слѣдствіи акты отнюдь не могутъ быть читаемы; если же судъ дозволитъ такое прочтеніе, признавъ, такимъ образомъ, въ приглашенномъ врачѣ не свидѣтеля, а эксперта, то не можетъ возбранить предложеніе имъ сторонами вопросовъ, какъ экспертамъ. (Рѣшеніе Угол. Кассац. Дѣла Правительствующаго Сената 1870 г. № 1418) ²⁾.

Наконецъ, и порядокъ привлеченія свидѣтелей и экспертовъ къ отвѣтственности за неявки—не одинъ и тотъ же: въ то время, какъ свидѣтели, согласно 438 ст. уст. угол. суд., облагаются штрафомъ не выше 50 р. самимъ судебнымъ слѣдователемъ, а затѣмъ и приводятся на судъ,—эксперты могутъ быть привлечены къ отвѣтственности лишь въ общемъ порядкѣ, согласно 870 ст. улож. наказ. и 489—490 ст. уст. угол. суд., приравнивающихъ врача-эксперта, съ точки зрѣнія отвѣтственности, къ полицейскимъ чинамъ, принимающимъ участіе въ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ.

Все вышеизложенное показываетъ, въ какомъ направленіи должны быть переработаны соотвѣтствующія положенія устава врачебнаго для точнаго опредѣленія положенія врача-эксперта.

На ряду съ вопросомъ о врачахъ-экспертахъ, цѣлый рядъ другихъ, не менѣе существенныхъ, ждетъ своего разрѣшенія.

Въ Высочайше утвержденномъ 11 января 1877 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта ³⁾ о вознагражденіи свѣдущихъ людей, призываемыхъ въ судебныя учрежденія (Собр. узак. 1877 г. № 10, стр. 130) сказано: „призываемые въ судебныя установленія переводчики съ иностранныхъ языковъ и свѣдущіе люди, не исключая и врачей, когда сіи послѣдніе приглашаются къ слѣдствію или суду въ мѣстѣ ихъ пребыванія, получаютъ вознагражденіе за

¹⁾ Сводъ, выпускъ II, стр. 495, § 942.

²⁾ Сводъ, выпускъ II, стр. 496, § 944.

³⁾ Сводъ, выпускъ I, стр. 271, § 750.

ихъ трудъ „по правиламъ, опредѣленнымъ въ ст. 529—531, 860 и 862 уст. гражд. суд.“ (нынѣ ст. 978¹ уст. угол. суд.).

Разъясняя это мнѣніе Государственнаго Совѣта, Угол. Кассац. Д—тъ Правительствующаго Сената 7 іюня 1879 г. высказалъ рядъ крайне важныхъ по ихъ практическимъ послѣдствіямъ соображеній.

По мнѣнію Сената, врачи, призываемые къ слѣдствію въ качествѣ свѣдущихъ людей, подраздѣляются на два разряда: одни изъ нихъ принадлежатъ къ разряду должностныхъ лицъ, обязанныхъ явиться къ слѣдствію или суду по призыву судебныхъ установленій для совмѣстнаго съ ними исполненія въ силу закона служебныхъ обязанностей (ст. 336—337, 349, 353 и 355 уст. угол. суд.), другіе принадлежатъ къ разряду лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ не какъ должностныя лица, обязанныя исполнять лежащія на нихъ обязанности, а какъ лица частныя, для разъясненія какаго-либо относящагося къ ихъ специальности обстоятельства въ производящемся дѣлѣ (ст. 112, 325, 326, 578, 692—695 уст. угол. суд. и ст. 122, 515 уст. гражд. суд.).

Врачи первой категоріи вознагражденія за экспертизу ни въ какомъ случаѣ не получаютъ; если же ихъ вызываютъ внѣ мѣста ихъ постоянного пребыванія, то имъ выдаются прогоны и содержаніе въ дорогѣ, наравнѣ съ чиновниками, командируемыми по дѣламъ службы. Врачи второй категоріи, приглашаемые къ суду или слѣдствію въ мѣстѣ ихъ постоянного пребыванія,—получаютъ вознагражденіе по правиламъ, опредѣленнымъ въ 525, 530 и 860 ст. уст. гражд. суд.; если же ихъ приглашаютъ внѣ ихъ мѣста жительства, то вознагражденія имъ *не полагается никакого*, а лишь прогоны и содержаніе въ дорогѣ, какъ и врачамъ первой категоріи.

Въ этомъ крайне важномъ указѣ Правительствующаго Сената, воспроизведенномъ циркулярами Министра Внутреннихъ Дѣлъ по д—ту общ. дѣлъ 12 января 1890 г. за № 2 и циркуляромъ Министра Юстиціи 16 мая 1890 г. № 10308, есть нѣсколько постановленій, которыя мы и рассмотримъ отдѣльно.

Существуютъ ли въ законѣ указанныя Правительствующимъ Сенатомъ двѣ категоріи врачей, призываемыхъ къ суду и слѣдствію въ качествѣ экспертовъ? Врачебный уставъ этихъ категорій не знаетъ, ст. 1326 уст. врач. говоритъ: „врачъ, производящій судебное изслѣдованіе яко чиновникъ, долженствующій по сему предмету имѣть особенныя свѣдѣнія“...; глава III раз-

дѣла I-го уст. врач. говорить о медицинскихъ чинахъ, которыхъ она дѣлится на чиновъ, состоящихъ на службѣ (отд. 1-ый) и на врачей вольнопрактикующихъ (отд. 2-ой). Ст. 1318 указываетъ на то, что судебные врачи могутъ быть замѣнены вольнопрактикующими медицинскими чиновниками. . . . и т. д. Словомъ, для уст. врач. всѣ врачи безъ исключенія и безъ различія въ характерѣ ихъ дѣятельности—чиновники. Этотъ устарѣлый и крайне невыгодный для вольнопрактикующихъ врачей взглядъ строго проведенъ во всемъ уст. врач., а посему не можетъ дать никакихъ основаній для принятаго Сенатомъ дѣленія врачей на двѣ категоріи. Даютъ ли этому дѣленію основаніе уставы угол. и гражд. суд.?

Раздѣлъ II, отд. 1-го, гл. IV уст. угол. суд., озаглавленный „Осмотръ и освидѣтельствованіе черезъ свѣдущихъ людей *вообще*“, опредѣляетъ категоріи лицъ, которыхъ можно приглашать къ слѣдствію, „когда для точнаго разумѣнія встрѣчающагося въ дѣлѣ обстоятельства, необходимы спеціальныя свѣдѣнія или опытность въ наукѣ“. . . . (ст. 325); среди такихъ лицъ ст. 326 указываетъ и на врачей. Слѣдующій раздѣлъ (III-ій) того же отдѣл. выдѣляетъ въ особую группу постановленія объ „осмотрѣ и освидѣтствованіи черезъ врачей“, а IV-ый раздѣлъ спеціально опредѣляетъ правила для освидѣтствованія сумасшедшихъ и безумныхъ обвиняемыхъ; эти два послѣдніе раздѣла и опредѣляютъ 1-ую изъ указанныхъ Сенатомъ категорій экспертовъ—экспертовъ должностныхъ лицъ и выдѣленіе этихъ двухъ раздѣловъ изъ общаго II-го раздѣла служить, повидимому, основаніемъ принятаго Сенатомъ дѣленія. Таково ли однако значеніе этого выдѣленія? Какая разница въ правахъ и обязанностяхъ этихъ двухъ, выдѣленныхъ Сенатомъ категорій, и оправдываетъ ли эта разница и само выдѣленіе? При ближайшемъ разсмотрѣніи указанныхъ Сенатомъ статей, опредѣляющихъ отличительныя признаки этихъ категорій, никакой, абсолютно никакой разницы между ними усмотрѣть нельзя. И тѣ, и другіе врачи обязаны являться немедленно, по требованію судебного слѣдователя (ст. 328 уст. угол. суд.); и тѣ, и другіе отвѣчаютъ за неисполненіе требованій въ порядкѣ, указанномъ ст. 489, 490, 1218—1219 уст. угол. суд., ст. 13, прим. 2 уст. врач. и 874 ст. улож. наказ.; и тѣ, и другіе должны имѣть всѣ качества достовѣрныхъ свидѣтелей (ст. 327 уст. угол. суд.). Наконецъ и предметъ экспертизы можетъ быть однимъ и тѣмъ же, какъ видно изъ ст. 692 (отнесенной Сенатомъ

къ 2-ой категоріи), говорящей о „новомъ освидѣтельствovanіи или испытаніи“, при чемъ, если идетъ дѣло о безумныхъ или сумасшедшихъ, то соблюдаются правила ст. 353—355 (отнесенныхъ Сенатомъ къ 1-й категоріи). Далѣе и самъ Сенатъ, въ своей практикѣ, не выяснилъ, относятся ли вообще постановленія, заключающіяся въ раздѣлѣ II (ст. 325—335), и къ врачамъ, или же смыслъ раздѣла III и IV—именно таковъ, что врачи выдѣляются всегда въ особую группу, отличную отъ группы свѣдущихъ людей? Неустойчивость взглядовъ Сената въ этомъ отношеніи видна, напримѣръ, изъ того, что вопросъ о порядкѣ переэкспертизы или выясненія недоразумѣній при производствѣ экспертизы рѣшается Сенатомъ то въ смыслѣ 345 ст. уст. угол. суд., примѣняемой къ однимъ лишь врачамъ (рѣшеніе Общ. Собр. 1-го и Кас. Д-товъ Прав. Сен. 1886 г. № 17) ¹⁾, то въ смыслѣ 334 ст. уст. угол. суд., конечно, конкурентно съ 345 ст. (рѣш. Общ. Собр. 1-го и Кас. Д-товъ Прав. Сен. 1879 г. № 311 ²⁾) и ук. Общ. Собр. 1-го и Кас. Д-товъ Прав. Сен. 17 ноября 1883 г.) ³⁾.

Итакъ на первый вопросъ,—существуютъ ли въ законѣ (уст. врач. и уст. угол. суд.) достаточныя основанія для созданія двухъ категорій врачей-экспертовъ,—слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Но даже и при такомъ отвѣтѣ вопросъ о вознагражденіи врачамъ-экспертамъ остается мало выясненнымъ. Относительно права на прогону и содержаніе въ дорогѣ никакихъ неясностей нѣтъ: согласно ст. 978 уст. угол. суд., всѣ врачи, какъ вольнопрактикующіе, такъ и состоящіе на государственной службѣ, ихъ получаютъ, при чемъ для опредѣленія размѣра выдаваемыхъ вольнопрактикующимъ врачамъ суммъ принято врядъ-ли пригодное въ примѣненіи къ нимъ основаніе—классъ, соотвѣтствующій ихъ ученой степени. Что же касается до вознагражденія за экспертизу, то за отсутствіемъ законодательнаго опредѣленія логическое толкованіе ст. 978¹⁾ уст. угол. суд. требуетъ распространенія ея на врачей-экспертовъ, приглашаемыхъ внѣ мѣста ихъ пребыванія, такъ какъ немислимо допустить, чтобы законодатель считалъ рациональнымъ вознаграждать врачей, дѣлающихъ экспертизу въ мѣстѣ ихъ пребыванія, и лишать этого вознагражденія тѣхъ, ко-

¹⁾ Сводъ, выпускъ II, стр. 537, § 990.

²⁾ Сводъ, выпускъ II, стр. 9, § 40; также слѣд. § 41 (Цирк. Мин. Юстиціи 1881 г. № 21493).

³⁾ Сводъ, выпускъ II, стр. 494 § 939.

торые вынуждены выѣхать для экспертизы, подчасъ далеко отъ дома ихъ, а потому и теряющихъ гораздо больше времени и терпящихъ иной разъ существенный матеріальный вредъ. Размѣры вознагражденія опредѣляются согласно ст. 529—531, 861 и 862 уст. гражд. суд., т. е. судомъ, соображающимъ время, потерянное врачомъ, трудъ имъ понесенный и т. д. Такая система опредѣленія вознагражденія врядъ-ли удобна: она стѣснительна и для врача, самолюбіе котораго можетъ страдать отъ возможности нежеланія судьи признать справедливымъ указанный врачомъ размѣръ вознагражденія, она стѣснительна и для судьи, такъ какъ не даетъ ему никакихъ твердыхъ основаній для руководства; всѣ эти неудобства устраняются легко устанавливаемой закономъ, какъ это дѣлается на Западѣ, такою, при чемъ, конечно, возможно предоставить судѣ известную свободу въ опредѣленіи добавочнаго вознагражденія за издержки, понесенныя при выполненіи врачомъ даннаго ему судомъ порученія.

Этимъ вопросомъ не исчерпывается задача будущихъ кодификаторовъ въ области судебной медицины: въ ней многое нужно радикально измѣнить, а еще больше—создать.

Въ области врачебной этики—дѣло обстоитъ не лучше, чѣмъ въ области судебной медицины: большинство законоположеній, регулирующихъ трудныя задачи этой области,—старо и врядъ-ли отвѣчаетъ запросамъ современной жизни. Изъ всѣхъ возникающихъ въ этой области вопросовъ мы укажемъ лишь на одинъ, давно наболѣвшій—вопросъ о медицинскомъ гонорарѣ. Мы бы, конечно, не рѣшились извлечь изъ архивной пыли постановленія Петровскихъ временъ о томъ, что „за кровопусканіе рожками, за каждый—по 3 коп.; за принужденіе пѣвицъ, за каждую по 6 коп....“—„лекаръ за посѣщеніе въ городѣ, съ прописаніемъ и безъ прописанія рецепта, да пріемлетъ 15 к.“ (ст. 149 п. 3 и 2), если бы еще и теперь не приходилось считаться съ ними, какъ это можно заключить изъ разъясненія Правительствующаго Сената по 1-му Д-ту 1892 г. № 6213 ¹⁾ по жалобѣ Т—аго Г—ра, нашедшаго, что Т—ое земство, обязавъ своихъ врачей не брать съ *имущихъ* болѣе 1 р. за визитъ, нарушило ст. 149 уст. врач! Хотя такое обращеніе къ архаической пыли и является исключитель-

¹⁾ Сводъ, выпускъ I, стр. 292, § 785.

нымъ, не подлежитъ сомнѣнію, что ст. 149—152 уст. врач. должны исчезнуть; врачебный гонораръ врядъ-ли подлежитъ законодательной нормировкѣ—стоя въ зависимости отъ массы сложныхъ экономическихъ и соціальныхъ причинъ, онъ ими и регулируется.

Мы кончили нашъ бѣглый обзоръ давно назрѣвшихъ и ждущихъ удовлетворительнаго разрѣшенія жгучихъ вопросовъ медицинской жизни; благодаря работѣ медицинскаго департамента всѣ эти вопросы получили особенный рельефъ, стали легко доступными и тѣмъ самымъ на половину подготовленными къ ихъ разрѣшенію; остается пожелать, чтобы и кодификаціонная работа медицинскаго департамента была такъ же удачна, какъ и предварительная.

М. С. Маргулесъ.

II. Мартыновъ.—Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. Систематическій сборникъ историческихъ свѣдѣній о г. Симбирскѣ. Изданіе Симбирской губернской ученой архивной комисіи. Симбирскъ. 1898 г. Стр. VII+400+V.

Книга эта издана по случаю исполнившагося осенью прошлаго года и торжественно отпразднованнаго юбилея 250-лѣтія города Симбирска, основаннаго въ 1648 г., въ царствованіе Алексѣя Михайловича, окольникимъ Хитрово. Авторъ ея—уѣздный членъ Симбирскаго окружнаго суда по Симбирскому уѣзду,—какъ видно изъ предисловія, принявъ на себя трудъ представить прошлое и настоящее г. Симбирска, не задавался никакими научными цѣлями и желалъ единственно собрать возможно болѣе свѣдѣній о г. Симбирскѣ, исторія котораго до сихъ поръ въ свѣтъ не выходило, и, объединивъ эти свѣдѣнія въ одно цѣлое, изложить ихъ въ извѣстной системѣ. При этомъ г. Мартыновъ жалуется, что большимъ препятствіемъ къ успѣшному приведенію въ исполненіе задуманнаго имъ послужило уничтоженіе всѣхъ городскихъ архивовъ пожаромъ 1864 г., истребившимъ почти весь г. Симбирскъ, вслѣдствіе чего свѣдѣнія, заключающіяся въ прежнихъ изданіяхъ, касавшихся историческаго прошлаго этого города, пришлось искать и собирать у частныхъ лицъ; поиски эти не всегда были успѣшны, почему въ результатѣ получились свѣдѣнія и отрывочныя, и не-

достаточныя; кромѣ того работа автора была затруднена тѣмъ, что по ограниченности времени и служебнымъ обязанностямъ онъ долженъ былъ работать исключительно на мѣстѣ, въ Симбирскѣ, и лишенъ былъ возможности пользоваться столичными книгохранилищами или библіотеками университетскихъ городовъ.

Несмотря, однако, на такія неблагопріятныя обстоятельства, книга г. Мартынова содержитъ много подробныхъ и небезинтересныхъ свѣдѣній. Онъ излагаетъ прежде всего исторію города и всего Симбирскаго края, при чемъ самымъ крупнымъ фактомъ является полное пораженіе знаменитаго разбойника конца XVII вѣка Стеньки Разина, осаждавшаго Симбирскъ, пораженіе, положившее конецъ постояннымъ до того успѣхамъ Разина (стр. 18—22). Затѣмъ идетъ географическое описаніе г. Симбирска, живописно расположеннаго на нагорномъ берегу Волги, внѣшняго вида города и его окрестностей, съ исчисленіемъ количества жителей, которыхъ нынѣ оказывается около 40¹/₂ тысячъ, опредѣленіемъ ихъ состава, и подробными данными относительно отдѣльныхъ частей города, его площадей, общественныхъ садовъ, бульваровъ, водныхъ пространствъ, улицъ, казенныхъ и общественныхъ зданій и пр. Самой главною достопримѣчательностью г. Симбирска является, безспорно, памятникъ знаменитаго историка Карамзина, уроженца Симбирскаго уѣзда ¹⁾, открытый въ 1845 г. Интересно, что памятникъ этотъ, изображающій, главнымъ образомъ, музу Клію, оказывается совершенно непонятнымъ не только народу, но и большинству людей грамотныхъ: простой народъ, не имѣя, конечно, понятія о музѣ Клію, считаетъ статую ея изображеніемъ жены покойнаго историка, и вообще, благодаря этой статуѣ, весь памятникъ извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ: „чугунной бабы“ (стр. 82).

Слѣдующая часть книги посвящена изложенію обстоятельныхъ данныхъ о духовномъ управленіи Симбирска, состояніи народнаго образованія, о вспомогательныхъ средствахъ къ народному образованію, какъ то: театрѣ, библіотекахъ, народныхъ чтеніяхъ, періодическихъ изданіяхъ, типографіяхъ, ученыхъ обществахъ и т. д., о благотворительныхъ обществахъ и заведеніяхъ, о торгово-промышленномъ значеніи, о городскомъ хозяйствѣ и объ общественной жизни. При этомъ авторъ горячо оспариваетъ установившееся за

¹⁾ Изъ уроженцевъ Симбирскихъ, пользующихся общею извѣстностью, можно еще назвать писателей Дмитріева, Языкова, Гончарова, Минаева и др.

Симбирскомъ, съ легкой руки М. Ю. Лермонтова, мнѣніе какъ о городѣ сонномъ. Въ дѣйствительности же, по словамъ г. Мартынова, Симбирскъ по оживленію и по разнообразію общественной жизни нисколько не уступаетъ большинству провинціальныхъ губернскихъ городовъ, что доказывается существованіемъ и дѣятельностью дѣлаго ряда обществъ и учрежденій ученыхъ, учебныхъ и благотворительныхъ, а равно разнообразнаго спорта (стр. 331—332). Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что въ Симбирскѣ имѣется губернская ученая архивная коммисія, общество сельскаго хозяйства, 14 благотворительныхъ обществъ, 9 ссудо-сберегательныхъ кассъ, 32 среднихъ и низшихъ учебныхъ заведенія, 5 обществъ спорта и т. д. Прибавимъ еще, что въ Симбирскѣ есть 3 періодическихъ изданія—Губернскія Вѣдомости, Епархіальныя Вѣдомости и Вѣстникъ Симбирскаго Земства, съ приложеніемъ Врачебно-Санитарнаго Листка, при чемъ неофициальная часть Губернскихъ Вѣдомостей выдѣлена въ самостоятельную газету, съ отдѣльною отъ официальной части подпискою (стр. 207—211), и что въ торговомъ отношеніи Симбирскъ имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, лишь какъ центръ торговаго движенія въ губерніи, но въ будущемъ есть надежда на значительное развитіе торговли съ проведеніемъ желѣзной дороги (стр. 259).

Изъ числа Симбирскихъ учрежденій отмѣтимъ особо два: исправительно-воспитательный пріютъ для несовершеннолѣтнихъ и ссудо-сберегательную кассу при окружномъ судѣ. Въ 1875 г. въ Симбирскѣ образовалось по инициативѣ бывшихъ товарища председателя окружнаго суда А. П. Муравьева и члена суда К. Н. Кузьмина „Общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ“ съ широкою задачею содѣйствовать улучшенію участи несовершеннолѣтнихъ, какъ преступныхъ и порочныхъ, такъ и вообще живущихъ въ условіяхъ, способствующихъ развитію порока и преступленія. Въ 1880 г. Общество открыло „воспитательно-исправительную земледѣльческую колонію“ на 50 питомцевъ, съ двумя мастерскими—сапожной и столярной; но, по недостатку средствъ, Общество въ 1890 г. прекратило свое существованіе, передавъ колонію въ вѣдѣніе губернскаго тюремнаго комитета, который переименовалъ ее въ исправительный пріютъ, устроилъ при немъ школу садоводства и огородничества (черезъ 3 года школа эта закрылась, не принеся пользы) и разрѣшилъ принимать въ пріютъ на свободныя вакансіи дѣтей нищихъ, сиротъ и арестантовъ. Къ 1 января 1898 г. въ пріютѣ содержалось 38 питомцевъ, изъ которыхъ 33 поступили по приговорамъ суда—исключительно за

кражи,—а 5 приняты по ходатайствамъ родственниковъ и опекуновъ, какъ дѣти, которымъ грозитъ опасность впасть въ преступленіе (стр. 250—252). Ссудо-сберегательная касса при Симбирскомъ окружномъ судѣ существуетъ съ 1887 г. Участниками ея могутъ быть всѣ служащіе въ этомъ судѣ, въ томъ числѣ и писцы, кандидаты на судебныя должности, присяжные и частные повѣренные и нотариусы. Каждый участникъ обязанъ вносить въ кассу ежемѣсячно опредѣленную заранѣе часть получаемого имъ полнаго оклада годоваго содержанія (не менѣе 1%), при чемъ обязательность взносовъ прекращается по образованіи суммы, равной полугодовому содержанію члена кассы. Размѣръ обязательнаго взноса для лицъ, не получающихъ содержанія, опредѣляется особымъ порядкомъ. Членъ кассы можетъ получить ссуду на срокъ не далѣе 10 мѣсяцевъ и въ размѣрѣ, не превышающемъ свободнаго его капитала, образовавшагося изъ ежемѣсячныхъ обязательныхъ взносовъ, въ совокупности съ мѣсячнымъ его содержаніемъ. Эта касса дѣйствуетъ успѣшнѣе всѣхъ другихъ подобныхъ кассъ, существующихъ въ Симбирскѣ, что, конечно, дѣлаетъ немалую честь мѣстнымъ судебнымъ чинамъ. Въ 1897 г. въ ней было 80 участниковъ и, при капиталѣ въ 7516 руб., обороты ея составили сумму въ 24.889 р. 20 к. (стр. 287).

Что касается собственно положенія судебной части въ гор. Симбирскѣ, то по этому предмету въ книгѣ г. Мартынова нѣтъ вовсе особой рубрики и вообще свѣдѣнія, приводимыя о мѣстныхъ судебныхъ установленіяхъ, черезчуръ кратки. Въ главѣ о казенныхъ и общественныхъ зданіяхъ упоминается и помѣщеніе окружнаго суда, занимаемое въ частномъ домѣ, и по этому поводу авторъ сообщаетъ, что вопросъ объ открытіи окружнаго суда въ Симбирскѣ былъ рѣшенъ въ принципѣ еще въ началѣ 60-хъ годовъ, но, въ виду затруднительности подыскать для него помѣщеніе послѣ пожара 1864 г., судъ открытъ только 15 ноября 1870 г. первымъ старшимъ предсѣдателемъ Казанской судебной палаты, сенаторомъ княземъ М. Н. Шаховскимъ (приводится и первый составъ суда). Тутъ же г. Мартыновъ указываетъ, что Симбирскъ въ судебномъ отношеніи составляетъ отдѣльный слѣдственный участокъ, находящійся въ вѣдѣніи судебного слѣдователя по городу Симбирску, и раздѣленъ на три городскихъ судебныхъ участка, находящихся въ вѣдѣніи трехъ городскихъ судей и почти совпадающихъ, по своимъ границамъ, съ тремя полицейскими частями города (стр. 90—91). Далѣе, при описаніи земскаго дома говорится, что

Жур. Мин. Юст. Іюнь 1899.

въ немъ помѣщался съѣздъ мировыхъ судей, открытый 30 апрѣля 1869 г. и послѣ 21 года успѣшнаго существованія уступившій въ 1890 г. мѣсто уѣздному съѣзду, и исчисляется первый составъ обоихъ съѣздовъ (стр. 91—92). Этимъ и ограничиваются данныя, касающіяся судебной части. Соответственно общей сравнительной полнотѣ изложенія было бы желательно, чтобы были приведены подробныя свѣдѣнія хотя-бы о количествѣ наличнаго судебного персонала и особенно о количествѣ судебныхъ дѣлъ и распределеніи ихъ по родамъ, что вообще замѣтнымъ образомъ дополнило бы даваемую авторомъ характеристику Симбирской жизни.

Къ книгѣ г. Мартынова имѣются довольно обширныя приложенія, содержащія въ себѣ, главнымъ образомъ тексты различныхъ актовъ, касающихся исторіи Симбирска, списки Симбирскихъ воеводъ, комендантовъ, намѣстниковъ, генераль-губернаторовъ, губернаторовъ, предводителей дворянства, городскихъ головъ и полиціймейстеровъ, наименованія всѣхъ улицъ и переулковъ, свѣдѣнія объ оборотахъ Симбирской сборной ярмарки и мѣстныхъ банковъ, о городскихъ доходахъ и расходахъ и т. д. Книга снабжена, кромѣ того, планами и прекрасно выполненными иллюстраціями и вообще издана довольно изящно.

М.

Сборникъ законовъ, распоряженій и свѣдѣній для руководства при размежеваніи башкирскихъ дачъ. Составленъ по распоряженію Господина Министра Юстиціи, Статсъ Секретаря Н. В. Муравьева: С. Д. Рудинимъ (Управляющимъ Канцеляріей Управляющаго Межевою Частью), С. А. Плавскимъ (Членомъ отъ Министерства Юстиціи Уфимской Межевой Коммисіи) и Б. Н. Хавскимъ (Младшимъ Ревизоромъ при Управленіи Межевою Частью). Изданіе Министерства Юстиціи, по Управленію Межевою Частью. С.-Петербургъ. 1899 г.

Появленіе означеннаго сборника весьма своевременно. Нынѣшнимъ лѣтомъ начаты обширныя работы въ районѣ Уфимской, Оренбургской, Пермской, Вятской и Самарской губерній по размежеванію башкирскихъ дачъ на основаніи закона 20 апрѣля 1898 года. Этимъ закономъ, инициатива и разработка котораго принадлежитъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, для продолженія размежеванія башкирскихъ дачъ въ упомянутыхъ губерніяхъ, учреждены въ вѣдомствѣ Министерства Юстиціи межевыя комми-

си: Уфимская, Оренбургская и Пермская, въ составѣ предсѣдатель изъ межевыхъ чиновъ и членовъ отъ Министерствъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ и отъ межеваго вѣдомства. Въ распоряженіе комиссій командировается необходимое число землемѣровъ по распоряженію Управляющаго Межевою Частью, которому принадлежитъ и высшій надзоръ за направлениемъ работъ комиссій. На комиссіи возлагается: а) окончаніе поземельнаго устройства башкиръ-вотчинниковъ и ихъ припущенниковъ, а равно проживающихъ на башкирскихъ дачахъ князей, мурзь, купцовъ, мѣщанъ и поселенцевъ Уфимской губерніи; б) раздѣлъ башкирскихъ вотчинныхъ земель между селеніями и обществами; в) разрѣшеніе споровъ о границахъ, которые возникли вслѣдствіе представленія припущенниками на право владѣнія землею крѣпостныхъ актовъ безъ означенія мѣры по однимъ урочищамъ; г) приведеніе въ извѣстность границъ, отдѣляющихъ земли частныхъ собственниковъ отъ башкирскихъ вотчинныхъ земель, съ разрѣшеніемъ могущихъ возникнуть при этомъ споровъ о границахъ, и д) утвержденіе на будущее время безспорности границъ владѣній въ башкирскихъ дачахъ постановленіемъ межевыхъ знаковъ и выдачею владѣльцамъ межевыхъ актовъ.

Закономъ 20 апрѣля 1898 года и начинается сборникъ (1—15 страницы). Этотъ законъ не отмѣнилъ, однако, всѣхъ дѣйствовавшихъ относительно размежеванія башкирскихъ земель законоположеній. Напротивъ, новый законъ предписываетъ примѣненіе въ весьма многихъ случаяхъ какъ существующихъ для башкирскаго межеванія узаконеній, такъ и общихъ межевыхъ законовъ и нѣкоторыхъ другихъ статей дѣйствующаго законодательства. Поэтому остальные 165 страницъ сборника содержатъ обширный справочный матеріалъ, необходимый для межевыхъ комиссій, ихъ членовъ и землемѣровъ, какъ руководство при предстоящей имъ работѣ, избавляющее ихъ отъ трудныхъ и подчасъ невозможныхъ, въ особенности при работѣ на мѣстахъ, справокъ съ различными законами и распоряженіями Правительства. Сюда входятъ: а) законы, на которые сдѣланы ссылки въ положеніи 20 апрѣля 1898 года, б) выписки изъ опредѣленій Правительствующаго Сената, касающихся межеванія башкирскихъ земель, в) правила Оренбургскаго Генералъ-Губернатора для размежеванія башкирскихъ дачъ 4 августа 1878 года, г) выписки изъ постановленій Уфимскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія по вопросамъ межеванія башкирскихъ дачъ, д) краткія свѣдѣнія о

башкирскомъ землевладѣніи и, наконецъ, е) временная инструкція Министра Юстиціи межевымъ комиссіямъ по размежеванію башкирскихъ дачъ 4 декабря 1898 года, съ приложеніями къ ней.

Особенною полнотою отличается самый существенный изъ перечисленныхъ отдѣловъ сборника: законовъ, на которые сдѣланы ссылки въ положеніи 20 апрѣля 1898 года. Пользующійся имъ найдетъ здѣсь извлеченія изъ общаго положенія о крестьянахъ, положенія о выкупѣ, о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, положенія о башкирахъ и т. д. Для удобства пользованія, въ сборникѣ приняты разные шрифты: крупнымъ шрифтомъ напечатанъ текстъ законовъ, среднимъ—приложеній и мелкимъ—примѣчаній. Съ тою же цѣлью внизу каждой страницы сдѣланы краткіе заголовки, относящіеся къ тексту страницы.

Очень интересна помѣщенная въ сборникѣ статья: краткія свѣдѣнія о башкирскомъ землевладѣніи, знакомящая читателя съ исторіей этого землевладѣнія и съ настоящимъ его состояніемъ. Матеріаломъ для указанной статьи послужилъ отчетъ тайнаго совѣтника Н. П. Долгово-Сабурова, который, въ бытность свою Управляющимъ Земскимъ Отдѣломъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на мѣстѣ подробно ознакомился какъ съ условіями землевладѣнія въ башкирскихъ дачахъ, такъ и съ хозяйственнымъ положеніемъ крестьянскихъ поселеній на башкирскихъ земляхъ.

Слѣдуетъ также обратить вниманіе на помѣщенную въ концѣ сборника временную инструкцію межевымъ комиссіямъ по размежеванію башкирскихъ дачъ, утвержденную Министромъ Юстиціи 4 декабря 1898 года. Составленная на основаніи работъ совѣщанія изъ мѣстныхъ дѣятелей по башкирскому размежеванію подъ предсѣдательствомъ ѣздившаго въ Уфу Управляющаго Межевою Частью, означенная инструкція подробно опредѣляетъ порядокъ работъ межевыхъ комиссій, ихъ членовъ и землемѣровъ. Въ приложеніи къ инструкціи помѣщены законы межевые и гражданскаго судопроизводства, на которые въ ней сдѣланы ссылки.

Можно надѣяться, что сборникъ, разосланный, вѣстаети сказать, въ значительномъ числѣ экземпляровъ во всѣ соответствующія мѣстныя учрежденія, составитъ хорошее пособіе лицамъ, призваннымъ къ работѣ по размежеванію башкирскихъ дачъ, и тѣмъ сослужить полезную службу предпринятому Правительствомъ важному и сложному дѣлу правильнаго устройства башкирскаго землевладѣнія.

СП6ГД

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ

(ГОДЪ ПЯТЫЙ)

въ 1899 году выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ Іюля и Августа, книгами около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1899 г.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. За-границу 10 рублей. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложений по 1 рублю, съ приложениями—по 2 руб.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставшіяся при Университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ Училища Правовѣднія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платять,—при подпискѣ въ Главной конторѣ,—по 5 рублей въ годъ.

За перемѣну адреса уплачивается 1 рубль.

главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПбургъ, Васильевскій островъ, 5 линия, д. 28.

Отдѣленія конторы въ книжныхъ магазинахъ:

Въ СПбургѣ: 1) Н. К. Мартынова, Невскій пр. угол. Б. Садовой № 50—15. 2) И. П. Анисимова, рядомъ съ Публичной Библиотекой; 3) «Новое Время» А. С. Суворина, Невскій 38; 4) Общество французской книжной торговли, бывш. Мелье, преемникъ А. Ф. Цинзерлингъ, Невскій пр. 20; 5) Магазины Юридической Литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій пр. 59; 6) Книжный магазинъ «Издатель» Невскій 68/40; 7) Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова, Литейный пр. 46.

Въ Москвѣ: 1) И. П. Анисимова, Никольская улица, домъ Законодательскаго монастыря; 2) Книжный магазинъ Русской Мысли, Б. Никитская.

Въ Бѣевѣ: 1) Н. Я. Отлоблина, Крещатики 33; 2) И. А. Розова, Крещатики, домъ Марръ.

Въ Варшавѣ: 1) Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 67; 2) въ „С.-Петербургскомъ Книжномъ складѣ“, Новый Свѣтъ, 24.

Въ Одессѣ: 1) И. А. Розова, Дерибасовская, противъ сада; 2) Е. П. Рослопова, Дерибасовская, домъ Веде.

Въ Харьковѣ: Ф. А. Югансона, Московская, домъ Коптьева.

Въ Казани: 1) Бр. Башмаковыхъ, Городской Пассажи; 2) А. А. Дубровина, Гостиный дворъ № 1.

Въ Перми: О. П. Петровской, Сибирская, домъ Евренновой.

Въ Тифлисѣ: Центральная книжная торговля.

Въ Томскѣ и Иркутскѣ: Сибирскій книжный магазинъ Макушина.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ Главной Конторѣ по расчету 30 коп. за строчку и 8 руб. за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской ул., въ зданіи Министерства Юстиціи. Рукописи должны быть направляемы въ редакцію.

Редакторъ В. Дерюжинскій.

СП6ГД

С176ГД

СПбГУ

00053825

ЮФ СПбГУ

